Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Амурский государственный университет»

Фольклорно-диалектологический альманах

СЛОВО

Материалы научных экспедиций

Выпуск 17

ВЕРА В СЛОВЕ

Памяти Леонида Леонидовича Касаткина

Благовещенск
2021

ББК 81.2Рус – 67/82
УДК 81.05+82.3(2)
С48

Печатается
по решению ученого совета Амурского государственного университета

С48 **Слово:** Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 17. Вера в слове: памяти Л. Л. Касаткина / Под ред. Архиповой Н. Г., Оглезневой Е. А. – Благовещенск: АмГУ, 2021. – 214 с.

Основан в 2003 году.

Издание входит в базу данных РИНЦ

doi 10.22250/WFDA.2021.17

Выпуск содержит результаты научных исследований современных русских говоров, систематизированные в разделах «Речевые портреты», «Речевые жанры», «Язык фольклора», «Публицистика». Материалы перечисленных разделов объединены темой «Вера в слове» и посвящены памяти выдающегося ученого-диалектолога Л. Л. Касаткина. В разделе «Современные лингвистические исследования» представлены научные статьи, актуальные для изучения языкового своеобразия российских регионов. Выпуск альманаха представляет интерес для лингвистов, фольклористов, историков, этнографов, краеведов. К альманаху прилагаются фотоматериалы, иллюстрирующие его основную тему.

Редакторы: Оглезнева Е. А., д-р филол. наук (РФ, Томский государственный архитектурно-строительный университет)
Архипова Н. Г., канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Техническая редакция и фотовставка: Оглезнева Е. А., Павлова Д. Н.

В оформлении обложки использована фотография Владимира Межова

ISBN 978-5-93493-373-0

© Амурский государственный университет, 2021
© Коллектив авторов, 2021

С О Д Е Р Ж А Н И Е

От редакторов…… 7
Оглезнева Е. А. Памяти Леонида Леонидовича Касаткина …….... 10

Современные лингвистические исследования

Нефедова Е. А. (Москва) Феномен веры в традиционной народной культуре……. 13
Архипова Н. Г. (Благовещенск) Формирование концепта *родина* в языковом сознании русских старообрядцев из Латинской Америки……. 19
Старыгина Г. М., Кунгушева И. А. (Благовещенск) Газета «Благовещенские епархиальные ведомости» как источник изучения амурских экклезионимов…… 31
Иващенко Е. Г. (Благовещенск) Антирелигиозная пропаганда в 1922-1926 гг. (на примере газеты «Амурская правда»)……..... 36
Пляскина Е. И. (Чита) Слово *гуран* в сибирских говорах: история, семантика, функционирование……. 43
Куроедова М. А., Архипова Н. Г. (Благовещенск) Лексические средства выражения личностного начала в очерках В. Пескова: концепты «радость» и печаль»…… 55

Русское восточное зарубежье

Оглезнева Е. А. (Томск) Рассказы последних русских харбинцев о Николае Чудотворце: особенности жанровой реализации рассказа о чуде…… 66
Приложение. Рассказы последних русских харбинцев о Николае Чудотворце
Рассказ 1. *Заика Н. Н. Рассказ о чудесном исцелении*…….... 76
Рассказ 2. *Хан В. П. Рассказ о чудесном спасении на воде 1*…….... 77
Рассказ 3. *Хан В. П. Рассказ о чудесном спасении на воде 2*…….... 78
Рассказ 4. *Хан В. П. Рассказ о чудесном нахождении картины*…….... 80
Рассказ 5. *Никифорова Е. А. Рассказ о помощи в нахождении дороги*…….... 82
Белозубова Н. И. (Благовещенск) Слово о вере в публицистике и поэзии дальневосточного русского зарубежья……. 84
Лаврина А. С. (Томск) Рассказы представителей австралийской ветви русской восточной эмиграции о былом и настоящем: тематическое и лексическое своеобразие (на материале интервью с З. Н. Кожевниковой)……. 93

История края. Избранное

Павлова Д. Н. (Благовещенск) Святитель Иннокентий и Амурский край……. 100
Иннокентий (Вениаминов) Нечто об Амуре (1856 г.)…….. 104

Речевые жанры

Лагута Н. В. (Благовещенск) История села Иннокентьевка Архаринского района Амурской области в документах и рассказах старожилов …….. 112
О селе Иннокентьевка Архаринского района (по материалам школьного музея с. Иннокентьевка и администрации Архаринского района)
История села Иннокентьевка…….... 115
Биография уроженца села…….... 117
Письмо школьникам села Иннокентьевка…….... 118
Из рассказов жителей села
«В Иннокентьевке село было, конечно, богатое, красивое, хорошее»…….... 119
«Сто сорок пять лет селу было, вместе с Благовещенском»…….... 120
«Да тут всякие были. И казаки были у нас, и такие были»…….... 123
«В то время не считали, что это грех»……. 125
«Все-таки чё-то есть. Бог, не Бог, а чё-то…»……. 125
«Коммуна замуж вышла за колхоз!»…….... 127

«Вот раньше Китай какой был?!»…….. 127
«А я завтра поймаю его, вот такого калужонка!»……. 128
«Мы лошадей пофамильно знали»……. 129
«Наводнение было большое, на Хребтик вывозили меня в люльке»…….. 129
«Кто откуда знал, что там мина будет»……. 130

Речевые портреты

Майоров А. П. (Улан-Удэ) Речевое портретирование региональной языковой личности XVIII в……... 132
Пустовалов О. В. (Томск) Речевой портрет матушки Анны, супруги православного священника в современном китайском Трехречье……... 146

Словарь

Р *Сост. Старыгина Г. М.* (Благовещенск)…… 154

Язык фольклора

Архипова Н. Г., Куроедова М. А. Песенники старообрядцев зарубежья: жанрово-тематическое и языковое своеобразие……... 166
Старинные свадебные песни……... 171
Лирические песни…… 180
Городские романсы……... 184
Сиротские песни…….. 189
Тюремные песни…….. 190
Солдатские и военные песни…….. 191
Авторские песни …….. 192
Шуточные песни…….. 195
Частушки…….. 197

Публицистическая страница

Головчанская Л. А. (Благовещенск) Ураловские семейские……..…… 202
Климычева Ю. Б. (Томск) Война колоколам…… 205

Историческая справка о селах…… 208
Краткие сведения об информантах ……... 208
Авторы……. 209

CONTENTS

From the editors…… 7
Oglezneva E. A. In memory of Leonid Leonidovich Kasatkin …….... 10

Contemporary linguistic research

Nefedova E. A. (Moscow) The phenomenon of faith in traditional folk culture…….. 13
Arkhipova N. G. (Blagoveshchensk) The formation of the concept of homeland in the linguistic consciousness of Russian Old Believers from Latin America…….. 19
Starygina G. M., Kungusheva I. A. (Blagoveshchensk) Newspaper «Blagoveshchensk Diocesan Gazette» as a source of study of Amur ecclesionyms……..... 31
Ivashchenko E. G. (Blagoveshchensk) Anti - religious propaganda in 1922-1926 (using the example of the newspaper «Amurskaya Pravda»)…… 36
Plyaskina E. I. (Chita) The word guran in Siberian dialects: history, semantics, functioning…. 43
Kuroedova M. A., Arkhipova N. G. (Blagoveshchensk) Lexical means of expressing the personal principle in V. Peskov's essays: concepts of «joy» and «sadness»…….. 55

Russian Eastern Abroad

Oglezneva E. A. (Tomsk) Stories of the last Russian residents of Harbin about Nicholas the Ugodnik: features of the genre realization of the miracle story……. 66
Application. Stories of the last Russian residents of Harbin about Nicholas the Ugodnik
Story 1 Zaika N. N. The story of miraculous healing…….... 76
Story 2 Khan V. P. The story of a miraculous rescue on the water 1…….. 77
Story 3 Khan V. P. The story of a miraculous rescue on the water 2……..... 78
Story 4 Khan V. P. The story of the miraculous finding of the painting……. 80
Story 5 Nikiforova E. A. The story about help in finding the road……..... 82
Belozubova N. I. (Blagoveshchensk) A word about faith in journalism and poetry of the Far Eastern Russian abroad…….. 84
Lavrina A. S. (Tomsk) Stories of representatives of the Australian branch of the Russian Eastern emigration about the past and the present: thematic and lexical originality (based on an interview with Z. N. Kozhevnikova)……. 93

History of the region. Favourites

Pavlova D. N. (Blagoveshchensk) St. Innocent and the Amur Region……..... 100
Innokenty (Veniaminov) Something about Cupid (1856)……. 104

Speech genres

Laguta N. V. (Blagoveshchensk) The history of the village Innokentievka of the Arkharinsky district of the Amur region in documents and stories of old-timers……. 112
About the village of Innokentievka of the Arkharinsky district (based on the materials of the school museum Innokentievka village and the administration of the Arkharinsky district)
History of Innokentievka village……..... 115
Biography of a native of the village……. 117
Letter to schoolchildren of Innokentievka village……. 118
From the stories of the villagers……..... 119

Speech portraits

Mayorov A. P. (Ulan-Ude) Speech portraiture of a regional linguistic personality of the XVIII century……... 132

Pustovalov O. V. (Tomsk) Speech portrait of Mother Anna, the wife of an Orthodox priest in the modern Chinese Three Rivers……..... 146

Dictionary

R *Comp. Starygina G. M.* (Blagoveshchensk)……... 154

The language of folklore

Arkhipova N. G., Kuroedova M. A. Songbooks of the Old Believers abroad: genre-thematic and linguistic originality…… 166

Vintage Wedding Songs……..... 171

Lyrical songs……. 180

Urban romances……. 184

Orphan Songs……. 189

Prison Songs…….. 190

Soldiers' and military songs……... 191

Author's song ……..... 192

Comic songs…….. 195

Ditties……. 197

Journalistic page

Golovchanskaya L. A. (Blagoveshchensk) Ural Old Believers……..……... 202

Klimycheva Yu. (Tomsk) The War of the Bells……. 205

References to the history of villages……... 208

Brief data about the informants……. 208

The authors…….. 209

ОТ РЕДАКТОРОВ

Выпуск альманах посвящен памяти выдающегося диалектолога, уникального человека Леонида Леонидовича Касаткина. Его не стало осенью 2020 г. Все понимаешь: нездоровье, возраст, но эти аргументы не убеждают. Ощущение сиротства. Слова «был» и «ушел» тоже неуместны, потому что он «не был» и «не ушел». Человек-эпоха и человек-мерило. Человек, который раздвигал горизонты и заставлял верить в себя и свое дело, щедро делился тем, что знал и умел, рядом с которым было робко и гордо.

Хотим присоединиться к словам Татьяны Алексеевны Демешкиной, профессора Национального исследовательского Томского государственного университета, заведующей кафедрой русского языка – крупного центра по изучению русских народных говоров Приобья: «Ушла целая эпоха в диалектологии, яркая личность, талантливый организатор, неутомимый собиратель, бесконечно преданный народному русскому слову и науке о слове человек. Мы, представители региональных вузов, благодарны ему за умение объединять диалектологов всей России, поддерживать их, что проявлялось не только в проведении конференций, но и в том, что в трудные годы Л. Л. Касаткин смог обеспечить финансовую поддержку участникам конференций, которых он потом приглашал к публикациям. Благодаря этому, мы могли узнавать, чем занимаются наши коллеги из других диалектологических центров, со многими подружиться и сохранить добрые отношения. Думаю, что лучшей памятью о Л. Л. Касаткине будет продолжение дела, которому он служил».

Тема выпуска «ВЕРА В СЛОВЕ» определена не случайно.

В последнее время Леонид Леонидович занимался вопросами старообрядчества, изучал говоры, концентрировал вокруг себя исследователей старообрядчества. Л. Л. Касаткин руководил Комиссией по исследованию старообрядчества при Международном комитете славистов и Центром по изучению старообрядчества в Институте русского языка РАН им. В. В. Виноградова. Вопросами языка старообрядцев, проживающих на Дальнем Востоке, интересовались и лингвисты Амурского государственного университета: бывали в старообрядческих селах Амурской области, записывали фольклор и говоры старообрядцев; один из выпусков альманаха (№ 4, 2006 г.) был посвящен этой теме. Глубокое научное осмысление язык и культура амурских старообрядцев получили в работах доцента Нины Геннадьевны Архиповой. Эта точка пересечения исследовательских интересов Леонида Леонидовича и нашей кафедры послужила основанием для выбора темы выпуска, посвященного его памяти: ВЕРА В СЛОВЕ. Но мы решили не ограничиваться публикацией результатов исследований только о языке православных людей старой веры – старообрядческой, чему посвящена, например, статья *Н. Г. Архиповой*, а сосредоточились на ВЕРЕ как одной из центральных категорий человеческого мироздания. Поэтому наш читатель имеет возможность познакомиться и с феноменом ВЕРЫ в традиционной народной культуре на материале Архангельских говоров (статья *Е. А. Нефедовой*), и с рассказами последних русских харбинцев о Николае Чудотворце (статья и текстовые материалы к статье подготовлены *Е.А. Оглезневой*), получить представление и об интерпретации ВЕРЫ в публицистических и поэтических произведениях писателей и поэтов Дальневосточного русского зарубежья (статья *Н. И. Белозубовой*),

и о региональных православных печатных изданиях XIX в. как лингвистических и краеведческих источниках (статья *Г. М. Старыгиной* и *И. А. Кунгушевой*), и – в противовес этому – о развернутой на страницах местной советской прессы в 20-е гг. XX в. антирелигиозной пропаганде и внедрении БЕЗВЕРИЯ в общественное сознание (статья *Е. Г. Иващенко*). Эти статьи размещены в разделах **«Современные лингвистические исследования»** и **«Русское восточное зарубежье»**.

В разделе **«История края. Избранное»** (автор-составитель *Д. Н. Павлова*) освещена миссионерская деятельность архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия (Вениаминова). Именно он в 1858 г. в Усть-Зейской станице заложил храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, по имени которого и был назван город Благовещенск. Святитель Иннокентий – знаковая для региона фигура, определившая его дух на века, что проявилось уже в названии города. Читателям для ознакомления предлагается отрывок из произведений владыки, касающийся нашего края – «Нечто об Амуре».

Раздел **«Речевые жанры»** (автор-составитель *Н. В. Лагута*) продолжает тему, связанную с именем Святителя Иннокентия. В разделе собраны материалы об истории, в том числе православной, старинного села Иннокентьевка Амурской области, расположенного на берегу реки Амур и названного в честь святителя Иннокентия. Также опубликованы письменные документы о послереволюционной антицерковной деятельности, воссоздающие картину начала XX в. Но основное содержание раздела составляют рассказы старожилов Иннокентьевки о жизни села, его жителях, промыслах, которыми они занимаются, о соседях-китайцах и о некоторых неординарных, выдающихся событиях своего бытия.

В разделе **«Речевые портреты»** представлены материалы, демонстрирующие разные подходы к лингвистическому портретированию языковой личности. В исследовании *А. П. Майорова,* выполненном в аспекте диахронического лингвистического портретирования, реконструируются речевые портреты языковых личностей XVIII в. по данным региональных письменных источников Забайкалья – деловых документов того времени.

О. В. Пустовалов в своей статье описывает особенности речи нашей современницы – матушки Анны, потомка русских переселенцев в Трехречье в третьем поколении, супруги православного священника храма святителя Иннокентия Иркутского в городе Лабудалинь (КНР), сохранившей и русский язык, и православную веру, но неизбежно испытавшей влияние языка страны своего постоянного проживания – китайского, что выражается как в составе ее языковых компетенций, так и в особенностях их реализации. Исследование выполнено на материалах, собранных во время научных экспедиций в Трехречье (КНР) в 2017-2018 гг..

В разделе **«Словарь»** (составитель *Г. М. Старыгина)* помещен фрагмент будущего диалектного «Словаря амурских говоров» – лексикографически обработанные диалектные материалы на букву **«Р»**, собранные филологами Амурского государственного университета во время диалектологических экспедиций по селам Амурской области, начиная с 2000 г. Материалы хранятся в лаборатории региональной лингвистики АмГУ в диалектной картотеке, имеющей электронный аналог.

В раздел **«Язык фольклора»** (авторы-составители *Н. Г. Архипова, М. А. Куроедова*) включен уникальный фольклорный материал, взятый из песенников старообрядцев Амур-

ской области, переселившихся сюда из Южной Америки, а также тех русских старообрядцев, которые в настоящее время проживают в Уругвае, Бразилии, Чили, США. Это песенные произведения разных жанров – свадебные песни, лирические песни, частушки и др., обладающие несомненной языковой спецификой и передающие особенности речи староверов-реэмигрантов. В предваряющей раздел статье дан анализ этих жанров и их языковой реализации. Тексты песенных произведений представлены с сохранением орфографии и пунктуации источников, что делает их бесценными для изучения говоров старообрядцев-переселенцев.

Старообрядческая тема продолжается и в разделе **«Публицистическая страница»,** где публикуются заметки *Л. А. Головчанской* о старообрядцах (семейских) с. Ураловка Шимановского района Амурской области, их трагических судьбах.

Завершает раздел и настоящий выпуск альманах статья журналиста *Ю. Б. Климычевой* «Война колоколам», впервые опубликованная в газете «Амурская правда» (2009) и свидетельствующая о разрушении святынь – православных храмов в Приамурье в XX в., а вместе с тем – об уничтожении религиозности, традиционно составляющей основу крестьянского мировоззрения. История распорядилась иначе. Произошедшее стало суровым историческим опытом, свидетельствующим о трудном пути ВЕРЫ, но ее непременном сохранении либо возрождении.

Е. А. Оглезнева
Н. Г. Архипова

Елена Оглезнева
Томск, Томский государственный
архитектурно-строительный университет

Памяти Леонида Леонидовича Касаткина
«Мы Ваши дети, Леонид Леонидович…»

Эти заметки – дань памяти
Леониду Леонидовичу Касаткину.
Огромному человеку.
Удивительному ученому.
Учителю и Проводнику.

Бывают люди как подарок судьбы. Одним из таких людей в моей жизни стал Леонид Леонидович Касаткин. Знакомство с Леонидом Леонидовичем состоялось в 2003 г. с легкой руки Оксаны Герасимовны Гецовой, которая руководила моей научной стажировкой в МГУ. «Надо бы Вам походить на лекции Леонида Леонидовича, он как раз их сейчас аспирантам читает в Институте русского языка». Так я оказалась у Леонида Леонидовича на лекциях по фонетике. Пройдя через какое-то «закулисье» института, нашла его в окружении аспирантской братии, к которой и присоединилась, хотя уже давно не была аспиранткой. После разговаривали о работе, о научных интересах и новых проектах. Он слушал очень внимательно. Задавал вопросы. Говорил негромко и неторопливо. С очень деликатным московским произношением.

На тот момент, весной 2003 г., у нас уже вышел 1 выпуск фольклорно-диалектологического альманаха «Слово» (он содержал фольклорные тексты, записанные за первые несколько лет наших научных экспедиций в села Амурской области), был определен дизайн издания, сформирована его миссия – сделать достоянием научной (и не только!) общественности диалектные и фольклорные материалы амурского края, своеобразного, интересного во всех отношениях, любопытного и неисчерпаемого для исследователей. На тот момент уже была разработана концепция второго выпуска альманаха, включающего не только собранные и записанные нами фольклорные тексты, но и диалектные тексты в жанровой интерпретации (раздел «Речевые жанры»), и первые речевые портреты ярких носителей амурских говоров (раздел «Речевые портреты»), и лексикографически обработанный диалектный материал (раздел «Словарь») и др. Сформированная нами концепция издания предполагала также, что издание обязательно должно быть ярким, красивым, непременно – с цветными иллюстрациями и звуковым приложением на цифровом носителе. Всё это было «на волне» современных исследований, выполнено на новом, добытом нами же «в полях» материале, публиковалось фактически «с колёс». И всё это хотелось обсудить. С коллегами. С мэтрами. И так получилось, что самым интересующимся мэтром оказался Леонид Леонидович, и уже в первую ту нашу встречу мы говорили с ним о своем, о любимом – о диалектах и диалектологии. И о необходимости популяризации бесценного не только в научном, но и в человеческом смысле материала. В то же самое время под его редакцией в Институте русского языка создавалась «Русская деревня в рассказах ее жителей». Мы занимались одним

делом, на разном материале, в разных концах страны, с разным жизненным и научным опытом, но с одинаковым пониманием, что нужно собирать, изучать, публиковать, и если не мы – то кто же?

Это было началом нашего общения. Это было кусочком счастья, потому что «наука, которая впрямь наука, – зеленое, ласковое, зовущее дерево. Веет прохладой и счастьем» (М. В. Панов).

Леонид Леонидович, Институт русского языка имени Виноградова, рояль в «закулисье» Института (был ли?), весна, диалектология, новые проекты… – всё это оказалось включенным в одно ассоциативное поле, позитивно заряженное на будущее.

Другая наша тема с Леонидом Леонидовичем – русское зарубежье. Восточное русское зарубежье, Харбин. Он бесконечно много знал о разных предметных областях, но мне казалось, что Харбин для него особенно близок. Я верю, что это именно так. Случайно на конференции по фонетике в Звенигороде он оказался слушателем моего доклада (просто его секция закончила работу раньше нашей). Это был один из первых опытов публичной презентации темы русского языка в восточном зарубежье. Удивительное внимание к сути, его вопросы, ответы на которые становили все на свои места и позволяли видеть глубже и дальше. Русское зарубежье стало еще одной темой нашего общения. Леонид Леонидович своими замечаниями и советами невзначай создавал область обязательного знания и обязательного чтения, за что я ему очень, очень, очень благодарна.

Леонид Леонидович затягивал в воронку собственного знания, и научного, и часто горького знания жизни. Будучи человеком очень непростой судьбы, полагал, вероятно, что разностороннее знание позволяет человеку принимать решения по голосу своей совести. Он делился своим знанием и тем, что его волновало, со своими коллегами и друзьями. Для меня было честью входить в число его адресатов, но я не оправдывала, видимо, его ожиданий, т. к. не очень активно участвовала в обсуждениях. Долго думала.

Не состоялась запланированная на осень 2016 г. совместная диалектологическая экспедиция. Ну, как совместная… Я никогда не записывала материнские говоры, только говоры переходного типа. Хотелось послушать говоры на исконно русских территориях, увидеть, как они сохранились. Сказала об этом Леониду Леонидовичу, и он пригласил меня поехать с ним. Конечно, хотелось посмотреть, как он работает. Была наслышана, что «не щадя живота своего». Что запись почти студийная. Я вполне могу это себе представить. И даже не из понимания цены каждой минуты в экспедиции для собирателей народной речи, а с другой стороны: говорящий с Касаткиным, мне кажется, интуитивно понимает, что настал его час, час рассказа о его жизни, и эта жизнь интересна, она достойна того, чтобы о ней послушали, чтобы ее записывали. И он сам, рассказчик, интересен и достоин. И эта обстановка записи определялась бесконечным уважением Леонида Леонидовича к простому человеку, его жизни и судьбе. И тем, как удивительно он мог слушать. И быть проводником этого знания.

Особое тепло хранят книги, подаренные и бережно подписанные им. И не подписанные, но подаренные им – тоже. Вот «Олени навстречу» Михаила Панова (Михаила Викторовича, конечно же!) с фотографией Леонида Леонидовича на обложке. А я и не знала, что Михаил Викторович писал стихи! А теперь и мои студенты об этом знают, тем более что стихи замечательнейшие:

Вчера *сегодня*
было *завтра*,
Завтра *сегодня*
будет *вчера*.
И только *сегодня сегодня – сегодня*.
Вскочи на него! Пришпорь!
В путь!

Вот такая головоломка с озарением, это стихотворение. Как в фонетике: привычное-то очень непривычно, если затранскрибировать! Но на самом деле больше соответствует действительности. Суть науки – удивляться и удивлять!

На диалектологической конференции Института русского языка в 2012 г. Леонид Леонидович прочитал два доклада. Один из них – «Диалектизмы в сказке Ершова «Конек-Горбунок» как свидетельство авторства А.С. Пушкина». Спешил поделиться открытиями, оспаривал привычное. Удивлялся и удивлял, виртуозно выстраивая систему доказательств на основе известных диалектных различий.

…Запомнилось прощание в метро после конференции по диалектологии и проблемам старообрядчества в 2009 г. Она проходила в Подмосковье. Участники конференции вернулись в Москву и стали растекаться по веткам метро. Мы идем вдоль перрона на станции «Славянский бульвар», кажется. Или «Парк Победы»… Леонид Леонидович, Розалия Францевна, Кристиан Саппок, Екатерина Анастасова… Осень, гулкие шаги, ветер сдувает шляпу. Ощущение свободы и молодости...

Лес без солнца и без тени –
Провинившийся старик.
Падший лист, сухой, осенний
К бесприютности привык.

Высоко несутся птицы:
Принудительный отлет.
Их зима сразить грозится.
Выдворяет, гонит, бьет.

В эту пору расставаний
Так нестрашно умирать.
Только сани – сани – сани
Надо сталью подковать.

Чтобы вынесли с размаха
С этих берегов на те –
Где ни стона и ни страха,
Только вихри в пустоте.

М.В. Панов

А здесь – были и остаются светлейшая память и благодарность. С тем и останемся навсегда Ваши, Учитель и Проводник.

УДК: 81.22

Е. А. Нефедова
Москва, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

ФЕНОМЕН ВЕРЫ В ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье представлен анализ семантики и сочетаемости слова «ве́ра», функционирующего в говорах архангельского региона. Задача исследования – охарактеризовать объем и содержание концепта ВЕРА, определить, какое место занимает вера в духовной культуре носителей современных говоров Русского Севера.

Ключевые слова: языковая картина мира, ключевые концепты русской культуры, вера.

E. A. Nefedova
Moscow, Lomonosov Moscow State University

THE PHENOMENON OF FAITH IN TRADITIONAL FOLK CULTURE

The article presents an analysis of the semantics and compatibility of Russian word «véra», functioning in the dialects of Arkhangelsk region. The aim of the research is to define the scope and content of VERA concept, it's position in the spiritual culture of the speakers of modern dialects in the Russian North.

Keywords: linguistic picture of the world, key concepts of culture, the concept of VERA.
doi 10.22250/WFDA.2021.17.1

Вера – универсальное состояние человеческого сознания, соотносящееся с базовым концептом духовной культуры. Ю. С. Степанов относит ВЕРУ к константам культуры, основными свойствами которых является их устойчивость и постоянство [1, с. 9]. По определению Ю. Д. Апресяна, вера – это «ментальное состояние человека, мотивированное не столько фактами, сколько имеющейся в его сознании цельной картиной мира, в которой предмет его веры не может не существовать» [2, с. 267].

Исследования языковой картины мира, проводимые на диалектном материале, дают основание говорить о наличии существенных различий в отражении реального мира литературным языком и диалектами, о вариативности национальной картины мира. Вместе с тем, и сама диалектная картина мира, относимая к когнитивной стороне народной речевой культуры, тоже существует в своих вариантах.

В статье представлен анализ семантики и сочетаемости слова *ве́ра*, функционирующего в говорах архангельского региона. Задача исследования – охарактеризовать объем и содержание понятия ВЕРА, определить, какое место занимает вера в духовной культуре носителей современных говоров Русского Севера. Материалом для анализа послужили данные выпусков «Архангельского областного словаря» [3, вып. 1-21] и бумажной и электронной

картотек этого Словаря.

Ю. Д. Апресян предложил следующую формулу веры: «*Я верю, что Р – Я считаю, что Р; я не знаю, почему я так считаю; я буду так считать даже если есть обстоятельства или мнения, которые этому противоречат, потому что я хочу, чтобы Р*» [2, с. 267]. Предикаты, формирующие веру – *считать, знать, хотеть*; в них отражена иррациональность веры: субъект веры не знает, почему он так считает, эмоциональность и волевое начало веры [4, с. 413].

Диалектный материал отражает соотнесенность веры со многими сферами бытия человека, представленную в языке как многозначность слова *ве́ра* (см. синопсис). Очевидно, в каждом из этих значений состав предикатов, формирующих ВЕРУ, будет варьироваться.

Синопсис

1. Состояние сознания Х-а, связанное с признанием существования бога и не требующее доказательств.

2. Состояние сознания Х-а, связанное с желанием сделать что-н., основанное на понимании возможности осуществления задуманного, желаемого или на надежде на такую возможность.

3. Состояние сознания Х-а, основанное на предположении о честности, порядочности того, с кем Х имеет дело, на кого можно положиться; доверие.

4. Обычаи, правила жизни, передаваемые из поколения в поколение, усвоенные Х-ом и считаемые им единственно правильными.

Переходим к рассмотрению этих значений.

ВЕРА(1) – *состояние сознания Х, связанное с признанием существования бога и не требующее доказательств.* Вершинный смысл в этом определении выражается предикатом *признавать*.

Вера в бога передается из поколения в поколение, она сопровождает человека во всех его делах: Фсё нужно де́лать *с ве́рой*. Так учи́ли нас на́ шы ба́бушки. Е́сли ве́рить, так мо́жэт и изле́чит. ШЕНК.Шгв. Ф себе́, в уме́ должна́ быть *ве́ра*. ЛЕШ.Клч.

В советское время эта традиция была нарушена, вера в бога подорвана: Ра́ньшэ воспи́тывали нас *неве́рующими*. У на́с по́сле револю́ции цэ́ркви убра́ли фсе́, слома́ли. И вопще́ ве́рить э́то, ну́, не разреша́ли никому́. То́ жэ к *ве́ре*-то не осо́бо, не име́ла тако́, как сказа́ть. ВИН.Уй. Я́ не могу́ моли́ца царю́ Никола́ю. Но вот э́то, говоря́т, ево́ ико́на мирото́чит. А е́сли мирото́чит, зна́чит, о́н свято́й? Я́ ни зна́ю, у меня́ *худа́я ве́ра* в э́то. ПИН.Кшк.

Однако вера в бога не была утрачена совсем: Дак *божэ́ственые* и сейча́с е́сть. *На́божные* таки́е. Наприме́р, я фсё вре́мя ве́рю, чему́-то ве́рю. В голове́-то у меня́ *ве́ра е́сть*. УСТЬ.Снк. С восстановлением сельских церквей *ВЕ́РА НАЧАЛА́СЬ*: Меня́ прозва́ли богомо́лкой, а вот пото́м *ве́ра начала́сь*. Колокола́ забью́т, побежу́ моли́ца. ШЕНК.ВЛ.

Имя концепта – слово *ве́ра* – предстает в высказываниях информантов в составе сочетаний с прилагательными. *ВЕ́РА СТА́РАЯ, СТАРОВЕ́РСКАЯ* – это вера старообрядцев: *Стара́ ве́ра,* старове́рами их называ́ли. МЕЗ.Бч. У ма́тери ма́терь – она *ста́рой ве́ры*-то. ПИН.Квр. Она э́та *ста́ра ве́ра,* она о́чень была́ серьёзна. *За ста́ру ве́ру* могли́ и чёкнуть. ПИН.Врк. Она под венцём была́ у на́с, у нас венци́-то ра́ньшэ не зака́зывали, у нас *ве́ра старове́рска* была́. ПИН.Яв. Ф сосе́дней дере́вне за пя́ть кило́метроф фсё *ста́рой ве́ры* бы́ли. ПИН.Кшк.

В сочетании *СКРЫ́ТАЯ ВЕ́РА* видится отголосок знаний о скрытниках – радикальной секте внутри старообрядчества: Она́ была́ *скры́той ве́ры*. Она́ пот ста́рость то́ жо ф стра́нство от нас ушла́. *Скры́тыйе стару́шки* бы́ли – помога́ли няньчицца. *Скры́тыйе* – у ни́х кака́я-то *своя́ ве́ра* была́. КАРГ.Ар. *Скры́тно* крести́ли дете́й. У и́х тако́й челове́к был *ис ста́рой ве́ры*, о́н и крести́л. КАРГ.Крч. Коне́шно, ф те́ времена́ они́ зазря́ это фсё, она́ зва́ниця и́м не меша́la, *э́та ве́ра*. ВИЛ.Пвл.

ВЕ́РА ДРЕ́ВЛЯЯ, ЗАСТАРЕ́ЛАЯ – в этих сочетаниях актуализированы не только смыслы древности веры старообрядцев, но и отнесенности ее к прошлому, неактуальности в настоящее время: У ни́х *своя́* была́ *ве́ра*, свойи́ моли́твы, ико́ны-то те́ жэ. *Ве́ра-то дре́вляя*. НЯНД.стп. Те *ве́ры* фсе́ *застаре́лые*. ШЕНК.Шгв.

Старообрядчеству противопоставляется новая, никонианская, *МИРСКА́Я ВЕ́РА*: Старове́ры да *мирска́я ве́ра*. ПИН.Лвл. Ну, они́ перехо́дя во́ фсё *в э́ту ве́ру*, дак они́ на́шу *ве́ру мирску́* щита́ют пога́ной, старове́ры-ти. Мы́ называ́лисе *мирски́* ли ка́клe, а они́ *ста́рой ве́ры*, ба́бушка была́ старове́рка. ПИН.Квр.

Старообрядчество обычно оказывается в фокусе внимания во время разговоров с информантами о вере, несмотря на то, что современные носители диалекта знакомы со старообрядчеством, прежде достаточно распространенным на Русском Севере, только по рассказам стариков: Бу́тто ра́ньшэ *ве́ра-то* была́, дак бу́тто лю́ди-то зашли́ и са́ми себя́ зажга́ли. МЕЗ.Аз. За староверами в этих рассказах признается владение старым знанием, следование старым традициям, грамотность: Йо́ркино ведь боу́а́то *ста́рым зна́нием*. Э́то, хто *знатли́вой* да *ста́рой ве́ры*, фсё зову́т – пойди́ *ф ста́ру ве́ру*. Они гра́мотнее, *ста́рой ве́ры*. ПИН.Нхч. А ба́бушка Овдо́тья, она́ *ста́рой ве́ры* была́, говори́т – никогда́ не пра́знуй (свой день рождения 1-ого августа), Ильйи́н де́нь. ПИН.Ёр. Коне́шно, ф те́ времена́ они́ зазря́ это фсё, она́ зва́ниця и́м не меша́la, *э́та ве́ра*. ВИЛ.Пвл.

В этих высказываниях видится почтительное отношение к староверам, сочувствие их судьбе, хотя встречаются и противоположные суждения: Та́м наро́т софсе́м глу́пый, *ста́рой ве́ры*. ПИН.Ср.

Глагольная сочетаемость имени концепта представляет разные аспекты отношения человека к вере. В основном это связано с верой старообрядцев. Никонианская реформа представлена как *СМЕ́НА ВЕ́РЫ*: Мо́шшы фста́ли из гробни́ци, ушли́ из монастыря́, рас *ве́ра-то сменена́*. КРАСН.ВУ. Против этой реформы даже мощи православных святых. Несогласные с никонианством *ИДУ́Т ПРО́ТИВ ВЕ́РЫ*: Это *про́тиф ве́ры шли́* лю́ди, вот называлось што со́рок сороко́ф му́ченикоф. Ту́т шли́ лю́ди в ого́нь - это то́жо *про́тиф како́й-то веры*. МЕЗ.Аз.

В сочетании *ДЕ́ЛАТЬ ВЕ́РУ* семантика *ве́ры* диффузна, в ней смыслы ‘формировать систему религиозных убеждений’ и ‘заниматься организацией сообщества верующих’ представлены нерасчлененно: Они́ де́лались раско́льниками – *де́лали свою́ ве́ру*. МЕЗ.Свп.

Ситуация, обозначаемая глагольными сочетаниями *ВСТУПИ́ТЬ, ВОЙТИ́, ХОДИ́ТЬ, УЙТИ́ В ВЕ́РУ*, тоже может быть прочитана по-разному: как принятие системы религиозных постулатов старообрядчества и как следование жизненным правилам и предписаниям старообрядцев: А ма́ма была́ старове́рка, в молоды́е го́ды *в ве́ру вошла́*. Я тепе́рь то́ жэ благове́рю. У меня́ и ико́нки бы́ли трёхство́рчятые. КАРГ.Ар. И ма́ма ф синя́к хоро́нена, она́ *ушла́ ф*

ста́ру ве́ру. Во весь синя́к нашы́ ты по́лосы до подо́лу. ПИН.Врк. Она́ зна́ш, пото́м *ушла́ в ве́ру,* мно́го стару́шок в ве́ру ушло́. КАРГ.Ар Ӣли перет сьме́ртью *ходи́ли ф ста́ру ве́ру* – посыла́ют ф ста́ру ве́ру ста́рых люде́й. И ма́ма не *ходи́ла ф ста́ру веру* – ве́рой не спасёсься, на́до лю́дям уважа́ть, я́ не пойду́ никуда́. ПИН.Врк.

ИЗ ВЕРЫ́ можно *ВЫ́ЙТИ*: *Вы́шла ис ста́рой ве́ры* – омиршы́лась. Измиршы́ся, нельзя́ е́сь из на́шэй ця́ шэцьки. ВИН.Слц. Офи́ма и та ста́ла из *ве́ры выходи́ть.* ВИЛ.Трп. и обратно в нее *ВЕРНУ́ТЬСЯ, ПЕРЕЙТИ́*: Она́ *перешла́* пото́м обра́тно *ф ста́ру ве́ру*; в моле́бенный до́м ходи́ла моли́ца, а парти́йцы запреща́ли. Ма́ма старове́рка была́, а как за́муш вы́шла, отпа́тша ста́ла, а пото́м опя́ть *ф ста́ру ве́ру верну́лась* ПИН.Врк.

В 90-ые годы на Севере появились представители неизвестных ранее сект, вербовавших местное население. Информанты рассказывают о случаях вступления близких в секту: Они ешо́ и *ве́ру каку́-то, в ве́ру каку́-то хо́дят.* Без бо́га не до поро́га. *Хо́дят ф се́кцию.* ВИЛ.Трп.

Вера, проповедуемая в сектах, осознается в большинстве случаев как чужая, другая, не христианская, ее следует опасаться: Ф Су́ры они фсе́х люде́й там зби́ли, *они́ не то́й ве́ры, не христия́нской.* Они изь Ӣндийи взя́ли *э́ту ве́ру.* Я не могу́ вам сказа́ть, как она́ называ́лась, *э́та ве́ра, христиа́нская,* што́ль чи́сто христиа́нская. КАРГ.Ар. Я́ се́йгот е́здила к молоди́це к сы́ну – она́ давно́ ве́рует *в сейча́сную ве́ру.* УСТЬ.Стр. Не видя́ть ево́ (сына), попу́тали – *в другго́й ве́ры* (теперь). ПРИМ.Ннк. *В э́ти ве́ры* фступа́ть нельзя́. ПЛЕС.Фдв.

Вера осознается носителем традиционной культуры как *ВЕ́РА Э́ТА*, т.е. своя, и *ВЕ́РА ТА́, КАКА́Я-ТО,* т.е. чужая, не своя: Они́ не ве́рили *в э́ту ве́ру*; ф ста́рую ве́ру ве́рили. ПРИМ.Сзм. Де́душка их переводи́л *ф свою́ ве́ру*; и на одьде́льном кла́дбище их хорони́ли. КРАСН.Чрв. Оте́ць отрёкся - у ево́ оте́ць бы́л комуни́ст – не пошо́л *по то́й ве́ры.* ПРИМ. Ннк. Ну там то́ жэ *ве́ра кака́-то* была́. *Кака́-то ве́ра* была́, с семье́й не е́л. Пошто́ у них така́ была́ жысь. МЕЗ.Бч. Т́а умрёт, и *та́ ве́ра* вы́дет. КАРГ.Ус.

В оценочных характеристиках веры обнаруживается универсальная для картины мира оппозиция ‘свой’ – ‘чужой’. Вместе с тем, не исключается и стремление к объективизации оценки веры: Бесёдовали, *кака́ ве́ра лу́цце* ПЛЕС.Влс., понимание ее неодинаковости в проявлениях: Где́ ве́ть *како́й го́рот*, там *така́ и ве́ра.* ПРИМ.Ннк., но и ее обязательности для человека: *Ве́ра как поясо́к дли́цца* по фсе́й фселе́нной. НЯНД.Лм.

ВЕ́РА (2). *Состояние сознания Х, связанное с желанием сделать что-н.; желание основано на понимании возможности осуществления задуманного, желаемого или на надежде на такую возможность.*

Вершинные смыслы в этом определении выражаются предикатами *знать, хотеть, надеяться.* Субъект состояния веры выступает как человек активный, действующий согласно своему желанию, возможно, заранее предпринявший что-н. для этого: *Ве́ра* – о́чень хо́чецца. МЕЗ.Аз. Йе́здила (в Архангельск) *по свойе́й ве́ры,* хо́ть и не кры́сна (не из корысти, посмотреть город, а не на заработки). ПИН.Ср.

ВЕ́РА (2) реализуется в речи по формуле *У Х-а или Х-у есть вера сделать что-н.:* У меня́ то́ жэ *е́сть ве́ра* за́фтра *уе́хать.* У Ню́рки *е́сть ве́ра притти́* сюда́. ВЕЛЬ.Сдр. А жэни́х – *ве́ра взе́ть* меня́. ОНЕЖ.Прн. Ра́с уш *не́ту ве́ры жы́ть. Е́сь ве́ра*, дак розроба́тывай но́фь – нихто́ не запрешша́л. ВИН.Кнц. *У матки́*-то *не́ту ве́ры* туды́ *опусти́ть.* ВЕЛЬ.Сдр.

Де́ вушкам е́сть посмотре́ть ве́ра, што́ за ка́тишшэ тако́е. А *ему́*-то фсё *е́сть ве́ра удра́ть* туда́-то. А *не́ было ве́ры мне́* топо́р-то *броса́ть* – в хозя́йсве-то го́ж бу́дет. ВЕЛЬ.Пжм. Мы́ знако́мы не́ были, а *мне́ ве́ра-то была́* уж за нево́ *итти́*. ВИН.Мрж. Да *е́сть мне́ ве́ра е́хать*, да не могу́. ВИЛ. Слн. *Е́сь ве́ра-то ему́ уе́хать* в Ри́гу. ВИН.Кнц. *Мне́ ве́ра* ба́тька *увида́ть. Мне́* г ба́тьке *ве́ра сходи́ть. Мне́-то ве́ра посмотре́ть* на йи́х. ПРИМ.Лпш. А он уш-то чево́, уш *йе́сь ве́ра призна́ца*. УСТЬ.Снк.

ВЕ́РА (2.1). *Посильная возможность сделать что-н.*

Осуществление желаемого зависит от возможностей субъекта, в частности, в условиях деревенского быта, от состояния здоровья, от его физических сил. Субъект действует, оценивая свои возможности, свои силы, то есть *ПО СВО́ЕЙ ВЕ́РЕ*.

ВЕ́РА (2.1) реализуется в речи по формуле: *Х делает что-н. по своей вере:* Фсё́ мале́нько-то *ро́блю, по свое́й ве́ры*. ПИН.Ср. Ма́ть ко́сит, а на́м – таки́ ма́леньки ко́ски, и мы́ тре́плем – то́ жэ *по свое́й ве́ры ко́сим*. ОНЕЖ.Трч. Ко́сим, *ко́сим по свое́й веры́* - по свои́м си́лам. ПИН.Кшк. Та́ня теля́т *по свое́й ве́ры обреди́т* – как мо́жэт, а там ма́ти досмо́трит. Чего́ *по свое́й ве́ры запи́сывают* ф тетра́ди, у́чаца-то (внучки). МЕЗ.Бч. *По свое́й-то ве́ры* по́лот *подотру́*, да лучи́ны нашчыпа́ла, таг бро́жу как нао́шчюпя. МЕЗ.Аз.

ВЕ́РА (3). *Состояние сознания Х-а, основанное на предположении о честности, порядочности того, с кем Х имеет дело, на кого можно положиться.* Вершинный смысл в этом определении выражается предикатом *предполагать*.

ВЕ́РА (3) реализуется в речи по формуле: *У Х-а. есть (нет) вера У-у:* Ф Пу́рнеме там фсё́ на замке́, там инове́рныелю́ди ста́ли приежжа́ть, им ве́ры не́ту. ОНЕЖ.Лмц. Нему́ ве́ры-то не́т, што уе́ду. ХОЛМ.Сия.

Доверие Х-а можно потерять, *ВЫ́ЙТИ ИЗ ВЕ́РЫ*: Ну, бо́льшэ сё, *вы́шли* вы *из ве́ры*. ЛЕШ.Смл. *Из ве́ры* она́ *вы́шла*. ВЕЛЬ.Сдр. О́н у меня́ *из ве́ры вы́шэл*. В-Т.ЧР. Ну во́т, она́ сказа́ла и *из ве́ры не вы́шла,* сказа́ла и принесла́ (ягоду). КАРГ.Ух. Наро́т-то привы́к ве́рить, а *из ве́ры*-то па́ртия давно́ *вы́шла*. ЛЕШ.Кнс.

ВЕ́РА (3.1). *Свадебный подарок во время сватовства как знак подтверждения согласия на брак.*

ВЕ́РА (3.1) – это овеществленная вера, знак доверия в ситуации, занимающей важное место в традиционной народной культуре.

ВЕ́РА (3.1) реализована в речи по формуле: *Х дает У-у подарок, подтверждая серьезность своего обещания: Ве́ру дава́ют* – есьли я сва́таю за кого́, даю́ пода́рок, пото́м, когда́ они сойду́цця, обра́тно оддайо́цца. Сперва́ сватосьво́, *ве́ру дава́ют*. Пода́рок э́то называ́ецця *ве́рой,* да богомо́лье. ЛЕШ.Ол. *Ве́ра да́на*, и ста́ли мне росплета́ть косу́, ша́лью ри́псовой меня́ закры́ли. ЛЕШ.Кб. – А что значит дать по платку? – Дове́реность, што́ бы ве́рили. – Это как сватам дают платки, значит, что обещяют невесту? – Да. ПИН.Ёр.

ВЕРА (4). *Обычаи, правила жизни, передаваемые из поколения в поколение, уважаемые Х-ом и считаемые им единственно правильными.*

Вершинные смыслы в этом определении выражаются предикатами *знать, считать, уважать*.

Уважение традиций, обычаев предков прочно закреплено в сознании представителя традиционной народной культуры, поэтому он обычно действует *ПО СВОЁЙ ВЕ́РЕ:* Фсё́ *по*

свое́й ве́ры. Ну и то́жо *по свое́й ве́ры* ве́село жы́ли. КАРГ.Ар. Пра́зновали лю́ди, *по свойи́ ве́ры,* свойи́ х родniко́ ф находи́ли, так ы гости́лись. А то́ жэ де́ржат коро́вушка, *по свое́й ве́ры. По свое́й ве́ры,* по свойо́м во́зрасту, молоды́е молодёжно и одева́ли, а то и молоды́е старика́ми оде́нуца лу́чьшэ не узна́ют. МЕЗ.Бч. Где ка́к, *по свое́й ве́ры* фсё́ хорошо́. МЕЗ.Длг. А ра́ньшэ-то быва́ло веселе́ жы́ли по-сво́ему, у меня́ де́душка о гармо́не игра́л, то́ жэ гозьбы *по свое́й ве́ры* де́лали. А дете́й вы́ростили, я и сва́дьбы фсем зде́лала *по свое́й ве́ры,* ох, и пойигра́л жэ Фе́дя на э́той гармо́ни. МЕЗ.Лбн. То быва́ посыте́ пое́ла да поспоко́йне, она́ жывё́ *по свое́й ве́ры,* ничего́ не на́ть. ПИН.Ёр. *По свое́й ве́ры* – э́ то по-сво́ему. ПИН.Ср.

ВЕРА (4.1). *Знание, умение, жизненный опыт.*

Представитель традиционной народной культуры опирается не только на традиции и обычаи предков, но и на свой собственный жизненный опыт, действует *ПО СВОЁЙ ВЁРЕ*: *По свое́й ве́ры,* зна́ла уш из о́пыта, поло́жэно ф полоту́шке, ребёнка поло́жыли. Могу́ я, я научи́ла Ва́рю, как ростворя́ть те́сто, потом Ма́ня потсказа́ла *по свое́й ве́ры.* ПРИМ.Ннк. Цапа́м шэ́рсь, цяпа́ хами зовём, *по свое́й ве́ры,* кака́ ка́к. ХОЛМ.Кпч.

ВЁРА (4.1.1). *Склонность к чему-н., предпочтение перед чем-н. другим, вкус.*

Жизненный опыт определяет склонности человека, возможность выбора чего-н., опираясь на свой вкус, *ПО СВОЁЙ ВЁРЕ*: Пла́тья-то бы́ли *по свое́й ве́ры.* ПЛЕС.Врш. *По свое́й-то ве́ры* я сама́ шы́ла. *По свое́й ве́ры* дереве́ньской шы́ли. МЕЗ. Лмп. Кто ли как не наряжа́лись, помоло́жэ лю́ди, надева́ли фся́ ко ра́зно, *по свое́й ве́ры.* МЕЗ.Бч. Ну и в магази́ны, кто *по свое́й ве́ры,* чево́ наберёт обно́вы, виш, я говорю́, *по свое́й ве́ры.* МЕЗ.Аз. У меня́ вот кострю́ля, а у тебя́ оцька́ – *по свое́й ве́ры.* КАРГ.Лкш.

Анализ диалектного материала показал, что вера как ментальное состояние распространяется на близкие, но все же разные области человеческого бытия. Вера в бога предполагает безоговорочное признание его существования, вера в себя основана на надежде на свои силы, вера в другого человека – на доверии к нему, вера в обычаи и традиции – на уважении к ним. Семантика имени концепта *ве́ра* подтверждает наличие зон пересечения веры с такими смежными с ней понятиями, как надежда, уверенность, доверие, уважение, что характерно для диалектной картины мира.

Универсальная оппозиция ‘свой’ – ‘чужой’ находит проявление в противопоставлении веры в бога *мирско́й* и *старове́рской, э́той* и *той.* Противопоставление своего и чужого проявляется особенно ярко, когда речь заходит о событиях практической жизни. Носитель традиционной народной культуры живет и действует ПО СВОЁЙ ВЁРЕ. СВОЯ́ ВЁРА – это вера в себя, в свои силы, в свой жизненный опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 989 с.

2. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Том I. Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.

3. АОС – Архангельский областной словарь. Вып. 1-9. М., МГУ, 1980–1996. Вып. 10–21, М., Наука, 1999–2021.

4. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

Список названий районов и населенных пунктов
Архангельской области, упомянутых в статье в сокращенном виде

В-Т. ЧР. – Верхнее-Тоемский р-н, д. Чёрный Ручей

ВЕЛЬ. Сдр. Пжм. – Вельский р-н, д. Судрома, Пежма

ВИЛ. Пвл. Трп. – Вилегодский р-н, д. Павловское, Терпасовская

ВИН. Кнц. Мрж. Уй. - Виноградовский р-н, д. Конецгорье, Моржегорское, Уйта

КАРГ. Ар. Влс. Крч. Лкш. Ус. Ух. – Каргопольский р-н, д. Архангело, Волосово, Кречетово, Лёкшмозеро, Усачёво, Уйта

КРАСН. ВУ. Чрв. – Красноборский р-н, д. Верхняя Уфтюга, Черевково

ЛЕШ. Кб. Клч. Кнс. Ол. – Лешуконский р-н, д. Кеба, Кельчемгора, Койнас, Олема

МЕЗ. Аз. Бч. Длг. Лбн. Лмп. Свп.

НЯНД. Лм. стп. – Няндомский р-н, д. Лимь, Ступино

ОНЕЖ. Лмц. Прн. Трч. – Онежский р-н, д. Лямца, Пурнема,Турчасово

ПИН. Врк. Ёр. Квр. Кшк. Лвл. Нхч. Ср. – Пинежский р-н, д. Веркола, Ёркино, Кеврола, Кушкопала, Лавела, Нюча, Сура

ПЛЕС. Врш. Фдв. – Плесецкий р-н, Вершинино, Федово

ПРИМ. Лпш. Ннк. Сзм. – Приморский р-н, д. Лопшеньга, Нёнокса, Сюзьма

УСТЬ. Снк. Стр. – Устьянский р-н, д. Синики, Строевская

ХОЛМ. Кпч. Сия. – Холмогорский р-н, д. Копачёво, Сия

ШЕНК. ВЛ. Шгв. – Шенкурский р-н., д. Верхоледка, Шеговары

УДК: 81.22

Н. Г. Архипова
Благовещенск, Амурский госуниверситет

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА *РОДИНА* В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ ИЗ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В статье рассматриваются факторы формирования концепта «родина» в языковом сознании русских старообрядцев из Латинской Америки; изучаются пространственно-порождающий, этногеографический, витальный, конструктивистский, духовно-нравственный подходы к дефинициям лексемы «родина», а также специфика концепта «родина» в языковой картине мира старообрядцев разных поколений.

Ключевые слова: концепт, родина, старообрядцы, Латинская Америка, зарубежье, языковая картина мира.

N.G. Arhipova
Blagoveshchensk, Amur State University

FORMATION OF THE CONCEPT OF MOTHERLAND IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN OLDBELIEVERS FROM LATIN AMERICA

The article considers the factors of the formation of the concept «motherland» in the linguistic consciousness of Russian Old Believers from Latin America; examines the spatial-generative,

ethnogeographic, vital, constructivist, spiritual and moral approaches to the definitions of the lexeme «motherland», as well as the specifics of the concept of «motherland» in the linguistic picture of the world of Old Believers of different generations.

Keywords: concept, motherland, Old Believers, Latin America, foreign countries, language picture of the world.

doi 10.22250/WFDA.2021.17.2

Мне очень нравится Россия.
Она меня заманила.
Границы откроют, Бог велит – поедем.
Татьяна Реутова, Бразилия

Введение

Старообрядцы зарубежья являются уникальной группой русского населения, в этике которой можно выделить важную составляющую, определяющую как религиозную, так и экономическую специфику их существования, – это стремление к чистоте и регламентации жизни и быта, в связи с чем базовые концепты русской культуры, в том числе, концепт *родина,* приобретают особое звучание.

Актуальность изучения принципов формирования концепта *родина* в языковом сознании русских старообрядцев, родившихся или долгое время проживших в Латинской Америке, обусловлена рядом факторов национально-культурного, языкового, социально-экономического и прочего характера.

Осознавая себя исконно русским населением, выполняющим особую миссию сохранить родной язык, «оставить потомству веру, культуру и всё само наилучшая», «сохранить чистоту душевною и телесною», «сохранить свою родину и быть русским» [1], на протяжении многих десятилетий они испытывали значительное национально-культурное и языковое влияние со стороны принимающих стран и народов, что не могло не отразиться на формировании специфической языковой картины мира.

В сознании старообрядческой общины консерватизм духовной жизни, интенсивная внутренняя коммуникация и высокая степень закрытости не противоречат экономической прогрессивности, следствием которой является чрезвычайно богатый опыт миграции, проявляющийся в смене места жительства не только внутри страны проживания, но и за ее пределами. Так, старообрядцы, проживающие, например, в Уругвае, сезонно или по несколько лет могут работать в Бразилии, Боливии, США. Частыми в житейской практике старообрядцев являются «поездки в гости». Так, например, члены только одной семьи старообрядцев-реэмигрантов из Уругвая, состоящей из шести человек, в течение четырех лет проживания в Амурской области посещали родственников в Сибири, Приморье, Хабаровском крае более двадцати раз. Отметим, что родственные связи одной семьи можно найти не только в России, но и в Боливии, Перу, Бразилии, Уругвае, Канаде, США и других странах. И такая ситуация относится практически к каждой семье старообрядцев зарубежья.

В Российской Федерации старообрядцы-реэмигранты стараются заниматься той же экономической деятельностью, что и в странах исхода, однако сталкиваются с огромными проблемами на всех уровнях организации бизнеса, начиная с оформления необходимой документации вплоть до непредсказуемости климатических условий России, что способствует

либо отъезду из Российской Федерации, либо поиску более подходящего места для проживания на территории России.

В силу своей новизны проведенное исследование не претендует на полный охват заявленной проблемы, однако автор делает попытку выявить факторы формирования концепта *родина* в языковом сознании старообрядцев и определить структуру категории *родина* в их речи.

Объектом исследования явились высказывания старообрядцев из Латинской Америки, выделенные методом сплошной выборки из доступных источников и эксплицитно включающие лексику семантического поля «Родина» [2].

Материалом исследования послужили расшифрованные записи устной речи старообрядцев, в настоящее время проживающих в Латинской Америке (8 информантов), старообрядцев, переселившихся на Дальний Восток России из Уругвая и Бразилии (9 человек) [2], а также текст книги первого современного писателя-старообрядца из Аргентины Данилы Зайцева «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» [3], в которой раскрытию темы «*родина*» уделено важнейшее внимание.

В публикации термин «Латинская Америка» используется в отношении стран в южной части Северной Америки и во всей Южной Америке, население которых говорит преимущественно на испанском или португальском языках и в которых массово проживают русские старообрядцы.

Структура категории *родина* в речи старообрядцев из Латинской Америки

Говоря о понимании категории *родина*, обозначим следующие подходы к дефинициям имени категории – лексеме «родина», представленным в толковых словарях русского языка: пространственно-порождающему, этногеографическому, витальному, конструктивистскому, духовно-нравственному [4].

Согласно пространственно-порождающему подходу, отраженному в толковом словаре русского языка Д. С. Ушакова, «родина» означает место возникновения, зарождения кого-либо или чего-либо. Она понимается как как локус существования как духовных, так и материальных объектов и синонимично таким терминам, как «отечество» и «страна» [5, с. 685]. При этом подходе *родина* не рассматривается как ценностная категория. Это «пространство, имеющее определенные границы». [4, С. 40].

В высказываниях старообрядцев пространственно-порождающий подход реализован в лексемах *Россия, Русь,* реализующих семантику места зарождения истинной веры, культуры: «*Россия – ето третяй Рим, но четвёртому не быть, ето написано во Святым Писании, и не забудьте: Русь была святая и будет святой, потому что она просвящёна*»; «*… родина была до Никона-патриярха, а после – горя, слёзы и кровь, истребили всю правду*» [1]; места исхода старообрядцев за границу: «*…немало крови пролито, почти каждая семья имеет трагическую историю, от самого Никона-патриярха и до развалу СССР*» [1]. Это место зарождения самого старообрядчества: «*Первы староверы появились в России. Раньше все были староверы, а потом появились нововеры, после Никона*» [2]; «*Ета, сё время, сё время я думал, шта в России мене не побывать и Москву не видать*» [2].

Второй подход – этногеографический – связан с человеком или определенной социальной группой. Родина – «это место рождения человека, место, где родились и жили его

предки и где живет он сам». [4, С. 41]. Такой подход к пониманию лексемы *родина* зафиксирован, например, в словарях В. И. Даля [6], С. И. Ожегова [7, с. 673].

В высказываниях старообрядцев этногеографическое понимание слова *родина* представлено очень широко: *«Консула ездили по деревням и убеждали, чтоб вернулись на родину»; «У нас тут в присутствии старообрядцы, для них дорога уже открыта, и могут по полной программе ехать на родину»; «<из России> наши деды ушли в Китай, как проживаем в Южной Америке, желали бы вернуться на родину»; «Да, ежлив сурьёзная будет программа для староверов, многи поедут на родину, уже надоело скитаться по чужим странам, пора вернуться на родину, домой»* [1].

При этногеографическом подходе *родина* может быть связана с государством и гражданством [8, 441-445]. Этот подход предполагает возможность выделения «большой родины» и «малой родины», на что указывают практически все современные толковые словари. В этногеографическом понимании существование родины не зависит от уровня развития личности и общества, не решается вопрос о соотношении понятий «место рождения» и «место жительства», возникает вопрос о границах как «малой», так и «большой» родины. «Следует принимать во внимание то, что в историческом и личностном развитии параллельно существуют две тенденции: с одной стороны, географическое пространство, с которым человек связывает свое существование, постоянно расширяется; с другой стороны, эта связь приобретает формальный характер, что обусловливает желание человека его сузить, выделить в нем особую, родную, часть». [4, С. 41]: *«Они вернулись… но не на родину, а на целину»* [1]*; «Ежлив соберёмся в Россию, то именно поедем в Алтай на родину»* [1]; *«Дак, ну, это же наши предки тут жили. (В)от моя ба(б)ушка даже на Бурее жила. Связано, да»* [1].

При витальном подходе *родине* приписываются признаки и качества живого существа: способность к рождению, чувству любви, познанию и развитию духа. В этом отношении бытие *родины* – это ее жизнь. Часто слово *Родина* становится именем собственным при обращении к ней в высказывании. Особенно ярко выражается гендерно-социальный аспект понимания *родины* как матери: человек – ребенок, а родина – его мать. В этом смысле родина первична по отношению к человеку, группе, она обладает признаками, присущими только живому существу. Одновременно родина находится в стадии развития, изменения, корректировки под влиянием деятельности человека и общества: *«Мечтал сохранить свою родину и быть русским, всегда шшитался патриотом матушки России»* [1]*; «Мы всегда мечтали о матушке-родине»* [1]*; «Стыд и позор матушке России!»* [1]*; «У нас есть дети и внучаты, поетому отношение с матушкой-родиной не надо терять»* [1]*; «Матушка-родина не в состоянии нас принять, а может быть, и не будет и никогда»* [1]*; «Простите нас за всё, мы етого не желали родине»* [1]*; «Матушка-родина гонит: вы чужия, значит, иди под забор и, как сучкя или кошка, рождай»* [1]*; «Но на сердце было чижало, чувствую, что не придётся жить на матушке-родине…»* [1]*; «У нас сердсе остыло по матушке-родине»* [1].

Старообрядцы, неоднократно бывавшие в России и стремящиеся начать здесь новую жизнь часто сталкиваются с непреодолимыми экономическими трудностями, приводящими к отъезду из России в Латинскую Америку, вследствие чего возможна характеристика родины как мачехи. В таких контекстах частотна антиномия «мать – мачеха». Если мать рассматривается как «один из столпов семьи, средоточие ее эмоциональных связей»: мать «на расстоя-

нии чувствует грозящую ребенку опасность, как и причиненную ему боль, и способна даже брать ее на себя» [9, с. 203], – то мачеха разрывает эту духовную связь: *«Братья и сёстры, вы меня простите, но ето не матушка-родина, родина была до Никона-патриярха, а после – горя, слёзы и кровь, истребили всю правду и превратили в колючую мачеху»* [1]*; «Мы чётко знаем: наступает всемирная война, из которой останется из семи градов один, население не останется. А за кого восстать-то: за матушку или за мачеху? Мачеха с нас триста лет шкуру снимала, но нам всё равно её жалко, а может, да и одумается и пожалеет своих деток, хотя бы и не родных»* [1]; *«И мы, переселенсы, стары русские, думали, что ето матушка-родина по истории, но оказалось ето не матушка, а мачеха-ведьма»* [1]; *«Всю жизнь мы мечтали о матушке-родине, но получается, что матушку-родину убили, а подставили мачеху кровожадну»* [1].

Родина может представляться как объект созидания, развития»: *«Надо вернуть стару родину и дать праведну веру»* [2]; *«Чичас подходит новая ера, можете открывать любоя хозяйство в России, законы разрабатываются строги и порядошны, а коммунизьмы не будет»* [1]. Однако моральные и духовные усилия человека по созиданию родины бесполезны в связи с предначертанностью ее судьбы: *«Один рецепт России – каяться, молиться и поститься, как ниневитяны, и Господь помилует и даст хорошу жизнь. Больше никак. Но етого не будет, потому что всё идёт по пророчеству и исполняется слово в слово»* [1].

Это образно-эмоциональный способ понимания действительности, при котором возможна смерть Родины, ее полное безвозвратное уничтожение, как и любого другого объекта, обладающего жизнью: *«Коммунизьмы уничтожили всю родину»* [2]; *«Они уничтожили, убили всю родину»* [2].

Таким образом, в речи старообрядцев утверждается объективность существования родины, включенность в систему наиболее важных личных и социальных ценностей.

Конструктивистский подход к дефиниции *родина* заключается в понимании родины как продукта деятельности личности, социальной группы и общества. Понятие родины создается, формируется искусственно. Родина понимается как продукт коллективного воображения [10, с. 7]. Конструктивистский подход актуализирует внимание исследователя на том, что родина не может быть абстрактной, она всегда конкретна, исторична, поэтому не может не испытывать влияние личностной и общественной деятельности. Образ родины может быть сформирован и закреплен в национальном менталитете.

Конструктивистское понимание *родины* сформировано, главным образом, рассказами предков старообрядцев, испытавших в России личные трагедии: *«На границе их обобрали и оставили без ничего. Вот тебе и земли и свобода!»* [1]*; «Убеждали, чтобы вернулись на родину, тоже сулили горы в России»* [1]*; «Когда приехали в Россию, их обобрали и пустили: «Иди куда хошь, вы на свободе»* [1]*; «Тут в России не столь помогут, сколь обдерут, не надейтесь ни на кого, толькя на себя да на Бога»* [1]*; «Им подсказали: пока не возмёте партийный билет, вам работы не будет. Потужили да и пошли в контору, где берут партийный билет. В той конторе вычитали все законы, заставили отрекчись от Бога, от Пресвятой Троицы, от Богородицы и от всех святых. Вот тебе и Россия, и свобода, и мягкие горы – превратились в сталь и колючки. Иван Калугин жил три дня на вокзале, собирался умирать, но смерть не пришла, и пришлось идти в контору, и отказаться от Бога, и получить*

партийный билет. Тогда пожалуйста, приняли на работу, и он устроился водителям на автобусе. Ету повесть он рассказывал в 1980-х годах Василию Савельевичу Килину со слезами. И сколь раз хотел сам себя уништожить, но не смог, а превратился в пьяницу» [1].

Духовно-нравственный подход к дефиниции *родина* заключается в представлении о ней как о духовно-нравственной ценности, святыне. Родина – это духовная сущность бытия нации, воплощение ее умственного и нравственного строя, системы ценностей.

Родина как ценность, святыня сравнима только со святыней религиозной. Она представляется чем-то особо значимым, необходимой духовной ценностью, без которой невозможны ни творчество, ни истина, ни сама жизнь.

Духовно-нравственный подход противостоит материалистическому пониманию родины как места пребывания или условий житейского быта. Старообрядцами признается, что родину нельзя отделить от территории, географической и климатической обстановки, но не это определяет ее содержание: «Ни одно из них, взятое само по себе, не составляет родины: ни пространственное рядом-жительство людей, ни кровная связь происхождения, ни национальная и расовая принадлежность, ни привычный быт, ни хозяйственное единение, ни природа, ни общность положительного права или государства» [11, с. 318].

Невозможно исчерпать понятия *родина* местопребыванием и совместным бытом [11, с. 206]: родина для старообрядца, «прежде всего, не земля, не место пребывания, а ее дух и ее святыни» [Там же, с. 207], это «есть духовная жизнь народа… в то же время она есть совокупность творческих созданий этой жизни… и, наконец, она объемлет все необходимые условия этой жизни – и культурные, и политические и материальные», под которыми понимается хозяйство, территория и природа» [Там же, с. 185].

В рассказах старообрядцев раскрывается взаимосвязь родины с объектом духа и сознания человека. Родина подобна другим духовным объектам, таким, например, как добро или истина. Для человека смысл понятия *родина* раскрывается постепенно в акте духовно-нравственного становления, поэтому конкретное представление о ней, ассоциируемые образы, познавательно-ценностное восприятие зависит не только от «объективных характеристик родины как объекта познания, но и от личностных и социальных качеств человека как познающего субъекта» [4, с. 43]: *«Да, красиво место, всё красивыя берёзы, лиственница, изредка ёлки, малинник, смородина, речкя под льдом шумит. Место шикарноя, мне очень понравилось»* [1]; *«Давай помогать етим благородным старообрядсам, ведь оне вёртываются на родину для блага России»* [1]; *«Я тоже стал и попросил своих во всём стараться для блага матушки-родины»; «Мы едем не политикой заниматься на родину, а спокойно жить себе и работать»* [1].

Таким образом, несмотря на разнообразие характеристик категории *родина* в языковом сознании старообрядцев наибольшее развитие в их высказываниях получили этногеографический, витальный, духовно-нравственный подходы, в меньшей степени развиты пространственно-порождающий и конструктивистский, что обусловлено отсутствием опыта или незначительным опытом проживания в России, мифологизацией и идеализацией ее образа и, следовательно, оторванностью от современного культурно-исторического процесса в стране.

Вторая родина

В основе мировидения народа лежит ряд когнитивных схем: стереотипов, концептов,

представлений. Одной из таких схем является оппозиция «свой – чужой» как категория осознания мира [12], которая, главным образом, влияет на формирование понятия «вторая родина» в языковом сознании старообрядцев-реэмигрантов.

Основные критерии отнесения человека к «своему» или «чужому» могут быть как чисто внешними, формальными (одежда, внешность, бытовые обычаи и традиции), так и более глубокими – на уровне общего восприятия человека, его положения по отношению к другим людям (этническая принадлежность, религиозная принадлежность, родственные связи, социальные связи и др.) [12; 13].

Религиозная принадлежность для старообрядцев является важнейшим дифференцирующим признаком мировоззрения. Связь духовная зачастую может быть гораздо теснее родственной. Именно в вопросах веры старообрядцы ярко противопоставляют «своё и чужое»: «свою» веру и «другую», при этом проявляя терпимость к представителям других конфессий, что позволяет им свободно проживать на поликонфессиональных территориях, сохраняя собственную религиозную идентичность.

Для старообрядцев-реэмигрантов Россия второй родиной становится не сразу. Более того, она вообще может не стать их родиной. Тогда ее точнее назвать страной пребывания. Так, например, говоря о невозможности остаться в России после некоторого пребывания на территории страны, старообрядцы подчеркивают, что именно экономические проблемы, обусловленные «несовершенством законов и равнодушием чиновников» [2] становятся основными причинами отъезда: *«Нигде нет справедливости, а везде проклятая алчность и зависть»* [1]; *«чиновники, все оне тупы и бестолковы ето хишники, наплевать им на родину, лишь бы деньги в карман»* [1]; *«проклятая ваша алчность не даёт вам правильно думать»* [1]; *«Уж как ведут здесь себя высоко и шишаются всех умнея, но, разобраться хорошень, оне от заду первы»* [1]; *«оне здесь в России таки алчны и завидуши»* [1].

Однако в языковом сознании старообрядцев четко обозначена оппозиция «высшее руководство страны – местные чиновники и служители культа», где первые оцениваются исключительно положительно, как защитники интересов народа и родины: *«Я не знаю, что на ето смотрят вышние органы государства»* [1]; *«Я бы своих детей и внучат натравил бы на чиновников, всем бы оторвать башки, етим бы помог государству и населению»* [1]. Можно заключить, что для части старообрядцев, вернувшихся из России на прежнее место жительства и сохранивших представление о России только как о родине предков, стране, имеющей великое прошлое благодаря, в том числе, старообрядцам, как о *«матушке, оставившей своих детей без присмотра»* [1] ведущими факторами пребывания на той или иной территории являются экономические, и категория *родина* в их языковом сознании представлена лишь декларативно как высшая идея: Родина – матушка, но современная Россия, в их представлениях, утратила былое величие и не оправдывает ожиданий тех, кто хотел бы вернуться на родину предков.

Таким образом, оберегая свою русскость, стремясь сохранить себя для возвращения на Родину, в уже несоветскую Россию, прилагая усилия, чтобы организовать издание духовной литературы, развивать семейное образование на русском языке, они сталкиваются с реальностью, не оправдывающей их ожиданий, однако сохраняют возвышенно-идеалистические представления о матушке России.

Такое же возвышенное представление сохраняется в текстах старообрядцев, неоднократно посещавших Россию (однако не проживавших на ее территории длительное время) и мечтающих о переезде на историческую родину: *«Россия сложная, но в ей есть, что любить, ето вся правда. Она, Россия, просто кака-то заманчитава. Я когда в первый раз в Россию съездила, просто, сказать, влюбилася. Мне очень поглянулося. Конечно, большая разница ото всего. Даже не то ли, что разница, просто другой мир. Просто другая жизнь, всё другое. Но мне очень поглянулося. Есть города красивы. Есть брошены. Есть заброшены деревни. Но сиравно* (все равно) *во всем этом есть что-то. И есть хорошее в ей, и есть красивое. Так жеть люди, так жеть народ. Хорошие люди, добрые, помогчи готовы в любое время. Мне очень нравится Россия. Она меня заманила. Границы откроют, Бог велит – поедем»* [2].

Однако есть и другая категория старообрядцев-реэмигрантов, для которых Россия стала или же становится родиной.

В 2016 г. территорию Амурской области как место постоянного проживания выбрало шесть семей старообрядцев-реэмигрантов. Члены этих семей являются кровными родственниками. В течение 2017–2018 гг. три семьи изменили место жительства – переехали в Красноярский край по личным (изменение семейного статуса) и экономическим причинам (наличие стабильной, высокооплачиваемой работы для главы семьи, в которой уже к тому времени было четыре малолетних ребенка).

Три оставшиеся на территории области семьи связывают свою жизнь исключительно с Россией: *«Интересно, дядя у меня всегда рассказывал: «Люблю Россию». Мать шибко интересовалась, мы всегда судили, что не побывать нам, но пришлось. Сразу же и остались»* [2]. Старообрядцам здесь нравится, главным образом, климат и природа: *«Мы здесь мало болеем»* [2]; *«Здесь я не пью лекарс(т)ва от надсады»* [2]; *«Понятно, где зима, а где лето»* [2]; *«У нас ес(т)ь всё: и лес, и грибы, и ягоды, толькя речкя далеко»* [2]; *«Мне здесь нравится больше»* [2]; *«Там все из пешек* (керамической плитки), *потому что постоянная пыль и сырость, а здесь из дерева. Мы привыкли уже. Для меня это даже ещё лучче, потому что там так.. Э-э-э… Лето и лето, и как-то не поймёшь ничё. А здесь весна, зима… Лето, осень. Всё разно. А ето, нда.. красивше намного жить, а там как-то по домам просто»* [2].

Понимание России как «настоящей» родины формирует положительное отношение к ней: *«Вот одна говорила мне: мы дураки ехать. А сама там жениха себе нашла, уехала вперёд. Она приехала. Поездила тут. Када вернулась, уже совсем переродилася. Дак, Россия. (З)десь можно жить. Сама хороша страна. Она и всё»* [2].

Старообрядцы-реэмигранты не связывают свое существование в России с экономическим процветанием, довольствуются немногим, ведут достаточно замкнутый образ жизни: *«Не могу сказать, чтобы в России худо, а старость одолеват – это да, одиночество»* [2], однако все же контактируют с «миром»: продают сельскохозяйственную продукцию собственного производства, наблюдаются в медицинских учреждениях, покупают необходимые товары и продукты, пользуются услугами связи и др.

Наличие родственников, проживающих в Приморье, дает возможность частых встреч: *«И там посмотрели, нашли вот эту Лавлю. Приехали туды. Приехали всё и, это, ничё не знали. Маленьки-помаленьки. Ну, там все родственники еёшни, вся Лавля»* [2]; *«Тятя*

с мамой погостить уехали» [2]; «Оне на свадьбу в Берёзовку уехали» [2]; *«Тётка Ксения с Улияном гостить приехали»* [2]; *«к нам скоро гости с Дерсу приедут»* [2]; *«Деда с бабой уехали на свадьбу»* [2], – что также укрепляет желание оставаться в России и принять её как вторую родину: *«Я думаю, вместе хорошо и так хорошо. Всяко хорошо будет. У нас тут в Амурской, как она… Грибовка, там щас-щас Ульян отдал за ихный … Аӯа. За Фёдора. Внучку. Оне где-то сейчас на Енисее живут. Оне хорошо знаются. Вроде ничего… грамотный. Вот мы породнились с имя. Кода-то еще съездим в гости»* [2].

Девушки-старообрядки, проживающие в Амурской области, выходят замуж за старообрядцев-дальневосточников. Так, в 2018–2019 гг. состоялось две свадьбы, родились дети: *«Нет, я не уеду, мой муж здесь, он никуда не поедет, у него здесь работа, родители. У мужа хорошая работа, много друзей, родня, есть, с кем молиться – мы не уедем»* [2].

Одним из важнейших факторов комфортного существования старообрядцев-реэмигрантов на территории России является наличие общины и ее настоятеля как главы: *«Если тятя умрет, мы, наверное, переедем в Приморье, там Ксения и Ульян и другие ишшо родственники»* [2]; *«Я не знаю, что делать, когда тяти с мамой не будет. Как молиться»* [2]; *«Если тятенька умрёт, они, наверное, укочуют»* [2].

Это путь отказа от духовного вхождения в другой социум, показывающий лишь внешнюю принадлежность к нему, путь приспособления к чужой культуре, что демонстрируется безразличием к культурной, экономической, политической жизни России, желанием оставаться вместе только со своими родственниками или единоверцами, которые вместе приехали в эту страну или проживали в ней и ранее.

Соотечественником во многом нового для него национального коллектива человек может стать только тогда, когда овладевает его культурой и у него появляется интуитивно-сознательная привязанность к своей новой Родине. Для этого человек должен принять Россию как свою, приложить усилия, для того чтобы приспособиться к новым условиям своего существования. Это может быть и осознанной позицией.

Так, в декабре 2018 г. в Амурскую область из Бразилии переселилась еще одна семья старообрядцев. Обретение новой родины для нее стало очень трудным, но сознательным процессом.

Разговор о новой родине состоялся в октябре 2020 г., почти через два года после переезда в Россию. Для достаточно молодой женщины и ее сына-подростка категория «свой – чужой», главным образом, реализовывалась в высказываниях на темы «знакомое – незнакомое», «привычное – непривычное», «понимаемое – непонимаемое».

Женщина родилась в Боливии, но не считает ее родиной, так как совершенно не помнит: *«Боливии я не знаю, я её не помню. Даже не помню переезд, помню только моменты жизни в Боливии. Боливия, конечно, не родина. У меня к ней нет чувств»* [2]. Родина для информантки – Бразилия: *«Бразилия. Жила, любила эту страну: природа, работа, любила людей. Она знакомая, привычная, дерево, фрукты. Я потом жила в Уругвае, но не долго. Он тоже знакомо. Но, ты, понимаешь, Бразилия – это то, что есть и внутри меня. Россию я никогда не понимала, не любила. Мама не любит Россию. Что сейчас? Не понимаю, люди холодные, не улыбаются, природа холодная»* [2].

После того, как у информантки были решены все проблемы с местом жительства, когда

было налажено собственное производство, когда расширились социальные связи, коннотация высказываний изменилась: *«Мне кажется, я начала Россию понимать. Мне нравятся люди»; «Я иногда думаю, что начинаю любить Россию»; «Мне понравилась гречка с грибами»; «Я люблю свою работу. Для меня – это смысл жизни»; «Когда люди благодарят – я очень рада».*

Сын информантки за два с половиной года проживания в Амурской области Россию не принял как родину: *«Мне здесь не нравится. Все не нравится. Люди не нравятся».* На вопрос, много ли молодых людей, его друзей, хотят приехать в России, он отвечает, что хотят приехать посмотреть, но остаться здесь жить не хотят.

Таким образом, понимание России как второй родины для старообрядцев-реэмигрантов из Латинской Америки – очень длительный и нелегкий процесс, требующий принятия страны с идеологической, экономической и социальной сторон.

Проблема формирования концепта *родина* в языковом сознании старообрядцев из Латинской Америки

Все без исключения старообрядцы имеют представление о родине как о стране их предков – России. Все они идеализируют образ России, существовавшей до периода церковного раскола и, шире, до периода начала советской власти: *«Братья и сёстры, вы меня простите, но ето не матушка-родина, родина была до Никона-патриярха, а после – горя, слёзы и кровь, истребили всю правду и превратили в колючую мачеху»* [1].

У всех без исключения старообрядцев сформировано негативное представление о советской России как государстве, виновном в исходе старообрядцев в зарубежье и в тех страданиях, которые принесла вынужденная эмиграция.

К постсоветской России старообрядцы относятся настороженно, и не все готовы принять её как новую родину: *«Мы и в Южной Америке не худо жили, но всю жизнь мы мечтали о матушке-родине, но получается, что матушку-родину убили, а подставили мачеху кровожадну, вот как хошь и выживай»* [1].

Так, для старообрядцев старшего возраста, родившихся уже в изгнании (эмигранты второго поколения), родина Россия – это место, где жили их предки, страна мифологизированная и идеализированная: здесь *«самы могучи леса, быстры реки, вольны ветры»* 21]. Тип дискурса тяготеет к фольклорному, тексты характеризуются фольклорными метафорами и клише, главным образом тогда, когда актуализируются концепты «родина – мать – мачеха» и «русский народ»: *«Мы чётко знаем: наступает всемирная война, из которой останется из семи градов один, население не останется. А за кого восстать-то: за матушку или за мачеху? Мачеха с нас триста лет шкуру снимала, но нам всё равно её жалко, а может, да и одумается и пожалеет своих деток, хотя бы и не родных»* [1]; *«люди хорошие, добрые, народ красивый, высокий»* [2].

Для старообрядцев среднего возраста, являющихся эмигрантами, главным образом, в третьем поколении, идеалистические представления о родине России вторичны, основная причина переезда на историческую родину экономическая или личная, семейная. Желание улучшить качество жизни и благосостояние часто играют решающую роль как причина переезда: *«Каждый человек ищет порядошну жизнь»* [2]. При этом они уверены в своей миссии быть хранителями исконной русской культуры и веры: *«Мы благодарим своих дедов, за*

то что спасли своё потомство от безбожников и сохранили свою традицию и культуру полником» [1]; *«Я пока в России не побывал, не знал, хто мы на самом деле, но чичас чётко понял. Мы – ето изюминка в мире, и её надо берегчи очень строго, благодарить надо наших дедов и стараться сохранить нашу святую культуру… показать, как надо трудиться на благо родины: трудяг в России надо, а наши старообрядсы везде себя показали передовыми трудягами, и Россия всё ето знает»* [1]*; «Была бы у меня своя земля и свои деньги, я бы показал, как надо строить деревни»* [1]. Если надежды на экономическое процветание не оправдываются, то старообрядцы достаточно категоричны в своих оценках России: *«мы, переселенсы, стары русские, думали, что ето матушка-родина по истории, но оказалось ето не матушка, а мачеха-ведьма».* [1]. *«В такой ситуации спасение России – каяться, молиться и поститься, как ниневитяны, и Господь помилует и даст хорошу жизнь. Больше никак»*[1].

Однозначно сказать о сформированности концепта *родина* в языковом сознании молодого поколения старообрядцев автор публикации не имеет возможности, так как в доступности имеет тексты, полученные только от пяти информантов в возрасте от 17 до 29 лет. Девушки, вышедшие замуж в России, связывают жизнь со страной и не имеют намерений переехать за ее пределы. Как отмечалось ранее, новая родина привлекает их климатом, природой, ландшафтом. Юноши не приняли Россию, заводят знакомства только с молодежью из старообрядческой среды, намерены найти высокооплачиваемую работу за пределами России (на Аляске, в Австралии и др.). Если анализировать тексты молодых старообрядцев, размещенные в социальных сетях, то они написаны по-испански или по-португальски, что свидетельствует о высокой степени межязыковой интерференции и предпочтительности языков стран Латинской Америки в письменной речи, следовательно, о формировании новой языковой личности со специфическим пониманием базовых концептов русской языковой картины мира.

Заключение

В заключение отметим следующее:

1. В языковом сознании старообрядцев из латинской Америки Концепт *родина* не имеет однородной структуры, что обусловлено различными факторами: общекультурной и национальной пресуппозицией носителя языка, связанной с категорией исторической памяти; степень включенности в социальные отношения; степень владения русским языком; место проживания; количество вынужденных или добровольных переездов с места на место в течение жизни; степень межязыкового и межкультурного контактирования; приоритеты семейного воспитания; личностные характеристики и др. Все перечисленные факторы требуют дополнительного изучения, что позволит более четко выделить ядро и периферию концепта *родина* в языковом сознании старообрядцев Латинской Америки.

2. Однозначно можно утверждать, что в ядро концепта *родина* входит понятие *родина-мать*. Любовь к родине-матери пристрастна и гипертрофирована: с одной стороны, это любовь-жалость, готовность прощать все грехи и ждать, когда родина пойдет «по пути праведному»; с дугой стороны, в сознании старообрядцев нет абсолютного ее приятия, а есть тяжкая обида на родину за страдания многих поколений, когда родина-мать стала родиной-мачехой.

3. Старообрядцы из Латинской Америки разделяют родину на родину гражданскую, отождествляемую с государством, и родину этническую, отождествляемую с народом и его культурой. Высказывания о государстве имеют, главным образом, нейтральную или положительную коннотацию, когда речь идет о высшем руководстве страны, и однозначно негативную – в высказываниях о местных чиновниках. При оценке русского народа четко реализуется оппозиция «старообрядцы – россияне («российские»)).

4. Историческая родина выступает фактором поддержания актуального уровня этнической идентичности, самоидентификации старообрядцев.

Таким образом, в ядро концепта родина входят три базовых компонента: родина-мать; родина – земля предков; родина – страна, в которой человек родился, или прожил сознательную жизнь, или где родились его предки.

Цель обретения родины состоит не только в желании обрести утраченное. Легкость перемещения и миграций в поиске более «чистого» места парадоксальным образом позволяет накапливать опыт адаптации и находить новые места, на которых удается достичь еще больших хозяйственных успехов. В свою очередь данные успехи приводят к более интенсивным контактам с внешним миром, что в свою очередь заставляет снова искать новые пути миграции в поисках большей закрытости и удаленности, вследствие чего для старообрядцев из Латинской Америки не существует однонаправленного понимания категории *родина*: единство пространственно-порождающего, этногеографического, витального, конструктивистского и духовно-нравственного аспектов только в совокупности позволяет осознать данный концепт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев Д. Т. Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева / «Альпина Диджитал» (Zayicev_D._Povest_I_Jitie_Danilyi_Te.a4.pdf), 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://avidreaders.ru/book/povest-i-zhitie-danily-terentevicha-zayceva/ Дата обращения: 20.10.2020.

2. Фоноархив Лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета. Дневники №№ ЛА 1 – ЛА 17.

3. Баранов О. С. Русский тезаурус. Электронное издание 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.thesaurus1.narod.ru/ Дата обращения: 25.03.2021.

4. Чикаева Т. А. Анализ подходов к дефиниции понятия «Родина» // Вестник Вятского государственного университета, 2018, № 2. – С. 40–47.

5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Том. 3. 752 с.

6. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. Код доступа: https://www.slovardalja.net/view_search. Дата обращения: 20.12.2021.

7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: «Советская энциклопедия», 1968. 900 с.

8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.

9. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2009. 704 с.

10. Сандомирская И. И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien : Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. 281 с.

11. Ильин И. А. Родина и мы. Смоленск: Посох, 1995. 511 с.

12. Архипова Н. Г. Оппозиция «свой – чужой» как категория осознания мира амурскими старообрядцами // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып.7 / Под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 36–43.

13. Архипова Н. Г. Тема исхода в Китай в рассказах старообрядцев (семейских): семантический аспект // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / Под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 37–40.

УДК: 811.161.1'373

Г. М. Старыгина, И. А. Кунгушева
Благовещенск, Амурский госуниверситет

ГАЗЕТА «БЛАГОВЕЩЕНСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКИХ ЭККЛЕЗИОНИМОВ

В данной статье рассматриваются информативные возможности газеты «Епархиальные ведомости», издававшейся в 1889 г. в г. Благовещенске, применительно к изучению наименований религиозных культовых объектов. В статье описаны тематические группы амурских экклезионимов и способы их номинации.

Ключевые слова: ономастические единицы, экклезионимы, способ номинации, региональный исторический источник, лингвистический источник, агионимы, иконимы.

G. M. Starygina, I. A. Kungusheva
Blagoveshchensk, Amur State University

THE NEWSPAPER «THE ANNUNCIATION DIOCESAN GAZETTE» AS A SOURCE OF STUDY OF THE AMUR ECCLESIARUM

This article examines the informative possibilities of the newspaper «Diocesan Vedomosti», published in 1889 in Blagoveshchensk, in relation to the study of the names of religious places of worship. The article describes the thematic groups of the Amur ecclesionimes and the ways of their nomination.

Keywords: onomastic units, ecclesiology, the method of nomination, the regional historical source, linguistic source aginity, economy.

doi 10.22250/WFDA.2021.17.3

Современная ономастическая система русского языка характеризуется исследователями как широко репрезентированная и достаточно разветвленная. Наряду с наиболее часто рассматриваемыми и изученными онимами (топонимами, антропонимами, эргонимами) в ней представлены и те, которые в силу экстралингвистических причин долгое время оставались за рамками всестороннего лингвистического анализа. К числу таких ономастических единиц относятся экклезионимы – наименования объектов религиозного назначения, а именно, культовых зданий и сооружений [1, с. 149].

В истории ономастики М. В. Горбаневский, А. В. Никольский, Е. П. Аринина и ряд других ученых занимались вопросами, прямо или косвенно связанными с изучением экклезионимов: анализировалась топонимическая лексика, восходящая к названиям храмов и церквей, составлялись сборники названий храмовых построек, однако попытки этимологического описания номинаций культовых объектов различных регионов пока единичны.

Цель настоящей статьи – описать особенности номинации амурских экклезионимов, представленных в текстах регионального исторического источника – газеты «Благовещенские епархиальные ведомости».

Газета начала издаваться в январе 1894 г. и первоначально называлась «Камчатские епархиальные ведомости», а с марта 1899 г. она была переименована в «Благовещенские епархиальные ведомости» – по месту издания. «Ведомости» просуществовали до 1912 г. и выходили 2 раза в месяц, по 24 номера в год, каждый из которых включал 8–10 страниц. Рубрики газеты назывались отделами. В официальных отделах публиковались отчеты о состоянии духовных миссий, известия и распоряжения по Благовещенской и Владивостокской епархиям. Неофициальные отделы отражали хронику епархиальной жизни, в них печатались манифесты, письма, разные объявления. Например, в 16-м номере размещено следующее объявление: «Въ книжномъ складе Тобольскаго епархіальнаго братства имеются в продаже следующие издания: «Обличеніе раскола», цена 75 коп., экз., и «Св. Четыредесятница», цена 60 коп., экз.». В настоящее время в архиве редких книг Амурской областной библиотеки сохранилось несколько номеров «Ведомостей» за 1899, 1908, 1912 гг., сшитых в единый экземпляр годовой подписки.

История амурских экклезионимов тесно связана с историей появления в Благовещенске культовых религиозных сооружений. Первая, сначала даже не церковь, а часовенка, построенная казаками в 1857 г. на самом возвышенном месте города – рёлке, получила название *Свято-Никольская церковь в честь Святителя Николая*, *Мирликийского Чудотворца*. «Строили часовню из брёвен «мертвокладной», в которой минувшей зимой хранились тела умерших казаков Усть-Зейского поста. Через год к часовне сделали пристройку. А ещё через год достроили колокольню» [2]. В газетном источнике находим контекст, который демонстрирует сокращённую неофициальную форму экклезионима: «После литургии состоялся крестный ходъ к месту близъ *Николаевской церкви»* («Е. в.» № 12, 1912 г., с. 245). В разговорно-речевой практике официальные многокомпонентные экклезионимы, включающие родовые понятия *церковь, храм, собор* и т.п., а также развёрнутые конструкции со словами *в честь, во имя*, сокращались и упрощались, что приводило к появлению вариативных наименований одного и того же объекта: Свято-Никольская церковь, Никольская церковь, церковь Николая Чудотворца, Николаевская церковь и др. В анализируемом газетном источнике запечатлены в основном неофициальные разговорные варианты экклезионимов.

Свято-Никольская церковь являлась главным храмом в городе до 1864 г., когда был построен и освящён *кафедральный собор Благовещения Пресвятой Богородицы*, получивший своё официальное именование по названию значимого для православных евангельского события и посвященного ему христианского праздника. «Храм был небольшой, деревянный, на каменном фундаменте. Ориентирован с запада на восток. С небольшой колокольней. Построен был на средства Святейшего Синода солдатами линейных батальонов» [2]. Первый

камень в основание будущего Собора заложил в 1858 г. святитель Иннокентий (Вениаминов), сподвижник первого генерал-губернатора Николая Муравьева [3]. В источнике зафиксирован сокращенный вариант эклезионима: «5-го января Его Преосвященство в 2 часа дня совершил в *Благовещенскомъ Кафедральномъ соборе* великую вечерню» («Е. в.» № 10, 1912г., с. 196).

По сведениям историков, к 1917 г. в Благовещенске было более 20 православных храмов, но все они в годы гонений на Церковь были разрушены, а Благовещенский кафедральный собор сгорел в 1924 г. [4].

Упоминание о ранее существовавших религиозных объектах находим в анализируемом источнике. Например, информацию о церкви Покрова Пресвятой Богородицы, а также о храме Святой Живоначальной Троицы, который по-другому местные жители называли Шадринским собором, иллюстрируют следующие контексты: «Состоявший на псаломщической должности при *Благовещенской Покровской церкви* Александръ Никифоровъ уволенъ от занимаемой должности («Е. в.», № 11, 1899 г., с. 96); «Указом Святейшаго Правительствующаго Синода, отъ 25 марта 1899 г. за № 1125, согласно ходатайству Преосвященнаго Евсея, бывшаго Епископа Камчатскаго, и заключению Хозяйственнаго Управления, разрешено открыть при *Свято-Троицкой церкви* города Благовещенска самостоятельный приход с причтами изъ двухъ священниковъ, диакона и двухъ псаломщиковъ» («Е. в.» № 11, 1899 г., с. 57); «Диакон Александръ Новиковъ переведён в *Свято-Троицкую церковь* города Благовещенска» («Е. в.» № 15, 1899 г., с. 61).

Упоминаемая в газетном источнике церковь Покрова Пресвятой Богородицы, или Покровский храм, так же, как и другие храмы города, была снесена в тридцатые годы. И только в 1997 г., в год 200-летия со дня рождения Святителя Иннокентия на этом месте началось строительство нового кафедрального собора в честь Благовещения Пресвятой Богородицы [2]. Трагична история и одного из самых красивых, по воспоминаниям очевидцев, церковных сооружений города – Шадринского собора. «В 1896 г. известный в Благовещенске купец, владелец механического завода Семен Шадрин начинает строительство собора Животворящей Троицы. После постройки и освящения в 1902 г. благовещенцы называли его Шадринским собором. На его колокольне был установлен самый большой в городе колокол весом более трёхсот пудов. Полы храма были выложены плиткой. Окна украшены цветными витражами» [2]. Собор взрывали трижды. В 1936 г. после двух неудачных попыток собор был уничтожен.

В текстах газетного источника зафиксированы наименования церквей, существовавших не только в Благовещенске, но и на территории области. Проиллюстрируем это контекстами: «Въ 3 й день февраля сего года, Всемилостивейше соизволилъ, согласно удостоению Святейшаго Синода пожаловать сей орден 3-й степени священникам *Троицкой и Албазинской церквей Амурской области*» («Е. в.» № 15, 1899 г., с. 56); «Указом Святейшаго Синода, отъ 26 января 1899 года за № 397, преподано благославение Святейшаго Синода съ выдачею установленной грамоты священнику *Николаевской церкви Семиозёрскаго селенія, Амурской области* Иоанну Корнакову» («Е. в.», 1899 г, № 11, с. 58); «Въ деревне *Большая Сазанка* освящена 20-го сентября 1898 г. *Во имя св. Благоверной Великой Княгини Ольги* деревянная *церковь-школа*» («Е. в.», 1899 г., № 25, с. 84) и др.

В ходе анализа газетных экклезионимов установлены три основных способа их номинации: 1) наименования, образованные от имени лица, причисленного к лику святых (агионимы), 2) наименования, образованные по месту расположения объекта, 3) контаминационные наименования.

Агионимы источника представляют собой производные от официальных двухкомпонентные именные словосочетания с препозитивным положением прилагательного: «Объявлена благодарность Василию Курдюмову за пожертвование деньгами 50 рублей на покупку хоругвей для *Вознесенской церкви*» («Е. в.», № 5, 1899 г., с. 58); «… на его место назначенъ священникъ *Богородничной церкви* с. Ильинскаго Амурской области, Павел Донской» («Е. в.», № 16, 1899 г., с. 65); «Иванъ Голубевъ, состоящий на должности псаломщика при *Михаило-Архангельской церкви,* зачисленъ в духовное ведомство в штатные псаломщики» («Е. в.», 1899 г., № 16, с. 96); «Дмитрий Червитский определенъ на вакантное псаломщическое место къ *Пророко-Ильинской церкви* станицы Игнашиной, Амурской области» («Е. в.», 1899 г., № 24, с. 98); «Василий Гончаровъ согласно прошенію, определёнъ къ исполнению обязанностей псаломщика церкви *Богородично-Иоанно-Богословской* села Ивановскаго, Амурской области» («Е. в», 1899 г., № 16, с. 60). В составе приведённых агионимов прилагательные образованы либо суффиксальным (*Вознесенская церковь, Богородничная церковь*), либо сложно-суффиксальным (*Пророко-Ильинская церковь, Михаило-Архангельская церковь, Богородично-Иоанно-Богословской*) способом словообразования.

Большую группу в источнике образуют экклезионимы, поименованные по месту их географического расположения: *Константиноградовский приход* (по названию села Константиноградовка), *Игнатьевская церковь* (по названию села Игнатьево), *Ивановская церковь* по названию села Ивановка) *и др.*: «Командированный въ Приморскую область священникъ Тимофей Тихановский имеет возможность возвратиться в *Константиноградовский приход* Амурской области» («Е. в.», № 11, 1899 г., с. 61); «Определениемъ Епархиальнаго Начальства, отъ 10 іюня 1899 года за №113-183, псаломщикъ *Игнатьевской церкви*, Амурской области, Пётръ Литвинцевъ зачисленъ в штатные псаломщики. («Е. в.», № 16, 1899 г., с. 96); «Священникъ Василий Криницкий совершил таинство крещения в *Ивановской церкви*» («Е. в.», № 16, 1899 г., с. 254). Разновидностью указанной группы экклезионимов являются единицы, в состав которых, кроме компонента, обозначающего место расположения объекта, включено слово, не связанное с географической составляющей. Так именовались религиозные объекты, находившиеся при кладбищах (кладбищенский), тюрьмах (тюремный), на приисках (приисковый) и т.п.: «Противосектанскія обязанности на время отпуска Александра Гаркина благочинно возложены на священника *Благовещенской (*г. Благовещенск*) кладбищенской (*кладбище*) церкви* Иоанна Каюкова» («Е. в.», № 11, 1899 г., с. 62); «Умерший 28 марта сего 1912 года священникъ *пріисковой* (*прииск*) *Иннокентьевской* (с. Иннокентьевка) *церкви* Амурской области, Иоанн Корнаковъ исключенъ изъ состава священнослужителей Благовещенской епархии («Е. в.», № 8-9, 1912 г., с. 95).

В XIX – нач. XX вв. существовали церкви, которые устраивались при больницах, детских приютах и иных подобных им богоугодных или благотворительных заведениях. Такие церкви назывались *домовые* и представляли собой освящённое помещение, расположенное в жилище частного лица или в учреждении [5]. В Благовещенске домовые церкви располага-

лись при Алексеевской женской гимназии (сегодня это Алексеевская гимназия г. Благовещенска), при частной женской гимназии (здание не сохранилось) и при мужской гимназии (ныне это один из корпусов Благовещенского педуниверситета). На страницах анализируемой газеты находим экклезионим: «Выражена Архипастырская благодарность съ призываніем Божія благославенія за поступившія в городскую *домовую Архиерейскую церковь* въ городе Благовещенске къ св. Пасхе («Е. в.», № 16, 1899 г., с. 94).

Контаминационную модель именования иллюстрируют в текстах «Ведомостей» экклезионимы, совмещающие два способа номинации, например, именование по имени святого и по названию религиозного праздника. Так, в честь святого Николая и религиозного праздника Покрова была названа Покрово-Николаевская церковь, в честь праздника Святой Троицы с использованием названия села Албазино образован экклезионим Свято-Троицкая Албазинская церковь: «Государь Императоръ всемилостивейше соизволилъ пожаловать орден 3 й степени священникам церквей: *Свято-Тройцкой Албазинской,* Амурской области, Павлу Михайлову» («Е. в.», № 11, 1899 г., с. 53). При сложении основ имен Святых Петра и Павла с включением в структурный состав наименования по месту расположения культового учреждения был образован экклезионим, отмеченный в следующем контексте: «Священникъ *Петропавловской тюремной церкви* города Благовещенска Иннокентий Певцовъ уволенъ» («Е. в.», № 16, 1899 г., с. 65).

Итак, экклезионимы так же, как и другие ономастические единицы, выполняют основную функцию онима – функцию выделения предмета (субъекта) из класса подобных [6]. В тоже время можно говорить об уникальности экклезионимов, которая состоит, во-первых, в специфическом объекте именования; во-вторых, в экклезионимах наблюдается прозрачность внутренней формы и мотивированность имени; в-третьих, структура экклезионимов всегда поликомпонентна, хотя и содержит ограниченный лексический состав (название церквей, церковных праздников, икон, имена святых); в-четвёртых, в зависимости от сферы функционирования экклезионимы могут употребляться как в полной, официальной форме, так и в сокращенной, неофициальной, используемой в разговорно-речевой практике.

Всего в источнике нами было выявлено 23 экклезионима, в ходе анализа которых мы выяснили, что большинство наименований церквей в Амурской области являются агионимами, т.е. называются по имени святого. В меньшем количестве представлены наименования по месту расположения и социальной функции культового учреждения. В единичном количестве (*Вознесенская церковь – в честь Вознесения Господне),* представлены экклезионимы, именованные по церковным праздникам. Не зафиксированы в газетном источнике иконимы – вид экклезионимов по названию икон. Некоторые из церковных наименований содержат в своём составе топонимические элементы, продолжающие функционировать в современной топонимике Амурской области. Например, Албазинская церковь – село Албазино, Константиноградовская церковь – село Константиноградовка и др.

Несмотря на то, что «Благовещенские епархиальные ведомости» однообразны по содержанию и публиковали в основном материалы на религиозные темы, газета представляет собой ценный информативный региональный источник, содержащий интересный по специфически именуемому объекту разряд онимов, заслуживающий дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. 243 с.

2. Тур О. Церкви Благовещенска. Вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://olga-tur.livejournal.com/4816.html.

3. Анохин. А. Благовещенск: под покровом женщины в белом одеянии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pravoslavie.ru/100059.html.

4. Федирко О. Благовещенская епархия: история и современность. Доклад на II Иннокентьевских образовательных чтениях "Традициям предков верны...". Биробиджан, 29 марта 2007 г. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/04/04/blagovewenskaya_eparhiya_istoriya_i_sovremennost.

5. Открытая православная энциклопедия Древо [Электронный ресурс] Режим доступа: https://drevo-info.ru/articles/5168.html.

6. Горбаневский М. В. Из опыта культурно-исторического анализа топонимии: русские ойконимы и православие // Топонимия и общество. М., 1989. С.16–23.

7. Аринина Е. П. Экклезионимия как разновидность наименований в русской ономастической системе // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Самара, 2007. С. 215–222.

8. Борисевич О. А. Экклезионимы как разновидность урбанонимов в современной ономастической системе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). 2011 г. № 4. Часть 1. С.420–424.

УДК: 070

Е.Г. Иващенко
Благовещенск, Амурский госуниверситет

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА В 1922 – 1926 гг. (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «АМУРСКАЯ ПРАВДА»)

В статье анализируются особенности антирелигиозной пропаганды в период с 1922 по 1926 гг. на страницах ведущего издания Амурской губернии – газеты «Амурская правда». Рассматривается жанровое и проблемно-тематическое своеобразие антирелигиозных материалов.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, проблемно-тематический комплекс, газета, жанр, «Амурская правда».

E.G. Ivashchenko
Blagoveshchensk, Amur state university

ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA IN 1922 – 1926 (WITH EXAMPLES FROM THE «AMURSKAYA PRAVDA» NEWSPAPER)

This article analyses features of anti-religious propaganda during the 1922 to 1926 period in the leading newspaper of the Amur region – «Amurskaya Pravda». The paper analyses genre and

problem-thematic peculiarity of anti-religious material.

Keywords: anti-religious propaganda, problem-thematic complex, newspaper, genre, «Amurskaya Pravda».

doi 10.22250/WFDA.2021.17.4

Средства массовой информации Амурской области в 20-е гг. XX в., как и все российские СМИ, оказались на передовой антирелигиозной пропаганды. На них была возложена важнейшая задача – привить преимущественно верующему населению новые атеистические ценности. На печатные СМИ как ведущее средство информации того времени была возложена не только функция транслирования новых идей, но и собственно организационная и пропагандистская работа. Задача данного исследования – изучить специфику «штурма небес» в Амурской губернии в период с 1922 по 1926 гг. на примере ведущего издания края – газеты Губкома РКП «Амурская правда».

В 1917 г. с приходом к власти Временного правительства началось отделение церкви от государства. В этом году вышло в свет постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта 1917 г.) и закон «О свободе совести» (14 июля 1917 г.). Пришедшие к власти большевики первые годы вели политику «компромиссов» в отношении церкви, но к 1922 г. активизировали антицерковную деятельность. А. А. Слезин в статье «Антирелигиозное наступление советского государства в 1927-1929 гг.», характеризуя стиль антирелигиозной работы в стране до 1927 г., говорит о его сдержанности, умеренности [1]. Того же мнения придерживается О. П. Федирко: «Неурожай 1924 г. и отмеченное «повышение религиозных настроений» в деревне подтолкнули власти еще к большей «терпимости» по отношению к церкви. В октябре 1924 г. Сталин дважды (на Пленуме ЦК и совещании секретарей деревенских партийных организаций) повторил призывы к осторожному отношению к религиозности крестьян. Было запрещено применять административные средства воздействия на рядовых верующих». [2, с. 176]. Следствием подобных политических установок стал акцент на разъяснительной и агитационной антирелигиозной работе, что отразилось и в деятельности средств массовой информации того времени.

Центральные издания страны задавали тон в антирелигиозной повестке дня, а СМИ на местах подхватывали заданную линию. В 1919 г. начался выпуск первого в Советской России антирелигиозного журнала «Революция и церковь», а к 1920 г. спектр подобных изданий значительно расширился. Увидели свет журналы «Наука и религия», «Безбожник», «Деревенский безбожник», «Юный безбожник» и др. Объединение «Союз безбожников» (позже «Союз воинственных безбожников») под руководством Е. Ярославского организовало в 1926 г. выпуск флагмана антирелигиозной печати – журнала «Антирелигиозник».

На Дальнем Востоке не отставали от западных коллег. Во Владивостоке выпускалась многотиражная стенгазета «Искры безбожия», в Никольске-Уссурийском – «Бюллетень ячейки безбожников». Краевой совет союза безбожников в г. Хабаровске выпускал стенгазету «Дальневосточный безбожник». Забайкальский и Прибайкальский губкомы РКСМ издавали журнал «Юная рать» и т.д. Но в Амурской губернии специализированных антирелигиозных изданий не было, работа по секуляризации общества велась силами местных СМИ, в том числе ведущей газетой края – «Амурской правдой». Религиозные издания, начавшие свою

работу еще в дореволюционное время, прекращали деятельность: газета благовещенской епархии «Благовещенские епархиальное ведомости» была упразднена еще в 1918 г., баптистский «Голос христианской молодежи», редактором которого был известный на Дальнем Востоке проповедник Я. Я. Винс, – в 1922 г. [3, с. 349].

Газета «Амурская правда» определяла информационную повестку дня в средствах массовой информации края, в том числе, и в части борьбы за секуляризацию общества. Антирелигиозная проблематика стабильно присутствовала в материалах издания, но никогда не выходила на первый план. Отдельного раздела для публикаций данной тематической направленности в газете не было. Причину подобной ситуации, на наш взгляд, следует искать в особенностях заселения территории, в ее этническом и религиозном разнообразии.

Исследователи отмечают, что уровень религиозности на территории Амурского края был ниже, чем в целом по России. И. В. Колола утверждает: «Уровень религиозности амурских крестьян по сравнению с европейскими губерниями России был ниже. Далеко не все из них регулярно посещали богослужения (более обязательны в этом отношении были женщины, старики и дети). В среднем около 80% православных крестьян к началу XX в. исполняли христианский долг исповеди и причастия. В Европейской России этот показатель – не ниже 90%. Слабая институализация религиозного поведения может быть отнесена к специфическим чертам религиозности амурского крестьянства [3, с. 18]. Схожую мысль высказывает М. Б. Сердюк в работе «Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858 – 1917 г.)»: «Из-за недостатка священнослужителей, храмов, трудностей жизни в осваиваемом крае происходило ослабление и, даже, частичная утрата православных традиций» [5, с. 18].

В свете данных обстоятельств неудивительно, что СМИ Амурской губернии в 1920-е гг. не выводили антирелигиозную проблематику в разряд приоритетных. И все же, выполняя распоряжения партийного руководства, регулярно поднимали ее на страницах изданий. В «Амурской правде» как органе Губкома РКП печатались как программные материалы, являвшиеся перепечатками из центральных газет и журналов, инструктивных и агитационных брошюр и сборников, так и материалы с мест: заметки и письма рабкоров и селькоров.

Публикации, несмотря на их небольшое количество, были разнообразны в жанровом отношении. Присутствовали не только информационные, аналитические, но и художественно-публицистические тексты.

Перепечатки из центральных изданий и сборников носили, по преимуществу, аналитическо-разъяснительный или инструктивный характер. Они представляли религиозные верования как средство манипуляции массовым сознанием, доказывали реакционную сущность религии, подчеркивали ее связь с кулачеством и контрреволюцией. Так, в «Амурской правде» от 12 сентября 1925 г. была опубликована статья К. Радека «На чьей стороне Библия», убеждающая читателей в контрреволюционном характере христианской религии: «Христианство играет в Европе чисто контрреволюционную роль. Оно является идеологией самых отсталых крестьянских масс, при помощи которой капитал мобилизует их против рабочей революции…» [6]. Данная статья, как и другие подобные публикации, рассказывала о становлении и развитии религиозных верований, представляла их как исторический пережиток, как явление, несостоятельное с точки зрения науки и наносящее урон народным массам. Материалистическая концепция происхождения мира и человека утверждалась в них как единственно

верная, как соответствующая идее построения нового коммунистического будущего.

Особое внимание «Амурская правда» уделяла искоренению религиозных праздников и формированию новых традиций. Этой цели способствовали развернутые аналитические материалы идеологов советского атеизма. В рассматриваемый период времени выпускались специальные статьи, брошюры и сборники, которые разъясняли суть старых праздников и давали инструкции, как отмечать новые. «Амурская правда», активно перепечатывала данные материалы. В декабре 1926 г. газета опубликовала подборку статей, посвященных Рождеству: «Комсомольское рождество» Е. Ярославского (24 декабря 1926 г.), «Рождество» В. Гребнера (25 декабря 1926 г.), «Рождество Христово и антирелигиозная работа в деревне» А. Покровского (24 декабря 1926 г.) [6].

В публикации «Комсомольское рождество» Е. Ярославский отмечал, что молодежь успешно преодолевает предрассудки старины: «Огромное большинство человечества – все еще под гнетом религиозных верований, все еще в плену поповства разных вер и толков; безвольно, слепо, без рассуждений следует старине» [6]. Но с оптимизмом заявлял: «А сегодня комсомольское рождество. Молодые кроты роют устои векового рабства… <…> Сегодня молодежь заявляет, что она не верит богам земным и небесным и стаскивает их на землю и показывает их такими, каковы они без прикрас» [6]. В материале «Рождество» В. Гребнера, на тот момент лектора Музея сравнительного изучения религий, рассказывалось об истории становления и сути праздника, а потом давался практический совет: «Против христианской части праздника выдвинем беседы о бесполезности надежды на помощь бога в устройстве общественной жизни, и укажем, как выгодна богатым проповедь непротивления и любви в эпоху ожесточенной классовой борьбы» [6]. Данная публикация была фрагментом лекции В. Гребнера из инструктивного сборника «Комсомольское рождество в клубах» [7]. Статья А. Покровского, в 1926 г. заведующего Ленинградским антирелигиозным музеем, «Рождество Христово и антирелигиозная работа в деревне» предостерегала антирелигиозников от неверного подхода к пропаганде в период церковных праздников: «не устраивать танцулек под гармонику в «сочельник», не устраивать карнавалов», чтобы не задеть чувства верующих [6]. Покровский рекомендовал вести разъяснительную работу в форме стенгазет, собраний, вечеров вопросов и ответов, устраивать театральные представления, приглашать лекторов и др. Подобную «мягкость» в антирелигиозной работе и, как следствие, ее малую результативность позже резко раскритиковал И. Сталин, после чего для борьбы с религией стали применяться куда более решительные методы: преследования, аресты, ссылки.

Разъяснительно-инструктивный характер материалов центральных СМИ был призван способствовать борьбе с «пережитками» на местах. Газеты Амурского края активно использовали идеи пропагандистов для проведения антирелигиозной политики в городах и селах губернии: появлялись заметки и письма активистов, критикующие религиозные пережитки и демонстрирующие, как новые идеи воплощались в жизнь Приамурья.

Материалы антирелигиозной направленности местных корреспондентов носили, по преимуществу, информационный характер, были написаны «на злобу дня». Самыми распространёнными жанрами, в которых поднималась тема религии, были заметки и письма рабкоров и селькоров. То, что авторами данных материалов выступали местные корреспонденты, придает им особую значимость: именно в них, как в зеркале, отразилась социокультурная си-

туация того времени, положение дел с антирелигиозной пропагандой в городах и деревнях Амурского края.

Тематический спектр подобных материалов был разнообразен. Доминировали публикации критической направленности. Авторы стремились к разоблачению религиозного «обмана», зачастую не выбирая средств.

Газета формировала представление о церкви как о структуре, противоречащей кровным интересам народных масс. Религиозность увязывалась с интересами кулачества, и газета внушала читателям, что вера – это лишь способ эксплуатации бедноты. 1 декабря 1926 г. на первой полосе была опубликована статья «Сектантство и новый быт», в которой вскрывалась связь между религией и зажиточным крестьянством: «Классовая сущность религии осталась прежняя, только если раньше она служила орудием правящей феодально-бюрократической клики, то сейчас ее пытаются использовать кулацкая верхушка деревни и городской нэпман. Примеров тому много и в частности у нас, на Амуре, где особенно сильно сектантство, где оно организационно оформлено» [6]. Эта тема вновь поднялась на страницах издания 29 декабря 1926 г.. В материале «Кулаки и баптисты заодно» за подписью «Мимолетный» говорилось о том, что в период предвыборной компании в сельсовет села Среднебелая кулаки и баптисты объединились с целью выиграть выборы. Автор публикации выражал надежду, что «аппетиты кулачья и баптистских проповедников получат в дни выборов хороший отпор» [6].

Корреспонденты издания подчеркивали прямой вред от религиозных верований. В публикации «Плохая помощь от бога» (14 августа 1926 г.) рассказывалось, что в деревне Волково отказались от обработки семян формалином, понадеявшись на Бога. В результате урожай был испорчен. Соседи смеялись: «А то пойди, еще помолись, может и овес испортит» [6]. Через публикации подобного рода читателям показывали, что религиозность наносит экономический ущерб крестьянским хозяйствам, что будущее за новой властью, новыми ценностями, новым бытом.

Часто встречались заметки, в которых подчеркивалось, что верования мешают развитию образования. Корреспонденты с мест отмечали, что крестьяне охотнее дают деньги на церковь, чем на развитие местных школ: «Школы нет, а вот молельня есть» (18 декабря 1926 г.), «Поп на твердой ставке» (попу крестьяне бесплатно завалинку сделали, а за школьную 15 руб. запросили) (15 декабря 1926 г.), «У школы нет сторожа, а попу – 80 пудов пшеницы» (2 марта 1926 г.) [6]. Авторы подчеркивают, что подобные ситуации являются следствием «темноты» крестьян, находящихся во власти церковных проповедников, поэтому нужно вести среди них разъяснительную работу. Население должно понять, что нужно отправить все ресурсы на развитие школ, а не на содержание церквей.

Газета пыталась разрушить присущий верованиям ореол святости, избавить от страха перед высшими силами. В публикации от 14 августа 1925 г. «Андреевка молится» некто Атеист с издевкой описывает духоборское и баптистское собрания в деревне Андреевка. *«По окончании речи Абрамов буквально по собачьи зарычал, загавкал, начал что-то говорить как в бреду… Застучал по столу кулаками… Верующие благоговейно смотрели братцу в рот, ведь это говорил на немецком языке дух божий (так потом объяснили они неверующим). Этот же братец Абрамов однажды прыгнул верхом на женщину и кричит: «Я как Христос въезжаю в Иерусалим на осле» (приятный комплимент женщине)»* [6]. Как видно, корре-

спонденты не выбирали средств для достижения своих целей. Оскорбления идейных противников со страниц газет были нормой того времени, этические ценности не выдерживали идеологического нажима.

Следует отметить, что приведенный выше пример «уничижения» противника, встречался достаточно часто. Некоторые публикации носили откровенно оскорбительный для верующих характер. В письме рабкора от 22 августа 1925 г. «Ждут обновления», подписанном псевдонимом «Посетитель», оскорблению подверглась церковная святыня: *«В конторе Чурина работают члены союза, в переднем углу, довольно приличной величины, висит «богоматерь». Не обуяла-ли мысль «главков» конторы обновить старуху?»* [6]. Очевидно, что корреспондент намеренно пытался задеть чувства верующих, как можно сильнее уязвить их, а также продемонстрировать отсутствие страха перед «божьей карой».

Очень часто объектами критики становились служители культов, причем независимо от их вероисповедания. Дискредитация велась с использованием прямых личностных оскорблений. Так, в заметке от 30 ноября 1926 г. «Ушел в дьяконы» рассказывалось о председателе сельсовета, ставшем дьячком в местной церкви. Причины его поступка селькор объяснил не глубиной веры, а тяготением к земным радостям: *«в церкви ...к бабам ближе... А баб он любит»* [6]. Религиозное служение расценивалось в публикации как желание заполучить выгоду, а не как внутреннее призвание человека. Подобное подчеркивание аморального поведения представителей культа была частотным явлением на страницах газеты. А если в религиозности уличали партийных работников, комсомольцев или служащих, то нападки усиливались многократно. Посещение церкви, празднование религиозных праздников, крещение детей, венчание и др. были для них под запретом. Нарушивших правило «пробирали» на страницах газет.

Наряду с материалами разоблачительного характера, присутствовали публикации, в которых давались положительные примеры перехода к новой жизни: описывались «красные» свадьбы и крестины, праздники урожая и диспуты. При этом корреспонденты признавали, что бороться с вековыми традициями непросто. В статье «Сектантство и новый быт» (1 декабря 1926 г.), вынесенной на первую полосу, автор, говоря от активизации религиозной деятельности на Амуре, призывал бороться с христианской религией (которую он называет «сектантством») ее же методами: *«Но религия сильна не только темнотой, она сильна своими обрядами, она тесно переплетается с бытом, с праздниками, она сумела создать много художественного. Человек тянется к красоте и эту красоту он пока находит только в обрядности. Значит для того, чтобы окончательно обезоружить религию, в новые формы быта надо внести красочность, художественность, если хотите революционный пафос»*. Автор публикации отмечал, что проводимые в губернии красные свадьбы и праздники уступают религиозным по уровню художественности, в них «мало ярких красок»: *«Мелочь – регистрация брака, но не каждого может удовлетворить казенная подпись, а подчас еще очередь, как в кооперативе»* [6].

Газета старательно популяризировала новые праздничные церемонии и формировала безбожные традиции. В заметке от 28 августа 1925 г. «А мы укрепляем новый быт» рассказывалось о «красной свадьбе» в рабочем клубе, вызвавшей большой интерес крестьян: *«Рабочий Сидельников и Комор Вера впервые появились на сцене рабочего клуба и торжествен-*

но, в присутствии 300 рабочих заключили между собою дружеский союз» [6]. После приветствия молодых представителями различных общественно-политических организаций присутствующие прослушали доклады о старом и новом быте, а потом посмотрели дивертисмент и инсценировки в духе времени. Конечно, подобные попытки заменить церковное таинство с малой долей вероятности могли воодушевить молодежь, а тем более старшее поколение, но все же активно пропагандировались на страницах газеты. Другой пример, демонстрирующий, чем можно заменить религиозное торжество, был описан в заметке «Ильин день» от 11 августа 1925 г.: на религиозный праздник для крестьян в избе-читальне «был поставлен устный журнал» на тему «Илья Грозный, электричество и гроза», а «в дивертисменте выступали пионеры с частушками» [6]. Таких примеров на страницах газеты было много. Их характер можно определить как информационно-инструктивный, так как они не только освещали события, но и давали образец для подражания.

Значительное место среди материалов антирелигиозного характера отводилось на публикации художественно-публицистического и литературного характера. К распространенным жанрам можно отнести фельетоны, житейские истории, рассказы и др. Художественность, присущая данным жанровым образованиям, значительно «оживляла» антирелигиозную тематику, придавала ей эмоциональность, яркость, образность. Можно с большой долей вероятности утверждать, что эффективность данных материалов была ничуть не меньше, чем статей пропагандистов, писем и заметок с мест.

В анекдоте от 24 июля 1925 г. «Сердца трех» герои: американец, француз и англичанин, – рассуждали, какая религия в большей степени подходит для китайцев. Самый весомый аргумент привел англичанин, заявивший, что *«самая лучшая религия – ОПИУМ для народа. Правительству его величества ввезло в 1924 г. в Китай 10.000 тонн первоклассного опиума!!»* [5]. В анекдоте обыграно широко известное высказывание К. Маркса «Религия есть опиум народа» из работы «К критике гегелевской философии права» (1844 г.). Смеховой жанр в характерной для него лаконичной манере «разоблачил» и политику недружественной державы, и религию как средство манипуляции сознанием народных масс.

Популярным у амурских корреспондентов и читателей был жанр житейской истории. Публикации, в основе которых лежит рассказ о бытие человека, перипетиях его жизни, вызывали, и вызывают в настоящее время, неподдельный интерес. Реальная жизненная ситуация, представленная в художественной форме, позволяла «примерить» произошедшее на себя. В житейской истории «Акулинина жизнь. Из быта крестьянок Завитинского уезда» (27 августа, 1925 г.) церковь уличалась в пособничестве эксплуататорскому классу. В материале рассказывалось о замужестве работницы Акулины:

– По закону бы! – говорит Акулина.

– Сходим к попу, вот и будет по закону [6].

Пошли к попу. Обвенчал поп, несмотря на то, Зиненко был женат на другой женщине. Последствия незаконного брака оказались печальными для женщины. Когда закончились сезонные работы, новоиспеченный муж заявил, что Акулина нужна была ему как работница на лето, и выгнал ее, побоями заставив написать расписку об отказе от претензий на имущество. В материале подчеркивалось, что церковь не может быть гарантом законности, что она идет на поводу у кулаков. Читателя подводят к мысли, что священников совершенно не интересует

судьба простого человека, что они потакают зажиточным проходимцам, эксплуататорам, и что только советская власть может защитить бедноту.

Таким образом, анализ газеты «Амурская правда» в период с 1922 по 1926 гг. показывает, что издание реализовывало поставленные перед ним задачи в области антирелигиозной агитации и пропаганды. В соответствии с партийной установкой антирелигиозные материалы газеты носили регулярный, но достаточно сдержанный характер. Несмотря на присутствие оскорбительных выпадов в сторону религий, общий характер публикаций был скорее разъяснительно-агитационным, чем административно-указующим, уничтожающим. Как известно, такой стиль работы по секуляризации общества не имел успехов, поэтому руководством страны в 1927 г. был принят ряд административных мер, направленных на ее усиление. А 24 января 1929 г. Политбюро ЦК утвердило резолюцию «О мерах по усилению антирелигиозной работы», положившую начало массовым арестам служителей культов и верующих, приведшую к закрытию храмов и церковных школ. Начался новый этап борьбы за секуляризацию общества, приведший к изменению риторики СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слезин А. А. Антирелигиозное наступление советского государства в 1927–1929 гг. // Социодинамика. 2013. № 5. С. 125–189.

2. Федирко О. П. Государство и религия на Дальнем Востоке в 1920-е годы // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: Выпуск 14. Сборник статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 171-199.

3. Потапова Н. В. Евангельское христианство и баптизм в России в 1917–1922 гг. (на материалах Дальнего Востока)»: монография: в 2 т. Том 1. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2014. 400 с.

4. Кодола И. В. Культурная среда Амурской деревни (1858–1917 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Владивосток, 2002. 23 с.

5. Сердюк М. Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858–1917 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Владивосток, 1998 г. 22 с.

6. Амурская правда, Орган Амурского Губкома В.К.П., Губисполкома С.Р.К. и К.Д. и Губпрофсовета. 1922–1926 гг.

7. Комсомольское Рождество в клубах: сборник материалов к празднованию комсомольского Рождества. Л.: Гос. изд-во, 1925. 181 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/36755#mode/inspect/page/54/zoom/4

УДК 408.7

Е.И. Пляскина
Чита, Забайкальский госуниверситет

СЛОВО *ГУРАН* В СИБИРСКИХ ГОВОРАХ: ИСТОРИЯ, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

В статье рассматривается диалектное слово гуран: его происхождение, ареал бытования, семантическая структура, история формирования переносного значения и коннотативного компонента (эмоциональной окраски) этого значения; словообразовательные гнезда лексико-семантических вариантов, а также их синтагматические и парадигматиче-

ские связи в забайкальских и приамурских говорах как отраженных в художественных текстах, так и зафиксированных в иллюстрациях к словарным статьям в диалектных словарях.

Ключевые слова: диалектное слово, заимствованное слово, лексические единицы, прямое значение, переносное (метафорическое и метонимическое) значение, лексико-семантический вариант, эмоциональная окраска слова.

E. I. Plyaskina
Chita, Trans-Baikal State University

HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC ESSAY DIALECT WORD *GURAN*

The article considers the dialect word Guran: its origin, area of existence, semantic structure, history of formation of figurative meaning and connotative component (emotional coloring) of this meaning; word-forming nests of lexico-semantic variants, as well as their syntagmatic and paradigmatic connections in Transbaikal and Amur dialects as reflected in literary texts and recorded in illustrations to dictionary entries in dialect dictionaries.

Keywords: dialect word, borrowed word, lexical units, direct meaning, figurative (metaphorical and metonymic) meaning, lexico-semantic variant, emotional coloring of the word.
doi 10.22250/WFDA.2021.17.5

Забайкальские русские говоры формировались и развивались в течение трёхсот лет не только в инодиалектном, но и в иноязычном окружении (аборигены края – буряты, тунгусы, ононские хамниганы), поэтому в их словарном составе выделяется заметный пласт заимствованной лексики, относящейся по большей части к скотоводству и звероловству [см. 1]. Многие номинации приобрели общесибирский диалектный характер, о чём писал В. И. Даль в 1852 г. в статье «О наречиях русского языка»: «В сибирском наречии немало принято также от инородцев: татар, остяков, тунгусов, бурят, якутов и прочих. Таких слов особенно много по роду местной жизни, промыслам, предметам, естественным той местности» [2, т.1, с. 67]. Их перенимали, произнося по-своему, придавали им новые оттенки и смысл.

Одним из таких слов, претерпевших фонетическое освоение и приобретших новый смысл, а также достаточно широко известных в Сибири, является слово *гуран*. В прямом значении оно обозначает дикого козла и было заимствовано из бурятского языка (*гура/н/* – «самец косули (в период, когда у него опадают рога)» [3, с. 160]; гурөөһэ/н/ – «дикая коза, косуля» [3, с. 166]), зафиксировано в Словаре В.И. Даля (печатавшемся в 1861-1868 гг.) с территориальной пометой *сиб.* (сибирское) и с указанием на происхождение слова монг. (монгольское): «дикий козёл, самец косули [4, т. 1, с. 408] и в Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевной: «распространённое в Сибири название косули» (с иллюстрацией из романа К. Ф. Седых «Даурия»: *Он вёз притороченного ремнями к седлу гурана с ветвистыми рогами*) [5, т.1, с. 357].

Новое, переносное значение слова, появившееся в говорах казаков, а потом и в других

русских говорах Забайкалья (и Сибири) – «казак-забайкалец». Как прозвище забайкальских казаков-старожилов во втором значении оно зафиксировано и в «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья [6, с. 110], а после революции 1917 г. – это уже «потомки забайкальских казаков» (прозвище перешло к ним по наследству).

Казаки и в период освоения Забайкалья и позже активно охотились, что было связано в первую очередь с недостатком продовольствия и обилием дичи в тайге. Горный инженер и заядлый охотник А. А. Черкасов, служивший в Нерчинском горном округе с 1855 по 1871 гг., в своих «Записках» описал этот «рай для страстного охотника»: «Весной и осенью пролётной дичи было множество всевозможных пород и видов, особенно водяной птицы, которая частью оставалась тут «летовать» и выводила молодое поколение. В горах же водилось пропасть рябчиков и немало глухарей; тут же жили козы, изюбры, сохатые, медведи, рыси, росомахи, волки и множество хищников мелких пород. Зайцев и лисиц была пропасть» [7, с. 28]. Ещё и в XX в. косули ходили стадами: «*Гуран раньше табуны по тридцать, по сорок штук нашишытывали*» [6, с. 110]. С другой стороны, это связано с наличием оружия; из деревенских жителей, крестьян или мужиков, мало кто имел нарезное огнестрельное оружие (если только дробовик), они в основном рыбачили и ставили ловушки (силки́) на птиц и мелких животных (и казаки пользовались капканами, например, для ловли волков).

А.А. Черкасов, с детства любивший охоту и только ею «спасавшийся в этой глухомани», водил дружбу со зверовщиками или промышленниками, как называли в Забайкалье охотников, и, общаясь с ними, легко воспринял местные слова и обороты, касающиеся самых разных сторон жизни, поэтому и использовал их в своих очерках, иногда давая в скобках общерусское слово или используя сноски. Диких козлов он обычно называет *гуранами,* самок – *козулями*, *козлухами* или *козлушками*, детёнышей – *анжига́нами* или *гура́шками*: «… чутким ухом охотника услышал хрипение *гурана* (дикого козла) … ( ) …гляди, какой большущий *гуранище* бежит прямо на нас» [7, с. 35]; «Там и сям вблизи начали покрикивать *гураны* (козлы)» [7, с. 49]; «… как вдруг из чащи выскочила *козлуха* и запрыгала на месте, – то ли от тревожного мнимого писка *анжигана* (козлёнка)» [7, с. 52]; «Стремглав бросился я ещё вперёд и лишь только увидал быстро несущегося гурана (дикого козла), как …» [7, с. 108]; «– Нет, барин, раненый *гуран* (козёл) ушёл вон туда» [7, с. 166]; «Покончив в чащичке, мы отправились следить раненого *гурана*» [7, с. 167]; «*Гуран,* заметив меня, оставил без внимания Танкреда, и стал тем же манером нападать на мою особу» [7, с. 168]; «Собравшись снова все вместе, мы оснимали *гурана,* разбили на две части и унесли убоину к оставленной убитой *козуле*» [7, с. 169]; «Ездив однажды за козами с теми же промышленниками, я уже перед вечером подстрелил *гурана*» [7, с. 176]; «Тут мы ночевали две ночи и убили на солнечных увалах большого козла (*гурана*) и изюбриную матку» [7, с. 221] (автор настолько привык к диалектному слову, что в последнем из данных контекстов помещает его в скобки); «В это время из чащи выскочила молодая *козлуха*, а в кустах раздался жалобный «пик» маленького козлёнка. <… > Матка упала, а Танкред с большим усилием тащил из чащи небольшого, ещё полуживого *анжигана* (козлёнка). Мы слезли с лошадей, докололи молодого *гурашка*…» [7, с. 246].

В романе «Даурия», написанном известным забайкальским писателем К.Ф Седых, родившемся в казачьей семье в 1908 г. в поселке Поперечный Зерентуй Большезерентуйской станицы, ныне Нерчинско-Заводского района, точно описывается жизнь и быт казаков ста-

ницы Орловской, поселка Мунгаловского и др. в начале XX в. Слово *гуран* встречается там в прямом, и в переносном значении: «И смотреть нечего, – загорячился Никула, – солонцов тут вон сколько. А на солонцах косуля испокон веков водится. Да ежели ты хочешь знать, так я тут в прошлом г. *гурана* подшиб. Здоровенный козёл был, чистоганом три пуда вытянул» [8, с. 75]; «На зимовьё они вернулись всех позже. В каменке снова трещал весёлый огонь. Капитоныч и Филька свежевали большого *гурана* на земляном полу зимовья… [8, с. 349]; «Встаю я тут и кричу, что желаю, мол, на силача выступить, а у самого дух перехватило, глаза дымом застлало. Одни тут мне шлёпать начали, а другие разные обидные словечки пушшают. Дескать, куда, мол, тебе, *гурану*, он, мол, тебя пополам переломит. Рассердили меня не на шутку. А меня только рассерди… Дурацкий мой характер… – весело осклабился Платон (Волокитин)…» [8, с. 241].

Второй лексико-семантический вариант (ЛСВ) этого слова *гуран*$_2$ употреблён в романе жителем деревни Мостовки, то есть мужиком, в качестве обращения к казаку в эпизоде их столкновения. Распределяя сенокосные угодия мунгаловцев на паи, поселковый атаман Елисей Каргин с писарем и двумя казаками наткнулись на него, косящего «мунгаловский острец». Не успев ускакать, мужик, защищаясь, схватил косу.

– Брось литовку, брось, тебе говорю! – надсаживался Платон, не зная, на что решиться, и всё ещё надеясь взять мужика испугом. Но тот понял, что казак стрелять трусит, и пошёл прямо на него. В одной руке у него была литовка, другой он грозил Платону и кричал:

– На, гад, убивай!.. Убивай, *гуран* проклятый» [8, с. 134].

В сочетании с определением *проклятый* слово *гуран* является уничижительным бранным обращением, передающим сильные негативные чувства (вплоть до ненависти) мостовца к мунгаловцу, вызванные тем, что у казаков была привилегия на землю: «мунгаловские покосы тянулись на двадцать вёрст и доходили до самой поскотины деревни Мостовки, жителей которой ежегодно тянули они к ответу за потраву своих лугов и дразнили при встречах *жерновами* и *гужеедами*» [8, с. 131].

Из текста романа понятно, что *гуран*$_2$ – это казак; они сами себя так называли, и их так называли представители других сословий. Крестьяне, поскольку враждовали с казаками, наделяли эту ЛЕ отрицательными эмоциями. Об этом пишет и другой забайкальский писатель – В.И. Балябин, тоже казак, участник Гражданской войны в Забайкалье (родился в 1900 г. в селе Второй Булдуруй Чалбучинской станицы, ныне Нерчинско-Заводского района). В его широко известном романе «Забайкальцы» читаем: «Разные собирались у костра люди. В большинстве своём это была крестьянская беднота, но были среди них и казаки. <…> И странное дело, здесь и в помине не было той глухой сословной вражды, что сыздавна велась между казачьим и крестьянским населением Забайкалья. Крестьяне не обзывали здесь казаков «гуранами», а те их, в свою очередь, «кобылкой», «сиволапыми мужиками» и «широкоштанниками» [9, с. 240].

Автор в тексте романе не обошелся и без ЛЕ *гуран*$_1$ (как и образованного от неё прилагательного *гураний*), хотя гораздо чаще использовал русское слово *коза* для наименования косули (7 словоупотреблений против 3-х): «Он вчера *гурана* здоровенного своротил, звал на свежину, гульнём по такому случаю» [9, с. 619]; «Подошвы к унтам накроим из *гураньих* шек, шкура там толстая, передá из них же будут. На шитво жилки, они покрепче дратвов. Я их

из этого *гурана* уже повытягивал, унтов на двое хватит» [9, с. 576]; «Десять дён плутал по тайге, пока до вас добрался. Да ишо подфартило мне: *гурана* подстрелил здоровенного, прокоптил его на дыму, этим и питался да иногда хлебом разживался у пахарей на заимках» [9, с. 766]; «На ногах у неё мастерски сшитые унты из *гураньих* лап» [9, с. 148]; «Правда, на ногах у деда мягкие *гураньи* унты, но ведь и на Макаре-трубаче, что шагает вслед за Егором, такие же унты, но шаги его слышит Егор, а старика – нет» [9, с. 674]; «Он – походка его, и ергач такой же, только вот шапка на нём другая, охотничья, из *гураньих* лап с кожаным козырьком» [9, с. 603].

В наше время забайкальцы, особенно охотники, называют самца косули *гураном*, *гуранчиком* (уменьш.-ласк.), самку – *гуранихой* или *гуранкой*, детёнышей – *гуранятами* (в ед.ч. – *гуранёнок)*, хотя в большинстве старожильческих говоров это – *инджиган* (*инжиган, инзаган, инзыган, янзаган, инзаран)* от бур. *инзаган* – «козлёнок (детёныш дикой козы) [10, с.279], или *гуранчиками*, мясо и шкуру косули – *гура́ниной.* Наличие достаточно большого словообразовательного гнезда у ЛСВ *гуран*$_1$, в которое входит и прилагательное *гураний*, свидетельствует о его освоении и активном использовании в речи носителями забайкальских говоров.

Второй ЛСВ этого слова *гуран*$_2$ тоже имеет родственные слова: *гуранка* – жен. от *гуран*, *гуранёнок* – «ребёнок, малыш», *гуранский, гураньё, Гураныч, Гурания*, – употребление которых, как и самого ЛСВ, активизировалось в постсоветское время: в 1990 г. на большом казачьем круге в Москве было принято решение о возрождении Забайкальского казачьего войска (как и других казачьих войск), ликвидированного в 1920 г. вместе с упразднением казачьего сословия после революции 1917 г. В наше время существует читинский женский сайт Гуранка.ru, детский центр «Гуранёнок» при государственном театре национальных культур «Забайкальские узоры» в Чите, детский фестиваль «Гуранёнок», отметивший в 2018 г. десятилетний юбилей, детский сад «Гуранёнок» в п. Приаргунск Забайкальского края, торговый центр «Гуран», сеть магазинов, баров и ресторанов «Гураныч» в Чите, в которых продают и подают пиво и лимонад «Гураныч»; страна *Гурания* – поэтическое название Забайкальского края в стихах читинского поэта В.Г. Номоконова; активно используются забайкальцами собирательное существительное *гураньё*, словосочетания *гуранский говор, гуранское словечко*; в 2015 г. вышел в Воронеже «Краткий гуранский словарь», составленный любителем забайкальской речи, писателем Г. Г. Гончаровым [10].

Лексико-семантические варианты этого диалектного слова в наше время связаны ассоциативной связью, которая постепенно разрушается, так как внутренняя форма первого ЛСВ (признак, лежащий в основе названия) отсутствует – слово иноязычное; смысловая обособленность ЛСВ возрастает – и некоторые лингвисты и носители говоров считают их омонимами (не чувствуют семантической связи между *гураном*$_1$ и *гураном*$_2$) [11, с. 639; 12, с. 60; 13, с. 108]. Возможно, по этой причине забайкальцы, и не только они, стали наделять лексическую единицу (ЛЕ) *гуран*$_2$ каким-то новым смыслом, приписывать другое значение.

Многие из опрошенных студентов и преподавателей историко-филологического факультета Забайкальского госуниверситета, а также некоторые краеведы [см. 14] считают, что *гураны* – не просто казаки, а потомки от смешанных браков русских с бурятами или тунгусами. Может быть, здесь есть рациональное зерно, ведь русские казаки, осваивая приграничные земли на юго-востоке Забайкалья, служили вместе с крещеными инородцами, которых

охотно принимали на службу в казачьи полки, и брали в жёны их тоже крещеных дочерей. Историк А.П. Васильев в работе «Забайкальские казаки: исторический очерк», вышедшей в 1916г. в Чите, приводит такие статистические данные для 70-х гг. XVIII в.: «Всей пограничной стражи, нёсшей непосредственно службу, было 1700 человек: 800 русских, 500 нерчинских тунгусских казаков и 400 селенгинских бурятских казаков» (15, с. 207).

Отметим, что в забайкальских говорах (а также иркутских и русских говорах Бурятии) для обозначения потомков от смешанных браков, отличающихся от русских цветом волос и кожи, разрезом и цветом глаз, фигурой и другим, есть слово *карым* (жен. *карымка*); в словаре В.И. Даля оно имеет значение «крещёный бурят, новокрещёный; метис, бо́лдырь от русского и бурятки» и снабжено территориальной пометой *ирк.* (иркутское) [4, т. 2, с. 95]; в словарной статье к слову *бо́лдырь* дана и ЛЕ *карым* как синоним с территориальной пометой *сиб*. (сибирское) и с уточнением значения: «смесь русского и бурятки, тунгуски» [4, т. 1, с.110]; эти же значения отмечены в «Словаре русских говоров Забайкалья» [16, с.152] и в «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» [6, с.195]. В Забайкалье в 1761 г. появилась деревня, основанная карымами – крещеными бурятами, а также, возможно, и крещеными тунгусами *Карымка* [17, с. 69]; с 1935 г. это поселок городского типа *Карымское,* административный центр Карымского района; рядом с деревней в 1897 г. прошла железная дорога и построена станция *Карымская*; есть село *Карымка* в Улётовском районе, река *Карымка*; в Иркутской области и в Бурятии есть сёла с названием *Карымск*; широко известен среди старожилов Забайкалья и *карымский* чай – «калмыцкий или кирпичный» [4, т. 2, с.95].

Происхождение слова *карым*, по мнению Д.Г. Дамдинова, связано с монгольскими словами *хари, харим, харым,* имеющими значение «чужой, инородный» [18, с.3–4].

Слово *харанут*, бытующее в некоторых забайкальских говорах, имеет то же значение, что и *карым* [6, с. 497]; *хара* переводится с бурятского как «чёрный, тёмный» [10, с. 547], бурятское прилагательное в форме множественного числа *харанууд* переводится как «чёрные». (Возможно, то связано с тем, что метисы внешне похожи на азиатского родителя: чёрноволосые и черноглазые; даже во втором и третьем поколениях азиатские черты проявляются очень сильно).

В середине XIX в., в 1854 г., забайкальские казаки впервые сплавились по Амуру (так называемый первый амурский сплав под руководством Н.Н. Муравьёва) [19, с. 60-61], а в 1857-1858 гг. около 14 тысяч забайкальских казаков переселились на Амур и образовали Амурское казачье войско (дата образования – 29 декабря 1858 г.) [19, с. 73-74]. Естественно, что они принесли с собой то языковое и культурное богатство, которое накопили в Забайкалье: в словарный фонд говоров Приамурья входят и активно используются слова и словосочетания *гуран, гуранёнок, гура́ний, гура́нина, гуранка, гуранские, гуранские тарки, гуранский, гуранский чай, гураньё* и связанные с ними *о́ро́гда, орогда́шка, козляк, унты*, *орочонки*, что отражают «Словарь русских говоров Приамурья» [13] и «Албазинский словарь» [12].

Обращение к ним помогает понять, и кто такой *гуран*$_2$, и почему появилось и активно употребляется это прозвище как забайкальского, так амурского казака, потомка русских переселенцев из Забайкалья. Память об этом сохранилась в языковом сознании носителей приамурских говоров: «*Гуран* – это **чисто русский**, переселенец из Забайкалья»; «Он *гуран* дамнишний: на Амуре родился»; «*Гураны* у нас народ гостеприимный»; «*Гуран* – это **казак**, при-

вадное имя (прозвище) было»; «А **казаков** так звали – *гуранами*, потому что они, когда на охоту соберутся, одеваются, как козёл, чтобы дичь не спугнуть. Одевают *козляк*, *унты* и *орогду*»; «За чё **казаков** назвали *гураны*: оне ведь *о́рогды* носили гураньи. Прозвишше и сделали *гураны*» [13, с. 108]; «Наденет *орогда́шку,* ну и прилепили [прозвище] *гуран*» [13, с. 298]; «*Гуранами* **казаков** у нас называли»; «Местное население было **казачество**, *гуранами* называли как прозвище. Некоторые принимают как оскорбление, сердятся, недопонимают»; «*Козляки* носили, за это *гуранами* и прозвали»; «Наедут, одежды не было, вот и шили из коз – *гуранов* дохи. Поэтому и зовут людей *гуранами*» [12, с. 60].

Из словарных иллюстраций понятно, что когда-то забайкальские казаки, а потом и амурские, собираясь на охоту, надевали одежду, изготовленную из козлиных шкур: короткую шубу (до колен или чуть короче) мехом наружу с небольшим воротником – *козляк* (рис.1), унты и шапку, сшитую из шкуры, целиком снятой с головы косули (оставляли уши животного и прорези на месте глаз) – *о́ро́гду* или *гуранку* (рис.2).

Рис. 1.

Рис. 2.

Рисунки из «Словаря русских говоров Приамурья»

Охотник А.А. Черкасов, как и охотники-казаки, носил и *орогду*, и *козляк,* и даже научился их шить, живя долгое время в Бальджиканском карауле (караулом называли небольшое казачье селение – около десяти дворов). Однажды на охоте в районе Верхней Кары ему повстречались беглые (по предположению автора, бежавшие с Карийских золотых промыслов), один из которых узнал инженера (имевшего чин прапорщика) и, сняв шапку, сказал: «Здравия желаю, ваше благородие!», что поразило А.А. Черкасова, так как одет он был «вовсе не по-благородному». Далее, рассказывая о своём одеянии, он пишет: «… а на голове козья охотничья шапочка (*орогда*, как здесь называют)» [7, с. 17]. В другой раз, когда ожидал ночью у солонца гуранов и услышал треск сухих веток, «лёгкая козья шапочка (*орогда*) сама собой стала подниматься на волосах» [7, с. 45] (очевидно, орогда как лёгкая шапочка не имела подклада). В урюмской тайге он боролся с рысью и никак не мог отбросить зверя, так как тот «сильно уцепился ужасными когтями» за его продымленный *козляк* (в сноске автор поясняет, что «за Байкалом козляки и овчинные шубы всегда дымят над аргалом (зажжённые конские шевяки), отчего мездра пушнины получает красивый тёмно-жёлтый цвет и не боится мокра») [7, с. 178].

У А. А. Черкасова *козляк* – это «шуба из козульих шкурок» [7, с. 162], а шубы шили мехом внутрь, что подтверждается определением *нагольный* (*продымленный козляк*) [7, с. 184], то есть не крытый: «сшитый из шкур кожей наружу и не покрытый тканью (о шубе,

тулупе и т.д.) [5, т.2, с. 338]. Такой козляк А. А. Черкасов носил зимой постоянно, как и казаки, и рабочие разведывательных партий – это очень простой и удобный полушубок, в том числе и для езды на лошади, а «тайга не дозволяла отличия по той потребности, при которой складывалась сама жизнь таёжника и требовало того удобство самого костюма», поэтому казаки из шкурок добытых диких коз шили на заказ и *козляки*, и *унты* (тёплые мягкие сапоги), и рукавицы [7, с. 162].

В Словаре В.И. Даля слово *козляк* представлено и с территориальной пометой *сиб.* (сибирское): «козья яга, даха, яргак из шкур козуль» [4, т. 2, с. 132] (в этой же словарной статье объясняется ЛЕ *козуля*: «*Дикой козой* называют малорослый вид оленьего рода, это *козуля*») [4, т. 2, с. 131]; *яга* (*сиб,* ***орнб.***) – «яргак, ергак, род охабня **шерстью наружу** из жеребячьих шкур или из неблюя; шуба, тулуп халатного покрою; *ягу* или *яргак* носят все, особенно в дороге и **на охоте**» [4, т. 4, с. 672]; *ергак* или *ергач* – «тулуп или халат из жеребячьих, пыжиковых, козульих, сурочьих и иных короткошерстных шкур, шерстью наружу; даха. *Ергачи́на* – выделанная жеребячья шкура» [4, т. 1, с. 520]; *неблюй* (***арх.****, сиб.*) – олений телёнок, старее пыжика, до полугода; неблюйчатая шуба, даха, надевается в жестокую стужу, сверх пыжиковой одёжи [4, т. 2, с. 502]). Как видим, яргак (ергак, ергач) из шкур козуль называли *козляком* в Сибири (задолго до освоения Амура) и шили его как мехом внутрь, так и мехом наружу, но обычай носить его в дороге и на охоте появился гораздо раньше и принесён казаками из России.

Забайкальцы эти предметы одежды охотника уже утратили, в то время как амурчане, по всей вероятности, сохранили, поэтому в их языковом сознании ЛЕ *гуран*$_1$ и *гуран*$_2$ связаны ассоциативно-смысловой связью: «**Нас и сейчас называют *гураны*, вон из-за этих шапок**»; «Пошли на охоту отец и два брата; на них *гуранки* с ушами были» [13, с. 108]. Другими словами, жители Приамурья охотились на *гуранов* («Смотришь, вечером, паря, *гурана* убил»; «Козлы-то дики кричат, я думаю, тигра кричит, да это *гуран* ревёт. Оне, *гураны*, скачут далёко» [13, с. 108]), надевая на голову *шапки-гуранки* или *орогды*: «Козулю снимут с рогами, со всем – вот тебе и *орогда*»; «Шили *орогды*, снимали кожу с головы козла, пришивали уши, а для детей – с рогами»; «*Орогды* шили, шапки из головы козьей»; «У мужчин шапки эти были – *орогды*, *орогдами* называли. С ушами наденет, **как козуля**»; «На охоте дед коз скрадывал в *орогде*»; «*Орогды* шили, это из козы, носят, в основном, охотники, чтобы коза не убегала» [13, с. 298]. ЛЕ *оро́гда* зафиксирована и в Словаре В. И. Даля: «козья шапка с ушами, мехом наружу» с территориальной пометой *вост.-сиб.* (восточно-сибирское) и с уточнением «у зверовщиков» [4, т. 2, с. 691].

Устаревает и слово *козляки́*: «*Козляки* шили из козьих шкур, шерсть наружу»; «*Козляк* и доха – большая разница. *Козляки* коротки были»; «*Козляк* короткий такой, а дохи длинны, у *козляка* ворот небольшой, а у дохи целая козлинка уходила»; «Мужики *козляки* носили; я в *козляке* на охоту ходил. Тёплый он» [13, с. 193].

У этого слова есть переносное метонимическое, также устаревающее значение – «то же, что гуран (человек)»: «*Гуранов* зовут *козляками*, орочонское прозвище. Полушубки они носили – *козляками* называли, и людей тоже *козляками*» [13, с. 193], «*Козляки* носили, за это их *гуранами* и прозвали» [12, с. 60], то есть по части (по одежде) назвали целое (человека), и произошло это ещё в забайкальских говорах, так как *орочоны* (вост.-сиб.) – «кочевое мон-

гольское племя, обитающее в лесах Даурии» [4, т. 2, с. 691], прилагательное *орочонский* образовано в забайкальских говорах; забайкальцы же стали шить рукавицы с отверстием на ладони, которые в приамурских говорах известны как *орочонские рукавицы* или *орочонки*, а также *дыроватки*: «Рукавицы козьи – *дыроватки*: на ладошке прорешка проделана, туда охотник руку высовыват, когда стрелят» (точнее, пальцы) [13, с. 129]; «*Козляки* шили, дохи, шили *орогды*, *орочонские рукавицы*»; «*Орочонские рукавицы* – козлины, до локтей, с прорезью у ладони» [13, с. 298]. В Забайкалье носители борзинских говоров ещё помнят такие рукавицы [20, с. 61], но называют их *туру́нами*(от бур. *туруун* – меховой манжет, пристегиваемый к рукаву [10, с. 437], то есть буряты пристёгивали (пришивали) к рукаву кусок меха, который захватывали пальцами, чтобы защитить тыльную сторону ладони от мороза, так было удобно держать поводья, и русские стали в рукавицах делать прорехи – отверстия: и поводья держать удобнее, и стрелять можно, не снимая рукавицу).

Итак, в забайкальских говорах примерно в конце XVIII – начале XIX вв. в результате переноса наименования появились экспрессивные, то есть имеющие признак усиленной выразительности ЛЕ *гуран*$_2$ и *козляк*$_2$, синонимически соотнесенные с нейтральной ЛЕ *казак.* Они отражают эмоциональное, оценочное отношение носителей говоров к казакам-охотникам, похожим на гурана, если на них надеты одежды из козлиных (гураньих) шкур: конечно, вид их поражал, особенно шапкой-гуранкой. Активнее стала употребляться ЛЕ *гуран*$_2$ как более выразительная и благозвучная, тем более что семантически она связана с названием не предмета одежды, а животного (живого существа).

В русском языке метафорический перенос названия с животного на человека, похожего на него по тем или иным чертам, очень продуктивен: *петух, орёл, ворона, заяц, медведь, лиса, собака, щенок, свинья, козёл* и т.д. В говорах он представлен шире, чем в литературном языке [см. 21]. Возможно, в случае с ЛЕ *гуран* сработала ещё и ассоциативная связь между известной непокорностью, неуступчивостью казаков и упрямством коз. Неуступчивость и связанные с ней жёсткость и жестокость казаков (см. приведённую конфликтную ситуацию из романа «Даурия») вызывали отрицательные эмоции у крестьянского населения Забайкалья, которое стало использовать ЛЕ *гуран*$_2$ в качестве ругательной (см. выше). Это подтверждают Н.А. Ноневич, собравший в 1896 г. в Нерчинском крае материалы для словаря местного наречия, в которых это слово названо «бранной кличкой, которой честят забайкальских казаков местные крестьяне» [22, вып. 1, с. 52-53] и этнограф и филолог А.П. Георгиевский, слышавший его повсеместно в Забайкалье в конце 20-х гг. XX в. как ругательное название казака [23, с. 25].

Полагаем, что эмоциональная окрашенность появилась у этой ЛЕ до переселения забайкальцев на Амур, и аналогичная с Забайкальем сложная ситуация взаимоотношений казаков и крестьян помогла сохраниться коннотативному значению слова. Память об отрицательных эмоциях в языковом сознании носителей приамурских говоров отражают следующие контексты: «Местное население было казачество, *гуранами* называли как прозвище. **Некоторые принимают как оскорбление,** сердятся, **недопонимают**»; «Я сама *гуранка*, здесь родилась, меня *гуранкой* так и зовут, я **не обижаюсь**»; «*Гураньё* богаты были, **кресьяны их не любят**» [13, с. 108]; «*Гураньё* называют местных жителей: мы же *гураны*. Приезжие разозлятся – говорят: Во, *гураньё*»; «Много *гуранья* живёт здесь в Албазино» [13, с. 60]. Экспрес-

сия родственной собирательной ЛЕ *гураньё* (ср. со стилистически сниженными ЛЕ *офицерьё, ворьё* и под.) помогает передать негативное отношение к гуранам в некоторых приведённых контекстах; в других она выступает как нейтральная: «Мы, *гураньё,* чаёвный народ» [13, с. 108]; «*Гураньё*-то наше всё кипятило в них (*байдара́х*) молоко» [12, с. 60] (в забайкальских говорах эмоция неодобрения у ЛЕ *гураньё* тоже факультативна).

В советское время старались изжить сословную неприязнь, тем более что и казаков, и крестьян уравняли, они одинаково участвовали в коллективном хозяйствовании, поэтому коннотативное значение ЛЕ *гуран*$_2$ стало утрачиваться. Уже в 80-е гг. XX в. во время сбора диалектного материала в забайкальских селах автору статьи это слово встречалось без эмоциональной окраски и довольно редко, а презрительные прозвища забайкальских крестьян *кобылка, гужееды* и др. к тому времени исчезли совсем. Потомки казаков, например, в селе Ключевско́м Борзинского района (до революции относилось к Цаган-Олуевской станице) вспоминали, что их отцов, дедов раньше называли *гуранами:* «Ну и мы тоже *гураны*». К таким *гуранам* относится и отец автора статьи Иван Иванович – сын казака Ивана Николаевича Васильева, родившегося в этом селе в 1906 г. и погибшего под Сталинградом 3 декабря 1942 г.: «А вот мать, Катерина Петровна, – не гуранка, крестьянка из деревни Маньково; бабушка Акулина Кузьминична (мать отца) её не любила: всё не так делала. Дед Николай был кузнецом, а отец-то деда – пришлый казак, откуда-то с Волги ли, с Западной Сибири, кудрявый, рыжий; говорят, на скрипке играл». Известно, что село Ключевское возникло как сторожевой пост для охраны границы наряду с такими же постами Кондуй и Цаган-Олуй в 70-х гг. XVII в.; чуть раньше, в 1764 г., была построена крепость Чиндантская и Борзинский караул, которые обслуживали казаки, присланные из Селенгинска, Верхнеудинска, Баргузинска, Иркутска [24, с. 15]. В первой половине XIX в. заселение приграничной территории происходило за счёт переселенцев из других районов Сибири, а во второй половине – за счёт естественного прироста [7, с. 226]).

В наше время, время осознания самих себя, время возвращения к истокам и к исконным ценностям, многие забайкальцы и жители Приамурья называют себя *гуранами* даже с гордостью («Мы *гураны* – мы казаки, а казаки верно служили и служат Отечеству»), и мало кто помнит о той отрицательной оценочности, которой оно обладало когда-то (примеры см. выше).

Нельзя не сказать и о том, что в Приамурье забайкальские казаки принесли (привезли) и традиции питания, в частности, продолжают печь *тарки* (фигурные булочки из дрожжевого теста) с начинкой из сушёных молотых ягод черёмухи и называют их там *гуранскими таркáми*: «И булки пекли, и *тарки гуранские* пекли. Черёмухи наберём, насушим, намелем на жерновах и *гуранскы тарки* пекём» [13, с. 108]. А известный в Забайкалье *чай-сливан* (*чай-сливанчик*) амурчане называют *гуранским чаем* и готовят так же, как у нас: «В чай наливают сливки, молоко, кладут яйцо и масличка туды. Крепко заварят его сперва, сливают потом ковшичком»; «*Чай гуранский* густой прямо такой. Чай-сливан – *гуранский чай*, счас его попустилися – не делают»; «Шульту используют для заварки *гуранского чая*»; «Наш *гуранский чай сливан* делали из китайского чая» [13, с. 108].

Таким образом, прозвище забайкальских казаков *гуран* появилось на основе метафорического переноса, что подтверждают и ученые Бурятского государственного университета

А. П. Майоров и А. Д. Болсохоева, которые в словарной статье к слову *гуран* в «Материалах к словарю русских говоров Бурятии» в 1995 г. написали: «прозвище забайкальских казаков-старожилов, носивших гураньи шапки»; примечательна иллюстрация, записанная в селе Карымск Прибайкальского района: «Ф силе нашэм гуранаф уважают» [26, с. 71]. Она демонстрирует не только уважительное отношение к гуранам (что характерно для 90-х гг. XX в.), но и то, что не всех жителей села так называют.

Конечно, нельзя отрицать, что корни многих забайкальских казаков-гуранов уходят в племена аборигенов края (и бурят, и тунгусов), но к началу XX в. сменилось 6-7 поколений, и возобладал русский (славянский) генотип: достаточно высокий рост (и, как следствие, большой вес), широкие плечи, мощный торс – фигура пахаря, а не кочевника; русые, светло-русые и (реже) белокурые волосы, иногда вьющиеся; густые бороды, часто рыжие; часто серые и голубые глаза (хотя не менее часто глаза тёмно-карие и карие – наиболее устойчивый признак азиатской расы). В этом убеждают довольно скупые словесные портреты забайкальских гуранов – персонажей романа «Забайкальцы»: Егор Ушаков, главный герой романа, «ростом высокий, глаза голубые, а чуб из-под папахи русый из кольца в кольцо» (при прохождении призывной комиссии определили гвардейский рост – два аршина десять с половиной вершков (188 см), вес – четыре пуда десять фунтов (около 70-ти кг) [9, с. 48, 100]; у его сына Егорки светло-русые, слегка вьющиеся волосы и голубые глаза [9, с. 314]; рябой, губастый, с зелёными глазами Спирька Былков [9, с. 436]; с окладистой бородой станичный атаман вахмистр Пичугов [9, с. 653]; Иван Козлов, статный детина с тёмно-русым волнистым чубом [9, с. 683]; белокурый, широкоплечий казак Молоков [9, с. 617]; рыжебородый казак-красногвардеец Донинской станицы [9, с. 487]; рослый, синеглазый, высоколобый сотник Иннокентий Пантелеев [9, с. 581, 582]; рыжебородый, здоровенный казачина [9, с. 598]; русобородый, добродушного вида старик [9, с. 651]; высокий широкоплечий бородач [9, с. 690]; рыжебородый войсковой старшина Рюмкин [9, с. 276]; широкоплечий бородач поселковый атаман [9, с. 263]; рыжебородый Нефёд Лощилин [9, с. 317]; хорунжий Уткин с голубыми глазами [9, с. 273]; с курчавой бородкой человек в казачьей шинели без погон [9, с. 597]; у Ганьки чуть рябоватое лицо, серые под белёсыми бровями глаза, светло-русые волосы [9, с. 759]; адъютант П.Н. Журавлёва Ванюша – чубатый, рослый детина, в котором добрых шесть пудов весу [9, с. 764]; сероглазая Афоня со светло-русой косой [22, с. 781, 784]; высокая конопатая Парушка [9, с. 287].

Скуластых, черноволосых казаков значительно меньше: чернобровый, скуластый казачина Макар Якимов с чёрным, жёстким, как конская грива, чубом [9, с. 277, 783, 784]; отец Макара, пожилой скуластый бородач [9, с. 679]; Аксёнов со скуластым, монгольского типа лицом [9, с. 361]; Николай Вершинин, стройный, с вьющимся чёрным чубом и лихо подкрученными усами [9, с. 775]; как и невысоких казаков: Сильвестр, небольшого роста, русобородый крепыш [9, с. 596]; небольшого роста белобрысый казак-вестовой [9, с. 384]; русобородый, небольшого роста Фадеев [9, с. 689] и кареглазых: Фрол Емельянович Балябин с чёрной, в мелких колечках бородой [9, с. 623]; Павел Николаевич Журавлёв [9, с. 764]; казачка Настя Пантелеева [9, с. 51, 148].

У К. Ф. Седых в «Даурии» многие гураны тоже рослые и широкоплечие [8, с. 148]: поселковый атаман Елисей Каргин – широкоплечий и широколицый усач, верзила [8, с. 23,

135]; рыжебородый, гигантского роста казак Чалбутинской станицы [8, с. 197]; у главного гурана Романа Улыбина «глаза полыхали озёрной синью», чуб тёмно-русый [8, с. 14]; его отец Северьян – белокурый и желтоусый, с волосатой грудью [8, с. 7, 14]; Гордей Мишагин – белобрысый, курносый, веснушчатый [8, с. 75, 76]; Сергей Чепалов – с каштановой чуприной [8, с. 45]; тройкой атамана отдела правил рыжебородый красавец-кучер [8, с. 60]; у станичного казначея отец – белобородый, с иконописным обликом старик [8, с. 149]; и лишь у нескольких персонажей обозначены азиатские черты: жёсткие и реденькие усы, карие, чуточку косо поставленные глаза у Семёна Забережного, [8, с. 95]; тонкобровое, смуглое лицо у Алёхи Соколова [8, с. 114]; узенькие глазки у Иннокентия Кустова [8, с. 114]; широко и косо поставленные глаза у на́рочного казака [8, с. 92]; карие глаза Дашутки Козулиной (и при этом каштановые волосы) [8, с. 17].

Фотографии многих гуранов того времени – казаков-героев Гражданской войны Ф. Е. Балябина, Г. К. Богомягкова, П. Н. Журавлёва, Макара Якимова и др., казаков-писателей К. Ф. Седых, В. И. Балябина – доказывают, что возобладал русский генотип.

Все вышесказанное показывает специфику лексической единицы *гуран*, ее словообразовательные и семантические связи, а также демонстрирует отличие этой единицы от сходной по значению лексической единиц *карым*. Можно обоснованно утверждать, что в слове *гуран*, знаковом для русских говоров Забайкалья и русских говоров Приамурья, отражён сегмент истории освоения Забайкалья и Приамурья, часть материальной культуры тех, кто осваивал эти территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пляскина Е. И. Заимствованная лексика в русских говорах Забайкальского края // Русский язык в странах СНГ: проблемы и перспективы. Материалы 2 международной научно-практической конференции. Костанай, 2014. С. 58–62.

2. Даль В. И. О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 1. С. 41–85.

3. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М., 1973. 804 с.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 1–4.

5. Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. – Т. 1–4.

6. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1990. 540 с.

7. Черкасов А. А. Из записок сибирского охотника. Иркутск, 1987. 576 с.

8. Седых К. Ф. Даурия. Иркутск, 1975. 431 с.

9. Балябин В. И. Забайкальцы. М., 1977. 816 с.

10. Гончаров Г. Г. Краткий гуранский словарь. Воронеж, 2015. 106 с.

11. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеазиатских языков. М., 2000. 765 с.

12. Галуза О. Ю. Албазинский словарь. Благовещенск, 2010. 294 с.

13. Словарь русских говоров Приамурья. Благовещенск, 2007. 542 с.

14. Мищенко А. Карымы // Забайкальский рабочий, № 64, 6 апреля 2002.

15. Васильев А. П. Забайкальские казаки: исторический очерк. Чита, 1916. Т. 1. 232 с.

16. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980. 472 с.

17. Балабанов В. Ф. В дебрях названий. Чита, 2006. 101 с.

18. Дамдинов Д. Г. О предках Гантимуровых (титулованных князей и дворян по московскому списку). Улан-Удэ, 1996. 93 с.

19. Голик А. А. Государственная политика России в отношении дальневосточного казачества в 1851 – 1917 гг. Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2015. 209 с.

20. Пляскина Е. И. Бытовая лексика говора: опыт систематизации материала. Чита, 2016. 222 с.

21. Пляскина Е. И. Метафорическая лексика со значением лица в романе К.Ф. Седых «Даурия» // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество. Материалы международной научной конференции в 3 ч. Чита, 2017. Ч. 2, с. 209–213.

22. Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Ч. 2, вып.1. Красноярск, 1974. 208 с.

23. Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Русские говоры Приморья. Вып. 3. Владивосток, 1928. 95 с.

24. Забайкалье: краткий исторический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск,1891. 155 с.

25. Воробьёв В. В. Формирование населения Восточной Сибири: географические особенности и проблемы. Новосибирск, 1975. 259 с.

26. Майоров А. П., Болсохоева А. Д. Материалы к словарю русских говоров Бурятии // Русские народные говоры Забайкалья (лексикография, лексикология). Улан-Удэ, 1995. С. 63–99.

УДК: 811.161

М. А. Куроедова, Н. Г. Архипова
Благовещенск, Амурский госуниверситет

ЛЕКСИЧЕСКЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО НАЧАЛА В ОЧЕРКАХ В. ПЕСКОВА: КОНЦЕПТЫ «РАДОСТЬ» И «ПЕЧАЛЬ»

В статье исследуются лексические средства выражения личностного начала в очерках В. Пескова через анализ концептов «радость» и «печаль»; рассматриваются речевые стратегии журналиста при анализе речевых действий, представленных в интертекстах.

Ключевые слова: концепт, лексикон, речевое действие, языковые элементы, текстовые элементы, интертекст.

M. A. Kuroedova, N. G. Arkhipova
Blagoveshchensk, Amur State University

LEXICAL MEANS OF EXPRESSION OF PERSONAL BEGINNING IN THE ESSAYS OF V. PESKOV: THE CONCEPTS OF «JOY» AND «SADNESS»

The article deals with the lexical means of expressing the personal principle in V. Peskov's essays through the analysis of the concepts «joy» and «sadness»; the speech actions of a journalist are considered in the analysis of speech actions presented in intertexts.

Keywords: concept, lexicon, speech action, linguistic elements, text elements, intertext.
doi 10.22250/WFDA.2021.17.6

При изучении языковой личности лингвокогнитивный, тезаурусный уровень (лексикон) занимает важное место. Именно с возможности индивидуального выбора, с личностного предпочтения одного понятия другому и начинается языковая (речевая) личность. В качестве единиц этого уровня рассматриваются обобщенные (теоретические или обыденно-

житейские) понятия – концепты. На сегодняшний день концептуальный подход к анализу сущностных характеристик языковой системы личности получил широкое распространение [1, с. 64-72]. Необходимо отметить, что этот же подход лежит и в основе многих работ, направленных на исследование языковой картины мира того или иного субъекта речи [2]. В настоящем исследовании понятия языковая личность и языковая картина мира тесно взаимосвязаны, так как основными темами публицистических выступлений В. Пескова являлся окружающий мир и знания о нем: через отношение к природе очеркист выражает себя как личность. В качестве основного объекта исследования выбраны те концепты, при актуализации которых автор открыто декларирует фрагменты ценностной картины мира, в чем проявляется социальная сущность выступлений очеркиста.

Цель статьи – исследовать лексические средства выражения личностного начала в произведениях В. Пескова через анализ базовых концептов его очерков, а также рассмотреть речевые стратегии журналиста при реализации этих концептов в своем творчестве.

Одними из основных лейтмотивов произведений В. Пескова являлись концепты *радость* и *печаль*. Им и будет посвящено настоящее исследование.

Материалом исследования послужили очерки В. Пескова, опубликованные в период с 1999 по 2007 гг. в рубрике «Окно в природу» в газете «Комсомольская правда». Одну из авторских сентенций *«Всякое проявление жизни дает ощущение радости бытия»* можно поставить в качестве эпиграфа к этой части его творчества.

Любая лейтмотивность как таковая свидетельствует о целостности творческого мира автора, особенно лейтмотивность тем, проблем, образов. Словесная же лейтмотивность особым способом цементирует каждое конкретное произведение, связывает между собой разные произведения. Под словесным лейтмотивом мы понимаем «повторяющийся элемент поэтики произведения (текстуальный эквивалент, языковая манифестация), который отличается смысловой значимостью и характеризуется смысловым приращением в маркированном отрезке текста» [3]. Понятие *радость* характеризуется двумя основными параметрами: это соотнесенность с самим чувством радости и с теми качествами предмета или объекта, которые вызывают чувство радости.

К словам, обобщающим чувства радости, относятся общие аксиологические оценки, языковые элементы, выражающие общее настроение, эмотивные состояния (в данном случае позитивные) субъекта речи: «В лесу *хорошо* ходить всяко: ватагой – аукаться, собирая грибы, и петь под гитару у костра песни; вдвоем, когда локтем толкнешь спутника, и он без слов понимает *общую радость*. И одному *хорошо!*» (Радость на птичьих крыльях); «А сколько *радости* дают человеку чистые воды бегущих горных ручьев и речек, зеркальная вода озер, обрамленная кувшинками и пахучими травами. Человек, выраставший возле воды, уносит из детства *самые радостные впечатления*» (Обыкновенное чудо); «Этот особый, прогретый солнцем плодоносящий мир – *радость* для путника, утомленного равнинной степной дорогой» (Грушевый лес); «Наибольшее *удовольствие* доставили нам медведи и волки, живущие вместе» (Волки просили хлеба). В этих примерах языковой манифестацией чувства радости являются общие аксиологические оценки: *хорошо*, *самые радостные впечатления,* эмотивные состояния *радость, удовольствие.* Во многих высказываниях В. Пескова к языковым элементам, выражающим это чувство, добавляются те характеристики объектов, которые вы-

зывают эти состояния: «Встретить свиристелей и снегирей в заснеженном лесу или парке – на весь день *радость*. *Ничто не украшает* зимний мир *лучше*, чем кисти рябин и две эти *очень нарядные* птицы» (Боярышня); «Более часа я просидел *очарованный* комарами, *нежными* златоглазками, жуками черными и ярко-красными или как будто кованными из вороненой стали» (Мир Гребенникова). Текстовым эквивалентом радости в данных примерах является причастие *очарованный,* приносящие радость характеристики: *очень нарядные* птицы, *нежные* златоглазки.

Радостью окрашено в очерках В. Пескова восприятие не только видимых, приятных для глаз явлений, но и слышимого мира: «Киньте камешек на тонкий, недавно образовавшийся на пруду лед, и вы услышите череду замирающих звуков: тек-тек-тек… Вот он первый урок звуковой *радости.* А как развито чутье и как *приятны* сочетания песенных звуков птиц!.. Даже барабанная дробь дятла по дереву заставляет остановиться и прислушаться *с радостью»* (Чарующий звук). Радостными впечатлениями характеризуются и более обобщенные, и даже абстрактные явления: «*Первые дни* в октябре были *волшебными»* (В гостях у лесничего)*;* «На свет моего фонарика летели мохнатые бабочки. В сухой траве гремели кузнечики. Через тропинку прыгали жабы. И в темноте в ивняках журчала вода… *Благословенный август*!» (Август благословенный).

Интересно отметить, что к объектам природы, способным очаровывать и радовать человека, В. Песков относил не только животных и растения, но и такие явления неживой природы, как камни: «Посмотрите на эти камни. Игрою ветров и воды за многие годы создано *чудо*. *Чудо!»* (Памятники природы). А иногда даже и не целостное явление природы, а просто выделяется диковинная деталь пейзажа: «*Радость* была немаленькая, когда в глубокой долине, заросшей непролазным шиповником и еще каким-то цветущим кустарником, мы увидели древний каменный дом с колесом на боку. Мельница!»; «Водяные мельницы стали представляться мне вымершими мамонтами. И вдруг одну из них обнаружил я на брянской земле. Это был *праздник*» (И ветра шум, и шум воды). Очеркист называл подобные явления «изюминками» и призывал журналистов находить их и рассказывать о них читателям.

Спектр радостных человеческих переживаний в очерках В. Пескова широк. *Счастье, восторг, радость, удовольствие, наслаждение, очарованный, чудо, волшебный, благословенный* являются словами, в которых сема радости проявляется наиболее интенсивно. Есть примеры менее интенсивных переживаний: «Мы видим ее (*интимную жизнь животных* – М. К.), сидя на мягком диване за чаем. В сознании нашем остается *теплое чувство*»; «И было на душе *хорошо и тепло*» (Радость на птичьих крыльях), «Сурикаты хорошо приручаются, очень *забавны* при жизни в доме, и местное население держит их иногда вместо собак и кошек как *исключительно приятных* животных» (Часовые пустыни). В этих отрывках интенсивные впечатления: *хорошо и исключительно приятные* дополнены менее интенсивными: *забавны, теплое чувство*. В некоторых случаях автор обозначал позитивные реакции, не содержащие эту сему, но и эти авторские высказывания создают у читателя положительные впечатления: «Все, кто видел сурикатов, проникаются к ним *уважением*. *Смелые, любознательные, дружные, трудолюбивые,* они обитают в местах, не слишком благоприятных». (Часовые пустыни). «Заразиться бы нам *мудростью*, а не безумием!» (Памятники природы). Слова *«мудрость*» и *«уважение*» являются квалификаторами не эмоциональных характери-

стик личности, а интеллектуальных. Однако, благодаря своему высокому положительному потенциалу, они способны в данном контексте возбуждать эмоциональные чувства.

Идея человеческой радости, в ответ на радость животных, нашла свое отражение и в интертекстах. В очерке «Медовая западня» герой – таежный житель Ерофей, почти умирающий от голода, не убил рябчика только за то, что «так *весело, хорошо* было ему глотать березовые почки». Увидев этого рябчика на следующий день опять за радостным поеданием березовых почек, Ерофей заговорил с птицей. И что-то изменилось в сердце таежного скитальца: «Солнышко уже припекало, и стало *хорошо* у меня на душе. Даже и умереть было *не страшно*». Эти размышления Ерофея, помещенные журналистом в свой текст, способны взволновать любое сердце.

Использование чужой речи в разработке основной темы может носить еще более активный характер: «Я рассказал ей, как журавли весной танцуют, разбившись на пары, кричат так, что голоса их сливаются в один *торжествующий звук любви.* Старушка слушала внимательно и, прощаясь, сказала три слова: «Какой вы *счастливый*…». Яснополянский мудрец говорил то же самое в дневниках: «*Счастье* – это быть с природой, видеть ее, говорить с ней». (Радость на птичьих крыльях). В этом высказывании автор с помощью интертекста возводит важный концепт своего творчества – *радость* – в высшую степень – *счастье*.

Особое звучание в очерках В. Пескова получает тема *радости в жизни животных*: «Речь не идет о явлении симбиоза, когда два вида животных извлекают из сожительства взаимные выгоды, речь идет об истинной дружбе, в которой два существа обретают *общую радость общения*» (Водой не разлить); «Игры животных – *это радость движений*, сопряженных с познаньем окружающего мира и познаньем себя самого… С какой *радостью* носит собака вам палку, с каким *наслаждением* кувыркается, впервые познав эту *радость,* молодой барсучок…» (Игра); «Звуки птичьего пения нас *чаруют*. Но ведь они изначально предназначены не для человеческого уха. Их должен услышать спутник их жизни. Отчего ж не подумать, что песня и у него вызывает чувства, сходные с человеческими, – *чувства радости*»; «Но совершенная слуховая система, можно предположить, *с радостью* воспринимает и просто *приятные* звуки, а их *гармоничное* сочетание доставляет даже и *удовольствие»* (Чарующий звук). Чувства радости, испытываемые животными, журналист облекал в не менее разнообразные формы, чем человеческие чувства: *радость, наслаждение, удовольствие, приятные звуки, гармоничное сочетание.*

В очерке «Игра» радость животных является словесным лейтмотивом, пронизывающим насквозь все произведение. В тексте слово *«радость»* встречается семь раз, словесный эквивалент ему слово «*удовольствие*» – два раза. Помимо этого, можно выделить слова, семантически соотносимые с главным понятием: *наслаждение, всласть, нравится, любимая игра, самозабвенно*. Не менее часто насыщен подобными языковыми элементами и текст очерка «Чарующий звук»: *«радость»* – четыре раза, *«удовольствие*» – четыре, «*приятные»* – три, а также слова: *восторг, наслаждение, воодушевить, привлекательный*. Тема радости животных являлась в очерках одним из мотивов общей оды очеркиста, посвященной радости жизни, испытываемой человеком: «Прозрачные крылья у них сверкают слюдой, полет *переливчат, как музыка*. Иногда парочка садится на твой удочный поплавок передохнуть, и *радость* жизни, переполняющая стрекоз, передается всем, кто их наблюдает» (Летающий мир).

Позитивное переживание, эмоциональное потрясение, возбуждение впечатления – эти эмоциональные задачи очерков В. Пескова имеют *эстетический эффект.* С этих позиций роль эмоционального элемента в публицистическом произведении можно оценивать как стержневую художественную характеристику: «Важное отличие знака художественно-образных языков заключается в том, что их системы сформировались в тесной связи с прямыми чувственными формами отражения и до сих пор сохранили эту связь» [4, с. 21].

Очерки В. Пескова демонстрируют и обратный процесс, когда эстетическое переживание рождает эмоциональный эффект: «И, наконец, *красота*… С малого возраста ее олицетворяют *цветок* и *бабочка*… Ни на что другое в животном мире не потрачено столько *изящества*, выдумки, *красоты*…» (Мир Гребенникова); «Первое впечатление: очень *красива*! Огромные оранжевые глаза *забыть невозможно»,* «*Прекрасная* белая птица – *украшение* скудной суровой земли» (Снежная бабушка); «Полосатые, *удивительной красоты* поросятки…» (Потомки вепря); «Беззвучный, веселый их хоровод на отражающей синеву неба воде – *праздник для глаза*» (Бегущие по воде). *Удивительная красота, очень красива, изящество, гармоничность, живописный, прекрасная, украшение, переливчат, как музыка, очень нарядные, нежные, очарованный, праздник для глаза* – эти сигналы эстетического в тексте создают определенное эмоциональное настроение. Они составляют основной массив периферийных языковых элементов с семой радость – элементов, в которых отражаются качества предметов и явлений, вызывающие радость: «Посредством эстетической ценности искусство таким образом прямо воздействует на самые главные регуляторы человеческого поведения и мышления – на чувственное и волевое отношение к миру» [5, с. 120].

Многообразие языковых элементов, группирующихся вокруг концепта «радость», присутствие их во многих очерках позволяет сделать вывод о том, что словесный лейтмотив *«радость»* в творчестве В. Пескова сформировался в лейтмотив-тему и лейтмотив-образ, образ яркий и выразительный, в основе которого заложены эстетические и эмоциональные характеристики: «Удалите все это из жизни или по нерадивости потеряйте (это возможно при варварском отношении человека к Природе), и жизнь потеряет *краски* и главный *источник радости»* (Радость на птичьих крыльях). Слова *краски* и *источник радости* соответствуют эстетическому и эмоциональному. Подобного рода авторские высказывания являются программными, в которых обозначаются не только жизненные, но и творческие позиции автора.

Необходимо обратить внимание еще на один эффект, являющийся своеобразным результатом сплава эстетического и эмоционального в творчестве В. Пескова, – это *психотерапевтический эффект*. Помимо позитивного посыла, формирования определенного отношения к природе, форма и содержание его очерков вносят элемент умиротворения и успокоения в чувства читателей. Это тем более важно сейчас, когда журналистика является в основной своей массе стрессором, психологическим, а иногда и социальным дестабилизатором аудитории. В. Песков сам рассматривал природу как гармонизующий фактор и старался своими произведениями внести гармонию в жизнь читателей: «Сколько раз после трудного дня я приходил в себя и, успокоенный, засыпал, стоило только вспомнить рябины, верещанье дроздов, желтые бурьяны и лосей, жующих кислые яблоки» (Грушевый лес). А читателям рекомендовал самим внимательно наблюдать за природой и запечатлевать в памяти чудные места: «И каждый из нас может припомнить пусть не такую *диковину,* а хотя бы просто большой

камень-валун возле дороги либо выветренную до сходства со зверем скалу или пещерку, студеный ключ, бьющий на дне оврага, *живописный* обрыв *с интересными* обнаженьями, озеро или болотце в пойме реки, колонию цапель в лесу, селение ласточек-береговушек. Всего не перечислить» (Памятники природы).

Лирическая окраска очерков В. Пескова выявляет в его портрете не только черты художника, но и черты поэта. Тем более сам очеркист нередко использовал слово «поэтическое» в качестве позитивной оценки тех или иных явлений, связанных с природой: «Хрипловатое кукование не только напоминает: «время идет», но и служит *поэтическим образом* времени» (Радость на птичьих крыльях); «По рассказам я представлял *поэтический мир* мукомольных снарядов, приводимых в движение ветром и теченьем воды» (И ветра шум, и шум воды); «Сознанье, что их зелеными и цветущими видели наши далекие предки, рождает у одних *чувство поэтическое*, у других почти религиозное», «Сам по себе интересный и достойный называться памятником природы, он вдруг оказался тут *поэтическим символом*, организующим центром в овеянных блоковскими стихами местах» (Памятники природы).

Необходимо отметить, что эти художественные процессы глубоко и полно втягивают *читателя* в область авторского миросозерцания, формируют в его душе свой собственный, но подобный авторскому, очень личностный взгляд на мир. Переживание, в котором реализуется эстетическое отношение, является наиболее неотрывной от индивидуальности формой личностного, субъективного восприятия мира.

Очень важным элементом, влияющим на процесс проникновения авторского сознания в сознание адресата, является включение в высказывания семы второго лица. Автор мог непосредственным образом включать читателя в текст *(«с какой радостью носит собака вам палку»);* еще более активны, в плане воздействия, апеллятивы *(«киньте камешек… и вы услышите череду замирающих звуков»; «посмотрите на эти камни»; «удалите все это из жизни»*). Это, может быть, и «мы» обобщенное, содержащее сему адресата *(«звуки птичьего пения нас чаруют»; «и каждый из нас может припомнить…»),* и инфинитивная форма глагола *(«встретить свиристелей и снегирей в заснеженном лесу – на весь день радость»).* Читатель присутствует и в обобщенно-личных по значению местоимениях *(«и радость жизни…передается всем, кто их наблюдает»)*, а также в концепте «человек» *(«сколько радости дают человеку чистые воды»).*

Присутствие читателя в позитивных программных высказываниях автора способствует налаживанию доверительных отношений между журналистом и аудиторией. Автор делает адресата своим другом, соавтором, сопереживателем, сонаблюдателем.

В. Песков ориентирован *на положительные конструкты,* своим творчеством он призывал не бороться за природу, а любить ее, вполне справедливо считая, что любовь более, чем принуждение, способна на *созидание*.

Немалый вклад в формирование позитивных векторов, направленных от человека к природе, вносит в очерки В. Пескова разработка *темы «природного» человека,* человека, живущего природой, любящего ее, заботящегося о ней. Автор не скупится на положительные оценки таких людей: «Возле этого чуда мы и сняли Сергея Михайловича Новикова, *замечательного* русского лесничего, *доброго, любознательного, гостеприимного* человека» (В гостях у лесничего); «*Счастливое сочетание многих способностей* видим мы в этом *умельце*.

Мир насекомых он знает и *любит* с такой же *преданностью*, каким прославился Фабр», «Мой мир» – это яркий рассказ *об интересной, не бестолково прожитой жизни, жизни не рядовой, жизни замечательного человека»* (Мир Гребенникова); «Всего в деревне, по прикидам *доброго* старика, вывелось более трех тысяч птиц» (Столица аистов – Илемно). Доброта по отношению к животным, любовь к ним и преданность становятся базовыми позитивными характеристиками в оценке журналистом таких людей.

Журналист положительно характеризует за любовь к природе не только отдельных персонажей, в своих поездках автор оценивает подход к этой проблеме жителей тех стран, по которым он путешествует. Например, усилия американских энтузиастов охраны природы в очерке «Они еще держатся» В. Песков называет *благородными*, их работу *ответственной*, отмечает их *великолепный, грамотный, с размахом и основательностью* подход к проблеме. Не менее положительно оценивает он и опыт шведов: «Дикая природа в *системе ценностей* шведов стоит на *заметном* месте», «О *любви* шведов к природе мне *много* рассказывали», «Это Стокгольм. В нем много зелени, много чистой воды и, видно, *неплохи* люди, которым животные *доверяют*» (Барсук в подворотне).

Позитивный контекст снижает назидательный характер многих директив: «Нашлись, однако, *энтузиасты*. Мир орнитологов *с величайшим* вниманием следил за *ответственной* их работой… А для всех озабоченных «уходящими» это *пример*: от какой, казалось бы, безнадежной черты можно «уходящего» отвести» (Они еще держатся); «Не знаю, кто это сделал, но я порадовался *мудрости* этих людей (или одного человека)… *Заразиться бы* нам мудростью, а не безумием!» (Памятники природы). «В раздрызганной нашей жизни они донкихоты… И *долг* наш не посмеиваться над такими людьми, а протянуть им руку поддержки» (Глухариная школа). Помимо контекста, роль нейтрализаторов назидательности играют в этих примерах и обобщенно-личные местоимения (*для всех, нам, наш*), в них автор включает себя наряду с читателем, к которому он обращается с призывом *(«заразиться бы нам»)* и указанием *(«а для всех это пример», «и долг наш»*). Мы уже отмечали, что в подобных фразах необходимость следования призывам и указаниям опирается не на логику изложения материала, а на эмоционально-психологическое содержание данного текста.

Таким образом, в качестве преобладающих параметров в творчестве журналиста мы отмечаем позитивные характеристики, определяющие взаимоотношения человека и природы. Однако анализ этих взаимоотношений был бы недостаточным, если бы мы ограничились только обозначенным выше тематическим направлением. Безусловно, авторское внимание к теме природы, ее преобладание в творчестве В. Пескова во многом было определено индивидуально-личностными пристрастиями публициста, особенностями его мировосприятия и мироозерцания, действием древнего психологического закона – «от избытка сердца говорят уста».

Однако в журналистике тематика выступлений зависит во многом от такого профессионального явления, как социальный заказ или социальная позиция автора [6, с. 74-83]. И, к сожалению, социальный заказ в случае с творчеством журналиста В. Пескова – далеко не в радостных взаимоотношениях человека и природы. Причиной активной профессиональной деятельности публициста является желание остановить крайне негативный процесс разрушающего воздействия человека на природу: «*Человек* силой своей *подавляет* все сущее на

Земле, – пишет он в одном из своих очерков (Ну, заяц, погоди!). «И наши симпатии всегда на стороне слабых», – добавляет журналист при этом. Если в творческом выражении своей главной темы журналист опирался на эстетический параметр (природа приносит человеку красоту и радость), то мотивировкой его творчества являются *этический* параметр (надо остановить разрушение природы человеком).

Несмотря на общую позитивную творческую установку В. Пескова, в его очерках *негативный* мотив достаточно четко очерчен, хотя и менее разработан. Противопоставление двух противоположных по знаку тематических направлений подталкивает нас выбрать в качестве основного имени концепта, обозначающего негативное чувство, антоним к слову *радость* – лексему *печаль: «Драматическая* эта картина свидетельствует *о печальной* судьбе животных», «Слоны не знают, что ее нет. И путь их *печален», «Несчастьем* стали рога для носорогов… И вот уже столетия этих животных *убивают,* чтобы завладеть и дорого продать *злополучный* рог. Почти *извели* носорогов» … и даже, *горько* сказать, на них охотятся…» (Куда? Зачем?). Чувство печали в этих высказываниях нагнетается словами *драматическая, злополучный, убивают, извели.* Текстовым эквивалентом печали здесь является слова *горько* и *несчастье.*

В очерках В. Пескова достаточно выразительно разрабатывалась периферийная зона слова *печаль* через описание тех явлений, которые приносят огорчение: «Кто видел на птицефабриках кур-несушек, не позабудет *жалкое* существо, превращенное человеком в машину для производства яиц», «В последние годы человек, устраивая бетонные загоны, буквально *набивает* их свиньями. Им, *бедным*, даже не повернуться, от *раздражения* они откусывают друг у друга хвосты» (Потомки вепря); «Общение с человеком из нетрусливого, наглого зверя сделало существо *до крайности боязливое*»; «Но изощренность эта *обреченного* зверя спасти не могла – человек умнее и опытнее» (Опыт жизни); «Человек же, *манипулируя* размерами животных, делает *их пленниками* своих увлечений» (Крошки и великаны). Судьба этих *жалких, бедных, раздраженных пленников, до крайности боязливых и обреченных* созданий не может не вызывать у читателей чувства жалости. Такого же эффекта добивался журналист, когда для оценки положения животных выбирал и лексемы с менее интенсивными коннотациями: «Перед нами – живое ископаемое планеты, *не процветающее* только *по вине* человека: много выхухолей *истребили*», «Но, поскольку многое в природе зависит от *неурядиц* в человеческой жизни, положение выхухоли *нельзя назвать благополучным*» (Пловец, водолаз и немножко ходок). Используемая лексика указывает на страстный, заинтересованный характер выступлений публициста В. Пескова.

Для подчеркивания трагичности судьбы исчезающих (а потому более других нуждающихся в помощи) видов животных В. Песков использовал очень выразительный прием – *лейтмотив-образ*. Остановить гибель исчезающих (он называет их «уходящими») животных для очеркиста значит *«не дать свече угаснуть на ветру жизни».* В очерке «Они еще держатся» этот образ повторяется несколько раз в различных вариантах: «Это большая символическая победа, классический случай *«не дать свече угаснуть на ветру жизни»*, «К началу этого века число кондоров снизилось до двухсот. *Свеча догорала*…», «Куда сложнее *«не дать угаснуть свече»* там, где среда обитания не служит надежным прибежищем для животных». Текстовыми эквивалентами данного образа в этом очерке можно назвать не менее выразитель-

ные фразы: «…там, где жил и *канул в вечность* дронт «додо»; «Маврикийская пустельга, что называется, *повисла на волоске*». Все эти крылатые выражения синонимичны лейтмотиву-образу очерка – угасающей на ветру жизни свече.

Как в выражении радости, так и в выражении печали очеркист остается верен своему творческому принципу – воздействовать на сознание читателя эмоционально-эстетическими художественными приемами: яркими эпитетами, образными выражениями и повторяющимися элементами поэтики (словесными, тематическими и образными лейтмотивами). Не только этическими, но и эстетическими требованиями обусловлено появление в текстах очерков таких отрывков: «Когда вошел в село, чуть не *заплакал* – сосен не было. Спилили. *Уничтожили* на дрова или какую-нибудь надобность *лучшее украшение* жилого места», «И вот нашлись шибко *«хозяйственные люди»*, подрыли под валуном землю, заложили взрывчатку и раскололи камень на части для каких-то житейских надобностей. *Грустный случай, и, к сожалению,* нередкий… Что бы такое не происходило, ко всему *достойному сбереженья* следует привлекать внимание, чтобы *бездушный* или *корыстный* знал, что покушается на нечто, *всеми ценимое*» (Памятники природы). В эмоциональной грустно-печальной реакции журналиста на разрушение *лучших украшений мест*, *достойных сбереженья, всеми ценимых памятников природы шибко хозяйственными, бездушными и корыстными людьми* сконцентрированы социально-художественные, этико-эстетические позиции очеркиста. По глубине эмоционально-волевого посыла разработка концепта печали в очерках В. Пескова не уступает концепту радости, хотя представленность языковых элементов последнего в тексте отличается большей широтой и объемом.

Таким образом, анализ важных концептов в очерках В. Пескова выявил основные направления разработки главной темы очеркиста, в которых четко проявляются мировоззренческие и творческие установки очеркиста, входящие в структуру речевого портрета, а именно:

– концепцию авторского восприятия природы (природа приносит человеку красоту и радость). Данная концепция раскрывается с помощью разнообразных и многочисленных языковых элементов, группирующихся вокруг понятия-концепта «радость» и формирующих позитивный эмоциональный посыл. Разработка данного концепта в речевой структуре очерка тяготеет к эстетическим категориям;

– концепцию авторского восприятия современного человека по отношению к природе (человек приносит природе разрушение). Языковые средства выражения этой концепции группируются вокруг концепта «печаль» и формируют негативный эмоциональный посыл, призванный возбуждать у читателя сочувствие и сопереживание. Разработка данного концепта в речевой структуре очерка тяготеет к этическим категориям.

Первая (позитивная) концепция является в очерках журналиста ведущей, определяющей во всем творчестве В. Пескова. В этом проявляется авторская установка *на положительные конструкты*, чем его творчество заметно выделяется на общем фоне современных разрушительных журналистских тенденций: стремлению к сенсационности, ориентированности на скандалы, криминал, компромат, на удовлетворение примитивных потребительских интересов: «В нынешнем переходном состоянии нашего бытия Василий Песков утверждает самоценность жизни как таковой при всех ее трудностях и житейских заботах. Это важно делать

всегда, но сегодня особенно важно» [7].

При эмоциональной разнонаправленности мировоззренческих концепций в очерках В. Пескова выявлена единая эмоционально-эстетическая творческая установка, в которой эмоциональное и эстетическое занимают равноправные и взаимозависимые позиции, позволяющие выделить в речевом портрете очеркиста черты художника, лирика, поэта и пламенного публициста.

Эмоционально-чувственный компонент органически вплетается в контуры очеркового повествования, способствует авторской убедительности и воздействующему эффекту: «Фундаментальное значение имеет тот факт, что конструктивный принцип газетной речи требует и лингвистически разрешает сопрягать в едином акте творчества интеллектуальное и эмоционально-волевое» [8, с. 111].

Таким образом, мы вновь возвращаемся к теме художественного в очерке: «Передать в социальном общении неповторимость эмоциональных состояний, воздействуя тем самым и на мир чувств, выпало на долю того, что мы именуем художественным образом» [9, с. 34]. Пример публикаций В. Пескова указывает на то, что проявляющаяся в речевом портрете личность автора, концентрирующая в тексте мировоззренческие и творческие концепции, мировосприятие и установки, является художественным стержнем произведения: «Искусство – это прежде всего программируемая сенсуализация окружающего мира, даже если оно и воспринимается как нечто иное» [10. с. 259].

Чувственное, эмоционально-эстетическое восприятие природы – особая личностная характеристика человека. Философами, психологами, литературоведами оно называется «переживанием природы», «чувством природы» [11, с. 5-11]. Чувство природы, благоговение перед жизнью ученые теснее всего связывают с эстетическими эмоциями. В художественно-публицистическом творчестве В. Пескова качество художественного изображения определяется, по нашему мнению, именно этими чувствами, так как они синтезируют в себе мировоззренческий аспект и чувственное восприятие естественной среды. Глубокое переживание природы всегда было свойственно лучшим писателям и публицистам [12]. Русская классика дает нам ярчайшие примеры благоговейного отношения к природе в творчестве А.С. Пушкина, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, А.И. Куприна. Литературное и публицистическое творчество более поздних авторов – М.М. Пришвина, К.Г. Паустовского, Ф.А. Абрамова, В.М. Шукшина – являет собой продолжение лучших традиций нравственно-художественного осмысления мира, в основе которого лежит благоговейное отношение к окружающему нас миру. В этом мы видим и основную ценность творчества В. Пескова, его роль и значение для тех людей, которые много лет соприкасались с произведениями публициста. Используя свой дар, публицист закладывал в умы и сердца своих читателей важнейшие основы человеческой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеева Е. В. Проблема интерпретации термина «концепт» в современной лингвистике // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1999. С. 126–130.

2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Изд-во МГУ, 1999. 341 с.

3. Зыховская Н. Л. Словесный лейтмотивы в творчестве Ф.М. Достоевского. Автореф.

дисс…канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 18 с.

4. Орлова Т. И. Гносеологический анализ природы художественного мышления. Автореф. дисс…канд.филос.наук. Киев, 1981. 24 с.

5. Макаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994. 606 с.

6. Солганик Г. Я. Автор как стилеобразующая категория текста // Вестник Моск. ун-та. Сер.10. Журналистика. 2001, №1. С.74-83.

7. Сунгоркин В. Из беседы с читателями газеты “Комсомольская правда” // код доступа: http // www/ billi.kp.ru/ kollekt/Peskov/.

8. Пронин Е. И. Текстовые факторы эффективности журналистского воздействия. М.: Изд-во МГУ, 1981. 158 с.

9. Ученова В. В. Понятийное и эмоциональное в публицистике // Вестник Моск. ун-та. Сер. Журналистика, 1968, № 8. С. 28–42.

10. Борев В. Ю., Коваленко А. В. Культура и массовая коммуникация. М.: Наука, 1986. 301 с.

11. Гурленова Л. В. Содержание понятия «чувство природы» // Природа и человек в русской литературе. Материалы Всероссийской научной конференции. Волгоград, 2000. С. 5–14.

12. Природа в художественном мире писателя: Межвуз. сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1994. 106 с.

УДК 811.161.1; 801.81

Е. А. Оглезнева
Томск, Томский государственный
архитектурно-строительный университет

РАССКАЗЫ ПОСЛЕДНИХ РУССКИХ ХАРБИНЦЕВ О НИКОЛАЕ ЧУДОТВОРЦЕ: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ РАССКАЗА О ЧУДЕ

В статье проанализированы устные рассказы о чуде, связанные с именем Николая Чудотворца в Харбине. Рассказы были записанные от последних представителей русского восточного зарубежья в 2000–2005 гг. В качестве дополнительного источника были использованы общеизвестные в среде русских харбинцев рассказы и их варианты о Николае Чудотворце, опубликованные в разных источниках, в том числе на специализированных интернет-сайтах. Цель статьи – рассмотреть особенности структуры и содержания устных рассказов последних русских харбинцев о чуде, творимом Николаем Чудотворцем в Харбине, определить их жанрообразующие признаки. Актуальность и новизна исследования обусловлены необходимостью изучения новой источниковедческой базы по истории русского восточного зарубежья, а также вкладом в лингвистическое жанроведение, поскольку в центре исследования оказался один из неизученных речевых жанров – рассказ о религиозном чуде.

Ключевые слова: *русский язык зарубежья, русское восточное зарубежье, рассказ о религиозном чуде, Николай Чудотворец, жанрообразующие признаки.*

Elena A. Oglezneva,
Tomsk, Tomsk State University of Architecture
and Civil Engineering

THE STORIES OF THE LAST RUSSIAN HARBINIANS ABOUT St. NICHOLAS: FEATURES OF THE GENRE IMPLEMENTATION OF THE STORY ABOUT A MIRACLE

The article analyzes oral stories about the miracle associated with the name of St. Nicholas in Harbin. The stories were recorded from the last representatives of the Russian Eastern Diaspora in 2000–2005. As an additional source, the stories and their versions about St. Nicholas, well-known among the Russian Harbinians, were used, published in various sources, including on specialized Internet sites. The purpose of the article is to consider the features of the structure and content of the oral stories of the last Russian Harbinians about the miracle performed by St. Nicholas in Harbin, to determine their genre-forming characteristics. The relevance and novelty of the study is due to the need to study a new source study base on the history of the Russian Eastern Diaspora,

as well as a contribution to linguistic genre studies, since the focus of the study was one of the unexplored speech genres - the story of a religious miracle.

Keywords: Russian eastern abroad, Russian language abroad, a story about a religious miracle, St. Nikolai, genre-forming features.

doi 10.22250/WFDA.2021.17.7

Введение

Святитель Николай – Николай Чудотворец – Николай Угодник – Николай Мирликийский занимает особое место в русской вере, русской традиции и русской истории. Этому посвящена обширная светская, научная и церковная литература [См. 1–7]. «При жизни своей святитель Николай был благодетелем рода человеческого. Не перестал он быть им и по смерти своей, являясь скорым заступником всех находящихся в бедах, спасая от потопления и из глубины морской перенося на сушу, восхищая от пленения и перенося в дом, избавляя от смертной казни мечом и иных родов смерти, подавая исцеления: слепым – зрение, хромым – хождение, глухим – слышание, немым – глаголание. Многих он обогатил, когда те находились в крайнем убожестве и нищете, голодным подавал пищу и всякому, находящемуся в беде, являлся готовым помощником, усердным заступником и скорым предстателем и защитником. И теперь также помогает всем, с верой прибегающим к нему, и избавляет от постигающих их бед», – читаем мы в книге «Святитель Николай Чудотворец: житие, перенесение мощей, чудеса, слава в России» [1, с. 106].

Николай Чудотворец традиционно считался покровителем путешествующих и гонимых. Неслучайно для русской эмиграции XX в. Николай Чудотворец был особым святым и особой фигурой. Он был покровителем изгнанников и тем, с кем связывали то, чего быть не могло, то, что рассматривалось как самое большое чудо – возвращение домой.

Надежда на возвращение на родину в русской эмиграции не угасала. Об этом свидетельствуют многочисленные дневниковые и мемуарные источники, а также записанные от представителей русской эмиграции рассказы, пронизанные тоской по оставленной России. Это характерно как для западной, так и для восточной эмиграции. Само же возвращение домой, в Россию было для русских изгнанников невозможным чудом. И это ожидание невозможного порождало, вероятно, особое благоволение и любовь к святому, с именем которого Чудо изначально связывалось, – Николаю Чудотворцу, а вместе с этим и мифологию социума – эмигрантского сообщества, в котором вера в самое большое для них чудо – возвращение на родину – сопровождалась и подкреплялась верой в то, что чудо реально, оно возможно и осуществимо, и главным действующим персонажем, сопровождавшим это чудо, был Николай Чудотворец – Угодник Божий.

Объектом исследования в статье выступают устные рассказы о чуде, связанные с именем Николая Чудотворца, записанные от последних представителей русской диаспоры в Харбине в 2000-2005 гг. В качестве дополнительного источника были использованы общеизвестные в среде русских харбинцев рассказы и их варианты о Николае Чудотворце, опубликованные в разных источниках, в том числе на специализированных интернет-сайтах.

Методологической базой исследования выступают работы отечественных и зарубежных лингвистов по речевой жанрологии М. М. Бахтина, А. Вежбицкой, Т. В. Шмелевой, В. В. Дементьева и др.

Под речевым жанром, вслед за Т. В. Шмелевой, понимается «особая модель высказывания, имеющая набор конкретных способов речевого воплощения, формирующаяся комплексом жанрообразующих признаков» [8, с. 88].

Цель статьи – рассмотреть особенности структуры и содержания устных рассказов последних русских харбинцев о чуде, творимом Николаем Чудотворцем в Харбине, определить их жанрообразующие признаки.

Основная часть

Богоугодный Святитель Николай имел особое значение для русской эмиграции XX в. в китайском городе Харбине – центре русской восточной эмиграции.

Это город был построен русскими в конце 90-х гг. XIX в. в Китае в связи со строительством КВЖД – Китайско-Восточной железной дороги, которая по договоренности между Россией и Китаем должна была стать мощным транспортным каналом, на ближайшие 100 лет находящимся в общем пользовании двух стран. С постройкой железной дороги и города Харбина Северо-Восток Китая стал привлекательным для инвестиций мирового капитала, стремительно развивался и уже в начале XX в. представлял собой некий оазис русской культуры и мировой цивилизации. После Октябрьской революции 1917 г. Харбин стал местом русского изгнания на востоке: его российское население, обслуживающее КВЖД, пополнилось десятками, а по некоторым данным, сотнями тысяч русских беженцев из России.

Главным отличием послереволюционной русской эмиграции на восток являлось то, что русские эмигранты попадали в обустроенный по российским обычаям русский город, но находящийся не в России, а в Китае: с русскими учебными заведениями, русскими газетами и журналами, с названными по-русски улицами и магазинами, с малиновым звоном колоколов православных храмов, которых было там ни много ни мало – 23.

Исследователи русского восточного зарубежья отмечали, что «церковь для русского Харбина стала своеобразным центром духовного притяжения, и вся жизнь эмиграции в этом городе была связана с православной верой» [9, с. 83].

Первым храмом, построенным в Харбине в 1898 г., была Николаевская церковь, а главным храмом за всю историю существования русского Харбина – Свято-Николаевский собор.

Николаевская церковь располагалась сначала в приспособленном для богослужения бараке, а затем в Старом Харбине соорудили небольшую церковку в честь святителя Николая Чудотворца [Там же, с. 84], в 1899 г. был заложен в Новом городе Николаевский собор, который в 1900 г. был освящен. «При закладке храма в октябре 1899 г. у его основания на восточной стене была прикреплена памятная доска об этом торжественном событии: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа основася сия церковь в честь и память иже во святых отца нашего Николая Архиепископа Мирликийского Чудотворца… в лето от сотворения мира 7407, от Рождества же по плоти Бога Слова 1988 года октября 1 дня в железнодорожном поселке Сунгари, архитектором Алексеем Клементиевым Левтеевым, по освящении священни-

ками охранной стражи Александром Петровым Журавским и Стефаном Михайловым Белинским», – писал Г.В. Мелихов [10, с. 92].

Свято-Николаевский собор просуществовал более 60 лет до варварского уничтожения в период культурной революции [9, с. 84]. Это была деревянная церковь, которую рубили из бревен-карандашей, доставленных из Канады, она была выдержана в древневологодском стиле. «Храм этот считался своеобразным символом Харбина, его визитной карточкой» [Там же, с. 84].

«*Чудный храм этот красиво высится над Харбином, издали сверкая своими золочеными крестами», –* писала газета «Приамурские ведомости» в 1901 г. [11].

«…У нас был собор, – вспоминал о Свято-Николаевском соборе Н.Н. Заика*, – который был построен на самой высокой точке Харбина, этот собор был выстроен из брёвен без единого гвоздя. Его в шестьдесят шестом году вот эти вот бандиты, революционеры, уничтожили»* [Заика, ФА, 2006, 40/5][1].

По выражению исследователя архитектуры русского Харбина Н.П. Крадина, «Николаевский собор стал образным выражением русскости на востоке Азии» [9, с. 96].

Была в Харбине и еще одна церковь Николая Чудотворца, освященная 7 октября 1928 г. и находившаяся на противоположном берегу реки Сунгари, напротив района Пристань [Там же, с. 127].

Таким образом, уже количество церквей Николая Чудотворца только в одном Харбине свидетельствует о значимости фигуры этого святого в культурном и религиозном сознании русских православных харбинцев.

Значимость Николая Чудотворца для русского Харбина демонстрируют не только харбинские православные храмы в честь святого, но и бытовавшие там и известные всем русским харбинцам тексты, являющиеся частью харбинского дискурса и демонстрирующие изустную мифологию этого города.

К числу таких известных всему Харбину текстов относится история о молитве утопавшего в Сунгари маньчжура, который воззвал о помощи к «старика вокзала», т. е. Святителю Николаю, икона которого стояла на вокзале Харбина [12, с. 119]. По другой версии, речь шла не о маньчжуре, а китайце, но это неважно и лишь делает значение православного святого более глобальным:

Однажды пестрая привокзальная публика стала свидетельницей того, как к иконе подбежал пожилой китаец и упал перед ней ниц, причитая «Старика вокзала!» Как выяснилось, китаец вышел порыбачить и не заметил, как поднялся шторм. Его лодчонку швыряло с такой силой, что рыбак уже прощался с жизнью. И вдруг, как во сне, он увидел перед собой образ седого старичка, которому русские молились на вокзале. Не зная, как обратиться к святому, он, коверкая чужой язык, взмолился о помощи: «Старика вокзала! Старика вокзала!» Что было дальше, китаец и сам не мог объяснить: очнулся он целым и невредимым, с хорошим уловом. Свое чудесное спасение он приписал помощи «святого русских» - «старика вокзала», которого и бросился тут же благодарить [13, с. 25].

[1] ФА – Фоноархив «Русский язык в Харбине». Фоноархив создан и хранится в лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета. В ссылке указана фамилия информанта, год записи, номер полевого дневника и страница.

Представленный выше широкоизвестный в харбинских кругах рассказ, включающий неоднословное наименование *«Старика* вокзала» (также известны варианты: *«Старика вокзала помогайла», «Николай вокзала помогайла», «Старик вокзала, помогай», «Старик, мне помогай», «Старик с вокзала, помогай, спаси меня», «Старик с вокзала, помоги», «Старик с вокзала, помоги мне», «Старик с вокзала, прошу, помоги мне»)* [14–20], является знаковым для Харбина. Так китайцы именовали святителя Николая, изображенного на большой иконе, размещенной в здании Харбинского железнодорожного вокзала. Они знали о всемогуществе святого от русских и так же, как русские, обращались к нему за помощью. Представленные неоднословные наименования – это высказывания на русско-китайском пиджине[2], порожденные носителями китайского языка и выражающие суть миссии Николая Чудотворца, сложившейся в массовом городском сознании Харбина.

Вот что рассказывает об этом бывший русский харбинец Николай Николаевич Заика:

Харбин всегда был под покровительством Николая Угодника. (…)

Когда построили железную дорогу, то в Харбине на вокзале стояла очень большая икона Николая Угодника, около иконы лежали свечи, и не было человека, который продавал свечи. Каждый приезжающий или каждый отъезжающий подходил к иконе и обязательно ставил свечку. Если у него были деньги, он клал деньги, если у него не было денег, он просто так брал свечку. Китайцы знали, что вот на вокзале есть какой-то старик, они не знали, что Николай Угодник, знали, что старик, вот и всё [Заика, ФА, 2006, 40/6]. См. об этом также [21, с. 46].

Был широко известен в Харбине и «случай спасения Святителем Николаем мальчиков-маньчжуров, игравших на откосе, когда неизвестно откуда явившийся старец приказал детям немедленно уйти с того места, где они играли, и которое тотчас же по уходе было засыпано обвалившимся откосом. Мальчики, будучи случайно в православной церкви, узнали своего спасителя по иконе» [12, с. 119; 22].

Известен также любопытный факт, свидетельствующий о почитании Николая Чудотворца местным населением: икону Николая Чудотворца советская администрация КВЖД (это было либо в 20-е, либо в 40-е гг. XX в. – Е.О.) распорядилась удалить с вокзала, но это распоряжение было опротестовано китайской стороной как возмутившее почитавших эту икону местных жителей [12, с. 132; 22].

Нами записано 5 рассказов о чуде, связанных с именем Николая Чудотворца. Мы услышали и записали их в начале 2000 гг. во время научных поездок в Харбин от последних представителей русской диаспоры в Харбине:

Николая Николаевича Заика, 1939 г. р., в 60-е гг. XX в. эмигрировавшего в Австралию и ныне проживающего там, – **рассказ о чудесном исцелении ребенка** (1);

Валентины Павловны Хан, 1923 г. р. (умерла в 2005 г.), православной кореянки, примкнувшей к русской диаспоре и ставшей полноправной ее представительницей, игравшей большую роль в поддержании жизнедеятельности диаспоры в последние годы ее существо-

[2] *Помогайла* – русский глагол в форме инфинитива *помогай* + китайский формант *–la*. Инфинитив – наиболее частотная русская глагольная форма, используемая носителями русско-китайского пиджина, усваивающими русский язык непосредственно, из устной неофициальной коммуникации.
Старика, вокзала – вокализованные формы имен существительных, типичные для носителей китайского языка, поскольку на согласный (кроме носовых) китайский слог оканчиваться не может.

вания, регулировавшей благотворительные средства, поступающие из-за рубежа в помощь последним русским Харбина, – **рассказ о чудесном спасении на воде** (рассказ-пластинка, имеются 2 записи, см. приложение – рассказы 2 и 3) и **рассказ о чудесном нахождении картины** (4);

Ефросиньи Андреевны Никифоровой, ставшей последней русской харбинкой (1910–2006 гг.) – **рассказ о чудесной помощи Николая Чудотворца**, показавшего Красной Армии, освобождавшей Харбин от японских оккупантов, дорогу в Харбин (5).

Рассказы о чудесах, связанные со Святителем Николаем, записаны с Е.А. Никофоровой и В.П. Хан в камерной домашней обстановке в Харбине в 2000 и 2002 гг.), с Н.Н. Заика – в Харбине, в застольной беседе в 2000 г. (запись не сохранилась) и в ситуации публичного выступления перед студентами-филологами Амурского государственного университета во время его визита в город Благовещенск в 2006 г.

Приведем пример одного из рассказов[3].

Рассказ о чудесном исцелении ребенка
от Н.Н. Заика
(рассказ 1)

Так вот, икона стояла уже в часовне, и были случаи исцеления людей. Так вот это сто процентов, это документальное дело, ехал шофер, русский шофер такси, поздно вечером возвращался домой. Зима, метель, холод, и он решил заехать на вокзал, а вдруг там пассажира подберёт. Подъехал к вокзалу, около вокзала никого нет, а со ступеньки вокзала спускается старик, и на вид…(нрзбр).

Шофер к нему подъехал и говорит: «Садись, я тебя подвезу бесплатно». Старик садится сзади, шофер ему говорит: «Куда тебя везти?». Старик говорит: «К собору». Шофер ему задаёт вопрос: «А где ты живёшь?», – а старик отвечает: «Вот там и живу». И шофер ничего не догадывает. От вокзала до собора на машине две минуты. Едут, и старик ему говорит: «У тебя дома больной ребёнок, этот ребёнок скоро поправится». Машина подъезжает в этот момент к собору, шофер оглядывается: сзади никого нет, и тут у него дошло: вези к собору, вот там и живу, у тебя больной ребёнок, скоро поправится. А он ничего не говорил старику, что у него больной ребёнок. И вот этот шофер под этим сильным впечатлением выскакивает из машины, а рядом транвайная(?) остановка, на которой стоит три женщины, и он им говорит в испуге: «Вы видали старика, видали старика?» А три женщины говорят: «А никого не было», – и у него докатило, что это был Николай Угодник, я вам ничего не продаю, между прочим, стопроцентный харбинский факт. Так вот одна женщина описала всю эту историю, и это у меня есть. Это тоже… это тоже история» [Заика, ФА, 2006, 40/6–7].

Укажем на общие признаки рассказов русских харбинцев, главным персонажем которых выступает Николай Чудотворец.

Все эти рассказы-истории объединяет общая тема – случившееся **ЧУДО**.

В религиозных и мифологических представлениях чудо – явление, противоречащее законам природы и необъяснимое ими, но возможное вследствие вмешательства потусторонней силы [23].

[3] Рассказы без сокращений представлены в приложении к статье.

Главный персонаж рассказов – творец, источник чуда – Святитель Николай, Николай Угодник, Николай Чудотворец. Его называют в рассказах *«Николай Угодник», «какой-то старик», «старик»* (Заика Н. Н.); *«какой-то старичок», «старичок», «Николай Чудотворец»* (Никифорова Е. А.); *«старик с бородой», «какой-то старичок с бородкой», «дедушка», «Николай Чудотворец»* (Хан В. П.).

Частотно при назывании употребление неопределенного местоимения *«какой-то»* – т. е. неизвестный говорящему, следовательно, творящий чудо и добро, не называя своего имени, что вполне соответствует представлению о Святом Николае в православной религиозной традиции.

Называния *«старик», «старичок», «дедушка»* указывают на возраст святого; *«старик с бородой», «старичок с бородкой»* – на его характерный внешний признак, соответствующий иконическим изображениям.

Старичок неожиданно появляется и неожиданно исчезает. Творение добра без ожидания вознаграждения и славы вполне соответствует традиционному религиозному представлению о Николае Чудотворце.

Масштаб событий в рассказах различный: от личного события – помощь в излечении ребенка; помощь в переправе на другой берег в непогоду; помощь в поиске дорогой, памятной вещи; до события большой общественной значимости: указание дороги для спасения и освобождения города Харбина от японских оккупантов.

В трех из пяти записанных нами рассказах Николай Чудотворец *явился и помог:* явился как лодочник и помог в бурю переправиться на Сунгари (2; 3); *явился и указал* дорогу Красной Армии (5); в одном рассказе (1) – *явился и предсказал* излечение ребенку шофера, который его подвез; еще в одном (4) – *НЕ являлся, но чудо произошло по мысленному обращению к святому:* чудом нашлась памятная для рассказчика вещь – картина, написанная и подаренная рассказчице ее возлюбленным, с которым ее разлучила судьба.

Во всех рассказах присутствует **мотив дороги, пути**, поиска, связанного с перемещением в пространстве: шофер подвез старика (1), дедушка переправил на другую сторону реки (2,3), с именем Николая Чудотворца проходил поиск дорогой для рассказчика картины (4), старичок указал дорогу (5).

В трех рассказах из пяти чудо произошло с рассказчиком, содержание чудесной истории связано с его личными событиями (2, 3, 4); в двух повествованиях рассказчиком пересказывается чудесный случай со слов других, и эти истории имеют либо общественную значимость (5), либо большую значимость для какого-то определенного человека (1).

Главной коммуникативно-смысловой задачей рассказов о чуде, связанных со Святителем Николаем, является, как нам представляется, подтверждение значимости этого православного святого для Харбина. Благоволение Николая Чудотворца к изгнанникам подчеркивает исключительность русского харбинского и – шире – эмигрантского социума, его некую избранность на фоне отверженности своим Отечеством. В такой ситуации опорой для духа в эмиграции становилась Вера, а религиозное чудо получало материальное воплощение в событиях текущей жизни.

Рассказ о чуде в исполнении последних русских Харбина – это монологическое повествование с диалогическими включениями, представляющими собой диалог рассказчика,

если чудесная история произошла с ним (2, 3, 4), или участника описываемого рассказчиком события с Николаем Чудотворцем (1, 5).

Сюжет рассказов развивается следующим образом.

1. Указание на событие или состояние, негативно оцениваемого участником событий (= то, что ДАНО):

– отсутствие средств к существованию и необходимость заработать их у русского шофера: *ехал шофер, русский шофер такси, поздно вечером возвращался домой. Зима, метель, холод, и он решил заехать на вокзал, а вдруг там пассажира подберёт* (1);

– необходимость в бурю попасть домой, чтобы избежать материнского гнева: *Думаю: в пять часов обратно и мама не узнает, была я на даче или нет. Думаю, если не попаду домой, мама убьет меня* (2); *А в пять часов вечера должна домой, потому что мама у меня очень строгая была, я ее боялась пуще всего. Она меня иногда и хлестала отчаянно, потому что я такая непослушная была. Надо скорее ехать домой* (3);

– пропажа памятной картины: *Это сунгарийский вид. Вот он никогда не учился, а нарисовал мне маслом Вележев… Вот мы под этим деревом-то мы с ним целовались, и вот он мне оставил память. И вот что интересно, когда его забрали, потом нас раскулачили, и мне больше всего было жалко эту картину. Я думала: вот эту картину, память о Тосике, как бы мне вот эту картину найти* (4);

– невозможность найти путь: *Ехал первый Виллис, не зная дороги. Там, где дорожка раньше была. Это же Ашехе. И этот водитель не знал, куда ехать* (5).

2. Указание на неожиданное незаметное появление неизвестного старичка: *Подъехал к вокзалу, около вокзала никого нет, а со ступеньки вокзала спускается старик* (1); *Тут смотрю: с той стороны реки подходит лодка /…/ Выходит старик с бородой, весла складывать хочет* (2); *Я смотрю: с того берега подъезжает лодка. Какой-то старичок с бородкой. Вытаскивает лодку* (3); *И этот водитель не знал, куда ехать, и говорит, что стоял какой-то старичок (*5). В истории с картиной (4) *«старичок»* НЕ появился, но исход события связан с ним: он как бы присутствовал “за кадром” и предрешил исход события.

3. Осуществление желаемого, развитие действия по наилучшему, но изначально не предполагаемому, даже невозможному сценарию; установление рассказчиком или участником события факта свершившегося чуда:

– исцеление ребенка: *Едут, и старик ему говорит: «У тебя дома больной ребёнок, этот ребёнок скоро поправится». … . А он ничего не говорил старику, что у него больной ребёнок* (1);

– успешная переправа через коварную Сунгари: *Приехали на ту сторону, думаю: Боже мой, неужели доехали?* (2); *Приезжаем на ту сторону. Приехали* (3);

– случайное неожиданное нахождение картины: *И вот она-то на улице вдруг увидела: корейцы продают эту картину. Купила, значит, принесла домой /…/ Она говорит: «Валя, это не ваша ли картина, вот, Анатолия»? А я говорю: «Моя. Где она? /…/ Я вам дам сколько хотите. Я прибежала к ней домой. Смотрю: эта картина!* (4);

– нахождение пути освободителями Харбина: *Стоял какой-то старичок и говорит, он его спросил: «Как добраться до Харбина?» – «Вот я тебе покажу. С тобой поеду»* (5);

4. Обнаружение незаметного исчезновения неизвестного старичка: *Машина подъезжает в этот момент к собору, шофер оглядывается: сзади никого нет; И вот этот шофер под этим сильным впечатлением выскакивает из машины, а рядом транвайная (?) остановка, на которой стоит три женщины, и он им говорит в испуге: «Вы видали старика, видали старика?» А три женщины говорят: «А никого не было»* (1); *Приехали на ту сторону, думаю: «Боже мой, неужели доехали?». Поворачиваюсь, вытаскиваю деньги. А где лодочник?»* (2); *Когда мы, значит, только что вылезли, я поворачиваюсь: «Дедушка!». Хотела дать пять рублей. Ни дедушки, ни это…Я говорю: «Толя, а дедушка-то? А лодочник? Он не мог так быстро отъехать»* (3); *...подъехали к собору, а тут большая икона была. Он смотрит на эту икону, а старичка-то нет…* (5).

5. Наступление прозрения у рассказчика (или участника события), осознание/понимание рассказчиком (или участником события) того, кем был старичок – православным святым Николаем Чудотворцем: *И тут у него дошло ... и у него докатило, что это был Николай Угодник (1); Я го(во)рю: «Анатолий, ты посмотри, у нас же одежда сухая, совершенно сухая. Волны же нас захлестывали, ты посмо(т)ри, лицо, волосы, всё мокрое, одежда то(ль)ко сухая. Это же чудо! Чудо! (2); Я говорю: «Да это Николай Чудотворец! Он говорит: «Верно». Я потрогала платье, а платье совершенно сухое. Лицо, руки мокрые, волосы мокрые. Я потрогала его штаны. Я говорю: «У тебя и штаны-то сухие. Ты смотри, как будто мы по воздуху перелетели! Вот это показало, что это чудо было, чтоб мы поняли это чудо: Николай Чудотворец нас довез (3); А я молюсь Николаю Чудотворцу: помоги мне найти эту картину! Ну шутите, миллион людей у нас в Харбине. А я вот нашла, /.../ нашла эту картину, обратно принесла домой. Это же прямо чудо же! (4); Вот это первое чудо от всех неприятностей. Николай Чудотворец спас. Вот такие слухи доходили. А потом, значит, Армия вошла (5).*

Непременным условием осуществления чуда являются **вера и молитва**. Слова молитвы, мольба о страстно желаемом присутствуют в рассказах о Чуде, сотворенном Николаем Чудотворцем в Харбине. Это, полагаем, является особенной, хотя и факультативной чертой рассказов о религиозном чуде:

И вдруг страшная буря, неожиданная буря такая… как грянет, и ничто не спасет… Господи, помоги! Помоги, Господи! (2);

... Я бегу по берегу, и всё «Николай Чудотворец, спаси нас, помоги скорее до дому добраться, помоги, помоги»… Я бегу и молюсь: спаси, помоги, помоги… (3);

Я думала: вот эту картину, память о Тосике, как бы мне вот эту картину найти. Николай Чудотворец, помоги, помоги! (4)

Факультативно присутствует в рассказах и финал-«закрепа», который имеет функцию установления истинности рассказанной истории: *Я вам ничего не продаю между прочим, стопроцентный харбинский факт (1*) либо обещание верить в Николая Чудотворца и молиться ему: *Я теперь всегда буду молиться Николаю Чудотворцу. Буду молиться! А знаете, молодость-то… (3).*

Заключение

Общность черт записанных от последних русских харбинцев рассказов о чуде, связанных с именем православного святого Николая Чудотворца, позволяет говорить о реализа-

ции (и достаточно частотной!) в их речи такого речевого жанра, как **рассказ о чуде,** а если быть точнее – **рассказа о религиозном чуде**, который можно считать **разновидностью** рассказа о чуде. Основанием для выделения такой разновидности жанра может выступать источник чуда в рассказе, его религиозное происхождение. В нашем случае – это почитаемая в русской эмиграции, а именно в восточной русской эмиграции с центром в городе Харбине фигура православного святого Николая Чудотворца. Неслучайность такого «неосознанно-осознанного» выбора и предпочтения обусловлена религиозным представлением о Николае Чудотворце как покровителе странников, и все связанные с ним чудеса в рассказах русских эмигрантов из Харбина (неосознанно или осознанно – сложно установить) связаны с путем, дорогой, перемещением в пространстве, движением куда-то, что вполне отражает странническое эмигрантское мироощущение и является его доминантой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Святитель Николай Чудотворец: житие, перенесение мощей, чудеса, слава в России: книга составлена на основе труда А. Вознесенского и Ф. Гусева «Житие и чудема св. Николая Чудотворца и слава его в России (с небольшими купюрами и мелкими дополнениями). М.: Благовест, 2010. 447 с.

2. Малягин В. Святитель Николай, Мирликийский чудотворец. М.: «Даниловский благовестник», М.: ЗАО ИД «Комсомольская правда», 2013. 176 с.

3. Малягин В. Святитель Сербский. М.: «Даниловский благовестник», М.: ЗАО ИД «Комсомольская правда», 2014. 176 с.

4. Малягин В. Святитель Сербский. М.: «Даниловский благовестник», М.: ЗАО ИД «Комсомольская правда», 2014. 176 с.

5. Губанов В. Новые мчудеса Святителя Николая. Великое собрание с житием, акафистом и молитвами. «Оранта» – «Терирем», 2011. 560 с.

6. Цивьян Т. В. Николай Угодник – странник на русской земле (Несколько примеров из русской литературы XX века) // Слово и культура. Т. 2. М.: Индрик. 1998. С. 394–405.

7. Кузнецова В. С. Легендарные сказки из фольклорной коллекции Государственного архива Новосибирской области: сюжеты «Кумова кровать» и «Образ-порука» // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 82–89.

8. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–97.

9. Крадин Н. П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск: Хворов А. Ю., 2001. 350 с.

10. Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука:, 1991. 319 с.

11. Приамурские ведомости. 1901. № 402.

12. Волков М. Из истории деятельности Русской православной церкви на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии (XIX-начало XX вв.) // Проблемы Дальнего Востока. №2. 2010. С. 107–121.

13. Городович М. Покровитель и защитник // Российская газета. № 285 (5364). 16.12.2010. С. 25.

14. Мячина Е. Т. «Старик вокзала – помогай». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russdom.ru/node/6532 /

15. Великий чудотворец. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/dekabr/09/velikij_chudotvorec/

16. Современные чудеса Святителя Николая. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://hram-nikola.kiev.ua/zhitie-svt-chudotvortsa-nikolaya/315-sovremennye-chudesa-svyatitelya-nikolaya/

17.Кузьминская А. Старик вокзала. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nikola-

ygodnik.narod.ru/Chudesa_138.html/

18. Старик с вокзала – прошу, помоги мне! Чудесное спасение молодого китайца Николаем Чудотворцем. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zen.yandex.ru/media/id/5f9af61f7b1c8f262fc509ee/starik-s-vokzala--proshu-pomogi-mne-chudesnoe-spasenie-molodogo-kitaica-nikolaem-chudotvorcem-5fbfcb02210b317d1e469323/

19. Кукоба Д. Старик с вокзала – помоги! [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://proza.ru/2020/12/08/580/

20. Авдюгин А. «Батюшкин грех» и другие рассказы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rulit.me/books/batyushkin-greh-i-drugie-rasskazy-si-read-560013-28.html/

21. Таскина Е. П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 160 с.

22. Сербский Н. Чудеса Божии.[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/chudesa-bozhii/7_14/

23. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (т. 4) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117

ИСТОЧНИКИ

ФА – Фоноархив «Русский язык в Харбине». 2000-2006 гг. Хранится в лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАССКАЗЫ ПОСЛЕДНИХ РУССКИХ ХАРБИНЦЕВ О НИКОЛАЕ ЧУДОТВОРЦЕ

Рассказ 1

Николай Николаевич Заика, 1939 г. р.

Встреча со студентами и преподавателями
Амурского государственного университета, Благовещенск, 19.09.2006 г.

Говоря на эту тему, Харбин всегда был под покровительством Николая Угодника.

Теперь так, я никому никакой религии не навязываю, я вам говорю чистые факты, а дальше вы сами думайте. Когда построили железную дорогу, то в Харбине на вокзале стояла очень большая икона Николая Угодника, около иконы лежали свечи, и не было человека, который продавал свечи. Каждый приезжающий или каждый отъезжающий подходил к иконе и обязательно ставил свечку. Если у него были деньги, он клал деньги, если у него не было денег, он просто так брал свечку. Китайцы знали, что вот на вокзале есть какой-то старик, они не знали, что Николай Угодник, знали, что старик, вот и всё.

Эту икону потом, по требованию властей, потом эту икону перенесли в часовню собора. Кстати, у нас был собор, который был построен на самой высокой точке Харбина, этот собор был выстроен из брёвен без единого гвоздя. Его в шестьдесят шестом году вот эти вот бандиты, революционеры, уничтожили. Так вот, икона стояла уже в часовне, и были случаи исцеления людей. Так вот это сто процентов, это документальное дело, ехал шофер, русский шофер такси, поздно вечером возвращался домой. Зима, метель, холод, и он решил заехать

на вокзал, а вдруг там пассажира подберёт. Подъехал к вокзалу, около вокзала никого нет, а со ступеньки вокзала спускается старик, и на вид…(нрзбр).

Шофер к нему подъехал и говорит: «Садись, я тебя подвезу бесплатно». Старик садится сзади, шофер ему говорит: «Куда тебя везти»? Старик говорит: «К собору». Шофер ему задаёт вопрос: «А где ты живёшь»?, – а старик отвечает: «Вот там и живу». И шофер ничего не догадывает. От вокзала до собора на машине две минуты. Едут, и старик ему говорит: «У тебя дома больной ребёнок, этот ребёнок скоро поправится». Машина подъезжает в этот момент к собору, шофер оглядывается: сзади никого нет, и тут у него дошло: вези к собору, вот там и живу, у тебя больной ребёнок, скоро поправится. А он ничего не говорил старику, что у него больной ребёнок. И вот этот шофер под этим сильным впечатлением выскакивает из машины, а рядом транвайная(?) остановка, на которой стоит три женщины, и он им говорит в испуге: «Вы видали старика, видали старика»? А три женщины говорят: «А никого не было», – и у него докатило, что это был Николай Угодник. Я вам ничего не продаю, между прочим, стопроцентный харбинский факт. Так вот одна женщина описала всю эту историю, и это у меня есть. Это тоже… это тоже история».

[Заика Н.Н., ФА, 2006, 40/6–7].

Рассказ 2

Валентина Павловна Хан (1924-2005)

Разговор в домашней обстановке, дома у В. П. Хан, г. Харбин
Участвовали в беседе Е. Оглезнева, Г. Старыгина, А. Ярошенко
08.01.2000 г.

Понимаете, что я в децве была активисткой. И вот, у меня в тюрьме, у меня же неско(лько) случаев было, когда очень тяжело было. И вот я всегда молилась Пресвятой Богородице. Я всю ночь молюсь. Вот они как допрашивают, я говорю: нету у меня ничево. Я всю ночь молилась перед этим. И вот с восьми вызывают на допрос. Я говорю: я всю ночь молилась. Они говорят: «Вот дура-то! Ты ж культурный ч^{и}еловек. Веришь, что молитвы помогут тебе?» И знаете, я так верила /…/ нес(коль)ко раз она явно так помогала мне , т(ак) что я / оч^{и}ень верю. Я так убеждённо гврю, что я не виновна ! /…/

В децве я страшно боялась маму, потому что она била меня беспощадно. Я была такая шалунишка! Меня мама с папой сильно, это … били, это … Вос’питат(ель) у мамы был веник, и вот э… Надо мне держать э(г)замен последний, на последнем курсе, а я влюбилась… в Вележева Анатолия. Это было в сорок пятом году. Надо было, знач’ит, занимац’а, а по воскресен(ь)ям можно ехать. Мама меня не отпускала. Так, поеж’ай на дачу; вечер(ом), в пять часов возвращайся обратно, и ещё: бу(д)ешь играть на пианино. Думаю: в пять часов обратно, и мама не узнает, была я на дач$^{ш'}$е или нет. Тут пять часов, надо возращаться обратно, и вдруг страшная буря, неожиданная буря такая /…/ как грянет, и ничё не спасёт. Думаю, ес(л)и я не попаду домой, то мама меня уб(ь)ёт. Катя гврит, у меня подруж^{з}ка была, Катя, гврит: «Куда ж ты поедешь, буря такая». Я говрю: «Не-е, я поеду». Сама иду, и прям поч’ти вслух: «Господи, помоги! Помоги, Господи!» А сама бегу, бегу. А у меня в кармане пять

рублей. На двенацать копеек можно десять яиц купить, это на двенацать копеек. Я думаю: там какой-нибудь лодочник попадец'а, там пять рублей, лишь бы он нас, лодочник довёз. А там не(ль)зя, это, переправа запрещена. Тут смотрю: с той стороны реки подходит лодка. А то время же лодочники были, и китайц'и, и русские. Выходит старик с бородой, весла складывать хоч'ет. Го(во)рю: «Дедушка, вы с той стороны?» – «Да-да-да» – «С той?» – «Да-да. А что такое?» Го(во)рю: «Дедушка! Перевезите нас на ту сторону! У меня есть пять рублей. Я вам все отдам. Перевезите! Будем тонуть, я буду держац'а за лодку, всё рано не утонем». «Ну держитесь». А Толик не умеет плавать. Толя го(во)рит: «Ты, го(во)рит, и себя погубишь, и меня погубишь». Ну, сели в лодку. А я всё: «Господи! Ну помоги, ну помоги нам добраца. А в то время набережная ещё не была такая, как теперь, была булыжником уложена. Были высокие столбы с фонарями. Мы с ним, значит, волны хлещут, всё лицо мокрое. Приехали на ту сторону, думаю: «Боже мой! Неужели доехали?» Поворачиваюсь, вытаскиваю деньги. А где лодочник? Я го(во)рю: «Анатолий, ты посмо(т)ри, у нас же вся одежда сухая, совершенно сухая. Волны же нас захлестывали, ты посмо(т)ри: лицо, волосы, всё мокрое, одежда то(ль)ко сухая. Это же чудо, чудо! Посмотри, Анатолий». Вот такое вот вышло, значит.

[Хан В. П., ФА, 2000, 6/6–7].

Рассказ 3

Валентина Павловна Хан (1924-2005)

Разговор в домашней обстановке, дома у В. П. Хан, г. Харбин
Участвовали в беседе Е. Оглезнева, Н. Белозубова
20.05.2002 г.

Северо-Маньчжурский я закончила в сорок втором году, а потом в Харбинском политехническом три года. И вот када я пошла в вот этот вот, в Северо-Маньчжурский, на первый… Я там на вечере, Татьянинском вечере, познакомилась с Анатолием Вележе(вы)м. Он вперед меня на два года окончил университет. Мы с ним на вечере весь вечер танцевали. Вышли на улицу, гуляли около питомника. Я… я так в него влюбилась! А он, наверно, в меня, потому что мы три года с ним дружили. У нас была такая чистая любовь, знаете? Ни как теперь вот, познакомился, неделю, и живут. А мы с ним просто… Ну такая была трогательная, романтическая любовь. Он боялся чем-нибудь, хоть словами, обидеть, оскорбить меня. А я боялась, чтобы он не обиделся, и мы так с ним дружно, три года встречались. Но, правда, мне не(ль)зя было встречаться. Мама гадала ко(г)да- то, ко(г)да мне было восемнацать лет, что мне… до двадцати восьми лет не(ль)зя выдавать замуж. Потому что то(г)да я умру. Мама страшно любила меня, боялась меня потерять, и она караулила меня, как кошка. Вот мы идем на вечер, мама с папой по бокам, ведут меня как арестованную. С вечера – вместе. В кино – вместе. Всё они меня водили вместе. Я (нрзбр) … кавалеры не могли меня провожать, ни…

Е.О. (глядя на фото юной В. П.): Да такую красавицу, да!

В.П.: А я, значит, додумалась… Додумалась. Я, значит, это, по четвергам ходила в ХСМЛ, в Христианский союз молодых людей. Там у них в подвальном помещении большой

был зал. Для футбольных, то есть для баскетбольных и волейбольных соревнований. Я включилась в это, в волейбольную команду там, тренироваться по четвергам. А вот мой Анатолий-то, он в мужской команде, прекрасный волейболист был. Он с мужчинами там играет, а мы с женщинами. А домой, значит, в восемь часов, домой вместе. Мама разрешала мне по четвергам ходить тренироваться, это полезно для девушек. А мы, конечно, домой, мы это, на Садовой улице, здесь ХСМЛ. А я жила, Школьная улица, где щас Китайская улица ходячая[4]. Первая, пятнадцатая улица, где Никифоров(а) живет. Это вот мы там жили. Угловой был дом, где щас строится новый дом. Это наш дом был. Вот мы с ним пешком идем, наговориться не можем. Вот удивительно, как это у нас в молодости было, что мы часами говорим, говорим, и всё наговориться не можем. И так нас влекло друг к другу. А вот видите … Это мы в сорок втором познакомились, и он мне сказал: «Ко(г)да, – говорит, – буду хорошо зарабатывать, я на тебе обязательно женюсь». И он вдруг подарил мне из своей скромной зарплаты шесть пар чулок, в то время назывались «канэбе» (?), японские шелковые чулки. Они тада такие дороги-ие были! Я была в восторге! Шелковые чулки канэбе! Боже мой! А мама мне говорила: «Если тебе дарит мужчина чулки, туфли, ни в коем случае не принимай. Это всё равно вы расстанетесь». Я подумала: это ерунда! Я верю в Бога, чё там… А чулки-то такие шикарные! Ну, я приняла. И вот представляете, три года мы встречались. А в сорок пятом году его Красная армия увозит в Россию. Он был чертежником в какой-то конторе. Ну, видимо это был объект военный. Ну, это значит, японский ставленник. Его забрали. Но через три года он был освобожден уже. И уже начинал работать там, в России. Но дело в том, что в сорок пятом году, мы ко(г)да были на площадки за Сунгари там… Я должна была в то(м) году уже кончать музыкальную школу, мне надо было летом обязательно по четыре-пять часов практиковаться дома на пианино, поэтому папа снял дачу за Сунгари, и два моих младших брата жили у него там за Сунгари. А мама меня дома: «Вот ты играй каждый день четыре-пять часов, смотрела на часы. Надо готовиться и к выпускным экзаменам. Я, значит, дома. А в воскресенье мама меня отпускала: «Поезжай к папе туда, отдыхай». А я в это воскресенье приехала туда. И побежала сразу на площадку, там, площадке «Витязь», (по)то(му) что там Анатолий уже на площадке ждал меня. Мы целый день там гоняли в мячи, плавали, в общем, развлекались. А домой-то я так и не пошла. А в пять часов вечера должна домой, потому что мама у меня очень строгая была, я ее боялась пуще всего. Она меня иногда и хлестала отчаянно, потому что я такая непослушная была. Надо скоро ехать домой, а вдруг такая буря поднялась! Ах, я прямо думаю: что же делать? Я должна обязательно дома быть. Убьёт мама, если я не (нрзбр). А домой то я не ходила к папе-то, папа-то не знает, что я целый день там пробегала-то. И к папе боюсь идти, скажет: «Ты что ж целый день делала?». Ну и вот, я бегу по берегу. И всё: «Николай Чудотворец, спаси нас, позволь нам скорее до дому добраться (нрзбр), помоги, помоги, б-б-б … Толик говорит: «Ты что, кому молишься?» Я говорю: «Николаю Чудотворцу». А у него мама тоже очень набожная. А он так, как все молодые юди, спустя рукава, молится, не молится ему. Я бегу. Он говорит: «Это же безумие: в такую, в такую бурю ехать на ту сторону. Ты иди к папе с повинной, ну наругает, ну наругает. И там и оставайся ночевать». Я говорю: «Нет, мама меня убьёт». Я бегу и молюсь: (нрзбр) спаси, помоги, помоги, а у меня в кармане пять рублей. Мама с папой меня баловали.

[4] В настоящее время Китайская улица – пешеходная улица.

Деньги давали, ско(ль)ко хочешь. А это, пять рублей – всё равно, что щас пятьсот юаней. Николай … я тебе пять рублей все отдам, ты то(ль)ко… (смеется). Такая дура, да? Вот бегу и молюсь, молю(сь). А знаете, в то время лодочники, половина были русские. Я смотрю: с того берега подъезжает лодка. Какой-то старичок с бородкой. Вытаскивает лодку. Я говорю: «Дедушка, вы с той стороны?» – «Да, деточка». Я говорю: «Не подвезёте меня?» – «Ну это же, буря же». Я говорю: «Ну, пожалуйста, не могу я, я обязательно должна быть там». – «Ну садитесь». И он повёз нас. Нас прям хлещет. Всё лицо, волосы мокрые. Руки мокрые. Вот вода прям через нас перекатывается. Хлещет, а мы с ним прижались друг к другу, помирать так уж вместе-то хорошо плавала. Я говорю: «Если будем тонуть, ты держись за лодку. Лодка нико(г)да до дна, ни… ни… Ты держись за лодку. «Ну ладно, уж помирать так вместе», – он говорит. И вот мы едем, едем. Волосы, руки – всё мокрое. Приезжаем на ту сторону. Приехали. А в то время набережная была такая, вся булыжниками заложенная, не было ни лестницы. И высоко-высоко фонарь половину Сунгари освещает. В то время. Ко(г)да мы, значит, то(ль)ко что вылезли, я поворачиваюсь: «Дедушка…» Хотела дать пять рублей. Ни дедушки, ни это… Я говорю: «Толя, а дедушка-то? А лодочник?» Он не мог так быстро отъехать, потому что… половина Сунгари видно. Не мог он за две минуты! «Ах, – я говорю, – да это Николай Чудотворец». Он говорит: «Верно». Я потрогала платье, а платье-то совершенно сухое. Лицо, руки мокрые, волосы мокрые. Я потрогала его штаны. Я говорю: «У тебя и штаны-то сухие. Ты смотри, как будто мы по воздуху перелетели. Вот это показало, что это чудо было, чтоб мы поняли, что это чудо. Николай Чудотворец нас довёз». И вот я говорю, «ой, выходит», говорю… И как раз пешком идём по виадуку. Я говорю: «Ты знаешь, что, я теперь буду всё время молиться Николаю Чудотворцу. Буду молиться!». А знаете, молодость-то… Сначала так обещала, думала-то: буду молиться. Постепенно, постепенно опять танцульки, кавалеры, и так да(лее)… И забыла. А тут вдруг как нас раскулачили через год-то…

Е.О.: И здесь тоже раскулачивали?

В.П.: В сорок шестом году. Мы же… три дома у нас было. Раскулачили. Я то(г)да опять вспомнила. Вот меня-то Бог и наказал. Я обещала, что буду тебе хорошо молиться. И вот Бог наказал. Мы оказались в Якешах[5]. И все мы стали работать. Папа, мои два младших брата и я, то(ль)ко мама дома хозяйничала.

[Хан В. П., ФА, 2002, 24/27–30].

Рассказ 4

Валентина Павловна Хан (1924-2005)

Разговор в домашней обстановке, дома у В. П. Хан, г. Харбин
Участвовали в беседе Е. Оглезнева, Н. Белозубова
20.05.2002 г.

Е.О.: Валентина Павловна, а со своим любимым Вы встретились потом?

В.П.: Два раза виделись.

Е.О.: Как вас жизнь, судьба развела?

[5] Якеши – город уездного уровня во Внутренней Монголии, Китайская Народная Республика.

В.П.: А его забрали в сорок пятом году. Как раз мы должны были с ним встретиться на Вокзальном проспекте тут. Я его ждала, ждала, и вдруг: что такое? Проходит час, два… Не может быть, чтобы он меня так долго заставил ждать. Я вернулась к себе домой. Всё! Как мне было тревожно! А тут отовсюду слышу: тот исчез, тот исчез, тот… того забрали, этого забрали, к тому ночью приехали, того… Прямо с улицы их хватали. Проходит неделя. Не выдержала я, пошла к его матери домой. До этого я с ней не встречалась. Я прихожу. Она говрит: «А-а, вы, наверно, Валя?» Я гворю: «Да, – гврю, – что с Тосиком? Почему его нету?» Она грит: «Он исчез, уже неделю». А я гврю: «Я всю неделю так тревожилась… Что вот пришла с вами поделиться. Что с ним?» Она гврит: «А его забрали». Даже забрали мужа, потому что муж был редактором журнала политического, «Луч Азии»6. Она гврит: «Я думаю, что мужа уже больше нико(г)да не увижу. Советские люди не пр(о)щают таких людей, кто писал против… боль… большевизьма.

Е.О.: А как его фамилия была?

В.П.: Анатолий Прохорович Вележев.

Е.О.: Вележев, да?

В.П.: Получается, он был редактором. А Анатолий мой, он-то был, чё… он был… Он… у него глаз-алмаз. Вот он мог провести линию. Возьмите линейку, прямо, прямо, как по линейке. Вот у него такой, рука такая твёрдая. Прекрасный чертёжник. Он, больше все ж мальчишки в университет. Мог быть и переводчиком, потому что изучали мы японский язык. А вот он был чертёжником. Ему страшно нравилось рисовать. В общем, он художник был. Вот это его картина, которую… он нико(г)да не учился, а сам нарисовал. Потому что мы на этом месте с ним целовались вот сидели.

Е.О.: Правда? Это?

В.П.: Это сунгарийский вид. Вот он нико(г)да не учился, а вот нарисовал мне маслом… Вележев (…) Вот мы под этим деревом-то мы с ним целовались, вот он мне оставил память. И вот очень интересно, что ко(г)да его забрали, потом нас раскулачили. И мне больше всего было жалко эту картину, потому что мебель весь… всю забрали. Я думала: «Вот эту картину, память о Тосике, как бы мне вот эту картину бы найти? Николай Чудотворец, помоги, помоги!» Проходит четыре года, я вот с Якеши вернулась домой. На улице вдруг встречаю Аллу Кондратович, она поэтесса. Их было две сестры. Вера Кондратович разбила семью Георгия Михайловича Сидорова, скрипача. Они щас в Омске. А его жена, Нина Константиновна Фокина-Сидорова, была моей преподавательницей музыки. Я видела, что ко(г)да Сидоровы выступали на сцене, в квартете, Сидоров на скрипке. Жена аккомпанировала, вот Игорь на скрипке, Погодин на виолончели. И вот эти Вера и Алла, Алла Кондратович, ходили за сцену поздравлять их с успехом. Я всегда обращала внимание, что эти две сестры особенно почему-то обожали этого Погодина, то есть Сидорова. Оказывается, потом старшая эта Кондратович вышла замуж за этого Сидорова. Бросил он свою жену. Она, значит, заболела циррозом печени, сильно страдала. Но потом он ей помог выехать вместе в Россию, в Омск. Жена, значит, его любовница Вера. И вот эта Алла Кондратович, она тоже была влюб-

[6] «Луч Азии» – ежемесячный журнал. Выходил в Харбине (1934-1945). Публиковались литературные произведения и материалы на военно-исторические темы.

лена в этого Анатоля Вележ(ев)а. Всё ходила, назначала ему свидания. Он мне всегда в шутку рассказывал. «Что, – гврит, – она мне опять назначила свидание». Я гврю: «Ты ходил?» А на душе у меня такая ревность. А так я улыбаюсь. «Ты ходил?» А сама ревновала ужасно. Он гврит: «Да я пошёл, сказал, извинился. Сказал, что мне надо пойти встретиться с другой девушкой». Она была страшно оскорблена. Ну и вот. Ну, я ему верила, он мне нико(г)да не говорил неправду, всегда он всё честно говорил. И вот она-то на улице вдруг увидела: корейцы продают эту картину. Купила, значит, принесла домой. А за ней ухаживал то(г)да, в то время, Заалов, фамилия Заалов. А её Алла, Алла Заалова. Вот она вышла за него замуж. Уже была в положении. И я, ко(г)да увидела её, она в положении. Она гврит: «Валя, это не ваша ли картина, вот, Анатолия?» А я гврю: «Моя. Где она?» Она гврит: «У меня на квартире. Я её вам обратно отдам, ну, продам, мне нужны щас деньги, я, гврит, уезжаю в Россию. Я гврю: «Я вам дам, сколько вы хотите». Она гврит: «Только пять рублей, потому что я купила за эту цену». Я гврю: «Пожал(уй)ста». Я прибежала к ней домой. Смотрю: эта картина! А я молюсь Николаю Чудотворцу: помоги мне найти эту картину! Ну шутите, ведь миллион людей у нас в Харбине. А я вот нашла именно через Аллу, нашла эту кар(тину). Обратно принесла домой. Это ж прямо чудо же!

Е.О.: Да! Конечно.

В.П.: Это он, значит, уже в сорок восьмом году, прошло три года… Он стал через Красный Крест искать свою маму. А так я уже к ней неско(ль)ко раз ходила домой, обе мы плакали. И она, значит, это, мне сказала / что она в сорок девятом уехала в этот, в Ухань, на юг Китая, преподавать русский язык, с младшим своим. И она оставила мне свой адрес. И вдруг к ней на квартиру пришла его карточка. В розыске. Что «Где моя мама?» Где она, значит? К соседям он обращался. Соседка позво(нила), сообщила мне через знакомых. Я прибежала к соседке. «Что, – гврю, – письмо?» – «Да». Она мне показала открытку через Красный Крест, что он разыскивает маму. Он знал, он встретил отца в Хабаровске, ко(г)да оба арестованные были. Он уже знал, конечно, что отец уже не вернётся к маме. И он разыскивал маму. Я скорее отправила эту открытку ей в Ухань. Она мне ответила, что она уже ответила ему. И возможно, они наладят переписку. И таким образом они уже списались. В пядисят четвертом году она выехала на целину, туда к нему, прямо туда. Потом она мне писала письмо. «Он, гврит, не смеет тебя вызывать. Потому что здесь даже мужья с детьми… Жены приезжают к мужьям. Видят эту обстановку, проклинают это место, уезжают и разводятся». Так что он не мог мне написать, чтоб я могла туда поехать. Ну и вот, я ко(г)да это послала матери, они списались, была довольна. Потом мы один год переписывались, в пядисят четвёртом году. Ко(г)да уже можно было свободно переписываться с Россией. Он мне писал, что, гврит, грустно. Я, гврит, думал, что у нас совсем по-другому сложится жизнь. Теперь я не смею звать тебя сюда. Он жил в Вихоревке, там какой-то такой район был, всё для этих арестованных. Ужасные условия жизни.

[Хан В. П., ФА, 2002, 25/8-49].

Рассказ 5

Ефросинья Андреевна Никифорова (1924-2006)

Разговор в домашней обстановке, дома у Е. А. Никифоровой, г. Харбин
Беседовала Е. Оглезнева
20.05.2002 г.

Е.О.: Ефросинья Андреевна это вот те солдаты советские, которые погибли, когда от японцев освобождали Харбин? Там похоронены солдаты, которые освобождали Харбин от японцев?

Е.А.Н.: Там сами себя больше перестреляли. /…/. Ужас, что делалось, ужас что делалось. Особенно в последнее время, личные счеты сводили. Были они, когда первые они уходили, у них стычка была в Муданьцзяне.

Е.О.: С японцами? Или друг с другом?

Е.А.Н.: В одном месте, где-то точно не определить, в друг друга палили.

Е.О.: Ну, ясно.

Е.А.Н.: Было, где-то там, в Муданьцзяне, пока разобрались. А с японцами они быстренько, знаете ли. Утром они траншею на городе копали /…/ Военные копали уже только в рубашках, жарко было.

Рано утром, чтоб если танки пойдут, чтоб сюда на город не спустились, там задержались больше, в городе. А к двум часам уже полная тишина была /…/.

Е.А.: Японцы куда делись? Отступили?

Е.А.Н.: В свои норки забрались, сидели, замолчали и все. Ночью тихо, спокойно. Никто ничего не знал. Я на улице спала. Забор, в квартире жарко было. Мама, брат в комнате спали. Двери открыты. Вдрух что такое, что-то там взорвалось. Такой грохот получился. Я так повела в сторону: над вокзалом большой шар висит. Я закричала: «Коля! Коля!» Он выскочил: «Посмотри, шо». Он говорит: «Ну что ж, (о)светительная бомба». Утром мне надо было к восьми часам аптеку открывать. Я в семь вышла, на улице тишина. Ни одного человека нет. Немножко прошла квартал, встретила сослуживца брата. Он говорит /…/: встречать. Приехали. Как? Чаво? И вот пока я шла в Новый город, все улицы пустые, только встретила вот этих копающих. Пришла. У нас тоже тишина.

Все, стали говорить, что вот-вот уже. А потом уже через… со стороны, значит, Мудодьзяня, с той стороны шли. Ехал первый, как рассказывают. Ехал первый «Виллис», не зная дороги. Там, где дорожка раньше была. Это ж Ашехе. И этот водитель не знал, куда ехать, и говорит, что стоял какой-то старичок и говорит. Он его спросил, как добраться до Харбина. Вот я тебе, говорит, покажу. С тобой поеду. И вот когда они ехали, мимо, значит, Сапиншо(?), здесь Новый город. Подъехали к собору, а тут большая икона была.

Он смотрит на эту икону, а старичка-то нет. Вот это первое чудо от всех этих неприятностей. Николай Чудотворец спас. Вот такие слухи доходили. А потом значит армия вошла. Ну самую-то злую армию отвели стороной от русского. Не вступили в город.

Е.О.: А почему она самая злая?

Е.А.Н.: А самая преступная. Боялись, что они разнесут весь город.

[Никифорова Е. А., ФА, 2002, 22/17–19].

УДК 82-92; 82-15

Н. И. Белозубова
Благовещенск, Амурский госуниверситет

СЛОВО О ВЕРЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ПОЭЗИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Статья посвящена исследованию философской категории вера в публицистике и поэзии дальневосточного русского зарубежья сквозь призму социокультурной ситуации, сложившейся в Харбине 20-30-х гг. XX в., на примере публицистики Вс. Иванова и поэзии Марианны Колосовой. Целью данной статьи является определение предметного и содержательного наполнения религиозного понятия вера в публицистике и поэзии дальневосточной русской эмиграции.

Материалом исследования послужили статьи Вс. Н. Иванова («Усиление русской жизни», «О сущности русской культуры») и сборник стихотворений М. Колосовой «Господи, спаси Россию!».

Автор приходит к выводу о том, что в публицистике и поэзии дальневосточного русского зарубежья вера выступала в качестве экзистенциальной категории, благодаря которой жизнь эмигрантов на чужбине обретала смысл, наполнялась новыми ценностями.

Ключевые слова: категория вера, экзистенциальная вера, религиозная вера, дальневосточное русское зарубежье, русский Харбин.

N.I. Belozubova
Blagoveshchensk, Amur State University

A WORD ABOUT FAITH IN THE FAR EASTERN RUSSIAN ABROAD PUBLICISM AND POETRY

The article is devoted to the study of the philosophical category faith in journalism and poetry of the Far Eastern Russian diaspora through the prism of the socio-cultural situation that developed in Harbin in the 1920s and 1930s of the XX-th century.

The purpose of this article is to determine the subject and content of the religious concept of faith in journalism and poetry of the Far Eastern Russian emigration.

The research material was the articles of Vs. N. Ivanov («Strengthening Russian life», «On the essence of Russian culture») and a collection of poems by M. Kolosova «Lord, save Russia!»

The author comes to the conclusion that in the journalism and poetry of the Far Eastern Russian diaspora, faith acted as an existential category, thanks to which the life of emigrants in a foreign land acquired meaning and was filled with new values.

Keywords: category faith, existential faith, religious faith, Far Eastern Russian diaspora, Russian Harbin.

doi 10.22250/WFDA.2021.17.8

В первые десятилетия XXI в. у отечественных и зарубежных теологов и философов значительно вырос интерес к вере как теологической и философской категории [1, 2, 3]. Категория веры стала предметом и филологического рассмотрения [4].

Центральное место в этих исследованиях занимает изучение веры как феномена религиозного сознания, экзистенциальной проблемы, в которой раскрывается противоречивый, драматический и подчас трагический характер человеческого бытия.

Целью данной статьи является определение предметного и содержательного наполнения религиозного понятия *вера* в публицистике и поэзии дальневосточной русской эмиграции.

Материалом исследования послужили статьи Вс. Н. Иванова («Усиление русской жизни», «О сущности русской культуры») и сборник стихотворений М. Колосовой «Господи, спаси Россию!».

Прежде чем перейти к рассмотрению категории *вера* в литературе дальневосточного русского зарубежья, опишем, как ее трактовали теологи и философы, представители разных школ и направлений.

Христианские богословы эпохи Средневековья рассматривали веру сквозь призму религиозного мировоззрения. Они считали, что вера является условием спасения человека в неземной жизни: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар» (Иоанн Златоуст) [5].

Позднее понимание веры изменилось: ее стали интерпретировать в нерелигиозном контексте, во взаимосвязи с разумом. Согласно теории английского философа Дж. Локка (XVII в.), «вера есть согласие с каким-нибудь положением, составленным не путем дедукции разума, но на основании доверия к говорящему, как с положением, исходящим каким-то необычным путем от бога. Такой путь открытия истин людям мы называем откровением» [6, с. 169]. Локк считал, что вера – это то, что находится за пределами познания человека, его возможностей.

Вера, по мнению еще одного представителя английской школы философии XVII в., Т. Гоббса, зиждется на авторитете тех, кто нам что-либо сообщает [7].

Разработка феномена веры велась и в русской религиозной философии XIX-XX вв., о чем свидетельствуют труды ее классиков: Н. Ф. Федорова, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. О. Лосского, С. Л. Франка, И. А. Ильина [8, 9, 10, 11, 12, 13, 14].

Особо следует отметить религиозных философов XX в. Н. А. Бердяева, В. В. Розанова и Л.И. Шестова, имеющих экзистенциальный взгляд на категорию *вера* [15, 16, 17].

Согласно точке зрения Л. И. Шестова, вера имеет экзистенциальный смысл, предполагающий определенный трагизм в плане ее воплощения в жизненную реальность. Близкое Л. И. Шестову понимание веры звучит так: «Вера начинается тогда, когда по всем очевидностям всякие возможности кончены, когда и опыт, и разумение наше без колебаний свидетельствуют, что для человека нет и быть не может никаких надежд. Греческая философия, пишет религиозный философ Л. И. Киркегард, начиналась с «удивления», экзистенциальная – начинается с отчаяния. Вера есть источник экзистенциальной философии и именно постольку, поскольку она дерзает восставать против знания, ставить самое знание под вопрос. Экзистенциальная философия есть философия de profundis[vi]. *Она не вопрошает, не допрашивает, а взывает …»* [18].

В 1938 г. в общественно-политическом и литературном журнале «Русские записки», вышедшем в Шанхае, была опубликована статья Л. И. Шестова «Киркегард – религиозный

философ» (1937 г.), в которой автор говорит о том, что «подпольный человек» обретает в Боге инстанцию силы и свободы по ту сторону необходимости: «И только вера, одна вера дает человеку силы и смелость взглянуть в лицо безумию и смерти. Умозрительная философия покоряется неизбежному, **экзистенциальная** его преодолевает, для экзистенциальной философии необходимость превращаться в немощное Ничто» [19].

Согласно мнению Л. Шестова, для человека, у которого есть вера, нет ничего невозможного: «Вера не есть доверие к тому, что нам внушают родители, старшие, наставники, вера есть огромная, рождающаяся в глубинах человеческого духа сила, готовая и способная в борьбу, даже тогда, когда все говорит нам, что борьба заранее обречена на неудачу. Киркегарда, конечно, вдохновляет евангельское обетование: если у вас будет вера с горчичное зерно... для вас не будет ничего невозможного» [19].

Вопрос о вере имеет два аспекта: источник (субъект) веры и содержание веры. Источник веры: творит ли веру субъект или она даруется ему, и, если существует вера безотносительно к человеку, является ли принадлежностью реальности или трансценденции. В работе Льва Шестова об этом сказано следующее: «Центром бытия должен быть не объект, а субъект. Тайна реальности раскрывается не в сосредоточенности на объекте, предмете, а в рефлексии, обращенной на акт, совершаемый субъектом» [18].

Вера – это путь от необходимости к свободе. И в этом подлинный, то есть экзистенциальный смысл веры и вообще религиозного. Следуя за Кьеркегором, Шестов пишет: «Вера, только вера освобождает от греха человека: вера, только вера может вырвать человека из власти необходимых истин, которые овладели его сознанием после того, как он отведал плодов с запретного дерева. И только вера дает человеку мужество и силы, чтобы глядеть в глаза смерти и безумию и не склоняться безвольно пред ними» [17].

Рассуждения о вере как акте свободы, о вере, о которой можно говорить только во взаимосвязи с человеком (субъектом), находящимся, как правило, в ситуации выбора, мы находим и в работе немецкого ученого, одного из основателей экзистенциализма, К. Ясперса «Философская вера» (1948 г.): «Подлинная вера есть акт экзистенции, осознающий трансценденцию в ее действительности. <…> Философская вера <…> существует только в мышлении отдельного человека и лишена объективной защищенности, предоставляемой институтом, она есть то, что остается, когда все рушится, и все-таки есть ничто, если в ней ищут помощь в миру. <…> Философская вера есть вера человека в свои возможности, в ней дышит его свобода» [20].

К. Ясперс высказывается и об отношениях веры и разума, веры и истории, веры и бытия: «Вера, как иногда кажется, есть нечто непосредственное в противоположность всему тому, что опосредствовано рассудком. <…> Она – осознание бытия из его истоков посредством истории и мышления. <…> Уверенность в реальности, очевидность, идею мы называем верой в широком смысле» [20]. В работе «Философская вера» речь идет об экзистенциальной вере.

О вере как о чувстве уверенности в себе и окружающих говорил мыслитель XX в. Э. Фромм: «Без веры человек становится пустым, теряет надежду и боится самого своего существования» [21, с. 62]. Вера, по мнению автора, тесно связана с надеждой, она выступает ее единственной основой. Кроме того, вера не может существовать без духа надежды. Ве-

ра – «некий парадокс», «видение настоящего, чреватого будущим», это «определенность неопределенного» [21, с. 307].

Приведенные точки зрения о вере свидетельствуют о сложности и многоаспектности данного явления. Понятие «вера» употребляется в самых различных смыслах как в научной среде, так и в обиходно-бытовой. Обобщая исследования современных ученых-философов и классиков, выделим некоторые особенности, общие для понимания категории *вера* как в религиозном, так и в экзистенциальном аспектах:

1. Вера реализуется в эмоциональной сфере, вызывая те или иные чувства и переживания.

2. Вера подразумевает предмет веры (Мир, Истину, Другого). Человек верит в то, что соответствует его идеалам, при этом сама вера играет определенную роль в формировании его ценностных ориентаций.

3. Вера реализуется в поступке, который зависит от принятых на веру идеалов. Отношение человека к предмету его веры всегда влияет на его поведение.

Современные ученые подчеркивают антиномичность веры. Они рассматривают антиномию «вера – разум» сквозь призму истории европейской религиозно-философской мысли от древности до наших дней. Согласно их мнению, в христианстве вера и разум не распались и не смешались до неразличимости, они остались «во взаимотерпимом равновесии», в котором «антиномично совпадают». Вера и разум – «ветви богопознания» [22].

Протестантизм же, согласно точке зрения исследователей, выделил веру из религии и придал ей нетрадиционно гуманистический смысл, сделал неким объединяющим началом, «средством соборного объединения распавшегося человечества». Этой позиции придерживается и экзистенциализм [22].

История бытия русских подданных в Китае начинается за два десятилетия до массового исхода их в Поднебесную из России. Согласно исследованиям отечественных и зарубежных ученых, в начале XX в. в Китае в связи со строительством КВЖД образовалась «русскоязычная колония», социальный состав которой был неоднороден: «инженеры-строители и члены их семей, российские подданные, принятые на обслуживание дороги, а также казаки и отставные нижние чины», «свободные переселенцы из России» [23, с. 17]. До революции 1917 г. все они оставались гражданами Российской Империи и жили по законам своей родины.

После революции 1917 г. ситуация в корне изменилась: строители КВЖД, не покинувшие Китай, в одночасье стали вынужденными эмигрантами. Согласно сведениям исследователей истории дальневосточной эмиграции, в 1917 г. русская диаспора в Китае была представлена 50 тысячами человек, а в 1918–1929 гг. количество вынужденных переселенцев достигло 200–250 тысяч [24, 25].

Отличительной особенностью дальневосточной эмиграции было то, что вынужденные переселенцы оказались в Китае не в чужом культурном пространстве, а в континууме дореволюционной России. В Харбине 20–30-х гг. XX в. были русские школы, средние и высшие учебные заведения, магазины, кафе и рестораны, отмечались те же праздники, что и в царской России: Рождество, Крещение, Пасха, Троица. Особое значение приобрел День русской культуры – символично, что его отмечали 6 июня, в день рождения А.С. Пушкина. К этому

празднику каждый год приурочивали выход одноименного периодического издания, в котором ставились актуальные вопросы бытия русской эмиграции в целом и дальневосточной в частности. К ним следует отнести и вопросы «об исторической миссии русской эмиграции», «о русской жизни», «о сущности русской культуры», об отношениях цивилизации и русской культуры, о вере.

На страницах периодического издания «День русской культуры» от 15 июня 1930 г. была опубликована статья писателя и публициста русского Харбина Всеволода Иванова «Усиление русской жизни» [26]. Автор размышляет о русской культуре и ее столпах: русском пейзаже, русском писателе, русском поэте, русском романе, русской музыке, русской архитектуре и живописи, русской песне, русской истории. Сопоставляя понятия культура и цивилизация, Вс. Иванов приходит к заключению, что после революции 1917 г. в России идет «проповедь отказа от всего русского» [26, с. 14]. Как публицист, как человек, любящий свою родину, автор восклицает, буквально клянется: «Нет! Мы не откажемся от всего русского, что так ясно, что так мило нам…» [26, с. 14]. С точки зрения Вс. Иванова, русский народ, русский пейзаж, русское искусство – «это адаманты (*алмазы – Н. Б.*) национальной веры» [26, с. 14]. Задача русской интеллигенции, по мнению Вс. Иванова, «устремить все свое внимание на эти непреложные факты русского бытия и осознать их» [26, с. 14–15]. Что касается конфессиональных предпочтений русского человека, то автор статьи считает, что «русский народ всегда был бытово-православным» [26, с. 14].

Ровно через год, в 1931 г., из-под пера Вс. Иванова выходит статья «О сущности русской культуры» [27], в которой публицист продолжает делиться своими мыслями о составляющих бытия русского человека.

Сравнивая ментальность, искусство и культуру русских и европейцев, философ приходит к осознанию того, что отличает народы друг от друга и что является доминантой их бытия. Обратимся к первоисточнику. По мнению Вс. Иванова, *«для западной культуры характерен закон, говоря евангельским языком. Для русской культуры – <… > благодать»* [27, с. 18]. Возможно, публицист хотел подчеркнуть, что европейцы, прежде всего, почитают заповеди, а русские – Евангелие, «благовестие».

Отмечая «религиозность» обеих культур, говоря о ее основах, Вс. Иванов акцентирует внимание на отличиях: *«западная культура построена на борьбе с первородным грехом, на борьбе со злом. Восточная, русская культура построена на вере в то, что грех милостью Божией искуплен, и что бороться с ним нет большой необходимости»* [27, с. 18].

Различны, с точки зрения писателя, и подвижники западной и русской культуры: *«Блаженный Августин, просвещенный светский человек, борец за истину, крицитист во имя веры…»* и *«деятель благостный, необычайно добрый, вроде Св. Сергия, Св. Серафима»* [27, с. 18].

Придерживаясь принципа антитезы в композиции статьи, Вс. Иванов подчеркивает, что диаметрально противоположны и традиционные праздники русских и европейцев: *«главный праздник западного мира христианской культуры – Рождество», а «русского православия и, кажется, никакого больше – Пасха»* [27, с. 18]. Символическое значение первого: «вступление человека в мир», второго – *«прославление тайны как таковой, силы жизни, силы победы над смертью. Русская душа, наоборот, верит интуитивно и ясно в Воскресение,*

в глубочайшее бессмертие, и к миру сему относится снисходительно» [27, с. 18-19].

Говоря о предмете веры, Вс. Иванов отмечает антонимичность отношений, лежащую в основе христианского мира: *«Русская культура объединена верой, единым мирским порывом. <…>. Она не верит в смерть <…>. Она верит в вечную жизнь <…>. Она зачинается на самом дне русской души»* [27, с. 19].

От религиозной (христианской) трактовки веры Вс. Иванов плавно переходит к экзистенциальному ее пониманию, чему способствовала социальная и историческая ситуация, сложившаяся для русских в Китае 20–30-х гг. XX в.

Массовый исход русских за пределы своей страны, эмиграция – это поистине экзистенциально напряженная ситуация, когда пространство разделено на «свое» и «чужое», но «свое» не означает, что оно «родное». Оторванность от родины, разрыв семейных отношений, утрата дома, привычных источников дохода – все это ставит человека перед задачей нахождения «себя» и «своей подлинности через отношения с Другим» [2, с. 117].

«Мы верим в Россию, как в нечто целое и единственное – верим накрепко и навсегда. И в этой вере в торжество общего чувства народного, правильности соборной и лежит существо русской культуры» [27, с. 19] – такова позиция писателя-эмигранта. Вера в Россию, любовь к Родине, соборность – вот основания, доминанты русской культуры.

Вера, с одной стороны, свидетельствует о несовершенстве человека, а с другой, о стремлении его к совершенству. При условии, если русский народ будет верить, он будет любить, беречь и сохранять не только свою культуру, но и свою национальную самоидентичность, Россию. Цель русских, оказавшихся в связи с политическими событиями в эмиграции, согласно Вс. Иванову, – просвещение Евангелием, благодатью. *«Ведь, может, <…> задача приближающегося момента исторической жизни человечества – просветление западного закона царством русской благодати...»* [27, с. 19].

Итак, вера способствует раскрытию смысла мира и предназначения самого человека.

Вера религиозная и вера экзистенциальная выступают как две стороны бытия русских в эмиграции. «Вера выражает единство внешних влияний (идеологии, образа жизни, воспитания, образования) и внутренних условий (мотивы, цели, ценности, идеалы, смыслы), выступая в качестве фундамента для поступка как внутреннего усилия человека в достижении им смысла экзистенции» [2].

Размышления Вс. Иванова гармонично вписываются в контекст русской и европейской философской мысли. Мы не располагаем сведениями, был ли знаком публицист на момент написания своих статей с работами русских и зарубежных философов о вере, но точно знаем, что в Китае такая возможность была. Об этом свидетельствует, например, публикация Льва Шестова «Киркегард – религиозный философ» в журнале «Русские записки» (Шанхай, 1938 г.), а также цитата из высказывания В. Розанова, взятая Вс. Ивановым в качестве эпиграфа.

Слово о вере звучало не только на страницах общественно-политических изданий дальневосточной эмиграции, оно нашло отражение и в лирических текстах. Одним из авторов, для которого «проклятые вопросы», то есть вопросы, связанные предельными основами человеческого существования, – жизнь, смерть, страдание, Бог, были актуальны, является поэтесса русского Харбина М. Колосова [28]. Один из ее сборников стихотворений называ-

ется «Господи, спаси Россию!» (1930 г.). В него включено сорок три стихотворения, в двадцати из которых звучит мотив веры и неверия, молитвы, создается образ паломницы, храма, свечи, божьего суда, отступника, креста, Матери Божьей.

Вера в стихотворениях сборника М. Колосовой трактуется как вера религиозная, христианская, вера-надежда и вера экзистенциальная. Рассмотрим каждый из видов.

Вера религиозная, христианская, дарованная личности извне, из трансценденции как откровение, представлена в стихотворении «Отступнику» в образе «отцовской веры»: *«Я не верю в «матерь мира», // Чужие боги мне чужды. <…> Я не сменю отцовской веры, // Она, как жизнь и смерть, – проста»* [29, с. 18–19] и в произведении «Паломница»: *«Гору найду Назаретскую, // Ту, где бывал Иисус. // С прежнею верою детскую // В старую быль унесусь»* [29, с. 64]. Обращение к «вере отцов», «вере детства» не случайно: Марианна Колосова была из семьи, где на протяжении трех поколений мужчины служили Богу, а она сама училась в Томском епархиальном училище по классу домашней учительницы [30], поэтому еще в раннем детстве познакомилась с православными традициями и ценностями, христианскими основами русского бытия, а в период эмиграции стремилась донести их до читателей.

Появление веры-«парадокса», единственной основой которой выступает надежда, продиктовано социально-исторической ситуацией: оторванностью эмигрантов-беженцев от родного дома, родных, Родины. Лирическому герою остается только верить в лучшее и моделировать «видение настоящего, чреватого будущим». Все мысли лирического героя связаны с будущим России, Родины: *«И Родина великая воскреснет!»* (Все о том же…, 1928) [29, с. 36]; *«В тот час я верила: Россия будет снова … <…> Все эти годы с верой беззаветной // Я чуда, только чуда – жду!»* (Не в этом ли году?, 1929) [29, с. 37]; *«Будет тихая Русь, // В это я верю свято!»* (Бунтари, 1930) [29, с. 46]; *«Моя молодость пламенно верит: // Близок день тот счастливый и год, // Когда Бог за тоску и потери // Нам на Родине елку зажжет!»* (Елка на чужбине, 1930) [29, с. 70].

Переход от веры религиозной к вере экзистенциальной очевиден в стихотворении «В комиссаровском портфеле» (1930 г.).

Согласно экзистенциалистским представлениям, истины обретаются только в акте существования и становятся верой, только реализуясь в экзистенции.

В стихотворении запечатлен путь прорыва лирического героя к новому измерению мышления: погружение во мрак реальности («крик набата», «безверье», «изгнанье», «комиссаровский кожаный портфель»); обретение во мраке реальности веры, «мысли, способствующей сохранению человеческой волей своих высших возможностей» (К. Ясперс), а затем реализация веры в поступке (сохранение «отцовской веры»: *«В нас безверье веру не задушит, // В бездорожьи нам ясны дороги»* [29, с. 39]; сохранение «себя»: *«Эти годы закалили душу – // И не только мне, а очень многим»*; сохранение культуры, любви к Родине: *«Сквозь изгнанье пронесли мы свято // Русь, – // как чудотворную икону»* [29, с. 39], собственно, и делающим веру абсолютом, безусловностью.

Произведение опирается на экзистенциалистское утверждение веры в абсурде, веры как сотворение истины в хаосе реальности, как персонального прорыва во «второе измерение мышления» (Л. Шестов) для нахождения безусловных духовных координат, обретающих для личности сокровенный и сакральный смысл.

Очевидна близость М. Колосовой к религиозной (в том числе, и канонизированной христианской) трактовке веры как надежды, упования на реальность содержания веры, дарованной личности извне, из трансценденции как откровение, так и к экзистенциальной вере, представляющей собой универсальный способ становления личности, ее возвышения до уровня экзистенциальных ценностей [2, с. 117].

Итак, вера в публицистике и поэзии дальневосточного русского зарубежья выступала в качестве экзистенциальной категории, благодаря которой жизнь эмигрантов на чужбине обретала смысл, наполнялась новыми ценностями. Высшая из них – Родина. Смысл существования – сохранение в инокультурном пространстве русского языка, русской культуры, русской литературы, русского слова и «себя» как нации.

Самостоятельного исследования требует проблема влияния конкретных работ философов-экзистенциалистов и христианских теологов на формирование взглядов публицистов, поэтов и прозаиков дальневосточного русского зарубежья. Но уже сегодня можно сказать, что Вс. Иванов и М. Колосова были чуткими к идеям своей эпохи, им объективно близки позиции К. Ясперса и Л. Шестова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хватова М. Б. Вера как экзистенциальная проблема в русской философии // Манускрипт. 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 95-100. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gramota.net/materials/9/2019/9/19.html.

2. Омельчук Р. К. Вера как фундаментальная экзистенциальная ценность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docplayer.ru/49630997-Vera-kak-fundamentalnaya-ekzistencialnaya-cennost-1.html.

3. Уколова Ю. С. Категория «вера» и «доверие» – семантика различий. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/29518/31-Ukolova.pdf?sequence=1

4. Рыбальченко Т. Л. Категория веры в романе Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Сб. Памяти проф. Н.Н. Киселева. / Ред. А.П. Казаркин, Т.Л. Рыбальченко. Томск: изд-во Том. ун-та, 1999. С. 119-133.

5. Толкование на Ефесянам 2:8 – толкование отцов церкви. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bible.by/fater/56/2/8/

6. Локк Дж. Сочинения В трех томах. Т. 2.: Пер. с англ. / Редкол.: М. Б. Митин (пред.) и др. М.: Мысль, 1985. 560 с.

7. Гоббс Т. Основы философии. Часть 2. О человеке. 1658. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nasurdinov-ms.livejournal.com/37117.html.

8. Федоров Н. Ф. О православии и Символе веры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/f/fedorow_n_f/text_1903_o_pravoslavii.

9. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vehi.net/bulgakov/svet/

10. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://filosoff.org/florenskii/tvorchestvo/stolp-i-utverzhdenie-istiny/

11. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://studylib.ru/doc/185707/florenskij-p.a.--u-vodorazdelov-mysli.-tom-1

12. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

13. Франк С. А. С нами Бог. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://litportal.ru/avtory/semen-frank/read/page/1/kniga-s-nami-bog-61977.html

14. Ильин И. А. Путь духовного обновления. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://filosoff.org/ilyin/tvorchestvo/put-duxovnogo-obnovleniy

15. Бердяев Н. Философия свободы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://studfile.net/preview/9773969/

16. Розанов В. В. Опавшие листья // Розанов В. В. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 277-630.

17. Шестов Л. И. Киркегард и экзистенциальная философия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/shestov/shestov_l_kirgegard_i_ek/

18. Шестов Л. И. Николай Бердяев (Гнозис и экзистенциальная философия). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/shestov/shestov_l_nikolay_berdyae/

19. Шестов Л. И. Киркегард – религиозный философ // Русские записки. Шанхай. 1938. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/kirkegard

20. Ясперс К. Философская вера. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.textfighter.org/teology/Philos/jaspers/rasschepleno_na_subyekt_

21. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. 568 с.

22. Семушкин А.В. Философская вера экзистенциализма и ее притязания на универсальное мировоззрение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskaya-vera-ekzistentsializma-i-ee-prityazaniya-na-universalnoe-mirovozzrenie/viewer

23. Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2009. 352 с.

24. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. С. 57-58.

25. Харбин численность населения. Харбин в конце XX - начале XXI столетий https://foit.ru/facials/harbin-chislennost-naseleniya-harbin-v-konce-hh---nachale-xxi-stoletii/

26. Иванов Вс. Усиление русской жизни // День русской культуры. Харбин. 1930. 15 июня. С. 13-15.

27. Иванов Вс. О сущности русской культуры // День русской культуры. Харбин. 1931. 8 июня. С. 15-19.

28. Белозубова Н.И. Художественное своеобразие лирики Марианны Колосовой (на материале публикации 1929-1931 гг.) // Вестник Амурского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2001. N 14. С. 82-84.

29. Колосова М. Господи, спаси Россию! Книга вторая. Харбин. 1930. 83 с.

30. Колосова Марианна Ивановна [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russianemigrant.ru/book-author/kolosova-marianna-ivanovna/

УДК 811.161.1; 801.81

А. С. Лаврина
Томск, Национальный исследовательский
Томский политехнический университет

РАССКАЗЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АВСТРАЛИЙСКОЙ ВЕТВИ РУССКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ О БЫЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ С З. Н. КОЖЕВНИКОВОЙ)

Настоящая работа посвящена анализу рассказов-воспоминании русской реэмигрантки из Китая в Австралию – З. Н. Кожевниковой.

Цель статьи – проанализировать тематическое и лексическое своеобразие рассказов представительницы австралийской ветви русской восточной эмиграции.

Новизна работы заключается в том, что в научный оборот введен редкий лингвистический и историко-культурный материал – записи устной речи русской реэмигрантки из Китая в Австралию, выявлены тематические и лексические доминанты ее рассказов о былом и настоящем.

Ключевые слова: русский язык, русский язык зарубежья, австралийская ветвь русской восточной эмиграции, устная разговорная речь, тематические группы, лексические единицы.

A. S. Lavrina
Tomsk, National Research
Tomsk Polytechnic University

STORIES OF THE REPRESENTATIVES OF THE EASTERN BRANCH OF RUSSIAN EMIGRATION IN AUSTRALIA ABOUT THE PAST AND PRESENT: THEMATIC AND LEXICAL ORIGINALITY (BASED ON INTERVIEWS WITH Z. N. KOZHEVNIKOVA)

The article is devoted to stories of representative of the eastern branch of Russian emigration in Australia – Z. N. Kozhevnikova.

The purpose of the article is to analyze the thematic and lexical originality of the eastern branch of Russian emigration.

The novelty consists in the rare linguistic and historical-and-cultural material – the recorded interviews with Russian re-emigrants from China to Australia, thematic and linguistic units of her stories about the past and present are revealed.

Keywords: the Russian language, the Russian language of the eastern abroad, conversational speech, thematic groups, linguistic units.

doi 10.22250/WFDA.2021.17.9

Русское восточное зарубежье имеет свои особенности по сравнению с западным. Так же как и в западном варианте эмиграции из России, наибольший поток беженцев пришелся на послереволюционное время, но в восточном варианте беженцы попадали в обустроенный

русскими город Харбин в Китае, основанный в 1898 г. «В Китае до прихода японцев русские чувствовали себя свободными гражданами, жили русской жизнью, не испытывая притеснений или преследований» [1, с. 188].

Длительное существование русскоязычной диаспоры в Китае, в частности, в Харбине, привело к тому, что их русский язык приобрел свою собственную языковую специфику. Исследованию русского языка восточного зарубежья посвящены работы С. В. Гордеевой [2], Е. А. Оглезневой [3], Г. М. Старыгиной [4], Л. М. Шипановской [5]. Анализ языка русских эмигрантов в Австралию осуществлен в работах Н. В. Райан [6], А. Н. Анцыповой [7].

Объектом исследования в статье выступают рассказы-воспоминания русской реэмигрантки из Китая в Австралию – З. Н. Кожевниковой, представляющей австралийскую ветвь русской восточной эмиграции.

Цель статьи – проанализировать тематическое и лексическое своеобразие этих рассказов.

Новизна работы заключается в том, что в научный оборот введен редкий лингвистический и историко-культурный материал – записи устной речи русской реэмигрантки из Китая в Австралию. Материалом исследования послужило интервью с Зоей Николаевной Кожевниковой – представителем русской реэмиграции из Китая в Австралию, записанное в 2013 г. в г. Сиднее.

Зоя Николаевна Кожевникова родилась в Харбине в начале 1950-х гг. Дед по линии отца Зои Николаевны – Иоанн Калистратович Попков – родился в 1906 г. в г. Благовещенске. Был священником, служил в Свято-Никольской церкви. Бабушка по отцу Зои Кожевниковой – Анна Петровна – родом из Польши.

Семья отца Зои Николаевны эмигрировала из г. Благовещенска в Харбин в 1921 г.:

Семья была большая / попали / значит / они значит в Харбин уже в двадцать первом году / и жизнь для беженцев в Харбинé была нелёгкая // Эм / я думаю / с удовольствием / и с такими радостными красочными воспоминаниями / Харбин в основном вспоминают те / кто попали туда до / революции / при постройке КВЖД [кавэжэдэ]//.

Семья матери бежала из России в 1924 г. Прадед отступал с Первым Кубанским походом («Ледяным походом») Добровольческой армии под командованием Л. Корнилова [8, с. 86]:

... а прадед мой со стороны мамы отступал с Колчаком / с ледяным походом // Они пришли в Харбин только в том / что было // Ни вещей / ни драгоценностей / документы / частично утерянные //.

Мать Зои Николаевны имела польские корни, и родители З. Кожевниковой с ней и ее сестрой Тамарой из Харбина уехали в Польшу:

Так как на нашу долю выпало с сестрой тоже очень много скитаний по разным странам / эм / мы нигде / подолгу не / задерживались / родители в поисках лучшей / как бы участи / для своих детей / из Харбинà попали в Польшу / так как мама у меня частично полька по отцу //.

В Польше семья З. Н. Кожевниковой проживала недолго: в 1958 г. родители Зои Кожевниковой с детьми переехали в Новосибирск:

Эм / потом / из Польши / брат старший папы / также рождённый в Благовещенске / уговорил нас приехать в / в Новосибирск // Пожив там / мы поняли / что конечно / в то время / э / с / п[и]сят восьмом году / это было еще не время для возвращения эмигрантов //.

Родители не смогли «приспособиться» к жизни в России. В 1962 г. семья принимает решение эмигрировать в Австралию:

Папа с мамой были из тех людей / которые / знаете / не умели приспосабливаться к обстоятельствам // Путь был только прямой / и вилять туда-сюда не приходилось // Я не хочу сказать / что другие это делали / боже упаси / просто у каждого свой путь был // И в ш[и]сят втором году / когда они поняли / что / русские мигранты там / в тот момент еще не нужны были / они решили вернуться в Польшу // Опять-таки / Польша для русского / особенно православного человека / не была в то время гостеприимным домом / кстати она и счас не является им //.

В настоящее время Зоя Николаевна проживает в Австралии, является председателем Русского Этнического Представительства в Сиднее.

Зоя Николаевна Кожевникова представляет 3 поколение русской эмиграции в Харбине и 1 поколение – в Австралии. Она прожила в Австралии 51 год (на момент записи интервью). Устная речь Зои Николаевны представляет собой разговорную разновидность русского литературного языка.

Вопросы интервью побудили З. Н. к воспоминаниям о событиях прошлой жизни, перемежавшимся рассказами о сегодняшнем дне, о текущей жизни.

Тематический диапазон в интервью с Зоей Кожевниковой достаточно широк. Нами выделены следующие гипертемы в ее рассказах:

1. «Харбин». О Харбине Зоя Николаевна рассказывает преимущественно со слов своих родителей:

Они пришли в Харбин только в том / что было // Ни вещей / ни драгоценностей / документы / частично утерянные // И / если даже сказать не в недостатке / то / в больших / во многих случаях / также как и наша семья / даже жили в нищенстве / занимались любой работой / несмотря на своё / прошлое / происхождение / никакой работы не гнушались / только это был вопрос выживания уже //.

Наиболее частотными микротемами внутри гипертемы «Харбин» являются следующие: «Эмиграция родителей в Харбин», «Жизнь родителей в Харбине».

2. «Россия». В России, в городе Новосибирске, Зоя Николаевна прожила 4 года. Знакома она со страной не только по личному опыту, но и по рассказам родителей. Прожив большую часть своей жизни в эмиграции, Зоя Николаевна Кожевникова всю жизнь Россию считала своей Родиной:

Это / в нас было вложено уже с воспитанием / что Россия / это / наша родина / многострадальная // То / что по воле судьбы / мы оказались в лучших / в лучшей жизни / это не значит / что мы чем-то лучше // Это значит / что мы должны стараться / э / отдать России то / и людям / то что сами получили // Вот //.

В состав гипертемы «Россия» в рассказах З. Н. Кожевниковой входят микротемы «Благовещенск (по воспоминаниям отца)», «Религия в России», «Жизнь в Новосибирске».

3. «Австралия» – гипертема, которая наиболее широко представлена в рассказах-воспоминаниях Зои Кожевниковой. В Австралии Зоя Николаевна прожила на момент интер-

вью с ней 51 год. Рассказывая о жизни в Австралии и анализируя своё отношение к этой стране, Зоя Николаевна часто прибегает к сравнениям с жизнью в Харбине, сожалеет о невозможности жизни в России.

Э / в Австралии / конечно / трагичных я судеб не знаю // В Харбинé было много трагичны / трагичных / потому что это было только на / начало эмиграции // Также так у нас в семье / было очень много трагичных судеб // Э / у некоторых членов нашей семьи // Э / для некоторых / э / вся эмиграция оказалась / сплошной трагедией / это очень такое индивидуальное явление // Счас / конечно / было бы даже грешно говорить / какая это для нас трагедия // Да / мы / болеем за Россию / мы живем её интересами / мы радуемся успехам России // Эм // Но вот так / знаете / взять / сорваться и переехать / когда-то мы об этом мечтали // Но с годами мы поняли / что это неосуществимо // Мы просто настолько / привыкли к другой жизни / к другим условиям / что мы / знаете / как тепличные растения / в суровой обстановке //.

Зоя Кожевникова не называет себя австралийкой. Она воспринимает себя именно как представителя русской нации в Австралии:

Каждая национальность / которая приезжала в Австралию / они вот здешнюю культуру обогатили своим вкладом // О[н'э] понимают / что о[н'э] должны своим поведением / достойно нести честь русского имени / так как это нам всегда внушалось // Потому что по нам судят обо всей России // Если мы себя здесь не зарекомендуем с самой хорошей стороны / значит это будет рас[пра]няться / распространяться / извините / на всю Россию // [н]ачит все русские такие //.

Наиболее частотные микротемы внутри данной гипертемы следующие: «Переселение в Австралию», «Адаптация к жизни в Австралии», «Отношение местного населения к эмигрантам в Австралии», «Воспитание детей в эмигрантских семьях в Австралии».

Рассмотрим особенности употребления лексических единиц в речи З. Н. Кожевниковой, выполняющих различные функции и способствующих передаче той особой атмосферы и особого настроения, присущих бывшей харбинской диаспоре.

Основу разговорной речи Зои Николаевны составляет нейтральная лексика. В ее устной речи также присутствует лексика книжная, устаревшая и разговорная. В зависимости от темы и микротемы рассказов в речи Зои Кожевниковой варьируется употребление книжной и разговорной лексики.

Книжные лексические единицы являются высокочастотными в речи З. Н. Кожевниковой. Приведем примеры книжной лексики, которую использует Зоя Николаевна: категорически [10], миссия [10], скитание [10], миновать [10], преследование [10], интеллигентный [10], красочный [10], искажённый [10], диверсант [10], осмысление [10], идеологический [10], побудить [10], психика [10], давление [10], предприимчивый [10], конгресс [10], соотечественник [10], путч [10], иждивение [10], обогатить [10], неоднократно [10], база [10], почва [10], всецело [10], востребовать [10], многострадальный [10], представительство [10], соприкасаться [10], нравственный [10], потрясающий [10], экстенсивный [10], менталитет [10], упадочнический [10] и др.

Большое количество книжной лексики делает устную речь З. Кожевниковой приближенной к письменной.

Устаревшая лексика присутствует, но не частотна: лихолетье [10], благодарственный [10], вклад (в знач. пожертвование, приношение куда-н.) [10].

В рассказах-воспоминаниях З. Кожевниковой используется и разговорная лексика: сорваться (в знач. стремительно сойти, удалиться, сдвинуться откуда-н.) [10], здешний [10], отсиживаться [10], недостаток (в знач. отсутствие средств) [10] и др.

Частотное использование разговорной лексики помогает Зое Николаевне выразить свое эмоциональное состояние, описать события экспрессивно:

Они переходили разбитый / разбомбленный амурский мост / в декабре месяце // Когда помню бабушка рассказывала эти ***кошмары*** */ то мы / детьми / мы не понимали / что то такое //;*

Тогда нас называли ***недорезанными буржуями*** */ диверсантами / шпионами / и тому подобное //.*

В работах исследователей по русскому языку восточного зарубежья отмечается наличие так называемой собственно харбинской лексики. «В состав указанной группы лексики мы включаем лексические и фразеологические единицы, возникшие в русской речи Харбина в начале и середине XX в. и функционирующие там активно на протяжении всего периода массового присутствия русских на этой территории и пассивно – после исхода русских из Харбина, но сохранившиеся в их памяти как отображения эмигрантской действительности» [9, с. 83]. В записанных рассказах-воспоминаниях Зои Николаевны не встретилась собственно харбинская лексика в представленном выше понимании, но присутствуют собственно харбинские особенности словоупотребления.

Так, имя собственное *Харбин* в формах косвенных падежей З. Кожевникова произносит с ударением на окончании, что не соответствует современной русской акцентологической норме, но является традицией харбинского произношения: «Русские харбинцы следовали своей, харбинской традиции в постановке ударения в этом слове, и это ударение служило им «лакмусовой бумажкой» для отличения своих – харбинцев, – от нехарбинцев» [7, с. 190].

Кроме того, в рассказах-воспоминаниях о Харбине частотно употребление имен собственных, называющих местные реалии:

Я думаю / с удовольствием / и с такими радостными красочными воспоминаниями / ***Харбин*** *в основном вспоминают те / кто попали туда до / революции / при постройке* ***КВЖД//;***

Семья была большая / попали / значит / они значит в ***Харбин*** *уже в двадцать первом году / и жизнь для беженцев в* ***Харбине́*** *была нелёгкая //.*

Большую роль в социальной и культурной жизни эмигрантов играла религия и православная церковь. Православие, с одной стороны, способствует сохранению духовных ценностей, с другой стороны, является связующим звеном между реэмигрантами. На это указывают многие исследователи русских диаспор за рубежом: «Единственным фактором, объединяющим всех новоиспеченных австралийцев, и центром жизни русской общины была Русская православная зарубежная церковь. В Сиднее, Мельбурне и других крупных городах жизнь эмигрантов базировалась вокруг церкви, потому что туда ходили все, независимо от политических разногласий» [11, с. 27]. Поэтому неудивительно то, что в речи Зои Николаевны частотна лексика религиозной тематики:

Э / часто приходится слышать / потому что Россия в своё время слишком далеко отошла от ***Бога*** *и от* ***церкви*** *//;*

Но счас / за последние годы идёт такое возрождение / столько ***храмов*** *восстановлено / **монастырей** / столько замечательного **духовенства** / что / мне лично кажется / это только вопрос времени //;*

Я вот слежу по интернету / где счас проходят ***православные*** *съезды молодежи / что проводятся в школах // Эм / очень важно / чтобы руководители / школ / понимали / что детей без* ***духовной*** *опоры / воспитывать невозможно //;*

И язык потрясающий / и вот / по его произведениям / можно действительно изучать русскую историю / историю русского / русской такой бытовой жизни / ***духовенства*** */* ***церкви*** *//.*

Отмечено также цитирование Библии:

Уход за пожилыми / да // Ну Вы же понимаете / и мы это все также великолепно понимаем // ***Кому больше дано/ с того больше спросится*** *//.*

Это неудивительно, если учитывать и семейное происхождение Зои Николаевны: дед по отцу был священником, что обусловило ее православное воспитание.

Одной из ярких специфических особенностей русской речи Зои Николаевны Кожевниковой и ее рассказов-воспоминаний является использование фразеологизмов различной семантики:

1. Фразеологизмы, называющие эмоции и чувства человека, – это наиболее представленная в количественном отношении в ее речи группа фразеологизмов: *не в своей тарелке*;

2. Фразеологизмы, называющие свойства и качества характера человека: *сделал на совесть*;

3. Фразеологизмы, характеризующие явления и события: *само собою*, *проливать кровь*, *пути господни неисповедимы, по воле судьбы, по сей день*, *дай бог.*

Зоя Николаевна использует фразеологизмы разной стилистической маркированности: *бог с ними* (нейтр.), *по воле бо[жэ]й* (книжн.)*, пути господни неисповедимы* (книжн.), *кро[в] проливали* (книжн.)*, по сей день* (разг.)*, от мала и до велика* (разг.).

Употребление фразеологических единиц в речи информанта является нормативным: сохраняется состав компонентов и их семантика. Однако встретились единичные случаи нарушения языковой нормы при употреблении устойчивых выражений:

Но это счас ***никому не секрет*** */ об этом все знают //;*

А вот в девяносто первом году / он понял / и как бы ***чаша дополнилась*** *//.*

Хорошее знание фразеологического фонда языка свидетельствует о высоком уровне владения русским языком нашим информантом и богатом словарном запасе. Использование русской фразеологии придает речи З. Кожевниковой особый колорит, усиливает её эмоциональность.

Большую часть жизни Зоя Николаевна прожила в Австралии. Однако анализ ее речи показывает, что англоязычное влияние в области лексики невелико. В речи З. Кожевниковой встречается всего несколько примеров употребления иноязычной лексики:

Да // Счас я по компьютерам / я / как / информационный консуль / консультант по информационной технологии / это ***information technology*** */ консультант //;*

*До компьютерной / в основном / воспитывала детей / потом преподавала русский язык в русской школе / **Homebush** //;*

*Казалось бы // А на деле было всё иначе // Дразнили / да / как это было принято / нас тогда называть **вогз / вогз / вогз** / это новоприезжие были / да // Но нет / это не самое такое ласковое / знаете / слово было //.*

Итак, проанализированные нами рассказы о былом и настоящем, прозвучавшие в интервью с представительницей русской восточной эмиграции Зоей Николаевной Кожевниковой, бывшей харбинкой, реэмигрировавшей из Харбина в Австралию, демонстрируют ее богатый словарный запас; она свободно владеет фразеологией русского языка, цитирует литературные произведения и Библию, что свидетельствует о высоком уровне владения русским языком, несмотря на то, что большая часть жизни проведена ею вне метрополии. Речь Зои Николаевны разнообразна по своей эмоциональной и экспрессивной окрашенности, она живая, яркая и образная. Кроме того, рассказы З.Н. Кожевниковой представляют собой бесценный источник по истории русской восточной эмиграции в ее персональном преломлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравцов А. Н. Русская Австралия. М.: Вече, 2011. 878 с.

2. Гордеева С. В. К вопросу о языковой компетенции русских и их потомков в китаеязычной среде (на материале речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай) // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 363. С. 16–19.

3. Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 352 с.

4. Старыгина Г. М. Лингво-исторические портреты харбинцев (на материале речи русских эмигрантов) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.4. Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 263-269.

5. Шипановская Л. М. Названия улиц старого русского Харбина: особенности номинации / Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6 Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. С. 41–50.

6. Райан Н. В. Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005. 208 с.

7. Анцыпова А. Н. Религиозное общение как одна из социальных функций русского языка зарубежья и ее отражение в письменной речи эмигрантов Австралии // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2005. Вып. 3. С. 108–115.

8. Гаевская И. И. Первый Кубанский поход: проблемы быта участников в «Очерках русской смуты» А. И. Деникина / Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ», 2016. № 9. С. 86–92.

9. Оглезнева Е. А. Язык русского восточного зарубежья в зеркале лексикографии // Вопросы лексикографии. 2013. № 1. С. 81–92.

10. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. URL: https://ushakovdictionary.ru/ (дата обращения: 15.01.2021).

11. Кравцова В. С. Периодизация русской эмиграции в Австралию // Межкультурный диалог в пространстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона: сборник научных статей по материалам II Международной студенческой научно-практической заочной конференции. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2018. С. 26-31.

12. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

Предлагаем вниманию читателей фрагменты из исторической записки Святителя Иннокентия (Вениаминова) «Нечто об Амуре», содержащей подробное описание реки и ее побережий и оценку их пригодности для заселения русскими. Исследование стратегически важной для России территории, проведенное миссионером Иннокентием во время его участия в сплаве по Амуру в 1856 г., представляет собой экономический и геополитический обзор и содержит измышления Святителя о возможных сферах деятельности, о промыслах, характере и условиях бытования будущих переселенцев. Записка «Нечто об Амуре» позволяет достаточно наглядно представить те территории и те природно-климатические условия, в которых спустя несколько лет начали жить, трудиться, развивать регион сотни переселенцев.

УДК 266.3

Д. Н. Павлова
Благовещенск, Амурский госуниверситет

СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ И АМУРСКИЙ КРАЙ

В статье изложены основные вехи миссионерского пути Святителя Иннокентия (Вениаминова), наиболее значимые для российской геополитики и истории русской православной церкви. Приведены фрагменты из составленной им исторической записки «Нечто об Амуре».

Ключевые слова: *святитель Иннокентий (Вениаминов), миссионерство, русская православная церковь, Дальний Восток, Амурская область.*

D. N. Pavlova
Blagoveshchensk, Amur State University

ST. INNOCENTII AND THE AMUR REGION

The article focuses on the milestones in the missionary path of St.Innocent (Veniaminov), which mostly formed the mainstays of Russian Orthodox Church. The fragments of the historical note «Something about the Amur» compiled by him are given below.

Keywords: *St.Innocent (Veniaminov), missionary work, Russian Orthodox Church, the Far East, the Amur region.*

doi 10.22250/WFDA.2021.17.10

«Если проложить на карте пути неутомимого миссионера,
протяженность этих путей окажется гораздо большей,
чем даже у апостола Павла»
Игумен Арсений (Соколов)

«Въ самом дѣлѣ, всѣ мои путевые подвиги состоятъ
именно только въ томъ, чтобы двинуться съ мѣста,
т.е. рѣшиться сѣсть въ повозку или на судно; а тамъ –

еслибы и захотѣлъ воротиться, да ужъ нельзя;
а кто жъ не захочетъ рѣшиться и въ комъ
не достанетъ на то силы, когда того требуетъ
дѣло или долгъ?»
Святитель Иннокентий, митр. Московский
Автобиографическая записка (1879 г.)

Среди служителей церкви немало тех, кто своей миссионерской деятельностью повлиял на историю земли русской. Одной из значимых фигур в контексте политической ситуации на Дальнем Востоке во второй трети XIX в. был митрополит Иннокентий Попов-Вениаминов (1797–1879 гг.). Изучению его миссионерской деятельности, обзору написанных им речей, писем, поучительных текстов, исторических записок посвящено огромное количество книг и статей. Со ссылками на некоторые из них в настоящем материале представлен краткий обзор его историко-религиозного пути.

Необыкновенная жизнь святителя Иннокентия, его великое архипастырское служение, духовно-просветительская деятельность от Петербурга и Москвы до Камчатки и Алеутских островов вызывают интерес и спустя почти два века. Привычка святителя Иннокентия к переездам, к походной жизни, его энергичность, неприхотливость в быту, внимание к простым людям и безусловная убежденность в необходимости миссионерского труда вели его по территориям, становившимся местами его христианского служения. Аляска, республика Якутия, Камчатский край, Забайкальский край, Амурская область, Хабаровский край, Приморский край, Иркутская область – и сегодня на этих территориях помнят и чтут святителя Иннокентия, миссионера, чье служение можно определить как служение не только для церкви, а во благо людей.

Свою миссионерскую деятельность он начал в 1824 г. на Алеутских островах. Истинно вовлеченный в дело своей жизни человек, он не только своими руками строил храмы, проводил богослужения, крестил людей, но и обучал аборигенов ремёслам – столярному, плотницкому, кузнечному делу, построил дом для сирот, открыл школу и сам в ней преподавал, изучил несколько местных диалектов и, понимая, что местное население может усвоить христианские заповеди именно на родном языке, на базе кириллицы создал алфавит для языка алеутов, впоследствии записал им некоторые библейские тексты, а также местные обычаи и предания [1].

Не имеющий профессионального научного образования, святитель Иннокентий проявил себя и как ученый-натуралист: находясь на Аляске, он составил описание географических и этнографических особенностей местного населения – «Записка об островах Уналашкинского отдела»: им описаны климат, растительный и животный мир островов, детали быта и культуры алеутов, в том числе их сказки, предания, песни, игры. Сказано там, в том числе, и о промысле китов и котиков на Алеутском архипелаге, причем именно по совету святителя промышленники русско-американской компании стали учитывать периоды размножения животных для сохранения популяций.

Шестнадцать лет, проведённых им в суровом крае – Русской Америке, оказали влияние на быт и культуру местного населения. Благодаря вниманию и заботе Святителя и после продажи Аляски в 1867 г. на Американском Севере сохранилось влияние русской право-

славной церкви: в Сан-Франциско была создана алеутская епархия [2]. Северные и восточные территории государства Российского архиепископ Иннокентий также узнавал во многочисленных и беспрестанных поездках; ни морозы, ни трудности кочевого быта не останавливали его в достижении целей – обращении в христианство многочисленных местных народов, помощи в создании приемлемых бытовых условий священнослужителям и представителям своей разноплеменной паствы, укреплении государственных границ.

С 1840 г. служа в Якутской епархии, заботящийся о своей многочисленной пастве владыка вместе с другими миссионерами занимался переводом на якутский язык Священного Писания и богослужебных текстов для отправления служб в якутских церквях, составлял поучения на якутском языке, а в 1853 г. учредил Комитет для перевода церковной литературы, благодаря чему начали печататься духовные книги, а также азбуки и грамматики для малых народностей Российской империи. Где бы ни находился Святитель, его целью никогда не была «русификация» местного населения. И именно перевод богослужения на язык аборигенов способствовал распространению православия на вверенных ему территориях [3]. Преосвященный владыка следил за тем, чтобы при строящихся часовнях и храмах открывались приходские школы, где детей и взрослых обучали читать и писать на своём родном языке. Внимание архиепископа распространялось и на организацию обучения и ведение экономических дел в духовных семинариях и училищах, и на состояние церковных домов в тех поселениях, которые он посещал.

Совершая поездки по Охотскому побережью, Камчатке, Чукотке, Аляске, Курильским, Командорским, Алеутским островам (в 1852 г. Якутский край был включен в Камчатскую епархию), архиепископ Иннокентий вникал в детали быта северных народов. Знал он и о том, что странствующие торговцы за бесценок выменивали у местных пушнину, вгоняя их в долги, заставляя бедствовать. Именно благодаря его рапортам, запискам, письмам и содействию генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва ситуацию удалось изменить. Проект развития животноводства на Камчатке (по настоянию святителя на Камчатку был завезена первая партия коров), предложения по изменению транспортной схемы, по организации пароходного сообщения с материком были составлены святителем Иннокентием и способствовали развитию полуострова [4; с. 85].

Особую роль сыграл архиепископ Иннокентий и в освоении Амурских земель. Присоединение и развитие Приамурья и Приморья, стратегически важной для Российского государства территории, происходило при благословлении и постоянном содействии и участии святителя Иннокентия. На русском Дальнем Востоке в середине XIX в. необходимо было укреплять позиции России, защищая территории от экспансии Великобритании и Франции. Именно тогда, еще до официального включения Приамурья и Приморья в состав Российской империи, религиозная и дипломатическая деятельность Святителя Иннокентия способствовала усилению позиции церкви на Дальнем Востоке и подготавливала местное население (за счет его христианизации) к переходу под административное и социокультурное влияние России.

В 1856 г. архиепископ Камчатский Иннокентий принял участие в сплаве по Амуру, организованном Н. Н. Муравьевым. Именно в ходе этой поездки во время остановки в станице Усть-Зейской в присутствии архиепископа был заложен храм в честь Благовещения

Пресвятой Богородицы, а станице был присвоен статус города и дано имя Благовещенск – в память Иннокентия, который в сане священника служил в Иркутске при Благовещенской церкви. «Нынѣ появляется въ газетахъ оспариваніе этого факта, и наименованіе г. Благовѣщенска стараются произвести изъ другого начала. Не трудитесь! Я былъ очень близокъ, какъ духовникъ, къ графу Амурскому, и слышалъ изъ устъ его, что Благовѣщенскъ наименованъ въ честь архіепископа Иннокентія», – писал, со ссылкой на воспоминания современника архиепископа – протоиерея Прокопия Громова, в одной из первых книг, посвященных деятельности Иннокентия Вениаминова историк И. П. Барсуков [5].

В ходе экспедиции по малоизвестной тогда реке святитель Иннокентий, обладавший литературным даром, вёл записи о посещённых им территориях, описывал нравы и обычаи встреченных им людей. Эти тексты спустя несколько лет в числе прочих записок, писем, статей, заметок, рапортов, донесений, путевых журналов митрополита были оформлены И. П. Барсуковым и вышли в свет в 1886–1888 гг. под названием «Творения Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского» [6]. Среди опубликованных в трехтомнике текстов – предлагаемая ниже вниманию читателей составленная в 1856 г. записка «Нечто об Амуре», в которой Иннокентий определяет цели и перспективы освоения новых для государства территорий, предлагает методы переселения семей казаков и старообрядцев и описывает подходящие для этого районы. В тексте Святитель ссылается на географическую записку, составленную ботаником Карлом Ивановичем Максимовичем, изучавшим флору в низовьях Амура в 1954–1955 гг. Святитель Иннокентий существенно дополняет и конкретизирует приведенную Максимовичем информацию, описывая территории, заселенные местными народами: гиляками, манеграми, мангундами, гольдами. Взгляд Святителя замечает особенности климата и флоры, пригодные для садоводства и даже пчеловодства («*богатейшее и обширнейшее место для посева всяких овощей и даже для разведения садов*»), и огромные территории заливных лугов, что как нельзя лучше подходит для разведения скота, и пространства для выращивания хлеба («*одни хлебопашцы, которые поселятся в первой части Амура. т. е. с вершины оного до Зеи и по Зее, могут прокормить хлебом не один миллион народонаселения*»). Как рачительный хозяин, Святитель отмечает удобство судоходного сообщения, обилие леса для построек и «*дровяного леса*» для обогрева домов, многочисленные реки и речушки, обеспечивающие население питьевой водой [7]. С 1862 г. эти территории в определенном смысле также перешли в ведение архиепископа Иннокентия: он переехал в Благовещенск, и с этого времени его духовные труды были связаны с поездками с миссионерскими наставлениями по новообретённой области, со строительством храмов и расширением епархии.

Как человека, который не только занимался миссионерским трудом, но и участвовал в решении дипломатических и экономических проблем, Святителя Иннокентия Вениаминова по праву можно приравнять к государственным деятелям. За самоотверженную миссионерскую деятельность владыка был удостоен нескольких высоких орденов, в том числе ордена Святого князя Александра Невского – одной из высших наград Российской империи. Весь жизненный путь святителя Иннокентия говорит о духовной и интеллектуальной силе этого человека, о его самоотреченном служении людям и государству Российскому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Святитель Иннокентий (Вениаминов) и научно-просветительская деятельность православного духовенства в Сибири и на Дальнем Востоке XIX – начала XX века: материалы IV межрегиональной науч.-практ. конф. Иркутск, 8–10 сент. 2017. Иркутск: ИОГУНБ, 2017. 200 с. – Режим доступа: https://irklib.ru/Svyatitel_Materialy_IV_Konferentsii.pdf

2. Гладких Т. Простой странник // Словесница Искусств: региональный культурно-просветительский журнал. 2017. № 1 (39). – Режим доступа: http://www.slovoart.ru/node/2283

3. Игумен Арсений (Соколов). Миссионерский подвиг святителя Иннокентия [Электронный ресурс] // Правмир. 6 октября. 2010. – Режим доступа: https://www.pravmir.ru/missionerskij-podvig-svyatitelya-innokentiya/

4. Первопроходцы: Сборник / Сост. Л. Демин. М.: Молодая гвардия, 1983. 352 с. – Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/pervoprohodcy_dyomin

5. Свт. Иннокентій, митр. Московскій. Рѣчь, сказанная въ г. Благовѣщенскѣ графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, послѣ молебна по поводу присоединенія Амурскаго края, 18 мая 1858 года // Творенія Иннокентія, митрополита Московскаго. Книга первая. – Собраны Иваномъ Барсуковымъ. – М.: Въ Сѵнодальной Типографіи, 1886. С. 144-145. – Режим доступа: http://slovo.russportal.ru/index.php?id=alphabet.y.innocent03_113#001

6. Творения Иннокентия, митрополита Московского / Собр. Иваном Барсуковым. Кн. 1–3. Москва: Синод. тип., 1886–1888. / Кн. 1. 1886. 307 с. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Moskovskij/tvorenija-innokentija-mitropolita-moskovskogo-kniga-pervaja/

7. Нечто об Амуре / Святитель Иннокентий (Вениаминов) // Православная энциклопедия «Азбука веры» – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Moskovskij/tvorenija-innokentija-mitropolita-moskovskogo-kniga-vtoraja/13

Святитель Иннокентий (Вениаминов)

НЕЧТО ОБ АМУРЕ[7]

Река Амур, одна из огромнейших рек не только в России, но даже в целом мире, – несмотря на то, что она течет в умеренном климате, на протяжении почти пяти тысяч верст, и принимает в себя множество рек с обеих сторон из коих две, текут с правой стороны, т. е. от полдня, даже оспаривают у нее первенство, – до настоящего времени и, можно сказать, даже до 1854 года, конечно, по воле Провидения, оставалась в забытье и даже многим из соотечественников наших едва была известна только по имени. Но теперь, когда по ней сплыли два огромнейших рейса, а ныне еще третий, она возбудила внимание многих, а с тем вместе разные толки об ней. Так, напр., одни говорят: зачем занимать Амур, когда у нас без того много мест, еще незаселенных; другие называют ее неудобной к судоходству, – один из таковых едва не с клятвой уверял меня, что он слышал от бывшего на Амуре чиновника, что на нем есть непроходимые пороги; а иные, напротив, особливо из первых основателей заселений на Амуре, желая выхвалить Амур, превозносили его до чрезвычайности, увеличивая все до

[7] Орфография и пунктуация автора сохранены.

крайности. Прошедшая война доставила случай и мне сплыть по Амуру и кое-что заметить, слышать и видеть. И с моей стороны было бы даже недобросовестно не высказать моих замечаний и мнений касательно Амура, а прежде всего – тому, кто более всех интересуется и кому более всех необходимо знать об Амуре, тем более, что все мнения и сведения слышим об Амуре, очень небеспристрастны: те и другие слишком иногда увеличивают выгоды и невыгоды, представляемые Амуром, увлекаясь своими видами.

Прежде всего следует указать на цель занятия Амура. Конечно, главная цель есть одна: т. е., приобрести во владение наше такую огромную реку и тем яснее определить границу нашу с Китаем. Но цель эта совмещает в себе множество разных целей, частных и общих, отдаленных и ближайших.

Цель занятия Амура, Русскими: а) отдаленная. Главнейшая и важнейшая из отдаленных целей занятия левого берега реки Амура (о правом я не говорю как о чужом) на всем протяжении его, по мнению моему, есть та, чтобы благовременно и без столкновения с другими державами приготовить несколько мест для заселения Русских, когда для них тесно будет в России, а это может быть очень в непродолжительном времени, потому что число рождающихся против умерших, по одним только православным метрическим сведениям, каждогодно превышает более нежели пятьсот тысяч – а места по Амуру, начиная почти от Стрелочного караула и до самого устья Амура, представляются удобными для поселения; а между тем, самая река представляет большое и важное, удобство для сообщения Сибири с океаном. Эта цель занятия Амура многим (с кем мне случилось об этом говорить) кажется новой и странной, и это конечно оттого, что они не совсем знают количество народонаселения, ежегодно у нас, возрастающего и которое, при обыкновенных обстоятельствах, должно возрастать со временем уже более, чем по полумиллиону в год; и притом им кажется, что у нас в России, и особенно в Сибири, еще премножество мест, которые можно и должно населять. <…>

Много ли и в самой России мест, удобных для заселения и еще не заселенных, особенно таких, которые бы с первого раза представляли удобства. для сообщения, – удовлетворительно сказать не могу; но положим, что и много; но чрез 30–40 лет заселятся и там, а потом куда девать избыток? За 200 лет и даже менее, кто мог думать, что из Германии и Ирландии должны будут переселяться люди в Америку? – Следовательно, занятие Амура, т. е. заблаговременно приготовить место для будущих поселений, отнюдь не лишне и не безрассудно; напротив того, надобно это как можно скорее, дабы кто-нибудь из Европейцев не предупредил нас; а тогда без ссоры и без войны нельзя уже будет занять Амура.

б) *Ближайшая цель*. Из ближайших целей занятия Амура есть – снабжение Камчатки и других приморских и заморских наших мест хлебом и другими Сибирскими и отчасти Русскими произведениями, – снабжение путем удобнейшим, вернейшим, и дешевейшим, чем чрез Охотск на Аян, и даже чем вокруг света. Честь России (о других причинах не говорю) не дозволяет бросить Камчатку и прочие приморские места, хотя они слишком дорого стоять казне и никогда не в состоянии будут окупать не только всех издержек и пожертвований казны, но даже и одних только пенсий, производимых служившим там, а между тем они не в состоянии прокормить даже своих жителей без подвоза из других мест; ибо не говоря уже об Охотском и Гижинском округах, в которых решительно никогда не может быть хлебопаше-

ства, по грубости климата и почвы и по близости моря, но даже и в самой Камчатке (где по реке сего имени, точно есть несколько мест, которые при усиленной разработке могут производить хлеб), при всех усилиях и пожертвованиях со стороны правительства, хлебопашество не может развиться в удовлетворительном размере, и главное потому, что жители оной всегда будут в состоянии покупать не только хлеб, но и чай и потребности, даже до роскоши, на свои соболи, которые, при некоторой предосторожности, никогда не переведутся в огромных и пространных хребтах, едва только в некоторых местах доступных, и то одним промышленникам, и особливо когда хлеб в Камчатке, доставляемый по Амуру, будет стоить втрое дешевле, а со временем и еще дешевле.

О других целях занятия Амура, тоже весьма немаловажных, как-то: возможности сбыта произведений Сибири, – на первый раз хотя сырые кожи, возможности заведения легкого флота, т. е. который бы имел углубления не более 12–14 футов и проч. не мое дело говорить. Скажу только, что занятие Амура, даже при небольшом заселении берегов оного, скоро и сильно может развить деятельность в Забайкальском крае.

Вопросы. Когда обозначена цель занятия Амура, тогда сами собой рождаются многие вопросы, напр.: а) Удобен ли Амур для судоходства? б) Удобны ли берега его для заселения? в) Где первоначально сделать заселения? г) Кем заселить и заселять, и какими способами? и проч. На последний вопрос отвечать могут только администраторы и знающие политическую и отечественную экономию люди.

а) Удобен ли Амур для судоходства? Лучшим ответом на это может быть то, что уже три года по нем сплавляли баржи с большими грузами, сидящие от 21/2 до 4 футов в воде, и наконец пароход «Надежда», сидящий до 41/2 футов, поднялся вверх не только до начала Амура, но даже по Шилке до Сретенска, находящегося выше Шилкинского завода в 70 верстах. Конечно, баржи и самый пароход сидели на мели; но это не от недостатка воды, а от незнания фарватера. Грунт в Амуре почти везде или песчанен, или илист; течение в нем самое большое – не более 8 верст в час, а во многих местах от 5 до 2 верст, в так называемых «щепах». В Хинганском хребте, хотя течение самое быстрое и берега каменисты, но для плавания совершенно безопасны; тут можно плыть во всякое время. правда, берега не везде удобны для пристанища. Но во избежание неудобств, могущих быть при этом и во многих случаях, весьма хорошо иметь якоря на всякой барже. *б) Удобны ли (левые) берега Амура для заселения?* Все сведения, какие имеются теперь об этом, еще весьма поверхностны, не исключая даже и гг. ученых, путешествовавших на Уссури. К сожалению, в настоящее время я имею под рукой только записку одного из означенных путешественников, г. Максимовича. Всякий, кто только ни проплывал по Амуру, не может не сказать, что на берегах Амура, начиная почти от Стрелки и до Лимана и далее, почти решительно нет места, где бы не мог жить или хлебопашец, или скотовод, или огородник и даже садовод, или рыболов, или дровосек. А сколько таких мест, которые с первого взгляда всякому представляют все удобства для заселения со всеми хозяйственными заведениями!

Но при всем том, этот вопрос, и прежде всех, требует основательного и беспристрастного решения. Для этого необходимо послать особую экспедицию из людей специальных, *опытных*, в числе коих должны быть, между прочим, и лучшие, и опытные хлебопашцы из крестьян и скотоводы из знающих это дело. Экспедиция эта должна, во-первых, осмотреть

весь левый берег вдоль, начиная от Албазина до последних хребтов, пред Кизи, а поперек – от беретов материка Амура до хребтов, неудобных к заселению; во-вторых, указать прямо на места, где хлебопашество может развиться *быстро* и где – *со временем*, как это сделал г. Максимович в своей записке, – относя к первым Уссурийскую долину, в 30 верстах выше устья оной, а к последним некоторые места на Амуре, – и тогда сам собой решится второй вопрос, т. е. где прежде, всего нужно и удобно сделать заселения. Прежде нежели я могу сказать что-либо от себя в ответ на вышеозначенный вопрос, я скажу, что оба берега Амура, выключая одного Китайского, или правильнее сказать, Манчжурского города Айгуна (сахалян улахотон) с несколькими близь его лежащими селениями, можно сказать, не заселены и ждут переселенцев; ибо что значить несколько десятков домиков и шалашей и, по предположению г. Максимовича, 1500–2000 человек, разбросанных по обеим берегам от Айгуна, и до последнего хребта пред Кизи? От стрелки же до Айгуна привитающие Минегры составляют самую ничтожную часть населения, если только можно назвать населением несколько берестяных юрт. От Кизи до устья и по лиману обитающие Гиляки и Мангунды своим и небольшими селениями могут еще показывать, *что берега не пусты*, и все это население находится большей частью на правой, т. е. не на нашей стороне Амура. Из 100 деревень Гольдов, обитающих на пространстве 700 верст, на левом берегу только 29, по замечанию г. Максимовича.

Но и все это население, взятое вместе и с городом, что значит на таком огромном пространстве, какое занимает Амур от начала до конца своего? Оно только может служить одним из первых и важных доказательств тому, что на Амуре климат и воздух не вреден для человека, и это так должно заключить и по записке г. Максимовича, где он говорит, что хотя левый берег Амура низкий, и на большое пространство; но это пространство изрыто рукавами реки и большей частью понимается водой, следов. все глухие протоки и озера каждогодно освежаются свежей водой. <…>

Мнение же мое, какое я в проплав мой по Амуру мог составить о том, вот какое. Амур в вершине своей хотя сжат горами так же, как и Шилка, но уже при самом начале своем. т. е. у самой Стрелки, представляет на левой стороне место для заселения удобнее и пространнее, чем на самой Стрелке, или в Горбице, и даже и выше по Шилке, почти до Сретенска, таковых мест немного[8]. Но чем ниже (по Амуру), тем более и чаще попадаются места для заселения, сначала для двух, трех семейств, а потом – для пяти, десяти и двадцати, как напр. по реке Невир, а на месте около бывшего Адбазина (не говоря уже о самой реке Албазихе, текущей по обширнейшей долине, простирающейся в вершине за горизонт) может существовать уже не одно село. Горы здесь отдалились от берега на довольно большое расстояние; а ниже Албазина чем далее, тем еще более и чаще встречаются удобные для заселения места, одни других обширнее и на взгляд лучше. Только в больших изгибах реки, около 2-го Китайского караула, места потеснее. Но и тут найдутся места для небольших селений от изгибов. Горы

[8] Хребты и горы, лежащие между Шилкинским заводом и Стрелкой, с одной стороны примыкающие к Становому хребту, а с другой переходящие чрез Аргун в Китай составляют единственную границу между Забайкальской областью и Амурским краем, где сообщение может быть зимой и летом по одним только рекам Шилке и Аргуни, – другого пути, кажется быть не может. *Прим. Автора.*

невысокие и покрытые кустарниками и березником, и часто отходят от берегов, оставляя обширные низменности.

Особенно прекрасное и лучшее из всех, по мнению моему, для заселения хлебопашцев место – пред последними горами, находящимися пред устьем Зеи и подходящими кь берегу. Тут, по-видимому, может существовать несколько больших селений; ибо равнина, идущая по берегу верст на 60 или 70, внутрь простирается верст на 15 или 20 и верхними изгибами своими едвали не доходить она и до самой Зеи; невысокие горы с прилежащими или отдельными холмами, окружающие сию равнину, покрыты листовым лесом, а на холмах большей частью виден один только березник; а там, где березник, обыкновенно бывает чистый и лучший чернозем. Ранних морозов здесь вообще бояться, кажется, нечего; скорее хлебопашец может терпеть от засухи. Но травы, растущие по берегам, отчасти доказывают, что и засуха здресь не совсем вредит.

Пред устьем Зеи, на подошве последних гор, лежащих от самого устья верстах в 10 или 12, прежде всех должен быть город и не менее как губернский, который сверх значения своего вблизи Айгуна и заведывания местами вниз по Амуру, может командовать верховьями Амура и Зеи, тоже, по всем вероятностям и по рассказам бывших на ней миссионеров, не на одну сотню верст вверх от устья способна к заселению и хлебопашеству, и которая, протекая большое пространство между отрогами Станового хребта и принимая в себя с левой стороны значительную реку Селимджа, а с правой идущую в параллель с Амуром безымянную (р. Ур), едва ли не богаче всех строевыми сосновыми и лиственичными лесами. Следовательно, город этот может пользоваться произведениями обеих рек. Луг, лежащий на стрелке между Зеей и Амуром и примыкающий к вышеозначенным последним горам, представляют богатейшее и обширнейшее место для посева всяких овощей и хлебов[9] и даже для разведения садов. Вышеозначенные горы, названные мной «последними», в самом деле могут так называться, потому что от них и до самого Хинганского хребта на берегу Амура нет гор; по крайней мере, с лодки не видать было, тогда как с той же точки на правой стороне видны горы почти на всем протяжении, то отдаляющиеся, то приближающиеся к Амуру; только с левой (а может быть, и с правой) стороны р. Буреи видны вдали невысокие горы, а близ устья оной небольшое возвышение. <…>

Итак, после всего вышесказанного, на первый вопрос, т. е. удобны ли При-Амурские места для заселений? – я могу сказать, что не говоря уже о правом берегу, как не нашем (впрочем, я полагаю, только до предпоследних гор пред Кизе), *«левый берег почти весь, от вершины до лимана, удобен для заселения, сначала до устья Зеи – преимущественно хлебопашцами, оттуда до последнего хребта, пред Кизе*, если не хлебопашцами, *то скотоводами*, а наверное – теми и другими (то же можно сказать – до Кизе) и наконец – скотоводами, к самому устью Амура. *Климат* и воздух, видно на жителях, везде здоров.

Сообщение рекой летом, как показал уже трехгодичный опыт, безопасно и будет весьма удобно и на баржах, и на пароходах мелко сидящих, когда будут лоцмана из самих жителей переселенцев. *Леса для построек* найдутся везде. Горы, сопровождающие Амур в начале верст на 400, изобилуют хвойным лесом. То же можно заключить и о берегах Зеи, в

[9] На месте, где г. Хилковский стоит лагерем, выше устья в 5 верстах, почва самая черная и мягкая, как это видно было на огороде, где посажен картофель. *Прим. Автора.*

вершине и даже до половины и ниже. На Хинганском хребте, не говоря о лесах лиственных, немало кедра; о последней части Амура, т. е. от последних гор пред Кизе и далее, и говорить нечего: горы все (а их премножество) покрыты хвойным лесом. Правда, на большой части берегов Амура, т. е. на равнинах и возвышенностях от Зеи до Хинганского хребта и от него до последних гор пред Кизе – строевого леса не видать, выключая весьма немногих мест. Но быть не может, чтобы хвойного леса не было и на горах, к которым примыкаются означенные долины и возвышенности, если не на самых подошвах их, то по речкам и на хребтах. Но за то *дровяного леса*, считая таковым тальник, ивняк и тополь, по всем берегам островам весьма много.

Что же касается до последнего условия для селений, т. е. *воды для пищи*, то, не смотря на то, что в Амуре впадает множество разных и различных речек, вода в нем, хотя и не прозрачна, но безвредна, как это доказывают новые поселения; а между тем у тех селений, кои расположатся при горах, почти везде будут особые ключи, ручьи и речки.

Мест для расположения селений, говоря вообще, при самом береге – везде, но и не мало. От начала и до устья Зеи берега почти везде для этого удобны, несколько селений могут быть по ту и другую сторону Хинганского хребта и отчасти между горами, в первой половине оного. Также не мало найдется удобных для этого мест по ту и другую сторону последних гор пред Кизе и на протяжении оных; а быть может, и на самых равнинах найдутся места для того удобные, и не слишком далеко от реки.

в) Где первоначально сделать заселения? Чтобы заселить Амур на всем его протяжении только в том размере, чтобы можно было устроить по нем обыкновенный почтовый проезд, потребуется устроить более сотни одних только почтовых станций; и, следовательно, потребуется отыскать заселить более, сотни мест. Но не по всем местам могут существовать одних только станций, в некоторых и даже во многих местах нужны будут при них целые селения; иначе не найдется средства к содержанию самых станций; а, чтобы устроить все это в два, три года, потребны сильны меры и огромные средства. И потому, оставя до благоприятного времени учреждения настоящих почтовых станций и устройство многих селений вдруг, сначала, по мнению моему, надобно заселить только места, которые впоследствии (и прежде других) могут и должны иметь свое значение в каком-либо отношении, т. е. или административном, или хозяйственном, или торговом. Первое место, которое должно быть заселено, и как можно скорее и прочнее, по мнению моему, есть то, на которое я указывал выше, где и может и должен быть город, т. е. пред устьем Зеи; в то же. время необходимо сделать заселения пред Хинганским хребтом, или за оным и пред последними горами пред Кизе, а затем при устье Буреи, на Албазине и около Камарского караула, а также вблизи рек Сунгури и Уссури. В первых трех местах, или по крайней мере в двух первых, между прочим, может со временем сосредоточиться управление частями Амура, и, следовательно, могут быть города, а в прочих местах или около них может быть разводимо хлебопашество и скотоводство.

г) Кем заселять Амур и каким способом? Если главной целью заселения Амура будет та, которую я указал в начале сей записки, т. е. приготовить несколько мест для поселения Русских из Европы: то само собой разумеется, что *самая большая части, переселенцев на Амуре должна быть из Европейской России, а не из Сибири.*

А чтобы заселение Амура было прочно, было бы надежно и достигло возможного благоустройства, надобно, по мнению моему, заселить его так же, как в первые времена заселена была Сибирь, в которой самое прочное, лучшее и полезное население, как известно, составилось переселениями в Сибирь почти целых селений в зачет рекрутства и изгнанием нескольких семейств раскольнических за Байкал. Эти переселенцы, придя в Сибирь, принесли с собой все свои, общие всем обычаи, свои познания, свои порядки и свое трудолюбие; для них переменилось почти одно, только место, – а общество, т. е. их соседи, те же, что были и в России. Следовательно, начать иной порядок, иной образ жизни значило идти против общего мнения, – этого великого двигателя обществ, гражданств и царств. Если бы Сибирь заселялась так же, как она населяется в последнее время, т. е. одними ссыльными и заезжими с разных концов России гражданами, и чиновниками, между коими нет и не может быть почти никакого единства, кроме получения выгод; то какие бы меры ни принимало правительство для блага Сибири, Сибирь, без вышеозначенных двух важных в гражданском отношении элементов, никогда бы не могла достигнуть настоящего благосостояния[10].

И потому если населять Амур хотя и не ссыльными (которых, по мнению моему, там не должно быть решительно ни одного: иначе, как раз будут неприятности с соседями нашими), но семействами, набираемыми в разных губерниях и селениях; то население это плохо и не быстро пойдет к своей цели, – по разномыслию, по различию наречий, обычаев и проч., а главное – потому, что добрый честный и трудолюбивый крестьянин без особенно сильных причин не скоро захочет переменить место своей родины, оставить своих родных и проч. Следовательно, здесь без некоторого насилия обойтись будет нельзя. Семейства, которые были посланы в Сибирь на поселение в зачет рекрутства, конечно, оставляя свою родину,

[10] Которое, впрочем, надобно сказать правду, пошло уже назад; причин тому очень много, из коих суть: преизбыток ссыльных, т. е. безнравственных и привыкших к праздности людей; излишек заезжих чиновников, имеющих в виду одни только свои выгоды, чины и пенсии и, за глазами начальства, дозволяющих себе все… Много ли можно найти теперь, из чиновников, имеющих влияние на крестьян – этот главный элемент народного быта – таких, которые бы, во время пребывания своего между ними, подавали бы собой пример благочестия, набожности, уважения к церкви и пастырям, которые бы строго соблюдали посты – эту главную узду своеволия простого (да и не простого) народа, – которые бы поощряли нерадивых к деятельности своей благоразумной деятельностью и проч., и проч.? Не напротив ли этого все делается!.. Следов., можно ли после всего этого удивляться, что народ делается хуже, тогда как притом, они видят и знают, что нехристианские и недобрые действия их начальников не только преследуются общественным мнением в городах, но, напротив, заимствуются оттуда!.. Главная причина всех зол, не только крестьянских и гражданских обществ наших, но и всей России, есть преимущественно то, что люди потеряли страх Божий, а к этому первой ступенью было нарушение постов. Так называемая ныне честь никогда не заменит страха Божия не только в простом народе, но и в тех обществах, где ей так дорожат… Еще причина, и очень немаловажная: это – отнятие у приходских священников власти над своими прихожанами. Ныне никто уже, даже и дети, не боятся своих пастырей. Следов., теперь для мужиков нет никакой узды, воздерживающей их от пороков. Прежде было не так. Мой дед (а потом дядя) был строг к своим прихожанам; не говоря уже о выговорах и угрозах, он своей властью налагал публичные епитимьи на начинающих развращаться, без всяких представлений по начальству: ибо это было общее у всех и, быть может, это было одной из причин того, что в кабаке, давно уже существующем в селе нашем, вина в целый год выходило не более бочки, и кабак всегда был пуст (это я сам знаю); но ныне тот кабак процветает, посетителей в нем всегда довольно, даже и во время полевых работ, и расходов вина возрос почти в 50 раз более прежнего. Такой власти нынешние священники, и не только они, но и выше их, не имеют; ибо вышеозначенные действия священников не согласны с духовным Регламентом. *Прим. Автора.*

плакали и были оплакиваемы; но эти слезы давным-давно уже иссякли; в пустынях Сибири процветают селения и затем города. Но все это еще впереди, и быть может, еще далеко, – а теперь надобно говорить о настоящем.

До Албазина, на Албазине и далее до Зеи, кажется, первоначально могут поселиться новые Забайкальские казаки, из бывших подзаводских крестьян; им это будет сделать и удобнее, и скорее, по многим отношениям. На прочие места пока вызывать лучших хлебопашцев из Сибири. Забайкальским раскольникам, говорят, становится тесно: можно дать и им какое-либо место или два, но так, чтобы они жили только одни.

Что же касается до тех мест, где может быть разведено преимущественно скотоводство, туда поселить один улус Забайкальских Бурят, или лучше – несколько послегов (поселков) Якутов (которым тоже, со временем, будет тесно). Вопрос: как они переведут на Амур свой скот? можно решить так. Скот свой они весь могут отдать и передать Алекмютским золотопромышленникам, вместо которого должны будут купить им скот, за Байкалом. Сами же они могут переехать или тем путем, которым Якуты-подторговцы ездят на, Бурею, или чрез вершину Айдана перейти на Зею и по ней сплыть до места им назначенного, или лучше, ими самими выбранного, – или наконец чрез Якутск, по открытой Лене: только в этом случае они должны отправляться не из Якутска, а из Олекмы или еще выше, – иначе в одно лето не попасть на Амур; и все это, конечно, не без пособий от правительства. <…>

1856 г.

УДК 81’276.11

Н. В. Лагута
Благовещенск, Амурский госуниверситет

ИСТОРИЯ СЕЛА ИННОКЕНТЬЕВКА АРХАРИНСКОГО РАЙОНА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ДОКУМЕНТАХ И РАССКАЗАХ СТАРОЖИЛОВ

В статье представлен обзор неизвестных письменных и устных источников по истории одного из старейших сел Амурской области - села Иннокентьевка Архаринского района, основанного в 1857 г. и названного в честь Иннокентия – епископа Камчатской епархии. Выявлены ключевые темы, затронутые в рассказах-воспоминаниях жителей Иннокентьевки об истории своего села, изложена ее народная версия, а также представлена народная этимология топонимов села.

Ключевые слова: речевой жанр, жанр воспоминание, тема, история села, оценка, топоним, народная этимология, Амурская область.

N. V. Laguta
Blagoveshchensk, Amur State University

HISTORY OF INNOKENTIEVKA VILLAGE ARKHARINSKY DISTRICT OF THE AMUR REGION IN DOCUMENTS AND STORIES OF OLD-TIMERS

The article provides an overview of unknown written and oral sources on the history of one of the oldest villages in the Amur Region - the village of Innokentievka, Arkharinsky District, founded in 1857 and named after Innokentiy, bishop of the Kamchatka diocese. The key themes, touched upon in the stories-memories of Innokentyevka residents about the history of their village, are revealed, its folk version is presented, and the folk etymology of the village toponyms is presented.

Keywords: speech genre, memory genre, theme, village history, assessment, toponym, folk etymology, Amur region.

doi 10.22250/WFDA.2021.17.11

История Амурской области и ее топонимика имеет непосредственную связь с православными символами и именами. Раздел «Речевые жанры» в этом выпуске альманаха посвящен истории села Иннокентьевка Архаринского района Амурской области. Интерес к истории и людям именно этого села не случаен: казачья станица Иннокентьевская была названа в честь святителя Иннокентия – епископа Камчатской епархии, впоследствии митрополита Московского. «В своих ежегодных путешествиях по Амуру святитель закладывает новые церкви, часто собственноручно изготовляя для них деревянные престолы по своей любви к плотницкому делу. За 17 лет в Амурской области появились 30 храмов, несколько школ и две миссии. Всего к 1869 году в Камчатской епархии насчитывалось 111 церквей и около 200

часовен. В своем проекте заселения Дальнего Востока святитель Иннокентий отдавал предпочтение не ссыльным, а целым деревням переселенцев, освобождаемым от воинской повинности, забайкальским казакам и семьям раскольников» [1]. В казачьей станице Иннокентьевской также в числе первых построенных зданий была церковь.

В данном разделе выпуска представлены любопытные, на наш взгляд, материалы о том, как образовывалось село, кем и из каких мест заселялось, как развивалось. Традиционные рассказы старожилов предваряют фрагменты из исторических документов и печатных изданий. Особого внимания заслуживает письмо бывшего председателя сельского совета Иннокентьевки, написанное в 1980 году пионерам села. В письме автор рассказывает о своей партийной работе, о том, как много сделано для молодой Советской страны и какова цена «новой жизни». Часть письма – страшная, по современным оценкам, история о личном участии в разрушении сельской церкви. «В советское время этот храм разделил участь многих поруганных святынь: в нем была размещена МТС и технические мастерские. О размерах храма можно судить по тому, что в главные ворота свободно проезжал комбайн. Позднее деревянное здание церкви было полностью разобрано, и на его месте построили клуб и сельсовет»[2]. Мы представляем печатный фрагмент рукописного документа.

Конечно же, главный интерес вызывают «живые» рассказы-истории жителей этого села, записанные во время фольклорно-диалектологической экспедиции. Преподавателям и студентам-филологам важно получить ответы на многие вопросы, касающиеся образования и жизни села, но главная ценность заключается в возможности услышать, записать и сохранить народную речь и через неё увидеть окружающий мир «без прикрас», таким, каким он представляется обычному человеку, прожившему долгую и нелегкую жизнь.

В настоящее время в Иннокентьевке и других селах, расположенных по Амуру, проживают, главным образом, потомки переселенцев из Украины, Белоруссии и западных областей России. О том, кто ехал на Дальний Восток, Е. В. Буянов пишет: «Это были целеустремленные, сильные духом люди, верившие, что напряженный труд во имя Бога принесет им благосостояние и счастье на изобильных просторах далекой восточной окраины России» [3].

Какие же рассказы своих родителей хранят в памяти наши собеседники? О том, как и почему приехали в Амурскую область: *А их, своих, много приехали. Сначала отправили каких-то ходоков, мама рассказывала, приехали мужики, понравилось здесь им, ну их же… а потом мы ж сюда ехали уже наши, сорок два дня. В теплушках ехали, везли всё с собой. И вишни у нас свои были, здесь росли. Всё было с Украины, всё привезли, все насаждения были.* (Черемных Е. П.); о тех, кто проживал в селе: *Да тут всякие были. И казаки были у нас, и такие были. Даже с Запада приезжали люди. Тут западскИх у нас много. Которые приехали – понравилося тута у нас. Коси, де хочешь, сади, де хочешь. Земли полно!* (Жукова В. К); о том, как устраивались на новом месте: *А вот Архары не было, наши приехали кода сюда. А тут только просека была, узкоколейка. Вот сюда лес возили, сплавляли на Амур, на… этими, баржами отправляли отсюдова. А наши строили из собственного леса. Там осина такая вот, толстая росла. Из собственного леса, здесь же вот селили. Конём тяγали и дома строили* (Черемных Е. П.); о том, как жило село раньше, как и где работали: *А потом уже больше расстраиваться стала, уже заготзерно стало, заготсено, сено стали заγотавли-*

вать. У нас отец был, в заготзерно работал. В этот, какой-то там райпотебсоюз называли, чёрт его знает. В райпотребсоюзе работал. Ну вот, у нас многo организаций было (Черемных Е. П.); как отдыхали: *А мы вечёрки собирали раньше, это при маминой жизни, дак там знаешь… а у нас были точкИ, точёк. Ни свету, ничё же нет, гармонь играет, пляшем, да и всё… Молодежь же все, гармошка с собой, и пойдём босикАми. Придём, потанцуемся* (Жукова В. К.).

«Народная» этимология отдельных географических и социальных объектов представляет отдельный исторический и лингвистический интерес. Из записей бесед с жителями села узнаём, почему село носит такое название: *А это, был, как его, не поп, а-а-а… Иннокентий, ну, который вот главный над всем. Который Святитель, еще в Благовещенске он тама. И он здесь был, открывал тут церковь или что, и вот в честь него и назвали эту деревню. В честь Святителя, да-да* (Русецкая Н. В.); а также близлежащие реки, озёра: *Ну, озёр-то много. Они же раньше как назывались?! Чья пашня, то и озеро, называлося оно – озеро Инковское (?), Кожевникова озеро, их много (Черемных Е. П.).* Конечно, в рассказах звучит тема красоты и природного богатства родного места: *Ну у нас тут, вишь, Амур, Амур-батюшка! Хороший был* (Жукова В. К.); *Ну, в общем, пошёл и утром прихожу… и поймал такого, килограмм, наверно, на тридцать! Вот такой здоровый калужонок!* (Полевой М. Б.) *Там когда-то на этом, речке, ети, росли ети, вот в воде, как их называют, эти, цветы… Лотосы! До чего ж красивые! Ага, ой, до чего ж красивые!* (Жукова В.К.)

В памяти жителей села остаются значимые события, происходившие в селе: *У нас и Калинин здесь был. Мама рассказывала: построил моряков всех, на пароходе проезжал. И говорят, со всеми за ручку здоровался. С бородочкой такой, говорит, старенький Калинин. Был он в Иннокентьевке даже, и письма писал всю дорогу, тоже ему здесь понравилось* (Черемных Е. П.); и в стране. Тяжёлая жизнь в годы репрессий и в военное время не обошла стороной и Иннокентьевку: *Тода как все вот страдали, так и мы тода. Тоже, куда было? Вот учиться, как было учиться тода? Тоже, всех считали врагами народа же, нас, никуда ничё. Мама одна была, нас было шестеро. Отца забрали, чё, она осталась здесь, где-то сорок лет было всего. Вот так она одна здесь и умерла. Отец уже расстрелянный* (Черемных Е.П.); *А до этого мины ставили, то минёры приезжали, ещё Японской войны не было, то(ль)ко готовилась. А они потом приехали, когда Победа, мины все миноискателем повылавливали, ну а где-то одна, да и спряталась. Вот, погрузились, нас было тридцать шесть человек, на машине, и то(ль)ко за истоку(?), щас как говорят, вспоминаю, за исток, тут как раз за заставой, за исток заворачиваем… Алпатов, шофёр, он умер уже, а молодёжь большинство, песни поём, едем. Кто откуда знал, что там мина будет!* (Вячеславова П. С.).

Иннокентьевка – приграничное село: по ту строну Амура – Китай, поэтому в рассказах часто встречаем размышления о том, как жилось раньше и живётся сейчас с «заграничными соседями»: *Через Амур – да. Вот раньше Китай какой был?! Там не было видно домов, у них эти, землянки были одни. А щас блестит вон всё, все крыши блестят. Всё наше там, у нас тогда все ванны скупили здесь. Всё на свете. Как приедет катер ихний, дак всё, всё, что железное было, алюминиевое, всякое, в магазине всё разобрали!* (Черемных Е. П.)

Село заселялось людьми верующими – представителями различных религиозных конфессий. Но какое же место занимает вера у их детей и внуков – наших собеседников?

Жители села делятся воспоминаниями из своего детства (30-е гг. прошлого века), размышляют о том, как новая власть оставила их без веры и Бога, разрушила церкви: *А мы же воспитывались уже, что ни Боγа, ни чё… а щас нам уже по шысят лет. Мы уже, действительно, на распутье. Действительно, чё, или и у нас столько лет дальше ничё нет, а-а оказывается, что оно и есть… и который народ заставляли забыть всё это, и это ж не одним создавалось, вот эту церкву строили эти люди, там чё, а потом всё это взяли и разрушили.* (Русецкая Н.В.); *Тода ведь нет Боγа, нет ничего. И вот все эти дома, вернее, не дома, церкви позанимали, где кто как приспособился. Где амбар какой. У нас вот приспособили для мастерских. А где склады какие. А щас все поразрушили.* (Волошина Н. В.); *Уже без куполов, и ничё не было, ничё не было… а там эти купола сняли… ну чё там, я помню, была мастерская тама. И вот я ходила. Отец там работал. И вот я разглядывала… «Пап, - говорю, – чё это вот?». Он говорит: «Это святые»* (Русецкая Н.В.). Несмотря ни на что, наши собеседники не ругают прошлое, принимают свою жизнь такой, какая она есть: *Вот такая моя жись. Так живу. Ну а что сделаешь? Как жись суждено, какой быть, и всё…* (Жукова В.К.).

Полагаем, что документальные и лингвистические источники по истории села Иннокентьевка Архаринского района, опубликованные в настоящем выпуске альманаха, помогут читателю воспроизвести историческую правду и воссоздать историческую картину прошлого Амурской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Святитель Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский // Информационный портал Благовещенской епархии «БЛАГИНФОРМ»: http://blaginform.ru/svyatitel-innokentij-veniaminov

2. Приход Святителя Иннокентия в с. Иннокентьевка // Амурские сезоны. Краеведческий портал о Приамурье: http://xn--80afg3aiou.xn--p1ai/sources/cultural/relig/relig-x=017.php

3. Буянов Е. В., Буянов Д. Е. Религиозная ситуация в Амурской области во второй половине XIX - начале XX вв. // Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Благовещенск: Издательство АмГУ, 2013. Вып. 60. С. 7–15.

О СЕЛЕ ИННОКЕНТЬЕВКА АРХАРИНСКОГО РАЙОНА (по материалам школьного музея с. Иннокентьевка и администрации Архаринского района)

История села Иннокентьевка

В 1857 году на левом берегу реки Амур, в 264 верстах ниже Благовещенска, была основана казачья станица Иннокентьевская (названа в честь Иннокентия – епископа Камчатской епархии, впоследствии митрополита Московского).

Первыми поселенцами были казаки, крестьяне. Прибыли семьи Вырупаевых, Таскаевых, Зубаревых, Злобиных, а позднее Масич, Чашеевых, Муромцевых, Сондарь, Боженовых и многих других.

В 1859 году в Иннокентьевке было 50 дворов и жителей 228 человек. В 1862 г. была заложена церковь Вознесения Христова, а к 1891 году имелись почтово-телеграфный отдел, станичное управление, хлебный и соляной магазины, питейное заведение, две лавки и школа с 50-ю учащимися. Дворов уже было 57, проживало 186 мужчин и 156 женщин. Обрабатывалось 189 десятин земли, имелось 300 голов скота, 204 лошади.

Октябрьская революция. По-разному восприняли это известие в станице. Разгорелась гражданская война. Партизанские отряды вели решительную борьбу с японскими интервентами и местными контрреволюционными силами. 5 февраля 1920 года Архаринский район был освобожден от интервентов и белогвардейцев. В1922 году в Иннокентьевке были созданы Советы депутатов. Первым председателем был Черных Михаил. В августе 1923 года здесь сделал кратковременную остановку следовавший из Благовещенска в Хабаровск на пароходе «Чичерин» Михаил Иванович Калинин. В память о таком важном событии сельчане воздвигли памятник М. И. Калинину, его именем названа центральная улица села. Впереди была коллективизация. В 1929 году вокруг села в радиусе 10 км было 7 деревень, все они входили в состав сельсовета. На базе этого была создана коммуна «Коммуна Первого августа» и колхоз «Первая пятилетка». А в 1934 году они объединились в колхоз «Пограничник». Но были и чёрные дни в жизни сельчан, строящих коллективное хозяйство. Но люди выстояли. Перемены в станице Иннокентьевка шли чередом. Создана машинно-тракторная станция. При избе-читальне организован кружок радиолюбителей. Из управления Дальневосточным округом связи поступил радиоприемник.

Мирную жизнь прервала Великая Отечественная война. Около 100 иннокентьевцев защищали Отчизну, более 20 из них пали смертью храбрых. Более 40 человек, жителей села, самоотверженно сражались с японскими милитаристами.

В 1956 году на базе трех небольших колхозов было создано одно хозяйство – колхоз «Приамурский пограничник». Территория сельсовета 21606 кв. км. В колхоз вошли три населенных пункта: Красный Луч, Борзя, Иннокентьевка. В 1966 году в колхозе насчитывалось 53 трактора, грузовых автомобилей – 16, поголовье крупного рогатого скота – 1500 голов. В 1967 году колхоз был удостоен переходящего Красного знамени РСФСР по растениеводству.

Колхоз «Приамурский пограничник» – крупное сельскохозяйственное предприятие. В 1987 году сельскохозяйственные угодья занимают площадь 12712 га. Площадь полей 7774 га. Тракторов 71 единица, комбайнов – 29, автомобилей – 39. Основные производственные фонды выросли до 10 млн. 727 тыс. руб., крупного рогатого скот 1727 голов, свиней – 590. Но в годы перестройки хозяйство не выстояло. Производство пришло в упадок, задолженность по заработной плате, убыточность сельского хозяйства привели к тому, что колхоз был объявлен банкротом. Колхозники на паевых долях при выходе из колхоза организовали сельскохозяйственные производственные кооперативы. Но на сегодняшний день остался только один кооператив. Но все же жители верят в возрождение села. Не может село с таким громким названием не возродится.

В настоящее время в селе имеется школа, детский сад, фельдшерско-акушерский пункт, ветеринарный участок, отделение почтовой связи, пожарный пост, сетевой участок, Дом культуры, библиотека. Администрация сельсовета вошла в программу по развитию казачества.

Печатается по материалам, предоставленным
администрацией села Иннокентьевка
http://xn--80afg3aiou.xn--p1ai/sources/d_28_01/district01-x=02.php

Автобиография одного из уроженцев села Иннокентьевка

Трудовую деятельность я начал с 14 лет. Работал по найму батраком у кулаков, в хозяйстве своего отца. Работал землекопом на строительстве моста на речке Борзя, лесорубом, шпалотёсом, грузчиком. В 1927 году меня приняли в комсомол, в мае этого же года меня назначили пионервожатым и поручили создать пионерский отряд при школе. В 1928 году меня избрали председателем Иннокентьевского сельсовета. В 1929 году началась сплошная коллективизация сельского хозяйства. Под руководством партийной организации были созданы в переселенческих деревнях семь колхозов. В селе Иннокентьевка был создан колхоз и коммуна. В 1929 году на границе было неспокойно: конфликт на КВЖД[11]. Банды белокитайцев и белогвардейцев, нападали на села и деревни, убивали коммунистов и комсомольцев, председателей сельсоветов и колхозов.

В селе Иннокентьевка был создан отряд самообороны для охраны села. Командиром отряда назначили коммуниста, бывшего партизана Таскаева М. Н., комиссаром отряда был секретарь партячейки Доркин Г. И. Заместителем командира назначили меня. Я лично задержал контрабандистов: 2-х китайцев с оружием, 2-х корейцев – мужчину и женщину с опиумом, 1-го китайца с двумя лошадьми и 4-мя мешками соли, 1-го китайца с советской валютой 20000 рублей. Находясь в секрете (?) при охране границ с пограничником Пахомовым, уничтожил двух белокитайских офицеров, бежавших из плена через границу.

В 1928 году во время наводнения, когда я был председателем тройки по борьбе с наводнением, кулаки пытались сбросить меня с моста на р. Борзя, но им помешал начальник погранзаставы. В том году при попытке зарезать меня ножом в помещении сельского совета помешал Таскаев М. Н.

С 1930-1956 год 26 календарных лет, в рядах советской армии, прошел путь от солдата до полковника, заместителя командира отдельного артполка. Прошёл две войны: в 1939 году на р. Холхингол, 1941-1945 годы в Великой Отечественной войне. Награжден двадцатью правительственными наградами, с 1956 года в отставке. 15 лет проработал председателем Дзержинского Райкома ДОСААФ города Новосибирска. Район в течение всего периода занимал хорошие места. Район награждён почетной грамотой ЦК ДОСААФ и почетным знаком. Сам я лично награжден 2-мя почётными знаками и почётной грамотой. Подписана маршалом авиации, трижды героем Советского союза Покрышкиным А. И. Награждён двумя знаками «Победитель в социалистическом соревновании» за 1973-1975.

За активную работу по патриотическому воспитанию молодёжи награжден почетной грамотой ЦК ВЛКСМ и присвоено «Почётный комсомолец» с вручением комсомольского значка с лавровыми листьями. Награждён более полста грамотами обкома и горкома ДОСААФ и обществознания, газеты «Советский патриот» и журнала «Военные знания». 74 благодарности записано в трудовую книжку.

Ударник коммунистического труда, Ветеран коммунистической партии Советского союза, Ветеран войны и вооруженных сил Советского союза, Почётный комсомолец, Кавалер ордена «Ленина».

Материал предоставлен школьным музеем с. Иннокентьевка

[11] Китайско-Восточная железная дорога.

Письмо школьникам села Иннокентьевка

Здравствуйте, дорогие ребята. Ваше письмо я получил, за что вас благодарю. Все эти дни я тоже был очень занят в связи с празднованием 110 годовщины со дня рождения В.И. Ленина, а также 35-й годовщины Победы над фашистской Германией. Мне пришлось выступать в школах района перед учащейся молодежью, в цехах завода перед трудящейся (нрзбр.) <молодежью – ?>

Церковь, о которой вы упоминаете, мы закрыли. По моей инициативе на общем (сходе) собрании сельчан было принято решение закрыть церковь. На комсомольском собрании решили провести воскресник, снять колокола и кресты, в церкви открыть клуб. На следующее воскресенье комсомольцы пришли в сторожку церкви. При проверке по списку выяснилось, что некоторые комсомольцы не пришли на воскресник под страхом наказания родителей. А те, которые пришли, на крышу церкви, на ее купола, чтобы снять кресты, добровольцев не оказалось. Колокола снимать добровольцы нашлись, накануне изъявил желание один комсомолец Николай, пришлось на купола лезть мне. Мы с Николаем, когда залезли на крышу, вокруг церковной ограды собралась огромная толпа станичников-сельчан, были старики и старухи, а также несоюзная молодежь. Верующие старики проклинали нас с Николаем: «Антихристы Вы проклятые, богохульники, чтоб вы упали с купола и разбились, чтоб Вас Бог наказал». Мы с Николаем залазили на купол, привязывали за крест веревку, а концы ее брали комсомольцы, стоящие на земле, по моей команде они дергали за веревку, а мы с Колькой расшатывали крест, и он летел на землю. Самый большой крест упал на крышу, пробил железо, и мы с трудом его вытащили и бросили на землю.

Верующие старики написали письмо в Москву Всесоюзному старосте М. И. Калинину, но уже было поздно, церковь мы закрыли, а мне председатель райисполкома объявил выговор за то, что сам председатель снимал на церкви кресты: «Этого тебе делать самому, председателю с/совета[12], не следовало в присутствии односельчан». «Мальчишка» назвал он меня.

В церкви был открыт клуб, но в него никто из пожилых сельчан долгое время не ходил. Клуб посещала одна молодежь, примерно через год стали в наш клуб приходить односельчане. Но старики и старухи к нам в клуб не ходили.

Вы пишете, что, где была церковь, стоит школьный интернат, для кого он предназначен? Разве у нас учатся приезжие ребята?

До 1928 года в нашем селе молодежь в клуб не ходила, организовывали вечеринки. На этих вечеринках ребята пили на кухне спирт, а девчата в большом зале танцевали под гармонь, баяна тогда еще не было, пели песни. Комсомольская организация была маленькая, слабая, изба-читальня не работала, клуб тоже. Когда я не был в комсомоле, сам был одним из организаторов вечеринок. В 1927 году я работал в батраках у Герасима Баженова (?), осенью на молотьбе хлеба, машинистом на молотилке был (нрзбр.) Таскаев Леонсий Николаевич, а я резал (нрзбр.) и подавал ему снопы. Он меня сагитировал вступить в комсомол. Когда меня приняли в комсомол, ячейка была большая, мы ставили на сцене клуба постановки, устраивали танцы, и молодежь стала ходить в клуб. Приехал Губач (?), такой был раньше культра-

[12] Сельсовет, сельский совет – в СССР выборный орган государственной власти в селе.

ботник, и наша изба-читальня стала хорошо работать. Ребята и девчата на вечерки стали меньше ходить, они шли к нам, таким образом мы привлекли основную массу молодежи на нашу сторону. Лучшую ее часть приняли в комсомол. А когда в селе появился первый трактор, мы организовали курсы трактористов. Первым преподавателем был комсомолец, бывший председатель с/совета, мой предшественник Михаил Антипович Щелканов. Зимой мы изучали трактор, а летом проходили практику. Пахали на ней пары.

Села Красный Луч и Борзя мне знакомые, я их хорошо знаю.

До свидания. Пионерам, которым подошел возраст для вступления в комсомол, желаю быть комсомольцем. Желаю вам хорошо отдохнуть летом, набраться сил, загореть. Какая у вас погода? Какие ходят по Амуру теплоходы? Ходит «Ракета» на подводных крыльях? У нас на Оби тоже ходит.

До свидания. Желаю Вам успеха. Ваш П.С.

06.06.1980

Материал из фондов
школьного музея с. Иннокентьевка

Из рассказов жителей села

«В Иннокентьевке село было, конечно, богатое, красивое, хорошее»

Гринь Пётр Егорович, 1928 г.р.,
Алимова Анна Ивановна, 1928 г.р.
с. Иннокентьевка Архаринского района Амурской обл.
Беседовала Базарова С., 2003 г.
Обработала Лагута Н. В., 2021 г.

П.Е.: Борзя населялась, я расскажу, как. Вот именно Борзя, переселенцы были в основном. Вот Украинка – там жили хохлы. Скобельцино – γураны вот, забайкальские казаки, в Красном Луче - белорусы там, а здесь, в Иннокентевwке, тоже в основном сначала большинство γуранов жило, ну там украинцы были между ними.

А.И.: Wот я чё-то не помню про казакоw, wот казаки, чем они занимались здесь?

П. Е.: Казаки пахали, сеяли и охраняли γраницу полностью от китайцеw, они wот как если γде-то нарушения, дак жёны тут с лошадьми со ўсем управляются, а они на лошадях беγут спасать γраницу. <…>

Ну а здесь, в Иннокентьеwке, село было, конечно, боγатое, красивое, хорошее. И жило в таком красивом месте… я думал, никоγда оно не будет разрушено! Ведь, междуречье, wот ты представь себе: ў таком γрибном месте! Десять километроw – Красный Луг, десять – Скобельцино. И wот ты представь себе, ещё десять километроw – Украáинка, wот. У Красном Луче колхоз был, в Скобельцино колхоз «Новая жизнь», в в Украáинке – колхоз «Победа». В Украáинке, в основном, украинцы жили, wот. И привозили переселенцеw большинство с Украины. Приезжали, они же к своим ютилися. Wот мы, как на Борзю приехали, там уже три

семьи с нашего села, с Украины, жило, wot. Борзинским колхозом… Эмтээс[13] была, где я ко(г)да уже приехал.

А.И.: Ну, МТС я знаю, ко(г)да был.

П.Е.: Я здесь экзамены сдавал. Да, Костромов (?), директор, жил wot (з)десь, wot на этом месте, ему же было…

А.И.: Вот на этом месте, wot, где мы дом построили, тут Костромов жил.

П.Е.: И wot, я γоворю, представь себе, какое было красивое село… Застава, железна дорογа была!

А.И.: А-а, да, железна дорογа даже суда была.

П.Е.: Была железна дорογа, подходила, won, это worзал был, возле школы, мельницы, и к пилораме… Паγранотряд был, от мельницы мололи.

«Сто сорок пять лет селу было, вместе с Благовещенском»

Черемных Екатерина Павловна, 1926 г.р.
с. Иннокентьевка Архаринского р-на Амурской обл.
Беседовали Лощилина Ю, Калачёва А., 2003 г.
Обработала Лагута Н. В., 2021 г.

– В 1910 году сюда родители переехали?

– Да, да.

– С Украины?

– Аγа, мами тода ещё было пятнадцать лет, кода они приехали сюда.

– А папе?

– И отец тоже такой же был, с одного γода они оба. А их своих много приехали. Сначала отправили каких-то ходоков, мама рассказывала, приехали мужики, понравилось здесь им, ну их же… а потом мы ж сюда ехали уже наши, сорок два дня. В теплушках ехали, везли всё с собой. И вишни у нас свои были, здесь росли. Всё было с Украины, всё привезли, все насаждения были. Ну, ехали сорок два дня. Как раз, γоворила, Пасху где-то, в каком-то Средненске[14], что ли… так их там целых три дня не выпускали никуда, кормили, γоворит, хорошо, встретили нормально. А потом уже они сами выбирали сёла, куда ехать-то. Приехали сюда, их в деревню сначала не пустили. Здесь вот эти, казаки, жили. Так они их называли γуранами. А шорт (чёрт) их знает… они не пустили их в село. Поселились они на Самойловке, там палатки сделали, эти украински распилили... а потом начали делать с глины себе, ну, хатки такие. И в этих хатках… а потом какой-то γенерал ехал последний по Амуру, увидел поселение, приехал сюда, на этих, γгуранов, γоворит, што это там за поселения у вас на Самойловке? А они γоворят, што это хохлы приехали. Ну и собрали сход. И он приказал немедленно забрать всех оттудова. И вот нас тода поселили суда. А у нас приехало многο! У мами было четыре брата. У отца тоже пять братьев. Вот у нас той дядька, это вот, может, вы слышали – партизан Масич, архаринский, Иван Фёдырыч, это мой дядька. А мой отец, его забрали в тридцать седьмом γоду. Арестовали, вот. Щас он же… мы скоко еγо разыскивали,

[13] МТС – в СССР: машинно-тракторная станция.

[14] Сретенск – город по пути переселения крестьянских семей на Дальний Восток, расположен на берегу реки Шилки в 385 км от Читы.

ничё не отвечали. А щас уже пришло, што расстрелян в Омске. Тода как все вот страдали, так и мы тода. Тоже, куда было? Вот учиться, как было учиться тода? Тоже, всех считали враγами народа же, нас, никуда ничё. Мама одна была, нас было шестеро. Отца забрали, чё, она осталась здесь, γде-то сорок лет было всего. Вот так она одна здесь и умерла. Отец уже расстрелянный. У мами здесь два деда умерли, отцова и материна, и две бабушки. И братьев маминых много, у нас на кладбище вообще, все почти наши.<…>

– А вы в этом доме жили?

– Нет, у нас собственный был там. Отец строил у нас дом. Наши кода сюда приехали, Архары ведь не было.

– Да?

– Да, сто сорок пять лет селу было, вместе с Благовещенском. А вот Архары не было, наши приехали кода сюда. А тут только просека была, узкоколейка. Вот сюда лес возили, сплавляли на Амур, на… этими, баржами отправляли отсюдова. А наши строили из собственного леса. Там осина, такая вот, толстая росла. Из собственного леса, здесь же вот селили. Конём тяγали и дома строили.

– А в этом доме как давно стали жить?

– Здесь уже лет двадцать, наверно, мы уже живём в этом доме. А у нас дом попал под снос. Вот школу начали строить и нам предложили найти и деньги нам дали за этот дом, што у нас там стоял. За эти деньги мы вот себе этот купили. А там уж на нашем как раз оγородике школа. Да я уже в третьем доме здесь живу. Мы кода начали в школу ходить, у нас же школа вот здесь была, а мы жили там, γде застава. Далеко ходить, наш отец купил здесь дом, и мы переехали сюда. Нас тут сразу четверо в школу ходило. А потом уже вот оттуда, ещё один дом, здесь уже третий будет. Это четвёртый. Тут уже мы сами этот дом купили. Я давно хотела на береγу. У меня сначала на береγу Амура был дом, тоже там, в том краю только села. Раньше, конечно, веселей было здесь <…>

– А почему у вас село Иннокентьевка называется?

– Да, γоворят, какой-то Иннокентий приезжал.

– Не казак?

– Нет. У нас и Калинин здесь был. Мама рассказывала: построил моряков всех, на пароходе проезжал. И γоворят, со всеми за ручку здоровался. С бородочкой такой, γоворит, старенький Калинин. Был он в Иннокентьевке даже, и письма писал всю дороγу, тоже ему здесь понравилось.<…>

– Где жили родители?

– А в Самойловке.

– Это где?

– А это от Амура туда, за заставу. Просто они, видно, там эта остановилась баржа́, и их там сбросили. И они там остались, потому что их сюда в деревню не пустили сначала.

– А Самойловка это село или что?

– Оно не… ну только они сами там пожили, его и назвали они Самойловка.

– А почему Самойловка?

– А не знаю, почему. Они его так назвали – Самойловка. Самойловка.

– А сейчас?

– А щас нету. Но вот эти дома стояли, с глины сделанные (нрзб.), разбомбить не моγли! Так здорово сделали. Как они там лепили, я не знаю, γде глину там… там же и глину брали рядом. Так эти стены до сих пор, наверно, ещё стоят. Вот ездят на рыбалку, γоворят, что там стены даже эти глиняные до сих пор.

– *А потом их пустили сюда?*

– Да, да.

– *Здесь казачье поселение было?*

– Также у них поля были раньше. Они сами сеяли. Приехали кода, тут же не было ни колхоза, ни совхоза, ничего не было. Каждый сам себе жил. Собирались, в общем, покупали там, ну, как называется, плуγ, лошадь, всё сами сеяли. Где-то даже до сих пор, наверно, пашень есть, около Масичей, это где-то в той стороне. И до сих пор пашни называют. А потом уже больше расстраиваться стала, уже заготзерно[15] стало, заготсено[16], сено стали заγотавливать. У нас отец был, в заготзерно работал. В этот, какой-то там райпотебсоюз[17] называли, чёрт его знает. В райпотребсоюзе работал. Ну вот, у нас мого организаций было. Это щас ничё уже нету, щас некуда устроиться. И колхоз был большой. У нас и эмтээс был свой. В эмтээсе много работало. Заготзерно было, вот сено, вот это, заготсено называли. Тоже организация, тоже там народу, многο народу работало. Скирдами сено складывали. И сельпо[18] было. В сельпо работали.

– *У вас здесь зелень, хорошо. А в лесу что?*

– Грибы бывают, а яγоды у нас нету в лесу.

– *Нет?*

– Нет. Яγоды нету. Это раньше ходили мы, вот Клёшинское (озеро). Щас же оно… там голубица была. А щас же туда не пускают, там же заповедник, где журавли-то вот у нас.

– *Расскажите о заповеднике.*

– А шо я про него, там я уже сто лет не была.

– *А раньше?*

– А раньше мы туда ходили за голубицей. А под Долгим озером как раз, мы на велосипедах туда ездили.

– *Красиво там?*

– Тоже так же вот там, только озеро вот такое вот, там же эти ж цветут, красивые вот эти вот, лотосы.

– *А озеро как называется?*

– Долгое.

– *А лотосы когда цветут?*

– А не знаю даже. Видеть – видела. Не знаю. Раньше ж там село было, дак вот мы туда и ходили. Там и село это вот и называлось Долгое озеро.

– *Село тоже Долгое называлось?*

[15] Заготзерно – в СССР: зернозаготовительный пункт.
[16] Заготсено – в СССР: пункт по заготовке сена.
[17] Райпотребсоюз – в СССР: районный потребительский союз.
[18] Сельпо – в СССР: сельское потребительское общество и магазин этого общества.

– Аγа, там белорусы эти жили, с Белорусии приехали все. Тоже большое село было. А щас нету, там щас один дом вот стоит, это заповедник вот кто обслуживает. И всё, и больше ничего там нет. Там и поля были большие, там же село большое, тоже урожай хороший был у них: пшеница хорошая росла. А щас нету ничё там, всё разбомбили, всё травой поросло.

– А заповедник давно основали?

– А я даже не знаю в каком γоду, да нет, не так давно.

– А какие здесь ещё есть реки и озёра?

– Ну, озёр-то много. Они же раньше как назывались?! Чья пашня, то и озеро, называлося оно – озеро Инковское, Кожевникова озеро, их много. Ну, вот когда вот с Архары едете вот, с Архары едете, за селом – это перешеек у нас назывался, озёр много у нас. Да они щас уже зарастают все, лес повырубали весь, всё зарастает, всё пропадает.

– А речки есть?

– Бóрзя есть речка, и Архара проходит, тоже у нас в Амур впадает же, вон с той стороны. А тута не знаю, какая речка есть. Тут Бурея, наверно. Бурея тоже ведь в Амур впадает, это севернее.

– А почему Борзя?

Так оно называется, и село было Бóрзя. Дак Борзя есть и в Читинской области, тоже село там большое, в Читинской. А у нас маленькое было. Тоже какие-то приехали, я не знаю, откуда они, с Моγилёвской области, что ли. И поляки ж там жили, мноγо поляков было в этой Борзе вот. У них там и кладбище даже своё, по-своему хоронят. У нас кладут γоловой туда, у них – в обратную сторону. И поминают у них не так. У нас поминальный день во вторник, а у них – в понедельник. Свои обычаи. А сёла рядом, семь килóметров всего. Ну щас там тоже нет Борзи, всё разбомбили. Раньше был посёлок Междуречье, колхоз «Будь γотов!», щас там тоже ничё нету.<…>

«Да тут всякие были. И казаки были у нас, и такие были»

Жукова Вера Константиновна, 1919 г. р.,
с. Иннокентьевка Архаринского р-на Амурской обл.
Беседовали Семёнов М., Степанова И., 2003 г.
Обработала Лагута Н. В., 2021 г.

– Ну, сто сорок пять лет нашей Иннокентьевке уже. Люди, когда первые приезжали, как рассказывали нам, бабка тут жила, она всё-ё рассказывала… Мы, γоворит, когда приехали, тут, γоворит, столько было змеев. А щас у нас ни змеев, ничё. Может, если только из Буреи по Амуру заплывёт. А так у нас ничё. Иди в лес, чисто и свободно, нихто тебя не тронет, ниγде ничё, ни зверей никаких, ничё у нас нет.

– А как село заселялось, рассказывали?

– Ну, она γоворила, что приехали тута, γоворит, тут Иннокентий был, вот Иннокентьевку и назвали. Был Иннокентий, он приехал сюда. Тут, γоворит, было тайγа, Амур-батюшка. Ему понравилось, и он давай заселяться. И он вот поселился помаленьку. Стал жить. Стали люди помаленьку наезжать, наезжать и заселилися. Вот и живут.

– Казаки приезжали тоже?

– Казаки были. Да тут всякие были. И казаки были у нас, и такие были. Даже с Запада приезжали люди. Тут западски́х у нас много. Которые приехали – понравилося тута у нас. Коси, де хочешь, сади, де хочешь. Земли полно! А у них всё там γорсточкой. Вот живут, тут одна, дак она, γоворит, приехала и больше не поехала туда. Тут, γоворит, зима – зима, лето – лето, а там γоворит, в валенках да в γалошах. А тут зима, дак зима! К зиме оделся да пошёл. И так помаленьку и населились, населились. И здесь хорошо, конечно, чё там γоворить. А не было ничё тут, понравилось человеку, сделал деревню вон какую! Да ещё вон аж куда. Деревня наша большая, а ещё Красный луч двенадцать кило́метров. А там, шесть кило́метров – Северное, а там – Укра́инка, вишь, сколько сёл! Туда поселились, и там дальше и дальше сёла. Ну у нас тут, вишь, Амур, Амур-батюшка! Хороший был. Щас вот, если только построют там эту, γоворил Санька ж, если построют, там чё-то строют, γэс какой-то, у нас Амур высохнет, воду всю заберёт.

У нас хорошо, хорошо мы когда-то жили, как построились. Так мы жили в том краю, (г)де застава, жили над Амуром. У нас там дом был такой, новый, хороший, построили. А когда пошёл папка в коммуну, всё увезли. И так и ничё, ничё не получилось. И с коммуной всё заγубили. Мы в колхозе жили уже, всё, и коровку имели, ладно было. Можно было жить маленько. А щас… жись уже кончается.

– А вокруг села болота?

– А туды, вот в те края, есть там болота. Вы ж ехали, с ето, вы приехали через Архару? Ну, видали, сколько там речек?! Вот эта, Борзя, там вот последняя, большой мост, самый большой.

– А почему она так называется?

– Борзя, там ещё… почему называется… там жили понаезжие, оне тоже, не нашего села были. Была там Борзя, было, жили там, вот и называли Борзя. А потом Долγое озеро ещё сюда было. Там когда-то на этом, речке, ети, росли ети, вот в воде, как их называют, эти, цветы… Лотосы! До чего ж красивые! Аγа, ой, до чего ж красивые! Ну чё, хохлота ета, да не хохлы, какие-то белорусы, дак они ето всё поуничтожили. Надо ж не срывать так, как они срывали, корешок, срезать бы, корешочек, пусть он в воде, а они похапали, всё повырвали, и ничё там теперь не растёт. Лотос был очень красивый! <…>

– А вот вечерами собирались, как называли? Вечёрки?

– А мы вечёрки собирали раньше, это при маминой жизни, дак там знаешь… а у нас были толчки́, толчёк. Ни свету, ничё же нет, γармонь иγрает, пляшем, да и всё. Ну, всё, вот мы на бриγаде жили, тут, недалёко, была бриγада. Раньше же бриγады были, домики, жили там, по месяцу не выезжали, привезут w баню, как заключенных, помоисся, и wсё. Вот тут было, она кило́метров, наверно, пять под озером. Дак мы: «Девки, пошли на точёк?!» – «Пошли!». Молодежь же все, γармошка с собой, и пойдём босика́ми. Придём, потанцуемся. Ну, (г)де будем собираться?! W каком дому? К какому дому собираться? Одеваются же. Да вот там, вот у того, у тебя сёдни, ли вот там, у того. Ну, придём, собираемся. Ну вот, все соберёмся, и опять – па-а-шли! Пока придём, ляжем, а там шесть часов уже! Девчонки, за конями! Ой, больше не пойдём! Мы не выспались!

«В то время не считали, что это грех»

Волошина Надежда Савельевна, 1931 г.р.,
с. Иннокентьевка Архаринского р-на Амурской обл.
Беседовали Павлова А., Шакун Т., 2003 г.
Обработала Лагута Н. В., 2021 г.

(Л. – работник администрации)

– А было какое-то место, где собирались по вечерам?

– Ну-у… У нас же клуб был. Мы ў клуб ходили. … А клуб у нас… я заблудилась… Вот, где… Здесь деревянное здание было. А церковь была вот это место. Вот, где изгородь. И вот это место она была. А потом эту церковь заняли под мастерские. Я уже эту церковь не помню. Здание-то помню. Здание только помню. Вот и купола там были. А были эмтээс колхоза, и тода ж колхозы были. Щас у колхозов свои мастерские, они сами ремонтировают, э-э, ремонтировали свою технику. А раньше в этих мастерских на зиму сгоняли технику, и не наш только один колхоз. «Будь готов!» и «Красная звезда», «Вторая пятилетка», Красный луч… И вот все эти колхозы сюда приезжали и ремонтировали свою технику. А жили, контора эмтээсовская была, большой дом был, и там как-то, ну, видимо, это специально так и строили: в середине колхозная контора эмтээсовская, а в краях, ну, как крыло, в одну сторону и в другую сторону было тех механизаторов общежитие.

– Это грех ведь, в церкви?

– Ну-у, грех не грех, в то время не считали, что это грех. Тода ведь нет Боγа, нет ничего. И вот все эти дома, вернее, не дома, церкви позанимали, где кто как приспособился. Где амбар какой. У нас вот приспособили для мастерских. А где склады какие. А щас все поразрушили.

– А старые люди не возмущались?

– А-а, что они могли сделать?! Люди возмущались, их никто не слушал, милые мои! Их никто не слушал!

Л.: Там фрески очень красивые были, но всё позакоптили потом.

– Я уезжала отсюда в сорок девятом году, она стояла, целая была. А вот уже… домой-то я каждый год приезжала, в отпуск, и не помню, с которого года не стало.

Л.: Наверное, в шестьдесят пятом. В шестьдесят пятом же клуб этот начали строить новый и, по-видимому, ее тогда разрушили.

Нет, Люда, я не помню, не помню, не буду говорить.

«Всё-таки чё-то есть! Бог, не Бог, а чё-то…»

Русецкая Нина Валентиновна, 1953.г.р.,
с. Иннокентьевка Архаринского р-на Амурской обл.
Беседовали Волгузова Т., Волошина 2*003 г.*
Обработала Лагута Н. В., 2021 г.

– Вот церковь была, я говорю, на том месте туалет стоит, построили.

– На территории церкви?

– Да, да. Где церковь была. Вот этот домик, вот крайний, как идёте вот щас, через дорогу перейдете.

– К сельсовету, что ли?

– Да, к сельсовету[19]. Вот этот домик стоит, это была эта церковная сторожка.

– Это сохранилось?

– Вот одна церковная сторожка… да во, сразу. Вот пустой домик, вот церковная сторожка была, а там за… сразу была церковь. Щас клуб тут дальше. Аγа, где сельсовет, тут дальше. Там была эта, как бы кладбища церковная. Да и вот сельсовет на церковном кладбище, и туалет. Как раз копали когда, и выкопали остатки, это, може, и женщина была похоронена, видать, боγата, потому что и серьги там золотые, и обувь сохранилась, вот.

– Перезахоронили хоть?

– Ничё не перезахоронили. Выкинули и всё. Старики говорили, что это была похоронена… там выкинули и всё. А между прочим, действительно, говорят, что это ничё такого нету, всё-таки чё-то есть! Бох ни Бох, а чё-то… он и недолго прожил после того, этот мужик

– Который забрал?

– Который забрал и распорядился выкинуть это, остатки на помойку. Вот это, череп там, кости там какие-то, ничё не перезахоронили. <…>

– А Иннокентьевка почему называется?

– А это, был, как его, не поп, а-а-а…Иннокентий, ну, который вот главный над всем. Который святитель, еще в Благовещенске он тама. И он здесь был, открывал тут церковь или что, и вот в честь него и назвали эту деревню. В честь святителя, да-да. <…> Тогда уже я в школе училась, мы ходили, отец там, делали мастерские, в церкви. И вот там даже еще стояла сварка, токарный станок, сохранялся долго-долго. А потом уже, когда церковь эту убрали, эту мастерскую построили, новую. И церковь развалили.

– Развалили? Совсем разрушили?

– Ну как, совсем разломали и всё. Она деревянная была.

– Деревянная?

Конечно.

– Много куполов?

– Вот тогда уже никаких куполов не было. Сколько тогда было куполов, вот я уже не помню

– Уже без куполов?

– Уже без куполов, и ничё не было, ничё не было… а там эти купола сняли… ну чё там, я помню, была мастерская тама. И вот я ходила. Отец там работал. И вот я разглядывала… «Пап, – говорю, – чё это вот?». Он говорит: «Это святые». А вот сейчас бы это… бабушка там моя говорит мне: «Вот Бох вить наказывает!». А они там всё делают, и ни черта он их почему-то не наказывает. А-а-а, подожди, подожди, накажет! Он когда-нибудь их всё равно накажет! А-а, ну, перекрестится, поплюётся на них и пройдёт бабушка… А потом… сейчас они не дожили же до этого времени. А мы же воспитывались уже, что ни Боγа, ни чё… а щас нам уже по шысят лет. Мы уже, действительно, на распутье. Действительно, чё, или и у нас столько лет дальше ничё нет, а-а оказывается, что оно и есть… и который народ заставляли забыть всё это, и это ж не одним создавалось, вот эту церкву строили эти люди, там чё, а потом всё это взяли и разрушили.

[19] Сельсовет – в СССР: сельский совет, первичный орган власти в сельской местности.

«Коммуна замуж вышла за колхоз!»

Жукова Вера Константиновна, 1919 г. р.,
с. Иннокентьевка Архаринского р-на Амурской обл.
Беседовали Семёнов М., Степанова И., 2003 г.
Обработала Лагута Н. В., 2021 г.

– Я в колхозе работала. Тогда чё мы, было нам, я пошла в четвёртый класс. И меня это, у нас председатель какой-то нерусский был, председатель колхоза, он сказал, что кто будет учиться, тот хлеба не будет ись. Ну-у, бросили и пошли на поля. 13 лет мне не было, а я боронила! Три лошади, пацанка! Три лошади у меня, за ими ходила, всё делала. Так привыкла к им, даже расставаться было жалко, своих лошадей. Всю жись работала, всю жись, с двенадцати я уже пошла на работу. Ну, я ж в коммуне была, у нас коммуна была. Папка наш этом был, партийный, ну и это, там давали, кто хочет – w колхоз заходите, кто хочет – w коммуну. Но w коммуну сдавать всё, чё у тебя есть. Ну, папка пришёл и γоворит, что «я вступил в коммуну, всё будем сдавать!» – «Да ты чё?! С ума сошёл?! У нас вон какая семья, а ты – в коммуну?!» – «Ну, γоворит, я партийный! Ну, в коммуну». И чё в коммуну?! Сварят, звонок позвонит, придёшь, покушаешь, жди, позавтракаш, жди обеда, жди ужина, и wсё, жили. Три γода w коммуне были, а потом уже нача́л колхоз, это, коммуна стала распадаться, потому что чё было, всё поели, а откуда чё?! И мы в колхоз зашли. Всё γоворили: «Коммуна замуж вышла за колхоз!» Ну, в колхозе уже стало легше, уже хоть и трудодни, деньги не давали раньше нигде, а то продукты какие-нибудь дадут, то му́чки, то кру́пки какой, уже мы тут зажили. У нас коровка была, нам коровку дали. Кобылу не дали, у нас кобыла с жеребёнком… А коровку дали. И мы тут уже зажили. Так и жили несколько лет. Тут эмтээс организовался, и папа у нас как механик, его забрали в эмтээс. Мы в эмтээсе работали на полях. А потом уже война началась. Я ушла в воинскую часть, завпрачечной была. И так я там всю войну проработала. Вышла замуж. Вот так и жила. В свою работу по четыре оγорода садили. Вот такая моя жись. Так живут. Ну а что сделаешь?! Как жись суждено…какой быть, и всё…

«Вот раньше Китай какой был?!»

Черемных Екатерина Павловна, 1926 г.р.
с. Иннокентьевка Архаринского р-на Амурской обл.
Беседовали Лощилина Ю, Калачёва А., 2003 г.
Обработала Лагута Н. В., 2021 г.

– Амур в этом γоду маленький совсем, воды мало в Амуре. Так всегда много было, а щас… а не ходят даже и китайцы, баржи вон… я не знаю, сорвали её (баржу), нет. Стояла, на косу наехали и, наверно, с неделю на месте стояла.

– Там Китай через речку?

– Через Амур – да. Вот раньше Китай какой был?! Там не было видно домов, у них эти, землянки были одни. А щас блестит вон всё, все крыши блестят. Всё наше там, у нас тогда все ванны скупили здесь. Всё на свете. Как приедет катер ихний, дак всё, всё, что железное было, алюминиевое, всякое, в маγазине всё разобрали!

– Они сюда ездят?

– Ездили, а щас нет. А то торγовали как-то: возле сельского совета, там, на береγу. А потом почему-то им запретили. Застава (нрзб.), тоже ведь и заγороженный Амур, тока калитки, у нас калитка есть.

– *Китайцы раньше сюда часто ходили?*

– Воровали у нас дрова даже! Они сейчас вот, они ж на моторках, а нам же нельзя на лодках плавать, нам не разрешают. А они как увидят, какая лесúна хорошая там, аж блестит, так подъедут с той стороны к нам, за корень зацепят и упёрли, ещё и рожу построят! А чё толку, люди руγаются, руγаются и кричат, а он чё, он же в воде, чё ему сделаешь. Подъехал, забрал и пошёл. А вода была большая. Не подъедем, не вытащим. У нас тракторами, вытаскиваем тракторами. И увозят. А то вон в воде торчит, конечно, он безо всяких… Они и рыбу ловят, там у них и кета, и всё есть. А нам же нельзя. Нам никто ничего. А у них свободно, плавают. Они же считают, что это ихняя…

«А я завтра поймаю его, вот такого калужонка!»

Полевой Михаил Борисович, 1936 г.р.,
Полевая Ю.М., супруга
с. Иннокентьевка Архаринского р-на Амурской обл.
Беседовали Сиротина Е., Земерс Н.., 2003 г.
Обработала Лагута Н. В., 2021 г.

– *Расскажите какой-нибудь интересный случай. Как Вы какую-нибудь рыбу большую поймали?*

М.Б.: Поймал я однажды, моγу рассказать. У нас сын маленький был, а я любил вечером ходить рыбачить, рыбу ловить. Ну вот. А тут жене некогда было. Я γоворю: «Надо както на рыбалку сходить: половить да закидóк поставить». Она: «Ты мне надоел со своей рыбалкой. Надоела эта рыба! Каждый день!». Я γоворю: «Ну ладно. Я понесу сына к отцу, пусть он с им понянчится. А я завтра поймаю его, вот такого калужонка! Не получишь ты у меня ничего!». Ну, в общем, пошёл и утром прихожу… и поймал такого, килограмм, наверно, на тридцать! Вот такой здоровый калужонок! Принёс, вот тут лавка такая была, наверно, метр тридцать. Гляжу, она пошла корову доить, идёт, я γоворю: «Ну вот, поймал калужонка! Ну всё, не получишь теперь! Не получишь ты калужонка!».

Ю.М.: А я-то доила корову, услышала шум на Амуре…

М.Б.: Ты на меня туда-сюда… Как сказал…

Ю.М.: Побежала туда вот, на берег выбежала. Раньше же вот не было этого дома, а он несёт уже рыбу. Представляете, γолова вот так вот, он на плечо её одел. На плечо он надел её, и γолова этого калужонка вот так вот торчит! Выше его, а хвост, по земле волочится! Это вот представьте, вот такую вот длину. Ой, какой красивый! Это нужно было видать. Вот такая вот, γолова длинная такая вот, и от самоγо носа вот такие зубчики, зубчики, зубчики… как на картинке! Это нужно было видеть!

«Мы лошадей пофамильно знали»

Гринь Пётр Егорович, 1928 г.р.,
Алимова Анна Ивановна, 1928 г.р.
с. Иннокентьевка Архаринского района Амурской обл.
Беседовала Базарова С., 2003 г.
Обработала Лагута Н. В., 2021 г.

П. Е.: Как мы сюда попали, wот, ну мои родители с Украины когда приехали в Хабаровск, а тут жило три семьи на Борзе. Они приехали в Хабаровск, а у моей матерыной сестры, отец… муж был без ноγи, на деревяшке ходил. И на рынке в Хабаровске они его увидели и подходят, γрят: «Ты чей?». Он γрит: «Свой. А вы чьи?» - «Мы тоже свои!». Wот, они тока по ноγе его узнали, wот. Ну, а потом моих родителей, отца и мать, привезли сюда, на Борзю. А Борзинский колхоз был самый наимолодой колхоз в тридцать восьмом γоду. <…> Значит, получилось как: в колхоз принимали того, у кого лошадь есть. А Варенькиных (?) и Никанор, и сестра, и семья-то, две семьи же и ещё родители, считай, три семьи, а лощадь-то одна. Ну, значит, Серγей-то в семье старший, его сразу приняли. А у Никанора лошади-то нету. У них было две коровы, они корову сразу за роγа, в Архару продали. Купили лошадь белоноγую, как у Ворошилова, был в белых носочках, с белым воротничком. Такую лошадку привели. Я тогда на Борзю приехал. Мы пацанами были. Мы лошадей пофамильно знали. Всех лошадей наперечёт знали, лошади wсе были красивые, хорошие, сбруя wся в пуговицах в жёлтых была. Уздечка, wсё было в жёлтых пуговицах. Покрашенные, лентой обмотанные wсе, wот так было. А как война началась, то в нашем колхозе сразу пешком стали ходить. Нас хоть в интернат увезут на лошадях: пара лошадей и р-раз, шестнадцать километроw, и тут! А с Красных Лучей десять километроw, ведь можно и пешком пройти. А война началась, всех лошадей забрали. Оставили вот у Сотниковых, потом ещё чья-то там была, жерёбая, такая, что она уже и не ходила, и жеребят, которы совсем ещё не запряγались, ничеγо. И мы пешком, в интернат всегда пешком, шестнадцать километроw.

А.И.: Ну, всё равно как-то лучше было жить.

П. Е.: А жили весело!

«Наводнение большое было, на Хребтик вывозили меня в люльке»

Вячеславова Полина Степановна, 1928 г.р.,
с. Иннокентьевка Архаринского района Амурской обл.
Беседовали Калачёва А., Волгузова Т., 2003 г.
Обработала Лагута Н. В., 2004 г.

– А как заселялось село, помните?

– Не помню вот это, девчонки, ей Богу. Ну, в двадцать восьмом γоду я тоже родилась уже, мне вот сестра рассказывала, и мама, наводнение большое было, на Хребтик вывозили меня в люльке. Тут наводнение очень большое было в двадцать восьмом году, когда я родилася.

– А что такое хребтик?

– Хребтик?! Половина дорογи Архара – Иннокентьевка. Ну шас вот половинки, как… а так Хребтик, вот. Ключ бьётся всегда. Хоть пешком идёшь, водички попьёшь. Вот как-то назвали его Хребтиком.

– А название ключа есть какое-нибудь?

– А вот Хребтик, да и всё. Уже доходишь до половины, кто с Архары идёт, пьёт водичку, кто с Иннокентьевки в Архару. Идёт, пьёт водичку на половинке как раз дороги.

«Кто откуда знал, что там мина будет!»

Вячеславова Полина Степановна, 1928 г.р.,
Любовь – дочь
с. Иннокентьевка Архаринского района Амурской обл.
Беседовали Калачёва А., Волгузова Т., 2003 г.
Обработала Лагута Н. В., 2004 г.

Л.: Мама, а чё ты вот, как на мине подорвалась, как это было, рассказывай.

– Ну, это было уже в сорок пятом, да, в сельпо работала. С двоюродной сестрой ходили на пекарню, готовить вручную, за шесть километров. Идём, аγа… Куда вы идёте?! Победа! <…> -Победа… и не поверила. Пошли, да и пошли с ней, за шесть километров. А оттуда идём, уже видим, свои хоть сколь где торчат, значит, правда – Победа! Ну и всё, нормально, хорошо. Тут, маленько погодя, здесь воинска часть была, э-э-э… директор воинской части Гордиенко, он умер, Виктор Михалыч был, и стал собирать помочь на Самойловке. Вот, тоже есть участок – Самойловка, капусту пополоть. Ну и кто моγ, там пошли. Там приходим, там воинску часть машина подходит, должна на Самойловке была кормить нас. Ну и шофёр, Алпатов… А до этого мины ставили, то минёры приезжали, ещё Японской войны не было, то(ль)ко γотовилась. А они потом приехали, когда Победа, мины все миноискателем повылавливали, ну а где-то одна да и спряталась. Вот, поγрузились, нас было тридцать шесть человек, на машине, и то(ль)ко за истóку, щас как говорят, вспоминаю, за исток, тут как раз за заставой, за исток заворачиваем… Алпатов, шофёр, он умер уже, а молодёжь большинство, песни поём, едем. Кто откуда знал, что там мина будет! Ну… в кабину стучит шофёру, и лейтенант в кабине сидел, и шофёр. А он (шофёр) выкинул лопату, γворит, не первый раз, мол, проезжал уже. А дорога одна была грязная, а друγая… шоб не буксовать, он проехал стороною. И как… я ничё не помню, ничё не помню. Да вот просто, ну, нормально, вот так, наверное, и умирают все… а потом только «Ой-ой-ой!» кто-то кричит! Я сижу, тужурка на мне, платочек так завязан… нету ни платочка, ни тужурки, платьюшко распашонкой порвано, от воздуха, и сижу, γлавное… вот у меня… <…> вижу, тяпкой кому, высоко очень подбросило всех. На учебке солдаты были, видели как, а в Иннокентьевке за истоком, в конце края мама жила, видели чёрный дым до-олго стоял в воздухе. И уже беγу-ут люди: на мину машина подорвалась, о-ё-ёй! Кто сказал маме, что «твоей Польке ноγи оторвало»? Беγут, а тута, с санчасти, тележки на резиновых колёсах, на лошадях. Нас оттуда, кто не может идти, тележку везут в санчасть. А я ещё, дурочка, возьми да и встала! Не больно ничё! И у меня ноγа, кувырсь! – пальцы назад, ляжка вперёд. Ну, кожу не порвала, кости сломала. А кто-то, солдат подходит: «Чё ты?». А я ухватилась за её, о-ё-ё! ноγу отрежут! Ну вот, и привезли сюда, на носилках, возле окна… да ещё мама кричит: «Лучше бы её убило, чем на калеку бу-

ду смотреть!» А я хочу подняться за подоконник: «Шо, мамка, я чё, хотела так, шоб тяжело было!?» Ну а тут полежали мы неделю, нас – на машины. Две машины на носилках, и – в Архару. <…> Потом – в Хабаровск. В Хабаровске, скока, двадцать дней, наверно, полежали, ну а потом на третий этаж ноγи поправить – ни черта и не поправили! Вот санитарка ходит и говорит: «Девчонки, пишите родителям!». А мы, вот то(ль)ко две, а четверо женщины были, а мы, вот, две девчонки. Шесть человек лежало, ранены были. Вот. «Пишите домой мамам своим, пусть забирают, вам надо сахар больше кушать, шоб кости срастались!». Давай-ка, я написала маме-покойнице. Приехала мама моя и Дунякова мать, забрали нас. А как забрали, тогда суматоха такая: в ваγон не возьмё(т), и несут, по чемоданам идут все, в ваγон лезут. Не понимают, что ноги в гипсу́. Вот так вот. Ну, а потом, после этого, ноги уже, конечно, вот: восемь месяцев в гипсу, обе ноγи были. И щас вот калека, и справки не взяли ни в Хабаровском, ни в Архаре, што вот на мину подорвались-то! Вот всё, я просто на пенсии, пенсию получаю и всё.

УДК 821.161.1

А .П. Майоров
Улан-Удэ, Бурятский госуниверситет

РЕЧЕВОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ XVIII ВЕКА

Статья посвящена реконструкции речевых портретов региональной языковой личности XVIII в., представляющей разные социальные категории. Процедура речевого портретирования проводится на материале писем делового содержания, и в связи с воссозданием регионального лингвокультурного типажа той эпохи применяется методика Караулова – Китайгородской, Розановой, предполагающая моделирование языковой личности по трем уровням – прагматикону, тезаурусу и лексикону.

В результате проведенного исследования реконструированы:

1) речевой портрет языковой личности высокопоставленного чиновника как представителя элитарной речевой культуры, полностью лишенной проявления черт забайкальского регионолекта;

2) речевой портрет языковой личности военнослужащего, которую отличает средний уровень речевой культуры, проявляющийся в активном использовании книжнославянских и народно-разговорных средств. Такое взаимодействие генетических разнородных языковых средств отражает определенный уровень речевых компетенций пишущего и в отдельных случаях отвечает коммуникативному намерению адресанта, но в целом противоречит жанру письма делового содержания.

3) речевой портрет языковой личности купца, характеризующейся низовой речевой культурой. Низкий уровень речевых компетенций свидетельствуется тем, что автор письма, не владея нормами литературного языка, обращается к средствам забайкальского регионолекта.

Ключевые слова: речевой портрет, региональная языковая личность, прагматикон, тезаурус, лексикон, регионолект.

A. P. Mayorov
Ulan-Ude, Buryat State University

SPEECH PORTRAIT OF A REGIONAL LINGUISTIC PERSONALITY OF THE 18TH CENTURE

The article is devoted to the reconstruction of speech portraits of a regional linguistic personality of the 18th century, representing different social categories. The procedure of speech portraiture is carried out on the material of letters of business content, and in connection with the recreation of the regional linguocultural type of that era, the method of Karaulov – Kitaygorodskaya, Rozanova is used. This method involves modeling the linguistic personality on three levels – prag-

maticon, thesaurus and lexicon.

As a result of the study, the following were reconstructed:

1) a speech portrait of a linguistic personality of a high-ranking official as a representative of an elite speech culture, completely devoid of the manifestation of the features of the Trans-Baikal region;

2) a speech portrait of the linguistic personality of a serviceman, which is distinguished by the average level of speech culture, manifested in the active use of book-Slavic and folk-colloquial means. Such interaction of genetic heterogeneous linguistic means reflects a certain level of speech competence of the writer and in some cases corresponds to the communicative intention of the addressee, but generally contradicts the genre of writing with business content.

3) a speech portrait of a merchant's linguistic personality, characterized by a low level of speech culture. The low level of speech competences is evidenced by the fact that the author of the letter, not knowing the norms of the literary language, turns to the means of the Trans-Baikal region.

Keywords: speech portrait, regional linguistic personality, pragmati-con, thesaurus, lexicon, regiolect.

doi 10.22250/WFDA.2021.17.12

Введение

Метод речевого портретирования языковой личности стал востребованным в исторической лингвистике еще с 90-х гг. XX-го столетия. Несмотря на известное положение о невозможности применения современного лингвопрагматического подхода к древним текстам, «связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [1, с. 137], историки языка уверенно берутся за исследование старорусского текста как дискурса и за анализ субъектов речи в разножанровых текстах XVII–XVIII вв., позволяющих воссоздать прагматические, социокультурные, психологические факторы идентификации определенных типов языковой личности. Вполне обоснованной представляется реконструкция индивидуальной модели исторической языковой личности при обращении к текстам, созданным одним лицом на протяжении длительного отрезка времени [2, с. 26; 3, с. 30]. Иной аспект исторической лингвоперсонологии допускает дифференциацию русских языковых личностей XVII в. в пределах одного социального слоя посредством комплексного методологического подхода, в котором определенные языковые единицы получают «статус сигнальных элементов при моделировании создателя текста анализируемого временного среза» [4, с. 6]. С другой стороны, в отличие от описания индивидуальной модели языковой личности для определенной исторической эпохи может проводиться изучение обобщенного представителя и носителя языкового сознания этноса в целом [5, с. 168–173]. Специфика исторической лингвоперсонологии предопределяет исследование так называемого совокупного типа языковой личности, актуального для российского делового дискурса XVIII в., и на основе этого – воссоздание его речевого портрета [6]. Неоспоримо, на наш взгляд, и рассмотрение конкретных функционально-стилистических разновидностей текстов XVIII в. в лингвопрагматическом аспекте. В частности, актуален анализ публицистического текста

как дискурса, в котором адресант и адресат изучаемого периода исследуются в роли участников дискурсивного взаимодействия и лингвокогнитивной коммуникации [7, с. 138].

В данной статье языковая личность отдельных индивидуумов рассматривается как лингвокультурный типаж исследуемой исторической эпохи, и цель исследования состоит в том, чтобы воссоздать речевой портрет языковой личности представителя той или иной социальной общности, обладающего определенным уровнем речевой культуры. Своеобразие реконструкции речевого портрета региональной языковой личности заключается в том, что источником речевого портретирования служат тексты региональной деловой письменности, в частности забайкальские письменные памятники XVIII в. В свою очередь сфера канцелярско-делового общения в XVIII в. предъявляет жесткие жанровые, стилистические и пр. требования к реализации коммуникативного замысла пишущего. Адресант обязан был соблюдать свойственные определенному жанру документа правила его структурирования, использовать обязательные для этого жанра речевые формулы, стилеобразующие средства и т.п., не говоря уже о том, что пишущий должен был иметь элементарные навыки построения письменного текста согласно той или иной коммуникативной задаче, владеть нормами делового письма. Поэтому особо важные деловые бумаги – распорядительные документы типа указа, приказа, промемории и пр., составляли профессиональные писцы – канцеляристы, подканцеляристы, копиисты, пищики; редактированием таких документов занимались коллежские регистраторы, секретари. Кроме того, в процессе создания документа могли принимать участие и высшие должностные лица, например, руководство магистрата – бургомистр, ратман и пр. Таким образом, в решении задачи речевого портретирования встает проблема полисубъектности организации текста, связанная с коллегиальным характером делопроизводства, и здесь можно говорить лишь о так называемом совокупном или коллективном типе языковой личности[20].

Тем не менее, среди многочисленных жанров деловой письменности того времени есть такой, который относительно свободен от жестких параметров канцелярского делопроизводства – это деловые (служебные) письма. Данный жанр позволяет по индивидуальным речевым явлениям воссоздать особенности речи определенной общественной среды, представителем которой является субъект портретирования. В свое время Л. П. Крысин подчеркивал, что индивидуальный стиль может служить для создания определенной модели языковой личности обобщенного представителя той или иной лингвокультуры [8, с. 90].

В качестве методологической основы исследования взята концепция Ю. Н. Караулова – Г. А. Китайгородской, Н. Н. Розановой, опирающаяся на такие принципы описания языковой личности, как характеристика вербально-семантического уровня (или лексикон), реконструкция языковой модели мира личности (или тезаурус), а также выявление мотивов и целей, управляющих текстами личности (или прагматикон) [9, с. 43; 10, с.4].

[20] Е.И.Иванцова считает, что «терминообозначения «коллективная ЯЛ» (с его синонимическими аналогами «совокупная», «полилектная», «многочеловеческая» и т.п.) не решают проблему внутренней противоречивости, алогичности номинации обозначаемого явления» и выступает против, по ее мнению, чрезмерно расширительного употребления термина [11, с. 29].

В статье процедура речевого портретирования будет выстраиваться не от нижележащего, вербально-семантического уровня к вышележащему, а наоборот – от исследования прагматикона к анализу лексикона языковой личности. Актуальность такого подхода определяется необходимостью определить в первую очередь социокультурные факторы употребления в текстах писем языковых единиц разных уровней.

Для исследования выбраны три письма, составленных людьми разных социальных статусов:

1) письмо начальствующего над Нерчинскими заводами Егора Егоровича Барботдемарина;

2) письмо капитана Ильинского острога Михаила Миклашевского;

3) письмо купца Ивана Иванова.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что социолингвистическая составляющая речевого портрета играет определяющую роль в идентификации языковой личности индивида как представителя той или иной социальной общности.

Речевой портрет Егора Егоровича Барботдемарина

Прагматикон. Среди прагматических факторов, характеризующих речевой портрет указанной языковой личности, прежде всего необходимо рассмотреть структуру речевого акта, коммуникативные роли участников речевого взаимодействия и коммуникативное намерение адресанта. Вербальный текст письма по своей сути отображает конфликтный тип речевой ситуации, в которой адресант – начальствующий над Нерчинскими заводами Егор Егорович Барботдемарин, обращается к адресату – верхнеудинскому коменданту и городничему Ивану Андреевичу Аппельгрейну с просьбой о срочной отправке на Нерчинские заводы рассыпанного неким Старковым по деревням казенного хлеба. Приведем текст письма полностью:

23 августа 1791 г.

| **л. 25** | Полученъ сентября 2 1791го 1) Милостивый государь мои Иванъ Андрѣевичь ! | на благосклонное увѣдомленїе ваше о при|чинахъ побудившихъ свинечныхъ поставщиковъ | повѣренного Старкова не отправлять до 1го ок|тября изъ Верхнеудинска въ заводы провїанта | имѣю честь въ отвѣтъ служить, что объ|явленїи Старкову со стороны конского па|дѣжа не-основательны тѣмъ, что язва на | лошадеи владычествовала только по право|му берегу Онона вверхъ около Чинантъту|рукуевскои крѣпости но по Трактовои чрезъ | Читинскои острогъ и городъ Нерчинскъ дорогѣ | язвы сеи не было и нынѣ нѣтъ; слѣдовательно | **л. 25 об.**| не конскои падѣжъ былъ причиною, что | свощики казеннои хлѣбъ разсыпали по | деревнямъ, а собственнои ихъ произволъ | въ которомъ оне Старкову отъветъ дать должны точно такъ, какъ Старковъ заво|дамъ которые онъ в хлѣбнои недостаток[21] | приводитъ **.** а посему васъ милостиваго | государя моего покорнѣише прошу Стар|кову объявить приказать, чтоб онъ не|мѣдленно какъ по деревнямъ разбросан|нои хлѣбъ, такъ и не отправленнои еще | по его договору изъ Верхнеудинска, какъ | наискоряе возможно въ нуждающїяся | **л. 26** | хлѣбомъ заводы доставилъ о чемъ и | къ нему отъ меня писано **.** я имѣю честь съ истиннымъ моемъ |

[21] Здесь и далее, в текстах двух других писем, в соответствии с эдиционной практикой, сложившейся в Институте русского языка АН СССР, выносные буквы опускаются в строку и выделяются курсивом.

почтенїемъ и преданностїю быть | вашъ милостиваго государя моего[2)] | покорнейшїи слуга Егоръ Барботъдемарин[3)] | N 679 | ч 23 августа 1791 года | Нерчин**.** заводъ

[1)] Далее вторым почерком. [2)] Далее третьим почерком.[3)] Далее вторым почерком.

[12, с. 58].

Данное письмо как речевой акт просьбы состоит из пяти компонентов: 1) обращение; 2) мотивировка составления ответного письма; 3) изложение сути конфликтной ситуации как обстоятельство обращения с просьбой; 4) собственно просьба; 5) формула конечного протокола. Как отмечают исследователи, компоненты подобного речевого акта неравноценны: ядро его составляет «собственно просьба», а остальные компоненты являются дополнительными [13, с. 115]. Из компонентов исследуемого письма формула обращения (*милостивый государь*), формула мотивировки составления ответного письма (*имею честь в ответ служить*), формула конечного протокола (*имею честь … быть ваш покорнейший слуга*) вообще являются элементами фатической коммуникации, не несущими необходимой информации. Отсюда следует важный, сделанный В.И. Карасиком вывод: чем больше дистанция между коммуникантами, тем вероятнее развернутая схема [Цит. по 13, с. 115]. В этом случае возникает потребность в грамотном и подробном изложении сути дела незнакомому или малознакомому лицу.

Коммуникативное намерение адресанта передается перформативом *прошу* (*а посему васъ… покорнейше прошу*). Характерно, что в системе жанров деловой письменности XVIII в. устойчивое словосочетание *покорнейше прошу* было формулой-клаузулой в различного рода просительных документах – челобитных, прошениях, просьбах, объявлениях, доношениях. Однако в анализируемом случае жанр письма избран намеренно, так как отношения между коммуникантами далеки от отношений просителя с официальным заявлением и сотрудника учреждения, ведающего приемом и регистрацией подобных документов. Автор письма в соответствии со своим социальным статусом и должностными обязанностями считает необходимым вмешаться в создавшуюся конфликтную ситуацию и обращается к должностному лицу, который несет определенную ответственность за сложившееся положение дел, с целью побудить его принять необходимые меры.

Тезаурус. При характеристике этого уровня речевого портретирования, вслед за Г. А. Китайгородской и Н. Н. Розановой, исходим из того, что «тезаурус языковой личности – это языковая картина мира, которая при описании речевого портрета этого уровня отражается в использовании характерных разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, по которым мы узнаем личность» [10, с. 45].

Прежде всего в речевом портрете языковой личности Е. Е. Барботдемарина социально маркированной выступает такая деталь, как формула обращения *милостивый государь*. Обратим сразу внимание на книжно-славянский вариант формы прилагательного в им.п. ед.ч. муж.р. с окончанием *-ый* при норме употребления в деловом языке данной формы прилагательного с флексией *-ой* (ср. в этом же тексте *Читинской, конской, собственной, разбросанной* и др.). В составе этикетной формулы форма на *-ый* несет стилистическую нагрузку официального и несколько церемонного обращения к лицам высокого социального положения.

В социокультурном аспекте выражение *милостивый государь* выполняет достаточно сложную функцию характеристики социальных отношений между адресантом и адресатом. Наряду с должностью начальствующего над Нерчинскими заводами Е. Е. Барботдемарин имеет чин коллежского советника, а данный гражданский чин по петровской «Табели о рангах» относится к VI классу, соответствуя чину армейского полковника. Его адресат – И. А. Аппельгрейн, исполняя должность верхнеудинского коменданта и городничего, имеет чин секунд-майора, относящийся к VIII классу. В анализируемой речевой ситуации происходит речевое взаимодействие между высокими по должности и по чину лицами, и титул *Ваше высокоблагородие*, принятое при обращении младшего по чину и званию к старшему по титулу к лицам в чинах VI-VIII-го классов, со стороны Е. Е. Барботдемарина, бывшего по чину выше И.А. Аппельгрейна, в системе строгого соблюдения чинопочитания было исключено.

Из других наиболее ярких черт, идентифицирующих языковую личность начальника Нерчинскими заводами в социокультурном плане, следует назвать формулы речевого этикета *имею честь в ответ служить* и *имею честь … быть ваш покорнейший слуга*. В основе этих словесных оборотов находится устойчивое словосочетание *имею честь*, представляющее собой кальку с французского *j'ai l'honneur*, а, точнее, в целом лексико-синтаксическая модель *имею честь* + инф. – это калькирование французского оборота *j'ai l'honneur de* + inf.

Как известно, в последней трети восемнадцатого столетия русское дворянство было охвачено галломанией; из французского в русский язык поступали прямые заимствования, заимствования в виде калек словообразовательных и семантических, фразеологические галлицизмы, синтаксические галлицизмы. Распространены были устойчивые глагольно-именные словосочетания, из которых словесные обороты с глаголами *делать* и *иметь*, как правило, представляли собой буквальные переводы французских выражений: например, *faire honneur → делать честь*, *faire connaisance → делать знакомство*, *avoir patience → иметь терпение*, *avoir honneur → иметь честь*. Что касается последнего словосочетания, то оно стало своеобразной этикетной формулой, служащей знаком речевого поведения дворян.

В тексте письма особо следует отметить употребление книжного слова *владычествовать* в переносном значении ‘господствовать, первенствовать, царить’ [14, с.198]: *язва на лошадей владычествовала только по правому берегу Онона*. Данная лексема, церковнославянская по происхождению (на что указывает помета *Слав.* в словарной статье) [14, с. 198], характеризует индивидуальный стиль исследуемой языковой личности, однако в то же время ее метафорическое употребление отображает тенденцию формирования нового слога, сочетавшего церковнославянские элементы с элементами французской риторики. Примеры этого слога встречаются в текстах писателей А. Н. Радищева, Д. И. Фонвизина, Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина, ученых, публицистов того времени, т.е. тех, кто занимался преобразованием и совершенствованием норм литературного языка нового типа в условиях дальнейшей секуляризации и европеизации русской культуры во второй половине восемнадцатого столетия.

Рассмотренные ценностные ориентиры объединяют автора письма с лучшими представителями российского истеблишмента и культуры той эпохи, реализуясь в таких речевых проявлениях, которые заставляют квалифицировать языковую личность Е. Е. Барботдемарина как носителя элитарной речевой культуры.

Лексикон. Рассуждая о взаимосвязи уровней языковой личности, Ю. Н. Караулов подчеркивает, что, «коль скоро известна ценностно-смысловая иерархия понятий в авторской картине мира, известны его цели, то объяснению поддаются и вербально-семантические и структурно-языковые средства, использованные в его текстах» [9, с. 45]. Отличительной чертой лексикона письма является употребление книжных слов, небольшой ряд из которых маркирован как стилеобразующие средства канцелярского слога. В тексте письма используется 16 книжных лексем, что составляет около 13 % от 115 лексических единиц – общего количества всех знаменательных слов, за исключением имен собственных. Это такие слова, как *благосклонное уведомление, неосновательны, сеи, объявлении, язва, наискоряе, нуждающия-ся, почтениемъ, преданностию, покорнеише, покорнеиший, владычествовала, милостивый, посему, следовательно*. Их функционально-стилистическая роль устанавливается в полном соответствии с коммуникативным намерением и ценностными ориентирами автора письма, что свидетельствует о высоком уровне речевых компетенций языковой личности Е. Е. Барботдемарина.

Следует отметить, что, автор письма в совершенстве владеет навыками построения монологической речи, нормами литературного языка нового типа, и региональный узус русского языка в Забайкалье ему чужд полностью.

Речевой портрет капитана Ильинского острога Миклашевского

Прагматикон. Письмо капитана Миклашевского – это ответ на письмо архимандрита Мисаила, который, похоже, обвинял капитана в своевольном присвоении монастырских лошадей, и по своему коммуникативному назначению данное письмо представляет собой речевой акт оправдания капитаном своих действий.

Таким образом, адресантом является капитан Ильинского острога Михаил Миклашевский, адресатом – архимандрит Троицкого Селенгинского монастыря Мисаил. Текст письма следующий:

Пречестныи о*т*ц҃ъ святыи архима*н*дри*т* Мисаи*л* желаю | бл҃гословения вш҃егw ї ѡ *з*дравїи вш҃ем ї ото все’ братїи | слышати а ѡ себѣ вш҃е*му* бл҃гословению доношу что я | нн҃ѣ в Ы*р*куцко*м* и *з* женою своею *з* живыми счи*с*ляюся ї бл҃го|словения вш҃его прошу бл҃годаре*н* о*т*ц҃ъ а*р*хима*н*дри*т* Миса<ил>[5] | за вш҃е бл҃гословение ї мнс҃трско’ вш҃е’ каши что лошкѡю | ко*р*мите а *с*тебле*м* гла*с* колите ежели есть ва*м* ѡбид<а>[6] | что приняли мы желаючи бл҃гословения вш҃егѡ да бл҃гов<о>[7]|лите на*ѕ*а*д* взя*т* нежели меня худы*м* слово*м* ѡ*т*носит<…>[9] | жалобу вш҃е бл҃гословение и о*т*ц҃ъ Тре҃ѳ҃илїи изволит<е>[10] | присыла*т* к и*н*квиѕите*ру* ѡ*б* лошадя*х* что я у ва*с* взя*л* наси*л*<но>[11] | чебары*х* лошадей а я шлю*с* в то*м* на вш҃е бл҃гословени<е>[12] | что =я= вш҃е*му* бл҃гословению дава*л* за ѡны*х* лошаде<й>[13] | денги а вш҃е бл҃гословение не поволи*л* дн҃гъ взя*т* и оглаш<ать>[14] | на*с* худы*м* слово*м* не на*д*лежало бы поне*же* я у ва*с* в мнс҃трѣ | обиды никакой не учини*л* и може*т* быть по пе*р*во*му* пути | к ва*м* в мнс҃трь поне*же* на*м* до ва*с* касае*т*ца еще дела. | а и*н*квиѕите*р* ѡ*б* оно*м* дѣле безпре*с*та*н*но на*м* говѡри*т* ї упр<е>[15]|каетъ на*с* ї ваше бл҃гословение пово*л*те к на*м* отписа*т*|[16]

л. 96 | [17] Кому ихъ повелите взя*т* или и*х* и*н*квиѕите*ру* и*х* поволите | о*т*да*т* изво*л*те ѡ*т*писа*т* к на*м* проти*в* нш҃его писания с Ы*р*ку|цки*м* служилы*м* чл҃вко*м* с Миха’ло*м*

Леде*н*цовы*м* а къ и*н*квиѕи|теру изво*л*те о*т*писа*т* с оны*м* же Леде*н*цовы*м* что*б* на*м* о*т* него | и*н*квиѕитера впре*д* такова худа слова не было капита<н>[18] | Ми*к*лаше*в*скїи бл҃гословения прошу и поко*р*не кланяюся | и *з* женою; [19] ієродиако*н* Арсенїи Јевлевъ

[5)-15)] ветхий край листа, чтение предположительно; [16] далее продолжение письма на листе **96**; [17] над текстом документа вторым почерком написано *к* № 23[му]; [18] ветхий край листа, чтение предположительно; [19] далее третьим почерком; [20] далее четвертым почерком; [21] далее пятым (вторым?) почерком.

[15, с.60-61].

В отличие от первого письма в письме капитана Миклашевского достаточно четкого структурирования не прослеживается. В нем с определенной уверенностью можно выделить 4 компонента: 1) обращение; 2) просьба о благословении; 3) оправдание капитаном своих действий по завладению монастырских лошадей; 4) вежливая просьба, чтобы архимандрит предупредил инквизитора о недопустимости с его стороны оскорблений капитана.

Нестрогая структура документа проявляется в некоторых тематических и лексических повторах, нарушениях связности текста, стилистических ошибках. Так, тема инквизитора, упрекавшего капитана, и попытка изложить просьбу о разрешении проблемы звучат раньше, чем это было сделано в конце письма (пункт 4): … *а инквиѕитер ѡб оном дѣле безпрестанно нам говѡрит ї упр<е>каетъ нас*…. Просьба о благословении повторяется несколько раз: в начале письма (*ї бл҃гословения вш҃его прошу*), в середине письма (*ї ваше бл҃гословение повол<ь>те к нам отписат<ь>*) и в конце письма (*бл҃гословения прошу и покорне кланяюся*). Допускается логическое противоречие: первоначально адресант просит благословения, а затем просит благословение взять назад. Нарушается связность текста неуместным употреблением анафорического местоимения во фрагменте *кому их повелите взят<ь>*…, поскольку в предшествующем высказывании нет антецендента для анафоры *их*. В этом же фрагменте допущена стилистическая ошибка – повтор местоимения *их* для отсылки к одному и тому же объекту, видимо, как результат влияния устно-разговорного построения фразы: *или их инквиѕитеру их поволите | отдат<ь>*.

В связи с нечеткой словесной организацией текста письма сложно однозначно определить коммуникативное намерение адресанта. Данное письмо – это и речевой акт просьбы (причем осуществляется несколько речевых действий просьбы разного содержания), и речевой акт оправдания, и акт-экспрессив, выражающий чувства обиды, и даже иронии (*с живыми счисляюся*), по поводу несправедливого, как считает Миклашевский, отношения к нему.

Различные коммуникативные интенции выражаются:

а) перформативом *прошу*; при этом в разных коммуникативных ходах просьба о благословении повторяется два раза;

б) формой повелительного наклонения глагола *благоволить* в просьбе отозвать благословение;

в) формой повелительного наклонения глагола *изволить* в этикетной формуле *извол<ь>те отписат<ь>* как средство выражения вежливой просьбы о предупреждении инквизитору прекратить оскорбления капитана Миклашевского;

г) перформативом *шлюс<ь>*, представленным в форме настоящего времени ед.ч. глагола *слати ся* ‘ссылаться на кого-, что-л. с целью доказать свою правоту’ [16, с.74], для выражения коммуникативного намерения оправдания.

Тезаурус. Языковая личность капитана Миклашевского, предстающая в тексте письма, своеобразна. Прежде всего следует отметить типичные черты такой языковой личности, которая, несмотря на некоторые погрешности в словесной организации текста, обладает довольно высоким уровнем речевых компетенций и хорошо владеет нормами литературного языка. Отмечаемые в ней примечательные черты индивидуального стиля соотносятся с типичными чертами, отображающими средний уровень речевой культуры, который присущ представителям социальной общности, к которой принадлежит капитан Миклашевский.

Из типичных черт стоит выделить употребление речевой формулы *пречестный отец*. Похоже, ей свойственна маркированность позиции начала в структуре письма, поскольку все такие письма к архимандриту Мисаилу начинаются с обращения со словом *отец*, имеющим эпитеты *всечестный, всепречестный, честный* в данной этикетной формуле, применяемой священнослужителями при обращении к архимандриту Мисаилу [15, с. 58; с. 62 (2 документа); с. 63 (2 документа)].

Стоит также обратить внимание на употребление словоформы *святыи* с церковнославянской огласовкой окончания. Такое употребление оправдано коммуникативным заданием обращения к лицу духовного сана и свидетельствует об определенном уровне речевой компетенции адресанта.

Если в начале письма адресант Миклашевский не погрешил против правил речевого этикета, то в основной части текста он использует обращение *ваше благословение*, которое должно применяться к духовным лицам более низкого ранга, чем архимандрит, – иереям и протодиаконам [17, с. 81]. Обращение *ваше благословение* можно интерпретировать как особенность индивидуального стиля капитана Миклашевского, так как во всех документах Троицкого Селенгинского монастыря XVIII в., в которых есть обращение к архимандриту Мисаилу, оно выражается титулом *ваше преподобие* [15, с. 62; с. 63 (2 документа); с. 69; с. 77; с. 78]. Титул *ваше благословение* в синодальный период РПЦ считался допустимым синонимом титула *ваше преподобие* при обращении к иереям и протодиаконам, однако к архимандриту требовалось обращаться *ваше высокоблагословение* или *ваше высокопреподобие*[22]. Иными словами, в документах Забайкалья XVIII в. к архимандриту Мисаилу обращаются неправильно, и эту распространенную ошибку в титуловании архимандрита можно рассматривать в качестве определенной черты забайкальского регионолекта, носителем которого выступает капитан Миклашевский.

Для характеристики ценностных ориентиров в языковой картине мира адресанта важное значение имеет употребление старославянского по происхождению слова *изволить*,

[22] Словосочетание *Ваше преподобие* как средство титулования лиц духовного сана без различия в ранге священнослужителя было известно еще в XVII в. [20, с.22]. Вполне вероятно, что такое титулование, в отличие от инициированных Русской православной церковью изменений в ранжировании титулов с начала синодального периода, сохранилось в XVIII в. на окраинах Российской империи.

представленного в тексте письма двумя формами: формой наст. вр. 2 л. мн. ч. *изволите* и формой повел. накл. 2 л. мн. ч. *извольте.*

В первом случае глагол *изволить* употребляется либо в значении ‘пожелать’, либо в значении ‘выразить свою волю, распорядиться’ – значениях, знакомых этому слову еще в предшествующий период истории русского языка [18, с. 128]:

– жалобу вш̃е бл̃гословение и о*т*ц̃ъ Тре҃ѳилїи **изволит<є>** | присила*т* к и*н*квиꙁите*ру* ѡ*б* лошадя*х* что я у ва*с* взя*л* наси*л*<но>.

Контекст, к сожалению, не снимает многозначности слова, и данное высказывание можно понять как то, что архимандрит, называемый *ваше благословение*, и отец Трефилий либо захотели, либо распорядились отправить жалобу на капитана по поводу насильно взятых им лошадей инквизитору.

В другом случае глагол *изволить* употребляется дважды для выражения вежливой просьбы или приказания, и это значение формируется у слова в XVIII в. [19, с. 25]:

а) – кому ихъ повелите взя*т* или и*х* и*н*квиꙁите*ру* и*х* поволите | о*т*да*т* **изволте** ѡ*т*писа*т* к на*м* проти*в* нш̃его писания;

б) – а къ и*н*квиꙁи|теру **изволте** о*т*писа*т* с оны*м* же Леде*н*цовы*м* что*б* на*м* о*т* него | и*н*квиꙁитера впре*д* такова худа слова не было.

Здесь также по контексту трудно определить, какое модальное значение – просьбы или приказа – у слова реализуется. В любом случае здесь каждое употребление глагола обусловлено этикетными правилами общения в данной речевой ситуации.

Актуализация употребления глагола *изволить* в значении вежливой просьбы или приказания в деловом языке XVIII в. была предопределена как общей тенденцией применения славянизмов в роли стилеобразующих средств канцелярского письма, так и потребностью маркировать новые этикетные средства в отличие от традиционных форм приказного слога.

Наконец, еще одна черта многогранной языковой личности адресанта связана с употреблением пословицы *ложкою кормите, а стеблем*[23] *глаз колите*, в контексте письма получающем такой смысл, что архимандрит попрекает капитана теми услугами, которые он же ему предоставляет. Выбор фразеологического выражения сделан благодаря эмоциональной составляющей его плана содержания, которая актуализируется в коммуникативной стратегии конфронтации – установке Миклашевского на то, чтобы сделать упрек архимандриту. Прибегая к народно-разговорным средствам в данной некооперативной стратегии, адресант занимается переключением кодов – с официального общения между людьми имеющими достаточно высокий социальный статус, на частно-бытовое общение, которое, как правило, связано с «выяснением отношений». Это не может характеризовать капитана Миклашевского как коммуникативно компетентного человека, придерживающегося определенных этических и коммуникативных норм.

Для анализа тезауруса языковой личности капитана Миклашевского ценность представляет словесный оборот *с живыми счисляюсь*, вероятно, имеющий окказиональный

[23] Форма *стеблем* представляет собой редкий вариант обычно употребляемой в этой пословице формы *стеблом* в знач. ‘рукоятью, череном’. Не исключено ошибочное прочтение слова составителем хрестоматии забайкальских текстов.

характер и содержащий коннотацию иронии. Скорей всего, он также имеет отношение к знаковому переключению кодов.

Таким образом, в картине мира капитана Миклашевского наблюдается определенная система ценностей и этических норм, которыми должны руководствоваться лица его социального круга. В то же время переключение кодов с официально-делового на частно-бытовое общение, происходящее в рамках некооперативной стратегии влечет за собой нарушение этих норм. В тезаурусе речевого портрета это проявляется в сочетании книжно-литературных средств, применение которых оправдано жанром письма делового содержания и нормами речевого поведения между официальными лицами, с народно-разговорными средствами, использование которых следует связывать с типом коммуникативной личности капитана Миклашевского, с индивидуальными чертами его характера.

Лексикон. Словарь письма Миклашевского генетически разнороден и функционально многопланов. С одной стороны, в письме активно употребляются славянизмы *благоволите, благодарен, благословение* (в разных формах), *впред<ь>, здравии, изволите, оглашать, оный* (в разных формах), *понеже, пречестный*.

С другой стороны, используются народно-разговорные средства *желаючи, худо слово*, фразеологизм *ложкою кормите, а стеблем глаз колите*, передающие эмоциональное состояние адресанта, которое в письме делового содержания выражать неуместно.

Таким образом, употребление книжно-славянских и народно-разговорных слов, характеризующее вербально-семантический уровень рассматриваемой языковой личности, с учетом ценностно-смысловых ориентиров у автора письма, черт его социального функционирования и особенностей реализации им коммуникативных задач позволяет распознать в личности капитана Миклашевского средний уровень речевой культуры.

Речевой портрет купца Ивана Иванова

Прагматикон. В отличие от двух предшествующих писем официально-делового характера письмо купца Ивана Иванова по жанру является частно-бытовым. Адресантом здесь выступает забайкальский купец Иван Иванов, видимо, находящийся под арестом, а его адресатом – Прокопий Минин, один из его помощников. Коммуникативное задание письма заключается в том, что Иванов дает руководящие указания своему помощнику. Текст письма следующий:

|**л.141** | Прокопе[и] я уведомылса что ты купилъ сена а ко мнѣ | не писалъ что у тебѣ нѣтъ сена однако тебѣ скоро | потребоютъ сюда для допрошу то я тебѣ советою по|просить старосту чтобы онъ тебѣ далъ билетъ | до сых местъ и ти приезжай сюда поскорее а | кобылу отдай с конемъ Шилникову в табунъ а | возмы гнѣдова да халзаною ризенкою и возми | двухъ хомутовъ которее строчонимы слеймы | и седло если оно у тебѣ и приезжай сюда да смотры | чтобы у тебѣ приставъ не отнялъ то тебѣ и ехать | не на чемъ будетъ старайса чтобы онъ не зналъ | а если онъ спознаитъ то лутче доздись | какъ тебѣ потребоютъ то мозесь и тогда взять ихъ | а у сѣбе лошадей не держы да и давно бъ на=|до отдать в табунъ заведома мнѣ с нимъ | за прокормъ раздѣловатса будѣтъ а куп=|леное сено побереги для коровѣ с теленкомъ | да розведай за что приставъ мою рыбу взялъ | да презде я тебе писалъ и Полскину чтоби | тебѣ сказать чтоби ти орѣхы пересипалъ въ | новие мешки и старых би починить и в

ных | во всѣхъ досталных мешковъ муку и крупу насипать |**л.141 об.**| и всѣ оное постави в простой Полскинова ан=|баръ чтобы и досталное не похищено было | но ти мнѣ ни о чемъ не попросись написать и менѣ уведомить обо всемъ но попроси Полс=|кина написать обо всемъ того зь дня не=|мало не мескай да из новых мешковъ при=|сли или самъ привези если ти мозесь скоро | отправитса хотя пять на орѣхы да попро|ши Шилникова чтобы онъ никому из лошадей | не одавалъ без мене а я с нимъ напослѣдка | розъочтусь а Полскина попроси чтоби мнѣ далъ | хотя сертукъ да сомсовой платокъ да бумазных | двухъ да дахалатъ <*sic!*> а хотя Тезяковъ и писалъ | чтоби хранить до розолучке потому что Качатовъ | писалъ что бутто би по мнѣ казенной судъ | <*далее одно слово нрзбр*.> | Иванъ Ивановъ

[НАРБ, ф.20, оп.1, д.492, л.141, 1785].

Побуждение к действиям адресата П. Минина осуществляется посредством глагольных форм в повелительном наклонении (*возми/возмы, смотры, доздись, не держы, побереги* и др.). Характерно, что для реализации своих коммуникативных намерений Иванов прибегает к забайкальскому региолекту, яркие особенности которого не являются препятствием к успешной речевой коммуникации.

Тезаурус. Первое, что бросается в глаза – это отсутствие каких-либо средств речевого этикета, присущих жанру частно-бытового письма. Возможно, тематика, функционально-коммуникативная направленность письма придавали ему исключительно прагматический характер и избавляли адресанта от традиционного вербального оформления письменного текста указанного жанра. Однако более обоснованным выглядит другое предположение: автор письма не владел нормами литературного языка, потому что в рамках противостояния литературного языка и забайкальского регионального узуса он принадлежал языковой среде, в которой исключительным средством общения был региолект.

Представителя низовой речевой культуры выдают региолектные особенности его речи, которые в силу диглоссного характера языковой личности региолектоносителя неизбежно отражаются в любой форме речевой деятельности, в том числе – в письменном тексте. Прежде всего в письме представлены фонетические черты региолекта. Опыт анализа языковой личности с низким уровнем владения письменной речью свидетельствует о том, что адресант обычно, не понимая разницы между устным и письменным общением, передает на письме особенности своего произношения [21, с. 40]. Аналогично в письме Иванова прослеживается ориентация на устные формы общения, и наблюдается отражение таких фонетических черт забайкальского региолекта, как:

– нейтрализация твердых и мягких согласных в позиции перед гласными переднего ряда (*возми – возмы*, *пересипалъ, ти* ‘ты’ *в ных* ‘в них’ и др.);

– неразличение шипящих и свистящих (*попроси – попроши, доздись, мозесь* и др.).

Л.Л. Касаткин отмечал, что встречающееся в сибирских и дальневосточных говорах неразличение свистящих и шипящих в древности было свойственно некоторым севернорусским говорам [22, с. 68]. Отражение же явлений диспалатализации согласных было распространено в забайкальских письменных памятниках шире, не только в позиции перед гласными переднего ряда: *всякои – всакои, мяхкую – махкую, тючекъ – тучекъ* и др. [23, с. 68].

Помимо фонетических региолектных явлений в языке письма представлены своеобразные морфологические черты: окончание *-е* в формах род. п. ед. ч. существительных ж.

рода – *для коровѣ, до розолучке*; окончание *-е* в формах род. п. личного местоимения 2-го л. и возвратного местоимения – *у тебѣ, у сѣбе*.

На современной диалектной карте России формы род. п. ед. ч. существительных ж. рода на *-е* отмечаются в большей части южных говоров [22, с. 119], а формы род. п. личного местоимения 2-го л. и возвратного местоимения на *-е* характерны для Южного наречия и некоторых псковских говоров [22, с. 133]. Определенное противоречие отражения фонетических явлений севернорусского происхождения морфологическим фактам южнорусского происхождения объясняется, на наш взгляд, тем, что севернорусская диалектная база вторичных говоров Забайкалья во 2-й половине XVIII в. интенсивно впитывала элементы южнорусских говоров, носители которых в этот период активно заселяли забайкальский край.

Лексикон. Словарь в стилистическом отношении достаточно беден. В связи с тематикой и коммуникативной направленностью письма преимущественно представлена предметная лексика. В свою очередь среди конкретных бытовых слов отмечаются и регионализмы: *анбаръ, слеймы, сомсовый платокъ, халзаный*. Кроме того, лексикон языковой личности Иванова составляют региональные слова, диалектизмы, просторечная лексика, обозначающие не только конкретные предметы – *мешкать, напоследка, прокормъ, росчесться, розолучка, спознать* и др.

Заключение

Специфика языковой ситуации в Забайкалье XVIII в. заключалась в том, что региональный узус был самодостаточным и не зависел в своем функционировании от норм литературного языка нового типа. По сути в Забайкалье тогда была ситуация диглоссии, в которой литературный язык обслуживал книжные сферы функционирования, в том числе деловую сферу общения, а забайкальский региолект – бытовую.

Такое функциональное распределение участвовало в формировании разных лингвокультурных типажей. На материале писем делового содержания были реконструированы речевые портреты трех социальных категорий: лингвокультурного типажа высокопоставленного чиновника, военнослужащего в чине капитана и купца. Процедура речевого портретирования проводилась с помощью функциональной модели языковой личности, выстраиваемой по трем уровням – прагматикону, тезаурусу и лексикону.

Речевое портретирование начальствующего над Нерчинскими заводами Е. Е. Барботдемарина дало образ представителя элитарной речевой культуры, чья языковая личность свободна от черт носителя забайкальского региолекта и несет в себе типичные черты лингвокультурного типажа «высокопоставленный чиновник» – употребление социально маркированной формулы обращения, формул речевого этикета, книжно-славянской лексики, стилистически уместной и отвечающей коммуникативному заданию адресанта.

Речевой портрет языковой личности военнослужащего содержит признаки речевой культуры среднего уровня. Отличительной особенностью данного речевого портрета является сочетание книжно-славянских и народно-разговорных средств, которое, в частности отвечая коммуникативному намерению адресанта, в целом противоречит жанру письма делового содержания.

Наконец, речевой портрет купца Иванова представляет собой модель языковой личности, характеризующейся низовой речевой культурой. Ее главным отличительным призна-

ком является ориентация на устную форму общения, в частности – на забайкальский регионолект того времени, поскольку слабо развитые речевые компетенции адресанта не позволяют разграничивать и соответствующим образом использовать устную и письменную формы общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С.136–137.

2. Кузнецова Р. Д., Бондарчук Н.С. Опыт реконструкции языковой личности рубежа XVIII-XIX веков // Тверской языковой регион в историко-функциональном и лингвогеографическом аспектах. Тверь: ТГУ, 1995. С.91–119.

3. Кортава Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка: автореф. дис. … докт. филол. наук. Москва: МГУ, 1999.

4. Загуменнов А.В. Русская языковая личность первой половины XVII века в аспектах трансляции, коммуникации и интерпретации: на материале разножанровых текстов эпохи: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2018.

5. Тупикова Н. А. О выражении славянской языковой личности в деловых текстах начала XVII века // Вестник ВолГУ, 2007. Сер. 2. Вып. 6. С. 168–173.

6. Косивцова А. В. Речевой портрет адресанта (на материале частно-деловых писем Н.А. Демидова): автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2011.

7. Корниенко Е. Р. Языковая личность в публицистическом дискурсе XVIII века (на материале журнала «Утренний свет», 1777–1780 гг.) // Филология, серия Гуманитарные науки. № 2, февраль 2019. С.138 –144.

8. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90–106.

9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006.

10. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М.: Наука, 1995.

11. Иванцова И. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник ТомГУ. Сер. Филология. 2010. № 4 (12). С. 24–32.

12. Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Под ред. А. П. Майорова. Сост. А. П. Майоров. С. В. Русанова. Улан-Удэ: Изд-тво Бурятского госуниверситета, 2005.

13. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Изд-тво ЛКИ, 2008.

14. Словарь русского языка XVIII века. Вып.3 (*Вѣк-Воздувать*). Л.: Наука, 1987.

15. Деловая письменность Троицкого Селенгинского монастыря первой половины XVIII века. СПб.: Нестор–История, 2015.

16. Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 25 (*Скорынья-Снулый*). М.: Наука, 2000.

17. Шепелёв Л. Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М.: Центрполиграф, 2005.

18. Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 6 (*Зипунъ-Иянуарий*). М.: Наука, 1979.

19. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9 (*Из-Каста*). Л.: Наука, 1997.

20. Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 19 (*Пренебесный-Присвѣдѣтельствовати*). М.: Наука, 1994.

21. Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. Речевой портрет провинциалки предреволюционной России // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Т.9. Вып.1 (2017). С. 38–45. http://www.rfp.psu.ru/archive/2017.9.1/logunova_mazitova.pdf

22. Русская диалектология. под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Academia, 2005.

23. Майоров А. П. Отражение в региональной деловой письменности XVIII в. фонетических явлений в области согласных русского языка // Вестник БГУ. Сер. Филология. Вып. 10/2013. Улан-Удэ, 2013. С.66–69.

Список сокращений

д. – дело

л. – лист

оп. – опись

НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия

ф. – фонд.

УДК 821.161.1

О. В. Пустовалов

Томск, Томский политехнический университет,

Хэйхэ (КНР), Хэйхэский университет

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ МАТУШКИ АННЫ, СУПРУГИ ПРАВОСЛАВНОГО СВЯЩЕННИКА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ТРЕХРЕЧЬЕ

В статье представлен речевой портрет матушки Анны, потомка русских переселенцев в китайское Трехречье, супруги православного священника. Анализ речи Анны выполнен на материале записей, сделанных во время экспедиций в 2017 и 2018 гг. в китайское Трехречье, одно из мест переселения русских в Китай. В статье выявлены особенности речи Анны в обусловленности собственно языковыми и социолингвистическими факторами.

Ключевые слова: речевое портретирование, русский язык в Китае, диалектная форма языка, билингвизм, интерференция.

The article presents a speech portrait of Mother Anna, a descendant of Russian settlers in the Chinese Three Rivers, the wife of an Orthodox priest. An analysis of Anna's speech was carried out on the material of recordings made during expeditions in 2017 and 2018. in the Chinese Three Rivers, one of the places of resettlement of Russians in China. The article reveals the features of Anna's speech in terms of the actual linguistic and sociolinguistic factors.

Keywords: speech portrait, Russian language in China, dialectal form of the language, bilingualism, interference.

doi 10.22250/WFDA.2021.17.13

В работе предпринят опыт речевого портретирования одной из современных представительниц русского восточного зарубежья в Китае, а именно – в Трехречье. Это матушка Анна, супруга священника православного храма Трехречья, расположенного в г. Лабудалинь городского уезда Аргунь (автономный район Внутренняя Монголия, КНР). Наш анализ основывается на материале записей речи, сделанных нами в 2017 и 2018 гг. во время научных экспедиций туда.

Трехречье, или Саньхэ (кит. 三河区, Sānhéqū, Саньхэцюй), – уникальная в этнографическом и историческом аспектах территория. Трехречье стало одним из мест активного переселения русских из России, а именно из Забайкалья, в послереволюционный период – в 20–30-е гг. XX в. Район Трехречья назван по своему расположению в бассейне трех рек – Ган, Дербул и Хаул, правых притоков Аргуни, где к середине 20-х гг. XX в. было более 20 русских поселений [1, с. 224; 2, с. 36].

В ходе экспедиций нами были проведены беседы с потомками русских переселенцев в Трёхречье второго, третьего, четвёртого и пятого поколений, русские предки которых оказались на территории Китая в начале XX в. Общение проходило в неофициальной домашней обстановке по обоюдному желанию и согласию сторон побеседовать об истории и культуре русских и их потомков, проживающих в китайском Трехречье.

Проживающие в настоящее время в китайском Трехречье потомки русских обладают различными языковыми компетенциями. Представители старшего поколения (второе и третье поколение русских переселенцев) являются билингвами – носителями русского и китайского языков. Они достаточно свободно говорят по-русски, но основным языком для них в настоящее время является китайский, который они используют в большинстве коммуникативных ситуаций. На русском языке современные потомки русских старшего поколения говорят ситуативно, главным образом, при общении с русскоговорящими родственниками и другими носителями русского языка. Их дети и внуки – представители третьего-пятого поколений потомков русских переселенцев – в качестве основного языка также используют китайский язык, хотя многие из них понимают русскую речь, а некоторые и говорят на русском языке. Как в устном, так и в письменном общении большинство потомков русских используют китайский язык, но стараются сохранить русские традиции, православную веру. Они ходят в церковь, отмечают православные праздники, хоронят умерших по православным обычаям. В некоторых семьях также сохраняется русский бытовой уклад, традиции русской кухни, русская песенная культура и т.п.

Степень сохранности русского языка, по нашим наблюдениям, в большинстве случаев зависит от поколения, к которому принадлежат потомки русских переселенцев, а также от их языковых способностей и социальных факторов, оказывающих внимание на них как языковых личностей.

Объектом речевого портретирования в данной статье выступает Анна Михайловна Ф., 1974 г. р., которая принадлежит к третьему поколению русских переселенцев в китайское Трехречье и является метиской во втором поколении.

Целью данной статьи является описание особенностей русской речи Анны на разных языковых уровнях в обусловленности социальными и языковыми факторами и выявление степени сохранности ее русского языка.

Третье поколение русских переселенцев является неоднородным по составу своих языковых компетенций, и Анна представляет один из его подтипов. Для представителей этого подтипа характерно следующее: *они говорят по-русски и по-китайски, русский язык учили в семье и в учебных заведениях, китайский язык является языком повседневной коммуникации в китаеязычном социуме.*

Под **языковой компетенцией** мы понимаем владение языком или идиомом языка.

Как мы уже указали, характерной чертой Анны и других представителей этого же подтипа является владение двумя идиомами: китайским и русским языками.

Первым языком у представителей этого подтипа является китайский: они изучали его в китайской школе, читают и пишут на китайском языке и используют его в официальных и неофициальных коммуникативных ситуациях.

Русский язык для них – второй: представители данного подтипа знают русский язык, т. к. в их семьях на русском языке говорит старшее поколение. Более того, относящиеся к этому подтипу информанты владеют и литературной формой русского языка: они обучались русскому языку в учебных заведениях – на специальных факультетах в учебных заведениях Китая или в России.

К рассматриваемому подтипу из числа наших информантов, кроме Анны Михайловны Ф., 1974 г.р. (г. Лабудалинь), относятся Павел З., 1975 г. р. (г. Лабудалинь); Нина Никифоровна П., 1965 г.р. (с. Эньхэ); Лина Леонидовна Я., старшая дочь Лидии Д., 1973 г.р. (училась русскому языку в г. Хайлар, в школе); средняя дочь Ирины Гр., 1964 г.р. (окончила Хайларский институт, факультет русского языка); младшая дочь Ирины Гр. – Наталья, 1973 г.р. (училась русскому языку в г. Шанхае).

Особенностью их русской речи является наличие интерференции в ней под влиянием китайского языка, а диалектные черты практически отсутствуют, в отличие от русской речи представителей более старших поколений.

Многие из представителей рассматриваемого подтипа используют русский язык в профессиональной деятельности. Например, Нина Никифоровна активно сохраняет русскую культуру, является владелицей гостиницы в туристическом месте, принимает туристов из России и Китая. Интерьеры ее гостиницы украшены репродукциями картин русских художников, в общей кухне стоит самовар, присутствуют и другие атрибуты русской культуры, там же организовываются вечера русских песен. Кроме туристической и торговой сферы, представители этого подтипа заняты и в других сферах жизнедеятельности, например, в религиозной. Так, Павел З. служит в Православном храме. Анна Ф. – матушка, супруга Павла З., получившая православное церковное образование, помогает Павлу смотреть за церковью, активно участвует в церковноприходской жизни. Это положение и статус, безусловно, накладывают, отпечаток на ее поведение, отношение к жизни и к русскому языку как проводнику православного мировоззрения.

Речевой портрет Анны Михайловны Ф.

В область языковой компетенции Анны Михайловны Ф. входят два языка: китайский и русский. Обоими языками она владеет в устной и письменной формах. Основным является китайский, который она использует во всех сферах официального и неофициального общения, русский же язык используется ею ситуативно.

Анна Михайловна Ф. родилась в Китае в 1974 г. Встреча с Анной Михайловной произошла на территории православного храма в городе Лабудалинь. На вопрос, кем она работает, она ответила: *Я просто дежурный //.*

Мать Анны Михайловны – Елизавета Васильевна Ф., 1940 г.р., родилась в деревне Попирай на территории Трехречья в Китае, метиска: ее мать – русская, отец – китаец. Елизавета Васильевна хорошо говорит по-русски (на диалекте), китайский язык тоже знает, но считает его вторым. Училась 5 лет в русской школе в Трехречье. Пишет и читает по-русски, по-китайски не пишет и не читает.

Отец Анны Михайловны также метис, рожден в смешанном русско-китайском браке.

Дедушка (по матери) – китаец, кроме китайского имени, у него было русское имя – Василий (Вася).

Бабушка (по матери) – Акулина Ф., русская, родилась в России.

Дедушка (по отцу) – рожден в смешанном русско-китайском браке, метис.

Бабушка (по отцу) – русская.

У Анны 3 брата и сестра. Братья Михаил и Андрей проживают в данный момент в Улан-Удэ, Иван живет в Лабудалине, сестра Таисия – в Иркутске. Иван не говорит по-русски, но понимает русскую речь.

Муж Анны – Павел, оба его дедушки – китайцы, обе бабушки – русские. Мать Павла по паспорту была китаянка, но так же, как и отец, была рождена в смешанном браке. Павел ожидает поставления в священники или, как говорит Анна Михайловна, *«он будет рукоположен».*

У Анны Михайловны двое сыновей школьного возраста. Они не говорят по-русски, но, по словам Елизаветы Васильевны, матери Анны Михайловны, немного понимают русскую речь, хотя и отвечают только по-китайски.

Анна Михайловна училась в китайской средней школе, получила высшее образование в Харбине, 8 лет жила в России во время учебы в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре в Сергиевом Посаде. У нее православное церковное образование.

Во время беседы Анна Михайловна рассказывала о традициях потомков русских переселенцев, об их бытовом укладе, об особенностях кухни. Например, о домашней еде она говорит так: *Ну / не знаю / как сказать // Мешанное такое // Ну / китайские блюда мало // Всё суп и кашу // Или хлеб // А потом уже всё каши ешо борщ //.*

Анна Михайловна сообщила, что самый большой праздник в Трехречье – Пасха.: *(Когда) яички / как красили //.* А яйца, по словам Анны Михайловны, красили на Пасху таким образом: *Лук / знаете? Наверху крышку собирают // А ещё так // Свёклу так повари́шь – красные//.*

Анна Михайловна в своих рассказах упоминала разные факты из истории края. Так, она сообщила, что: *Восемнадцать церковь было* (в Трехречье).

Как уже было отмечено выше, Анна Михайловна является представительницей третьего поколения переселенцев в Трехречье. Анна Михайловна в своей речи демонстрирует особенности, которые, с одной стороны, свойственны более старшему поколению переселенцев, с другой стороны, в ее русской речи присутствуют отличные от старшего поколения

черты. Это связано с ее образованием, службой в церкви, изменившейся общественно-политической обстановкой, кругом общения.

Укажем на фонетические, грамматические и лексические особенности речи Анны Михайловны.

Фонетические особенности

Вокализм

1. В первом предударном слоге после твердого согласного и в абсолютном начале слова фонемы <о> и <а> реализуются звуком [а], т.е. наблюдается **аканье**. Например, ***а**тправить, б**а**льшой, ин**а**странцам, зах**а**дить, п**а**верхности, п**а**см**а**треть, м**а**литвы, х**а**тите.*

2. Отмечается еканье – тип безударного вокализма, при котором гласные фонемы неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных совпадают в звуке [э]: д**е**вятый, н**е**льзя, Санкт-П**е**т**е**рбург, д**е**ревни, вос**е**мнадцать, **се**ло, п**е**р**е**в**е**ли.

3. Отмечается произношение гласного [о] после мягкого согласного в ударном положении на месте [э]. На вопрос «На каких языках говорили дома?» Анна Михайловна ответила – *на всёх* (вместо: на всех).

Консонантизм

В области консонантизма наблюдаются следующие явления:

1. Произношение звука [с] на месте [т] или пропуск [т]: *прави**с**ельство, Иркуске.*

2. Произношение звука [с] на месте [ч]: ***с**ясов* (часов).

3. Шепелявенье, то есть реализация фонемы <с'> звуком [ш"]: *[ш"]ечас*.

4. Произношение звука [л] на месте [р], и наоборот. Например, *в Хайраре*, *в Хайлале* (вместо: в Хайларе). Неразличение звуков [р] и [л] является следствием интерференции под влиянием фонетической системы китайского языка, в котором отсутствует [р].

5. Произношение твердого звука [тш] на месте [ч], которое можно объяснить интерференцией под влиянием китайского языка: аффриката [tš] в китайском языке всегда твердая: у[тш]ёба (учёба), ше[тш]ас (сейчас), Шу[тш]э (Щучье).

Акцентология

1. В области акцентологии наблюдается ударение, которое не соответствует нормативному: *повари́шь.*

2. Отмечено тоническое произношение имен собственных, в частности, топонимических названий: Якеши (牙克石) – название города в Китае. Необходимо отметить, что другие жители Трехречья, представители третьего поколения, произносят название этого города с силовым ударением. При произнесении названия города Якеши Анна Михайловна произносит первый слог 牙 yá (я) и третий слог 石shí (ши) вторым тоном. Второй слог 克kè (кэ) в слове Якеши произносится четвертым тоном. Данное явление также объясняется интерференцией под влиянием тонального китайского языка.

Произношение Анны Михайловны в целом можно охарактеризовать как в большей степени соответствующее нормам русского языка в сравнении с произношением тех представителей второго поколения и третьего поколений, в речи которых отмечается сильное диалектное влияние. У Анны языковые особенности, обусловленные влиянием диалектов, хотя и встречаются, но достаточно редко. Например, зафиксировано единичное использование стяженных форм.

Морфологические особенности

1. Использование одной падежной формы вместо другой. Например, им. п. используется вместо в. п.: *мой муж уехал на учёба* (вместо: на учебу); Им. п. используется вместо п. п.: *он сейчас в Санкт-Петербург* (вместо: в Санкт-Петербурге), *он тоже учился в Санкт-Петербург три года* (вместо: в Санкт-Петербурге)*, на кассеты* (вместо: на кассетах), *правительство раньше был (в) Драгоценка* (вместо: правительство раньше было в Драгоценке), *на хозяйство надо работать* (вместо: на хозяйстве), на вопрос «В Харбине вы в школе учились?» Анна Михайловна отвечает: «*Институт*» (вместо: в институте); им. п. используется вместо р. п.: *у меня бабушка нет (вместо: у меня бабушки нет), из Астралия* (вместо: из Австралии); им. п. используется вместо д. п.*: все* (вместо: всем) *на хозяйство надо работать*; Р. п. используется вместо п.п.: *(в) средней школы* (вместо: школе) в *Хайларе*.

2. Использование одной формы числа вместо другой: используется форма мн. ч. имени существительного вместо формы ед. ч. в сочетании с числительными: *три братья* (вместо: три брата); форма мн. ч. глагола прошедшего времени вместо формы ед. ч. и наоборот: *она всегда с бабушкой в церкви были* (вместо: была), *всякие была* (вместо: всякие были); на вопрос: «Вы там были или учились (в Троице Сергиевой Лавры)?» Анна Михайловна отвечает: «*Учились*» (вместо: училась), *разные село* (вместо: разные села).

3. Встречаются стяженные формы прилагательных: *ста́ро*.

4. Использование одних глагольных форм вместо других. Например, использование инфинитива вместо личных глагольных форм: *У меня сын в школе // Надо его отправить // Потом приезжать* // (вместо: потом я приеду); использование формы глагола повелительного наклонения вместо формы глагола изъявительного наклонения 1 лица: *Я не знаю / просто смолоду уже говори* (вместо: говорю) *//*; использование формы глагола мужского рода прошедшего времени вместо формы глагола среднего рода прошедшего времени: *Правительство раньше был (в) Драгоценка* (вместо: правительство раньше было в Драгоценке); употребление возвратной формы глагола вместо невозвратной: *Мама с деревни родила* (вместо: в деревне родилась) *// А папа – Якеши // я тут родила* (вместо: родилась) *//*.

5. Использование собирательных числительных вместо количественных. Например, *двое сына* (вместо: два сына).

6. Неправильное использование форм рода прилагательных и местоимений: *Ну / тоже село так маленький* (вместо: село маленькое); *наша секрет* (вместо: наш секрет).

7. В некоторых случаях можно отметить явление, когда китайская и русская грамматические модели накладываются друг на друга. Например, *У меня мужина сестра* (по-китайски 我丈夫的姐妹 wǒzhàngfudejiěmèi). В этом словосочетании 我 значит «мой», 丈夫 – «муж», 的 – служебная частица для обозначения притяжательности, 姐妹 – «сестра». Ср.: синтетическая модель в русском языке: «мотивирующая основа + суффикс притяжательности» (папина, дядина, сестрина); а также аналитическая модель русского языка – сестра моего мужа. Подобное явление встречается также в речи потомков переселенцев, проживающих на приграничных территориях [3, с. 186].

Ошибочный выбор грамматической формы свидетельствует о несформированных грамматических навыках вследствие редкого использования русского языка. Обращает на

себя внимание частотность использования именительного падежа вместо косвенных падежей. Количество отступлений от грамматической нормы, по нашим наблюдениям, у Анны Михайловны намного выше, чем у других представителей 3 поколения переселенцев в Трехречье.

Синтаксические особенности

1. В некоторых случаях опускается предлог: *Правительство раньше был Драгоценка* (вместо: раньше было в Драгоценке); *А папа – Якеши* (вместо: в Якеши).

2. Встречаются кальки синтаксических конструкций с китайского языка. Например, *раньше всё русские были, всё суп и кашу, всё каши ешо борщ, всё веруем*. В указанных примерах конструкция «всё + существительное (глагол)» соответствует конструкции в китайском языке «都 + существительное (глагол)», используемой для обобщения.

3. Предлог «с» используется вместо предлога «в»: *Так мама с деревни родила(сь)* (вместо: в деревне).

Большое количество грамматических ошибок может быть вызвано редким использованием русского языка. Возможно, одной из причин этого является то, что Анна Михайловна родилась в период Культурной революции (1966-1976 гг.). В это время использование русского языка было под запретом.

Лексические особенности

1. Зафиксированы лексические кальки. Например, на территории православной церкви в городе Лабудалинь она сообщила нам, что в здание церкви иностранцам входить нельзя, а можно только осмотреть церковь снаружи, и объяснила это таким образом: *Я не знаю // Просто как сказать // Поверхности* (вместо: снаружи) *посмотреть вот это вот // Всё //.* Это происходит потому, что в китайском языке слово 外面 имеет несколько значений, в том числе «поверхность» и «снаружи».

2. Использование разговорных произносительных вариантов русских слов, что вполне соответствует нормам русской разговорной речи: *тока* (только), *тада* (тогда), *здрасте* (здравствуйте), *чё* (что).

3. В речи встречаются слова, отсутствующие в русском литературном языке: *мешень в значении «смесь; нечто разнородное»*. Анна Михайловна употребила это слово отвечая на вопрос: «Дома была русская или китайская еда?» Она имела ввиду, что еда была смешанная и русская, и китайская.

4. В речи Анны Михайловны частотна церковная лексика: *рукоположен, церковь, иконы, молитвы* и др.

5. Отмечено использования слов в несвойственном для них значении: *проходит на нас* в значении «переходит, оказывает влияние».

Темп речи Анны Михайловны варьируется от быстрого до медленного в зависимости от темы разговора, владения лексикой той или иной тематики, возникающих затруднений при выборе грамматических форм.

Во время беседы Анна Михайловна принимала звонки по телефону, говорила по-китайски со звонившими, а также с нашей переводчицей, студенткой-китаянкой, изучающей

русский язык в университете. Таким образом, при любой возможности она переходит на китайский язык, на котором говорит быстро и свободно.

Итак, анализ речи Анны Михайловны Ф., 1974 г. р., проживающей в городе Лабудлинь и представляющей 3 поколение русских переселенцев в китайское Трехречье, показал, что в настоящее время на всех уровнях языковой системы в ее речи наблюдаются следы межъязыковой интерференции, обусловленные типологическими различиями двух контактирующих языков – русского и китайского.

Особенностью русской речи Анны Михайловны является частотное использование церковной лексики вследствие того, что Анна Михайловна училась в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре в России (г. Сергиев Посад), имеет православное религиозное образование и является верующим человеком.

Русская речь Анны Михайловны имеет некоторые отличия от русской речи представителей второго поколения переселенцев и от других представителей третьего поколения:

1. На фонетическом уровне практически отсутствуют диалектные черты. Речь Анны Михайловны в фонетическом плане ближе к литературной норме.

2. Словарный состав Анны Михайловны не содержит диалектной лексики.

3. На грамматическом уровне отмечается б**о**льшее количество особенностей, чем у других жителей Трехречья: прослеживается тенденция к использованию именительного падежа вместо косвенных падежей, инфинитива вместо личных глагольных форм, что указывает на расшатывание русской грамматической нормы. Присущие многим трехреченцам диалектные морфологические особенности, например, стяжение гласных в формах глаголов и прилагательных, в речи Анны Михайловны встречаются редко.

Отмеченные особенности русской речи матушки Анны можно объяснить следующим.

Во-первых, отсутствие диалектных черт обусловлено большим влиянием русского литературного языка, на котором она получала образование в России и, следовательно, довольно длительное время находилась в среде носителей литературного языка, имела возможность слышать современную русскую литературную речь. По этой причине влияние домашних (трехреченских) диалектных образцов русской речи на русскую речь Анны было минимизировано.

Во-вторых, интерференция, выражающаяся в тенденции к аналитизму при выборе грамматических форм в русской речи, представляет собой естественное влияние китайского языка, который в настоящее время является основным средством ее социальной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2004. 432 с.

2. Аблажей Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Сибирское отделение Российской академии наук, 2007. 300 с.

3. Гордеева С. В. Русский язык в приграничном Китае: на материале речи русских переселенцев в Китай 20-40-х гг. XX в. и их потомков: диссертация ... кандидата филологических наук. Томск, 2015. 238 с.

СЛОВАРЬ

В настоящем выпуске продолжается публикация материалов для Словаря амурских говоров по итогам диалектологических экспедиций преподавателей и студентов Амурского госуниверситета в села Амурской области, осуществленных в 2000–2014 гг. В разделе представлены лексикографические материалы на букву «Р». Большинство диалектных лексем и их вариантов фиксируется впервые.

Принципы подачи материала, списки принятых сокращений представлены в фольклорно-диалектологических альманахах «Слово» (вып. 2, 2005 г., вып. 5, 2007 г.).

Р

РАБИ′НОВИК, -а; м. Рябиновый лес; рябинник. *А там рабиновик, место такое, называется рабиновик, лес густой-густой* (Разд. Тамб.).

АС –

РАВЬЁН, -а; м. Административно-территориальная часть населённого пункта; район. *Деревня Петроўка раньше была Серышевский равьён* (Костюк. Своб.).

АС –

РА′ДИ. ◊ **РА′ДИ БЕСПА′МЯТИ.** В обморочном состоянии. *Только γолод прошла, ну. Бывало, γорох посеють в колхозе. Вот. Ну, я скоко, может, γодов девять, десять, вот … Идёть эта, бригадир. На γорох идёшь, идёшь ради беспамяти* (Толст. Тамб.).

АС –

РА′ДИВА, -ы; ж. и **РА′ДИВО**, -а; ср. Радио. *У нас уже тогда ў клубе была радива* (Козьм. Тамб.). *У меня ещё до войны радива была* (Костюк. Своб.). *Может, наладют телефон, а то радива нету* (Черн. Своб.). *Мою полы, а по радиву говорят, что война закончилась* (Черн. Своб.). *Я ж изучил и связь, и радиво* (Белояр. Маз.). *Война, война, ну, тут, видишь, радива тогда не было, газеты мы никто не выписывали* (Гильч. Тамб.). *Телевизоров не было, радива не было. Ой, появилось у нас первое радиво и на всю деревню около магазина* (Заг. Сел. Своб.).

АС + (радива)

РА′ДИВО, -а; ср. См. **РА′ДИВА**

АС –

РАЗБАРАБА′НИТЬ, -ню, -нишь; сов. Стать болезненно вздутым; распухнуть. *У меня нога больная. К вечеру её разбарабанит так* (Великокняз. Бел.).

АС –

РАЗБЕША′КА, -и; общ. Тот, кто шалит, озорничает. *А я одна села. Возле меня никто не садись. И парта возле двери третья. Я села и сидела. И так я на улице разбешака была, а там прысмирилась здорово* (Макс. Окт.).

АС –

РАЗБИРА′ТЬ ◊ **РАЗБИРА′ТЬ МОЛОДУ′Ю.** Снимать с невесты венок – часть свадебного обряда. *Когда кончилась свадьба, уже разбирают молодую. Сидят за столом наряжена молода и жених, её родственники закрывают это, простынью их и разбирают: венок снимают, надевают на неё полушалок таки хороший, красивый… и стоят возле их, это, поют частушки* (Ник.-Алекс. Окт.).

АС –

РАЗБРЕХА′ТЬСЯ, -аюсь, -аешься; сов. Рассориться. *С бабкой разбрехались, она уехала, дети её забрали* (Ин-ка Арх.).

АС –

РАЗБУРИ′ТЬ, -ю, -ишь; сов. Разрушить. *Ну, всё разбурили, развалили страну* (Зел. Бор Мих.).

АС –

РАЗВИДНЯ′, -и; ж. Рассвет. *А у ней на санях сено было, она и так кидала на их, кидала, уже стало утро, развыдня или як по-вашему* (Макс. Окт.).

АС –

РАЗВИДНЯ′ТЬСЯ, безл.; сов. Рассветать. *Аγрессивно жили немцы. Двянадцать чаловек жили, вот як только развидняется, мы бяжать* (Гур. Своб.).

АС –

РАЗВОДНО′Й, -ая; -ое. Разведённый. *Одни разводы, разводы, зачем? Ну, вот с этим ты разошлася, за того вышла замуж, тот тоже разводной* (Саг. Арх.).

АС –

РАЗГАРНА′ТЬ, -ю, -ешь; несов. Расправлять, делать ровным. *Берём снопы и разγарнаем. Берёшь яγо, подкидываешь, это всё разγарнается-разγарнается, наберёшь и всё* (Кр. Луч Арх.).

АС –

РАЗГАРНА′ТЬСЯ, -ю, -ешь; несов. Расправляться, становиться ровным. *Берём снопы и разγарнаем. Берёшь яγо, подкидываешь, это всё разγарнается-разγарнается, наберёшь и всё* (Кр. Луч Арх.).

АС –

Белор. РАЗГАРНУЦЦА – развернуться, расправиться

РАЗГО′НОЧКА, -и; ж. Средство передвижения; то же, что американка – двухколёсный беговой экипаж. *Раньше у каждого бедного, а были свои кони, своя американочка, или разгоночка, чтоб на ней поехать в центр* (Гильч. Тамб.).

АС –

РАЗДЕРБА′НИТЬ, -ню, -нишь; сов. и **РАЗДЕРБА′ШИТЬ**, -шу, -шишь; сов. Разделить что-л. на части, нарушить целостность чего-л. *На вышку мать повыносила иконы, так мы залезем, раздербаним их* (Макс. Окт.). *Наших коров совхоз этот сдал. Раздербашили, разогнали наших коров. Работы нам даже не стало* (Гриб. Арх.).

АС –

РАЗДЕРБА′ШИТЬ, -у, -ишь; сов. См. **РАЗДЕРБА′НИТЬ**

АС –

РАЗДРАТУ′ТЬ, -ую, -ешь; сов. Побудить к движению; пошевелить. *Одна нога топотит, а другая не хотит. А я ту да на другую и раздратую* (Зел. Бор Мих.).

АС –

РАЗДУВА′НКА, -и; ж. Изделие из дрожжевого теста. *А кроме хлеба пекли пирожки, это возьмёшь кусочек, мы это звали раздуванки из дрожжевого теста* (Новоив. Своб.).

АС –

РАЗЖЕНИ′ТЬСЯ, -нюсь, -нишься; сов. Прекратить супружеские отношения; развестись. *У меня вот сын было женился, а потом обратно разженился* (Урал. Шим.).

АС + (разжениваться)

РАЗОЙТИ′СЬ, -дусь, -ёшься; сов. Прекратить существовать, прийти в упадок. *Мужики особенно мёрли чё-то, ну, теперь там осталось чё, колхоз разошёлся, живут там как цыгане, кто как сможет* (Гур. Своб.).

АС –

РАЗО′РА, -ы; ж. Борозда между участками пашни; междурядье. *Да, это дорожка, А у нас кто скажет – разора. Ну, вот видишь, она непаханая* (Новоив. Своб.).

АС –

РАЗЛИВУ′ХА, -и; ж. Вино, которое продаётся в розлив. *Здеся разливуха была, вино в бочках разливухой называли. Его из яблок обычно делали* (Комиссар. Бел.). *И пол-литра привезли разливуху, по пол-литра давали, всем рабочим давали, из бочки* (Великокняз. Бел.).

АС + (разливнуха)

РАЗМАХА′ЙКА, -и; ж. Женская одежда свободного покроя с расходящимися полами. *Размахайка – это кофта вот такая. Просто так вот пинжак и здеся три пуговички. А рукава короткие* (Гащ. Своб.).
АС +

РАЗМЕНА′ЖИВАТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. Увеличиваться в численности. *Заселяли эту Светиловку оттудова. А потом разменаживалось село, добавлялись люди. И ихные дети женилися. Вся деревня разменажилась, размножалась народом* (Светил. Бел.).
АС –

РАЗОТЛА′ЖНЫЙ, -ая, -ое. Отложной (о воротнике). *Воротник у андарана разотлажный* (Могил. Арх.).
АС –

РАЗРАБО′ТАТЬСЯ, -юсь, -ешься; сов. Сделать больше, чем обычно. *У нас папа разработался маленько: ну, однако, сотку или что ли посадил картошку* (Чаг. Шим.).
АС –

РАЗРАШИВА′ННЫЙ, -ая, -ое. Украшенный чем-либо, расшитый. *Обязательно хвартук прямо тут вот там такой расшитый, разрашиванный, вот это кружева будут. Она идёт как пава! Да, красиво было* (Саг. Арх.).
АС –

РАЗРЫВА′ТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. Перен. Громко лаять. *Легла спать там, на кухне, часов в одиннадцать слышу - собака разрывается* (Зел. Бор Мих.).
АС –

РАЙО′НКА, -и; ж. Районное печатное издание. *В районке печатали в нашей об энтом* (Чесн. Мих.). *Что сейчас стало, сейчас и никому не нужно, вот тут пятьдесят лет, если хочешь, в районку могут написать, но денег нету* (Заг. Сел. Своб.).
АС –

РАКИ′ТИНА, -ы; ж. Дерево или кустарник семейства ивовых; ракита. *Ракитина вот стоит. Тополь, осина, берёза, листвянка, кедра растут* (Могил. Арх.).
АС –

РА′НЕШНИЙ, -яя, -ее и **РА′НЕШНЫЙ**, -ая, -ое. Давний, старинный, прежний. *Настоящих свадеб, как ранешних, щас мало. Ну, есть там одна-две* (Светил. Бел.). *Это было ранешнее слово, это было молоканское слово* (Разд. Тамб.). *Не знаю я, как вам объяснить и что вам рассказать про ранешнюю жизнь* (Костюк. Своб.). *У нас в деревне два имени. Ни у кого больше таких не было. Инга – вот у неё, и у меня Алевтина – Аля. Вот такие редкие какие-то они. Ну, это современные они, не ранешние* (Н.Андр. Бел.). *Вообще, девчата, ранешная жизнь, она интересная, как мы жили, очень интересная* (Костюк. Своб.). *Жизь куда пошла… Вот говорили, что жизь придёт к ранешной жизни* (Мих. Маз.).
АС +

РА′НЕШНЫЙ, -ая, -ое. См. **РА′НЕШНИЙ**
АС +

РА′НЕШНО, нар. и **РА′НЬЧЕ**, нар. Раньше. *Водка три пясят была ранешно бутылка* (Зиг. Своб.). *Раньче, девочки, свиней резали, кожу снимали с них, потому что раньче не разрешали свинью резать, чтобы опаливать* (Великокняз. Бел.).
АС +

РА′НЬЧЕ, нар. См. **РА′НЕШНО**
АС + (раньчи)

РАПО′РТ, -а; м. Аэропорт. *У другой дочки аппендицит недавно вырезали. Операция шла шесть часов. В рапорту стало ей плохо, вызвали врача* (Черн. Своб.)
АС –

РАСКОЛА′ЧИВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Размешивать; взбалтывать. *Сперва муку кипятком запариваю, а дрожжи отдельно мочу, а потом уже остынет мука, я туда это выливаю, расколачиваю* (Макс. Окт.).

АС + (расколотить)

РАСКОШЕ′ЛЬНИЧАТЬ, -ю, -ешь; несов. Поступать расточительно; тратить деньги неразумно. *Я посмотрю, я ничё не беру такого, я не раскошельничаю* (Костюк. Своб.).

АС –

РАСКРЯЖЕВА′ТЬ, -ю, -ешь; сов. Распилить дерево на части. *Да, раскряжуешь его до шестиметрового, а потом на конях возили в штабель* (Урал. Шим.).

АС +

РАСКРЯ′ЖИВАТЬ, -ю, -ешь; несов. к **РАСКРЯЖЕВА′ТЬ.** *Лес раскряживали, разрезали. Ну, вот лесина, а потом на четыре метра разрезали бревно. Вот оно лежит, бревно (Урал. Шим.).*

АС –

РАСКРЫ′ТЫЙ, -ая, -ое. С непокрытой головой. *Раньше, ну, в платочках чёрненьких все, все в чёрном и хоронять. А сейчас вот приходят на похороны хто раскрытый, хто подвязный* (Толст. Тамб.).

АС –

РАСПА′ДОК, -дка; м. Приток (?). *Вот это главная река текёт, а к ней распадки идут большие* (Заг. Сел. Своб.)

АС + (другое значение)

РАСПЕТРО′ШИТЬ, -шу, -ишь; сов. Сообщить много чего-н.; наговорить. *Он вам много распетрошит* (Черн. Своб.).

АС –

РАСПЛЕТА′НКА, -и; ж. Строение, дом из глины или обмазанного глиной дерева, сырцового кирпича; мазанка. *Они всё вэзлы сюды и строилы,* расплэтанки таки делалы, мазалы, *ўот, и там печка, соломы с улиной мешалы. –А расплетанки это что? –Вот столбы позакопывалы, жердушки так прибилы, а потом заплеталы так как талу, а потом солому с улиною лепилы* (Варав. Окт.).

АС –

РАСПЛО′Д, -а; м. Потомство, приплод. *А пополнение же матки нету, значит там же расплода нету. Уже ничего не будет* (Заг. Сел. Своб.).

АС –

РАСПЛО′ЖИТЬСЯ, -жусь, -жишься; сов. Размножиться в большом числе, дать большой приплод; расплодиться. *А тут у меня и собак, и котow полно, они сами распло′жились* (Дим Мих.).

АС –

РАСПЛЫВА′ТЬСЯ, -аюсь, -аешься; несов. Выходить из берегов; разливаться. *–А Зея часто разливалась? – А у вас что Амур разве не расплывается?* (Чаг. Шим.)

АС –

РАСПОЛОСКА′ТЬ, -ю, -ешь; сов. Располосовать, разрезать. *Рядом с сердцем прошла, и сердце не задело, а тут располоскало мне всё тело* (Белояр. Маз.).

АС –

РАССТО′ЙКА, -и; ж. Процесс брожения теста. *Растойка называлась вот, чтобы он, хлеб, раз поднялся, она его сбила, второй раз поднялся, на третий раз она его уже ставит в печку* (Конст. Конст.).

АС –

РАСТВО′РКА, -и; ж. Дощатая или железная створка для прикрытия окна; ставень. *Щас не откроешь окно, а раньше окна были открыты, растворки были, растворялися* (Заган Своб.).

АС –

РАСТЕЛЕПА′ТЬ, -аю, -аешь; сов. Распространить информацию; разболтать. *Тоды мы приехали с нею, она уже растелепала всем, прихожу – она меня обсудила* (Макс. Окт.).

АС –

РАСТИ′РКА, -и; ж. Лечебное средство для растирания тела или какой-л. его части. *Вот укутаю, мне легче иной раз, а иной раз ничем не могу, и там вон растирки всякие делаю* (Заг. Сел. Своб.).

АС –

РАСТОПЛЯ′ТЬ, -ю, -ешь; несов. Разводить огонь в печи; растапливать печь. *Уголёк брали растопить, спичек не было печку растопить. Вот у кого уголёк был, вот приходили, брали и растопляли* (Заг. Сел. Своб.). *Растопляют, а там кирпич настилается, и от этого, когда топится кирпич, нагревается, и вот мы там всю дорогу согревались* (Великокняз. Бел.).

АС –

РАСТРЕПА′ТЬ, -ю, -ешь; сов. Сделать что-л. более тонким, плоским; раскатать или размять. *Да, вот кругленьку лепёшечку растрепаешь, и масло, и сахару посыпешь, потом вот так заворачиваешь, вот они какие-то вкусные такие получаются* (Н.Андр. Бел.).

АС –

РАСХО′Д. ◊ В РАСХОДЕ, -а; м. В работе. *Мы же в расходе были, некому было за детьми присматривать* (Великокняз. Бел.).

АС –

РАСХОРМИРОВА′ТЬ, -рую, -руешь; сов. Расформировать. *Вот тут было Слава село. Её же расхормировали, это у же давно* (Заг. Сел. Своб.).

АС –

РАСЧИ′Н, -а; м. Закваска для теста. *В отвар добавляли дрожжи, мучицы, расчин называли. –То есть расчин, это смесь, из которой будут делать хлеб? –Да, расчин* (Гащ. Своб.).

АС –

РАСШЛЁПАТЬ, -ю, -ешь; сов. Расплющить, делая плоским. *Ну, как щас вареники делают, например, тольки расшлёпаешь, затем на полный лист накладаешь и ў печь* (Комиссар. Бел.).

АС –

РАХИТО′ША, -ы; общ. Полный, тучный человек, выглядящий как больной рахитом. *Был хороший парень, а щас сидит, видите, какой рахитоша у меня, полный* (Зиг. Своб.).

АС –

РАЧКИ′, мн. Поза, в которой человек стоит, опираясь на обе руки и ноги; четвереньки. *Зная, что мать уже стара, рачки буду ползать, доработаю всё равно до пенсии* (Великокняз. Бел.).

АС –

РЕ′ДЬ, -и; ж., **РЕДНИ′НА**, -ы; ж., **РЕ′ДНО,** -а; ср., и **РЕДЮ′ЖКА**, -и; ж. 1. Домотканое редко сотканное полотно из грубой пряжи. *Нет, брали такую чёрную да и шили с ней, реди сложишь и шили* (Костюк. Своб.). *–Как вы детей в поле брали? –Ну, в поле замотаем в реднину да перед собой* (Ник.-Алекс. Окт.). *Ну, вот раньше такая была редно, так называлось. Редно берут вчетвером по углам и валяют, начинают катать* (Преображ. Окт.). И вот один коло одного вот так и спали, матрасы соломенные, и вон редюжку раньше ткали сами (Мих. Маз.). 2. Длинная узкая часть ткани; полоска. *Две-три реди там ўот так понашитая, шобы не порвалась, ўот одна редь, на ей вторую кладут, сшивают. Потом ещё одну редь кладут с кожи* (Краснояр. Маз.). 3. Домотканое изделие для покрытия пола. *Редюжки шила, вязала тоже, дратвой вязала вот эти маленькие коврики* (Разд. Тамб.).

АС –

РЕАБИТИ′РОВАТЬ, -рую, -руешь; сов и несов., кого-что. Реабилитировать. *Его забрали в лагерь, а потом реабитировали* (Зел. Бор Мих.).

АС + (ребилитировать)

РЕДНИ′НА, -ы; ж. См. **РЕ′ДЬ**, **РЕ′ДНО, РЕДЮ′ЖКА**

АС –

РЕ′ДНО, -а; ср. См. **РЕ′ДЬ**, **РЕДНИ′НА**, **РЕДЮ′ЖКА**

АС –

РЕДЮ′ЖКА, -и; ж. См. **РЕ′ДЬ**, **РЕДНИ′НА**, **РЕ′ДНО**

АС +

РЕ′Ж, -а; м. Редкоячейное полотнище в двух- или трёхсетной (обычно вставной) рыболовной сети. *Трёхстенка – это режь, а сама эта стенка, сеть эта в середине, а с той стороны и с этой – это реж* (Белояр. Маз.).

АС + (режак, ряжь)

РЕ′ЗАТЬ, -жу, -жешь; несов. Издавать и извлекать музыкальные звуки; играть. *А как раз на Троицу, где стол ставится, там в гармошку режут, играют там что-то* (Новоив. Своб.)

АС + (другое значение)

РЕЗКИ′, мн. Острые выступы на слесарном инструменте; зубцы. *Она вся порезана такими резками, вот этими резками она точит пилу, срезает* (Краснояр. Маз.).

АС –

РЕНИМА′ЦИЯ, -и; ж. Реанимация. *Я не помню, как меня с операции везли в реанимацию* (Урал. Шим.).

АС –

РЕПЕТИРОВА′ТЬСЯ, -руюсь, - руешься; несов. Репетировать. *Ну, мы репетирова'лись, мы ж ездили, ой, сколько мы концертов делали* (Кас. Арх.).

АС –

РЕ′ПИС, -а; м. Репс – ткань с поперечными или продольными рубчиками. *Репис такой материал раньше был* (Костюк. Своб.).

АС + (рипс)

РЕПУШО′К, -шка; м. Лекарственное растение репешок обыкновенный – Agrimonia eupatoria. *Собираю траву репушок. Он очень хороший для желудка, для кишечного тракта* (Сыч. Своб.).

АС +

РЕ′СНЕНЬКИЙ, -ая, -ое. Уменьш.-ласк. к **РЕСНО′Й**. *Это семейские сарафаны носили, мама просто юбку таку реснэнькую шила* (Великокняз. Бел.).

АС –

РЕСНО′Й, -ая, -ое. Сделанный с большим количеством складок по всей ширине. *Юбки носили длинные ресные, и тут никаких резинок, просто верёвочка, и вот так она завяжет, и широкая юбка складками* (Варв. Окт.).

АС –

РЕЦЕ′П, -а; м. Рецепт. *Рецепы выписывают нам в больнице же, тут у нас рецепов нет, ехать надо* (Великокняз. Бел.).

АС –

РЕШТО′ВКА, -и; ж. Укрепление постройки с помощью узких деревянных реек. *Изба тоже также вот делается, ну, решетовка вот такая делается, палочками оббивают* (Краснояр. Маз.).

АС –

РЖА′ВАННЫЙ, -ая, -ое. Покрытый ржавчиной; ржавый. Привезли койку ржаванную (Дим Мих.).

АС –

РЖЕ′Й, -я; м. Травянистое растение семейства крестоцветных, из семян которого добывается техническое и пищевое масло. *Своё было хозяйство. Всё ржей сеяли. Такое есть растение, похожее на сурепку. А ржей специально сеяли, собирали, это для масла. Вот такая трава невьющаяся, с такими цветочками, жёлтые, небольшие, и собраны они кисточками такими вот* (Макс. Окт.).

АС –

РИДИКУЛИ′Т, -а; м. Радикулит. *Ну, лучше стало мне, потом это залечила, и ка-*

шель прошёл, ну, ридикулит откуда-то взялся (Гильч. Тамб.).

АС –

РИ′ГА, -и; ж. Помещение для хозяйственных нужд. *Рига, где молочное хранится, на западе. Вы же там не были, не знаете* (Чаг. Шим.).

АС –

РИЗЕ′ТОЧКА, -и; ж. Устройство для присоединения электроприборов к сети; розетка. *Вот у меня помпа, там вот шланги. Это ризеточка, включаю, качаю воду туда, и холодну, и горячу* (Светил. Бел.).

АС –

РИСКАНУ′ТЬ, -ну, -нёшь; сов. Рискнуть. *Дочка приехала поступить и вышла замуж тут. Ну, и я уже рисканула сюда приехать, чтобы вместе* (В.Урт. Конст.).

АС –

РО′ЬИТЬ, -блю, -бишь; несов. Работать, делать. *Мы опять робили, строили колхоз* (Дим Мих.). *Вот самой беременной была, это тоже кесарево робили* (Разд. Тамб.). *Я в колхозе робыла дояркою пятнадцать лет* (Великокняз. Бел.)

АС –

Укр. РОБИТИ

РОБУГИ (?), мн. Сапоги. *Робуги, вот обуешь их, пойдёшь, они аж хрустят, а сапоги высокие такие, в общем, штаны широкие, а сапоги высокие такие, они ещё узенькие, как петух* (Могил. Арх.).

АС –

РОВО′К, -ка; м. и **РОВЧАЧО′К**, -чка; м. Длинное углубление, вырытое в земле; небольшой ров. *А ты по ровку так иди, да, по ровку, по дорожке* (Новоив. Своб.). *Ну, раньше за сопкой жили, на сопку на ету залазыли, оттуды спускаесся и там ровчачок такый, с Амура протока проходыт, ну,* роў*, тоды проходя к им, оны там живут* (Кр. Луч Арх.).

АС –

РОВЧАЧО′К, -чка; м. См. **РОВО′К**

АС –

РОГАТУ′ЛЬКА, -и; ж. и **РОГОВУ′ШКА**, -и; ж. Деревянная палка с развилкой на конце. *Это рогатулька. Наматываешь её, когда вытаскиваешь, и наматываешь* (Чесн. Мих.). *Две палки, роγатульки, а тут палку вот так поставишь* (Козьм. Тамб.). *А ловят рыбу там то удочками, то спининγом, то γде роγовушки ставят там или перемёты там, кто как рыбачит* (Светил. Бел.).

АС +

РОГА′Ч, -а; м. Приспособление из железного полукольца в виде двух рогов на длинной рукояти для подхватывания в печи горшков, чугунов; ухват. *У печи были роγачи* (Козьм. Тамб.). *А из печи чугуны рогачи вытаскивали* (Урал. Шим.). *Рогач вот этот звали, вот этот и есть ухват* (Кухт. Луг Шим.). *–А чем горшки из печи вытаскивали? –А, то рогач* (Белояр. Маз.). *А вот это роγач, а это кочерγа, которой выγребать эту, ну, золу* (Светил. Бел.). *А это были такие, детка, рогачи называли. Вот там вот палка здорова уже, ну, чтобы печку достала, вот трубочка, вот так вот* (Мих. Маз.). *Рогач, или ухват, вот так вот сделаны, загнуты. Внизу он проходит, потом поднимают его, и он вверх берёт горшок, он тогда уже никуда не денется, не сползёт* (Разд. Тамб.). *Рогач видали хоть раз? Ну, чтобы обхватывал чугун* (Гильч. Тамб.). *Из железа сделан сам роγач, ручка деревянная была* (Макс. Окт.). *Рогач раньше в русскую печь чугун заталкивал* (Ник.-Алекс. Окт.). *Если посудина какая-нибудь, роγач брали, мы его так называли* (Зел. Бор Мих.). *Чугунок накрываем и в печку ту русскую рогачом* (Макс. Окт.). *Это роγач и кочерγа. Роγач для подхвата* (Макс. Окт.). *А рогач это и чугунку поставить туды, в печь* (Светил. Бел.).

Это вот чё? Чуγун брать. А у нас γоворили почему-то роγач (Великокняз. Бел.). *Чугунок и туда, в печку, и так вот рогачами вытаскиваем. Чугун он же какой? Он же горит, вот туда руками не залезешь, и вот так вот рогачи берёшь* (Заг. Сел. Своб.).

АС +

РОГА′ЧИК, -чика; м. Уменьш.-ласк. к **РОГА′Ч**. *И там всякие прялки и рогачики вот эти, печки же русские были* (Варв. Окт.).

АС +

РОГА′ЧИЩЕ, -а; м. Крупный взрослый самец олень; рогач. *Как он побежал, здоровый рогачище. Ну, это рогач* (Урал. Шим.). *Я ему показываю, роγачище побежал, а он заядлый охотник-то, выскакывает* (Гур. Своб.).

АС –

РОГОВУ′ШКА, -и; ж. См. **РОГАТУ′ЛЬКА**

АС –

РОДИ′ЛЬНИЦА, -ы; ж. Женщина, оказывающая помощь при родах. *Родильницы, или как их, так вот назывались. Их ходили, звали, они роды принимали* (Белояр. Маз.).

АС + (другое значение)

РОДИ′МЕЦ, -мца; м. и **РОДИ′МЧИК**, -ка; ж. Физическое состояние у младенцев, сопровождающееся припадками. *Припадки – родимец, тода родимец, а щас припадки* (Кас. Арх.). *А родимец, он его бьёт, не дай боγ никому. –Как это бьёт? Ну, вот ребёночка, он лежит, потом еγо начинает трясти-трясти* (Кас. Арх.). *А родимчик у ребёночка бывает, это всё бабки заговаривают* (Кас. Арх.)

АС +

РОДИ′МЧИК, -ка; ж. См. **РОДИ′МЕЦ**

АС –

РОДИ′НКА, -и; ж., **РОДОВА′**, -ы; ж., **РОДСТВА′**, -ы, ж.; и **РОДСТВО′,** -а; ср. Кровные родственники, родня. *Пока все подорют, если родинки много* (Разд. Тамб.). *На Амур приехали, обосновались. Они по маминой родове не в Гильчине обосновались, они на Корховом обосновались* (Разд. Тамб.). *Отец мой – выходец из Забайкалья, там таких имён много. Вот, может быть, оно ему в родове только одному и досталось* (Урал. Шим.). *Родители мои в Благовещенске, и я там родилась, родова сюда привезла* (Чаг. Шим.). *У нас по семье все хорошо пекут. И все у нас в родове, и даже баба Таня, она очень хорошо печёт* (Костюк. Своб.). *Одёжи не могу себе купить. Жду, когда мне родство подарит* (Ин-ка Арх.). *Он тоже лежал всё время на печи,* но*γи свешал. Тоже, видать, по родстве пошло вот, и маму, и вот теперь сёстры. Всё болели одной болезнью* (Светил. Бел.).

АС –

РОДОВА′, -ы; ж. См. **РОДИ′НКА**, **РОДСТВА′, РОДСТВО′**

АС +

РОДСТВА′, -ы; ж. См. **РОДИ′НКА**, **РОДОВА′, РОДСТВО′**

АС +

РОДСТВО′, -а; ср. См. **РОДИ′НКА**, **РОДОВА′, РОДСТВА′**

АС –

РО′ДСТВЕННИЦА, -ы; ж. Та, кто родом из определённой местности; уроженка. *Оттуда с родины… Я сама родственница с Новосибирской области* (Урал. Шим.).

АС –

РОЖДЕСТВОВА′ТЬ, -вую, -вуешь; несов. Ходить по домам с поздравлениями и песнями в праздничное время от Рождества до Крещения; колядовать. *Мы сюда когда приехали, ходили и посевали, и рождествовали, кутью справляли* (Варв. Окт.)

АС –

РОЖЕСТВО′, -а; ср. Рождество. *Они отмечали и Пасху, и Рожество, и этот, как его, и Успение* (Гильч. Тамб.). *Вот примечают перед Рожеством, когда небо ясное и много звёзд, значит куры будут несушки* (Костюк. Своб.). *–А какие божественные праздники отмечали? –Рожество, Троица, Пасха, а больше я не знаю* (Зиг. Своб.). *И Новый ɣод мы знали, и Рожество знали, и Пасху знали. Вот эти праздники знали* (Кр. Луч Арх.).

АС –

РО′ЗГЛЯД, -а; м. Смотрины. *Приходят сваты и делают розгляды, приходят поглядеть, как живёт семья* (Костюк. Своб.).

АС –

РО′ЗЕНЬКИЙ, -ая, -ое. Уменьш.-ласк. к Розовый; розовенький. *Платье было ситцевое белое, лепестки розенькие* (Толст. Тамб.).

АС –

РО′НЖА -и; ж. Поперечный брус для скрепления брёвен. *Так вот оно кольцо. Одно на два бревна. Клин сделают, как с полена затёсывают и под ронжу кладут. Этим клином и делят ронжу* (Урал. Шим.).

АС +

РО′СКА, -и; ж. Мелкое водяное травянистое растение, листочки которого затягивают поверхность стоячей воды; ряска. *Роска называется, есть такая на воде, она как вроде плавает, ну, такими крупочками, роска называется, на воде плавает. Её собирают эти ɣуси, утки, куры клюют* (Разд. Тамб.)

АС –

РОСПИ′РА, -ы; ж. Прорез в штанах, сделанный при пошиве в специальных целях. *А чё, я вот пацанам шароварчики пошью и роспиру сзади сделаю, разрезаю, шоб в туалет, не снимая, могли ходить* (Гильч. Тамб.).

АС –

РО′СТИТЬ, -щу, -стишь; несов. Растить, воспитывать детей. *Муж в сорок девятом умер, вот каких мне оставил: одному шесть месяцев было, а друɣому – два с половиной. И ростила обоих* (Чаг. Шим.). *Я ребятишек ростила* (Урал. Шим.). *Ну, так жили и жили. Детей ростили. Их в то время сложно было ростить* (Комиссар. Бел.). *Это внучка, а живёт она у них, они её ростили* (Заг. Сел. Своб.). *И мама замуж не выходила, нас ростила* (Сыч. Своб.).

АС +

Укр. РОСТИТИ

РОТА′Н, -а; м. Вид мелкой рыбы, обитающей в озерах и протоках бассейна Амура. – Perccotus glehni Dyt. *Ротан – это подруɣому ɣальян. Это ўот местная рыба* (Краснояр. Маз.).

АС +

РУБА′ТЬ, -ю, -ешь; несов. Разделять на части, отсекать, размельчать, ударяя чем-то острым; рубить. *Рубаем, рубаем, собираем там, ломаем вот так, как веники всякие разные* (Преображ. Окт.). *Тут лес такой стоял. Это и стали рубать. Вот рубают здесь и тут же строють. У нас вот дом* (Великокняз. Бел.). *На машине поедут, рубали топорами, ой, тяжёлая работа была, тяжёлая* (Заг. Сел. Своб.).

АС –

Укр. РУБАТИ

РУБА′ХА. ◊ РУБА′ХА-ПЕРЕМЫВА′ХА, -и; ж. Одна единственная повседневная рубашка. *Сильно много не было одёжи раньше. Вот рубаха-перемываха. Ну, бедно жили. Одна праздничная, дак токо в праздник одевали, а перемываха…, эта уже кажный день – берегли всё* (Кас. Арх.).

АС +

РУБА′ШНИК, -а; м. Тот, кто несёт в дом жениха рубашку, вышитую невестой, и требует за неё выкуп. *А это рубашники несут рубаху жениху* (Макс. Окт.).

АС –

Укр. РУБАШНИК

РУ′БЕ′ЛЬ, -я; м., **РУБЕ′НЬ**, -я; м. и **РУБИ′ЛЬНИК**, -а; м. Деревянная доска с поперечными желобками для глажения белья. *Рубель это. В виде скалки он, и вот на это наматывают бельё, чтобы было оно выглаженное* (Разд. Тамб.). *Она вот шириной такая, а с той стороны как доска стиральная. И вот она накатывает на эту самую на палку это простынь или наволочку, и раз несколько туда-сюда и раскатает, и оно глаженое. Рубель называется, то что он нарубленный на той стороне* (Краснояр. Маз.). Ну, эт вещи старые таки, вот как бельё раньше катали. Вот утюг. А эт рубель называли так (Ин-ка Арх.). *Рубель, вот таке длинный, и вот заматываешь и катаешь* (Могил. Арх.). А бельё раньше стирали да гладили. *Это рубель и каталка. На каталку накрутишь эту, бельё, и вот так вот дрын-дрын, дрын-дрын* (Мих. Маз.). *Мне надо взять рубель у неё. Я даже сама умею катать бельё рубелем* (Толст. Тамб.). *Был, который бельё катать, рубель был заместо утюга* (Кас. Арх.). *А был деревянный этот каток. Рубель называли. Он вот шершавый такой, продолговатый, деревянная ручка. А потом стали утюги* (Заг. Сел. Своб.). *Ну, катали, катали, называли рубель. Раскатаешь – он как наулаженный тода, этим рублём катали* (Козьм. Тамб.). *Называли рубэнь, тоже деревянный с ручкой* (Макс. Окт.). *А рубильник, вот так вот он ни острый, плоский был, вот этим вот рубильником катаешь бельё и катаешь* (Краснояр. Маз.). *Тода ж утюгов не было, рубильник был. Мы им пользовались. Вот такая вот длинная палка, тут ручка, тут нарезанный, а скалка тут просто такая, кругленькая* (Дим Мих.). *А гладили… Рубильник был такой, такая палка, на эту палку накручивали, что гладить. А рубильник с зубцами вот такими вота, рубчиками надавливали и гладили* (Костюк. Своб.).

АС +

РУБЕ′НЬ, -я; м. См. **РУ′БЕ′ЛЬ, РУБИ′ЛЬНИК**

АС –

РУБЕ′Ц, -бца; м. Доска с поперечными рубцами для стирки белья. *Ходили на Зею, брали рубец и стирали. Доска, обделанная рубцами, кто рубцом называет* (Краснояр. Маз.).

АС + (другое значение)

РУБИЗА′СТЫЙ, -ая, -ое. Зубчатый. *Такая была, называлась качёлка. Она вот такая вот вширь, вот такая в длину, и тута ручка и такие вот зубчики, рубизастая такая* (Саг. Арх.).

АС –

РУБИ′ЛЬНИК, -а; м. См. **РУ′БЕ′ЛЬ, РУБЕ′НЬ**.

АС + (рубельник)

РУКАВА′, -ов, мн. Рубашка с длинными рукавами. *Рукава шьём мы вот такими вот, так называются рубашки* (Ин-ка Арх.). *Ну, рукава должны быть сшиты, рукава, чтоб длинные были. –А рукава – это рубаха? – Рубаха, рубашка так называется* (Гриб. Арх.).

АС –

РУКА′ВНИК, -а; м. Деталь конской упряжи; поводья. *Вот давали трёх коней и пахали там, на конях. Вот этих пашешь там. Или верхом садишься, боронишь и водишь за рукавник* (Макс. Окт.).

АС –

РУКАВЧА′ТА, -чат; мн. Ласк. Рукава. *Вот такие эти рукавчата, и тут копейки вшиваем в платье белое* (Чесн. Мих.).

АС –

РУМЫ′НКИ, -нок, мн. Короткие зимние женские сапоги. *Румынки носили меховые зимой. –А как румынки выглядели? –Ну, по лодыжке, тёплые с мехом внутри* (Макс. Окт.). *Ботинки, румынки называли, опушечка тут была сверху, обычные туфли, токо сверху опушечка, румынки называли* (Макс. Окт.). *Румынками называли, такие небольшие, и не ботинки, выше ботинок, ниже этоуо были, ниже сапоуа. Такая обутка была когда-то. Потом уже обыкновенные. На плоской подошве были* (Покров. Окт.).

АС +

РУ′ХНУТЬСЯ, 1-2 л. не употр.; сов. Разрушиться, исчезнуть. *Тогда уже колхоз рухнулся, но уборщицей уже вот тута работала, в школе* (Ник.-Алекс. Окт.).

АС –

РУ′ШИ′ЛКА -и; ж., **РУ′ШАЛКА**, -и; ж., **РУ′ШАНКА**, -и; ж. Мельница- крупорушка. *И были такие вот рушилки, так понабитые, железо какое-то такое грубое и вот мололи* (Макс. Окт.). *Колоски собирали, там рушилки были у каждого. Ну, камень об камень. Насыпали зёрнышки и мололи. Два камня, а тут ручка. Мололи, лепёшки пекли* (Ник.-Алекс. Окт.). *Я возил крупу на рушилку* (Краснояр. Маз.). *А раньше были рушалки. Это мельничка такая, там и рушили зерно* (Макс. Окт.). *Рушанка, ну, такая, вот столбик стоить, а тут как тёрка, и сверху так делается, и так вот крутишь. Это рушанка называется* (Белояр. Маз.).

АС –

РУ′ШАЛКА, -и; ж. См. **РУ′ШИ′ЛКА**, **РУ′ШАНКА**

АС +

РУ′ШАНКА, -и; ж. См. **РУ′ШИ′ЛКА**, **РУ′ШАЛКА**

АС –

РУ′ШИТЬ, -шу, -ишь; несов. Очищать какое-л. зерно. *Вот повезёшь гречку туды, на мельницу и там рушишь, рушишь* (Краснояр. Маз.). *В Ивановке была такая это пшёнорушка, рушили пшено* (Песч. Окт.). *Это на мельнице рушилки были такие. Рушили просо, пшено* (Разд. Тамб.).

АС +

РУШНИ′К, -а; м. Полотенце, обычно домотканое, с вышивкой. *Кто говорит рушник, кто говорит полотенце* (Урал. Шим.). *Свекровь с хлебом встречала. На руках рушник был, на рушнике булка хлеба и соль была* (Могил. Арх.). *Ну, вот молодые идут, жених с невестой, и рушник, полотенце* (Краснояр. Маз.). *Рушники – это полотенце, вот полотенце называется, а там рушник, а рушник-то вышитый* (Белояр. Маз.). *И эти вот на окошки делали, потом на иконы. Это рушники одевалися, тоже с кружевами были* (Краснояр. Маз.). *Для иконы рушники* (Разд. Тамб.). *Просто сват подвязывается полотенцем, рушником* (Разд. Тамб.). *На рамки всё вешали, мода была, а щас я не знаю. Рушники назывались. Ну, вышитое, чтоб там красиво было* (Н.Андр. Бел.). *Обязательно фотоуафии на стене и рушник. Так называли полотенце такое, вышитое, большое обязательно висело* (Зел. Бор Мих.). *Рушники у нас звалися. Длинные, метра по три полотенца. На иконы завешивали позападному* (Сереб. Своб.). *На окнах штор не было. Эти были, называли хохлы рушныки. Забьют два уводзика и развесят полотенца* (Песч. Окт.).

АС +

РЯБУ′ШКА, -и; ж. Рябая пёстрая курица. *Медичка пришла. Я говорю: «Вон рябушку бери». Назавтра она приходит: «Курица*

ушла, рябушка!» (Урал. Шим.). *– А кур вы как-то по-другому называете? – Кури, а больше никак, ну, кто рябушка зовёт* (Гриб. Арх.).

АС + (другое значение)

РЯ′ДНО, -а; ср. Постельные принадлежности из домотканой грубой ткани *А вот ткали получается из конопли и изо льна. Шла она на праздничные одежды и на бельё, а с конопли там шла на простыни. Ну, назывались они ряднами* (Макс. Окт.). *Для невесты мать и подружки шили рядно, делала, пряла. Это маленько больше одеяла, шире немножечко* (Песч. Окт.).

АС –

РЯДНУ′ШКА, -и; ж. и **РЯДУ′ШКА**, -и; ж. Тканевые изделия, сшитые из разноцветных отрезков. *Мама у меня шила. И я ряднушки всегда сама делала, никогда не покупала. Укрыться всегда было чем. Ряднушки из цветных лоскутов делали. Сначала лоскутья на вертеле сушишь, затем сшиваешь* (Черн. Своб.). *Рядушки, дорожки такие из тряпок шили* (Великокняз. Бел.).

АС –

РЯ′ДНЫЙ, -ая, -ое. Расположенный рядами. *Поселились они на самой лавке, там палатке сделали рядные, эти украинские* (Ин-ка Арх.)

АС –

РЯДУ′ШКА, -и; ж. См. **РЯДНУ′ШКА**

АС –

РЯ′ДУШКОМ, нар. Рядом. Да вон она стоит, вон рядушком (Заг. Сел. Своб.).

АС –

УДК: 398

Н. Г. Архипова, М. А. Куроедова
Благовещенск, Амурский госуниверситет

ПЕСЕННИКИ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАРУБЕЖЬЯ: ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

В разделе рассматриваются жанрово-тематическое и языковое своеобразие песен из песенников старообрядцев зарубежья, преимущественно проживающих в странах Южной Америки. Они представляют богатый материал для исследования как собственно фольклорной специфики текста, так и диалектных особенностей говоров старообрядцев, отраженных в устойчивом, воспроизводимом по традиции произведении.

Ключевые слова: русский фольклор, варианты фольклорного текста, песня, диалект, старообрядцы, зарубежье, Южная Америка.

N. G. Arhipova, M. A. Kuroedova
Blagoveshchensk, Amur State University

SONGBOOKS OF OLD BELIEVERS ABROAD: GENRE-THEMATIC AND LINGUISTIC ORIGINALITY

The section examines the genre-thematic and linguistic originality of songs from the songbooks of the Old Believers abroad, mainly living in South American countries. They represent a rich material for the study of both the folklore specifics of the text itself and the dialect features of the dialects of the Old Believers, reflected in a stable, reproducible by tradition work.

Keywords: Russian folklore, variants of folklore text, song, dialect, Old Believers, abroad, South America.

doi 10.22250/WFDA.2021.17.14

Исторический путь русских старообрядцев зарубежья в целом и Южной Америки в частности чрезвычайно сложен.

В первые десятилетия XX в. стал очевиден приход советской власти на Алтай и Дальний Восток России, что повлекло за собой интенсивную эмиграцию старообрядцев в соседний Китай.

Однако Поднебесная так и не стала местом окончательного пристанища покинувших Россию старообрядцев. Во второй половине 1940-х – 1950-е гг. им пришлось уехать из Китая в Австралию и Южную Америку (Бразилию, Боливию, Уругвай, Чили), откуда впоследствии некоторые из них эмигрировали в США (в Орегон и на Аляску).

В начале XXI в. начался процесс возвращения старообрядцев на историческую родину – в Россию, в том числе на Дальний Восток.

В 2016 – 2021 гг. в Амурскую область, в Свободненский и Благовещенский районы,

переселилось восемь старообрядческих семей, с которыми филологами АмГУ установлены дружеские связи. Старообрядцы любезно согласились поделиться уникальными материалами, свидетельствующими об их фольклорной традиции и фольклорной культуре – песенниками свадебного девичника, уникальными сборниками, фиксирующими устные произведения в песенной форме.

Песни, представленные в рукописных или печатных сборниках, достаточно разнообразны в жанрово-тематическом отношении и специфичны в языковом плане. Нами было проанализировано девять песенников общим объемом 857 страниц, предоставленных русскими старообрядцами Уругвая, Бразилии, Боливии, Перу, США.

Старообрядцы сохранили в своем репертуаре **свадебные песни**, бытовавшие в Российской империи еще в первой половине – середине XIX в.: «Иван Грозён», «Во саду было, во садичке», «Не было ветра», «Как по реченьке плыла лодочка», «На воротах два соколика сидят», «Кто у нас богатый» и др.

В сборнике «Собрание народных песен П. В. Киреевского» (1860-1874 гг.) под номерами 508, 590 опубликованы варианты песни финальной части свадьбы «Как во садичке, садичке» [1, с. 403, с. 410]. Один из вариантов этой песни представлен в песеннике Анфисы Чупровой (Бразилия).

Ареалы некоторых произведений чрезвычайно ограничены на территории России. Так, например, вариант песни «Иван грозён» зафиксирован в 1967 г. в переселенческой деревне Липовка Увинского района Удмуртии от носительницы новгородского говора [2].

Кроме свадебных обрядовых песен, широко представлены в песенниках **лирические песни**: «По Дону гуляет», «Калина», «Прощайте, локоны витые», «Маша» и др. Многие из этих песен популярны и в современной России. Так, они были записаны во время фольклорно-диалектологических экспедиций преподавателей и студентов Амурского государственного университета в села Амурской области в 1999 – 2014 гг. и опубликованы в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово» (см. вып. 1 и др.). Однако в песенниках старообрядцев содержатся уникальные варианты этих произведений: изменены сюжетные линии и структура текста, идейная нагрузка персонажей, финал.

Широко представлен и жанр народного **городского романса** (баллады): «Моряки вы, моряки», «Когда мне было лет пятнадцать», «Какой мальчишка был забавный» и др.

У таких произведений, как правило, нет заглавия. Его роль обычно выполняет первая строка или строка рефрена.

Чаще всего сюжетная линия в таких произведениях связана со страданиями от неразделенной любви, вмешательством внешних обстоятельств в судьбу героев, смертью одного из персонажей под влиянием силы рока. Обычно один или оба героя страдают из-за невозможности быть рядом с любимым человеком, что отражается в особом подборе метафор и фразеологических клише: *спаленка холодная, тусклая свеча, чёрные кресты* и под., усиливающих эмоциональное напряжение, в ступенчатой композиции с явно выраженной кульминацией.

Городскому романсу свойственна конкретика. Это как бы «случай из жизни», воспоминания свидетеля или одного из персонажей.

Зачин обычно содержит указание на определенное место, где разворачивается дей-

ствие: *река, лес, роща, фабрика*.

Эффект подлинности создают и многочисленные подробности, как будто встающие перед мысленным взором рассказчика: *До пятнадцати лет девушка никого не любила – Когда ей исполнилось семнадцать лет, она полюбила парня, который встречался с ней тайно от матери – Мать юноши, будучи против отношений, приказала сыну расстаться с девушкой – От страданий сын серьезно заболел и слёг в постель – Перед смертью он просил мать дать возможность увидеть девушку, чтобы выжить – Встрече не суждено было состояться – Девушка пришла прощаться с любимым на кладбище – На могиле у любимого девушка умерла* (Песня «Когда мне было лет пятнадцать»).

Финал произведения обычно трагичный: соблазненная девушка остается с ребенком одна, заканчивает жизнь самоубийством, юноша умирает, юноша изменяет любимой, юноша женится на другой и т.п.

Авторская песня в песенниках старообрядцев представлена многочисленными произведениями, главным образом, конца XIX – середины XX вв.: «Звезды на небе» (муз. Б. Борисова, сл. Е. Дитерихс), «Зачем сидишь до полночи» (муз. А. Варламова, сл. С. Стромилова), «Отойди, не гляди» (муз. А. Варламова, сл. А. Бешенцова) и др.

Особой любовью пользуется романс из репертуара Александра Вертинского и Вадима Козина «Снился мне сад в подвенечном уборе» (музыка Б. Борисова, слова Е. Дитерихс), представленный в песенниках многочисленными вариантами, например, «Звезды на небе».

Часто встречается в песенниках вариант романса «Ожидание», написанного в 1839 г. А. Варламовым и С. Стромиловым. Обычно текст назван по первой строке «Зачем сидишь до полночи».

С названием «Романс» в песенниках представлен известный «цыганский» романс 1858 г. «Отойди, не гляди» на слова А. Бешенцова и музыку А. Варламова. Отметим, что текст содержит только одну орфографическую ошибку (Иль играть хочешь ты / Моёй львиной душой), обусловленную диалектными произносительными особенностями. Во всех остальных случаях правила орфографии и пунктуации соблюдены. Деление на строфы соответствует норме. Предполагаем, что текст был перепечатан из типографского издания.

Интересна судьба романса «Ах, васильки, васильки», мотивом к которому послужило стихотворение А. Н. Апухтина «Сумасшедший», написанное в 1890 г. «Довольно быстро возникла мелодекламационная версия Н. В. Киршбаума. Произведение было настолько популярно, что его исполняли (или делали по нему сценическую постановку!) в абсолютно разных социальных группах (от военных летчиков до деревенского театра). Довольно быстро появились «народные» версии» [3, с. 433]. Как отмечают исследователи, «на данный момент мы имеем 31 фольклорную версию» данного стихотворения [3, с. 447]. Вариант романса в песенниках девичника включает сюжетную линию «Оля катается на лодке с милым – милый ее убивает (немотивированно)». Текстов с таким вариантом сюжета исследователи отмечают восемь [3, с. 447], однако ни один из них полностью не совпадает с текстом романса в песенниках старообрядцев, что, несомненно, дает перспективу для дальнейшего исследования процессов «фольклоризации» авторского текста.

Особый интерес представляют **народные песни периода Великой Отечественной войны**, написанные по мотивам любимых произведений, например, «В лесу прифронтовом»

композитора Матвея Блантера на стихи Михаила Исаковского, которое в песенниках обычно называется «Берёзки На ветру». Любопытно присутствие в этих песнях советских реалий, которые не смущают исполнителей, несмотря на сложное отношение к советской действительности: «Верю я: Сталин придет, память о ней сбережет» (Песня про Зою).

Отражены в песенниках старообрядцев и послевоенные песни, например, песня «Ландыш» (музыка К. Массалитинова, слова Д. Абуткова), исполнявшаяся Марией Николаевной Мордасовой, а сейчас исполняемая на русских девичниках в зарубежье. О создании этого замечательного произведения сохранились воспоминания участницы Государственного академического Воронежского русского народного хора Мария Максимовна Зеленевой: «Уже после войны, на гастролях в Ленинграде, родились «Ландыши». Как-то в гостинице Мордасова и Зеленева напели на два голоса: «Помню, в роще соловьиной Я гуляла вечерком. Статный парень, чей не знаю, Подошёл ко мне с цветком…». Их случайно услышал Массалитинов, зазвал к себе в номер, тут же записал мелодию, а на следующий день «Ландыши» зазвучали в городе на Неве [4]. Вариант этой песни «Во Зелёном, Во Садочке» представлен в альманахе.

Отдельный раздел анализируемых песенников составляют **частушки**, главные темы которых – любовные отношения, семейные, родственные и дружеские связи. Большинство частушек объединены в игровые блоки, которые связаны между собой тематически и ритмико-мелодически: «Запевай, моя подруга», «У Алёши кари очи», «Ёлочки-моталочки».

Некоторые из предлагаемых читателю текстов песен и частушек девичника без указания авторства представлены в современных сборниках фольклора [5–10]. Отметим, что не было обнаружено полного совпадения текстов из песенников старообрядцев с текстами, представленными в изданных в России сборниках, а также с текстами произведений, записанных во время фольклорно-диалектологических экспедиций. Назовем наиболее типичные особенности вариантов.

В подавляющем большинстве случаев в песенниках старообрядцев происходит либо расширение теста за счет увеличения количества строф (например, в песне «Кто у нас богатый»), либо его сокращение (например, в песне «Когда было мне лет пятнадцать)»; отмечаются варианты, не зафиксированные в отечественных собраниях народных песен («При долине куст калины»).

Частотны лексические, морфонологические и иные варианты: *своячница – своячина, прижимчитому – прижимчивому, приговаривал – спригoваривал, скатёркой – скатёрткой, вербовой – гербовой, полюбить – сполюбить, подумаю – соподумаю, захотела – схотела, закричала – скричала* и др.

Отмечено нарушение грамматической сочетаемости: *Ты лети как ясный солнце; Ты бойца на дальной пограничной, От Катюши, передай привет*.

Графика, орфография и пунктуация имеет свои особенности:

1. Все слова в названии песни пишутся с заглавной буквы: *Когда Было Мне Лет Пятнадцать; Вот Вечер Вечереет; Невинная Жертва* и др.

2. Буква Ё употребляется непоследовательно: *слег, её, ещё, чёрными, помёрала – помёрла – померла.*

3. Часто вместо буквы И употребляется Й: *Чюдный месяцъ плывёт над рекой / Всё в*

обятъях ночьной тйшыны / Нйчего мне на свете не надо / Только вйдеть тебя мйлый мой.

4. Не ставятся знаки препинания перед обращением: *Позволь, позволь ты нам мамаша; Ты не гни калину ветер* и др.

5. Нарушаются правила оформления прямой речи и границ предложения: *Позвал он мать и ей велел. «Позволь, позволь ты нам мамаша, <…> прожить.»*

6. Нарушаются правила постановки знаков препинания в простом и сложном предложении: *И если раз её увижу – То я ещё смогу прожить; А он же изменщик, коварный, такой, Усыпал, младенца словами.*

7. Наряду с морфонологическим, отмечен фонетический тип письма (главным образом, в рукописных сборниках), отражающий некоторые диалектные особенности:

1) произношение звука, близкого к [а], в безударной позиции на месте /о/: *марския, табою*, а также в заударной позиции: *Сам на утра бабай стал*;

2) произношение звука, близкого к [а] в суффиксе *-ева* глаголов и *-ев*-прилагательных: *бушавала, сйренявый*;

3) произношение звука [и] на месте фонем /э/ или /о/ в безударной позиции: *Возлй школы на полянкй / Сталй танкй на прйвал / Йй вйсёлый звук гармошкй / Всю деревню во круг собрал; Трйпал дйвйчй кудрй / Байкальскай вйтйрок*;

4) прогрессивная ассимиляция по мягкости: *на пиреднем стенькя разйн; ей ты фйлькя черт пляшы; не бойся казачькя ктебе не прийду*;

5) протетический [j] в указательных местоимениях: *етот ропот, ети руки, паетим кудрям*;

6) суффикс *-чик* на месте литературного *-щик*: *йзменчйкъ каварный; барабанчик* (барабанщик) и мн. др.

Специфической чертой текстов являются единичные иноязычные вкрапления (например, *Guy's Name* в песнях, где необходимо указать имя), свидетельствующие о влиянии языка страны проживания на русскую речь старообрядцев Латинской Америки.

Все без исключения песенники сопровождаются предтекстовыми или послетекстовыми рисунками. Так, например, в рукописном песеннике Ии Реутовой (Уругвай) под заголовком «С Днем Девишника» простым карандашом изображены стоящие обнявшись молодой человек и девушка. Они одеты в традиционные русские костюмы, девушка держит в руках букет цветов, на голове изображена кро́сота – головной убор невесты, изготовленный из цветов и лент. Черты лица, детали букета и костюмов чётко прорисованы. Или, например, в конце песни «Не губите меня молодую» изображено, как от жёлто-красного лотоса, нарисованного простым карандашом, отходят ответвления желтого цвета, закрученные в легкий узор, на концах ответвлений изображены красные шарики. Узор по контуру обведен простым карандашом. Любимыми сюжетами для рисунков являются два голубя, обвитые лентой, розы, лилии, корабли, колокол, кольцо, сердце, корона, звёзды, ордена и медали царской армии, цветочные узоры и орнаменты и др.

Мы сознательно сохраняем особенности текстов песен свадебного девичника, в том числе, их графические, орфографические, грамматические, пунктуационные особенности, что дает возможность исследовать текст специалистам разных направлений. В конце раздела приводятся примеры из небольшого песенника Абрама Калугина (Бразилия), напечатанного

самостоятельно, по памяти, для исполнения гостями на свадьбе сына и отражающего особенности говора старообрядцев-харбинцев (в 30-е гг. XX в. предки Абрама бежали в Южную Америку с Дальнего Востока России через Харбин).

Одна из фотографий фотовставки к альманаху – копия песни «Проезжала конница по степи широкой», записанная древнерусским уставом Анной Кузьминой, жительницей Бразилии.

Таким образом, песенники старообрядцев зарубежья представляют богатый материал как для исследования жанрово-тематических особенностей песен свадебного обряда, так и диалектных особенностей говоров старообрядцев, отраженных в устойчивом, традиционно воспроизводимом тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание народных песен П. В. Киреевского / Предисл., послесл., состав. В. И. Калугина. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. 462 с.

2. Липовка – Свадебные песни (lipovka.su) // http://lipovka.su/index.php/tvorchestvo-lipovchan/folklore/lip-songs/wedding-singer. Дата обращения: 09.02.2021.

3. Архипова А. Как погибла Оля и родился фольклор // Кирпичики. Фольклористика и культурная антропология сегодня. М.: РГГУ, 2008. С. 432-455.

4. Соло для хора и трёх солисток (communa.ru) // https://communa.ru/kultura/solo_dlya_khora_i_tryekh_solistok/. Дата обращения: 10.02.2021.

5. В нашу гавань заходили корабли... : Песни городских дворов и окраин / Сост. К. П. Смирнова, Э.Н. Филина. Пермь: Книга, 1996. 432 с.

6. Современная баллада и жестокий романс / сост. С.Б. Адоньева, Н.М. Герасимова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. 413 с.

7. Городские песни, баллады, романсы / сост., подгот. текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова; вступ. ст. Ф. М. Селиванова. М.: Изд-во МГУ, 1999. 624 с.

8. Земцовский И. И. Русская протяжная песня. Л.: Изд-во «Музыка», 1967. 195 с.

9. Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни. М.: Изд-во «Высшая школа», 1982. 319 с.

10. Круглов Ю. Г. Русские свадебные песни. М.: Изд-во «Высшая школа», 1978. 217 с.

Старинные свадебные песни

Иван Грозён

У нас Иван то грозён, грозён, грозён,
Да часто ездил мимо тестего двора.
Да он ударил копьем острым в ворота.
Да воротчики открылись,
Да верверьюшки спошатнулись.
Дома тесть-ли, дома тёща моя?
Да дома ласковая своячина моя?
Да дома шурин и всё ясен сокол мой?
Да дома ласточка невестушка моя?
Да если спит то не будите её.
Она проснётся не пугайте её.
Она проснулась, испугалась.
Да за подружек да схоронилась.
Да вы подружки вы подруженьки мои
Да снимайте золотые ключи с меня
Да откройте дубовые сундуки,
Да внимайте верверзёного сукна
Да уж вы шейте всё Ивану то пальто.
Да бы не долго не короток ему.
Да по портрету по устойчивому.
Да к моему сердцу к моему прижимчитому.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Во Саду

Во саду было во садичке,
Да во зелёном виноградничке,
Да ходил, гулял добрый молодец,
Да всё (Guy's Name) то всё (Father's Name),
Да он чесал свои русф кудри,
Да он чесал всё приговаривал,
Да уж вы кудри мои кудерьцы,
Да уж вы кудри мои русые,
Да прилегайте ко буйной голове,
Да ко моему лицу белому,
Да ко моему румяному,
Да ко моим то ко черным бровям,
Да ко моим то ко ясным глазам.
Да привыкай ты душа (Girl's Name),
Да ко чужому уму разуму,
Да ко обычаю к молодецкому,
Да привыкать то мне не хочется,
Да моё сердце не воротится.
Да знать то знать то называть будешь.
Да знать то знать то величать будешь.
Да назавёшь ты свёкра батюшкой.
Да назавёшь ты свекровку матушкой.
Да назавёшь деверьев братьями.
Да назавёшь золовок сестрами.
Да назавёшь мужа по имени.
Да звеличаешь по отчеству.
Да свет по имени (Guy's Name) ГОСПОДИН.
Да по отечеству (Father's Name).

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Во Горенке

В горенке, во новой, во новой
Да стоял столик, дубовой, дубовой
Да под скатёрткой, шёлковой, шёлковой.
Да под бумажкой, вербовой, вербовой
Да стоял чайник, золотой, золотой.
Да полный чаю, налитой, налитой
У нас (Guy's Name)-то, господин, господин
Да ко столичку, подходил, подходил
Да стакан чаю наливал, наливал
Да свежих яблок, разрезал, разрезал
Да своей жёне, подавал, подавал
Да кушай жёна, кушай барыня моя.
Да роди сына, роди сокола.
Да отдадим сына, ко грамоте учить.
Да по татарски, по немецки говорить,
Да лепетати, сприлепётывати.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Верба

Верба, верба то вербочка,
Да с винограду веточка.

Стоит верба, да над водой,
Да над вертышем над рекой.

Вербу книзу да водой гнёт,
Да перепёлка гнездо вьёт.

Перепёлка гнездо вьёт,
Да соловей то развивает.

Перепёлка то (Girl's Name),
Да соловейка (Guy's Name).

Ходит (Guy's Name) да по двору,
Чёрна шляпа на кудру.

Люди спросят да чей такой,
Да (Girl's Name) скажет, «Милый мой»

(Girl's Name) скажет, «Да милый мой»
Да поцелуемся с тобой.

Целовались двести раз,
Да покатился свет из глаз.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Вдоль По Улице Рябина

Вдоль по улице рябина,
По широкою долина,
Растилалася, да растилалася.

Там ходил, гулял (Guy's Name),
Там ходил, гулял (Guy's Name),
Добрый молодец, да добрый молодец.

Ты не улицей иди,
Да не широко иди,
Да переулочкам, да переулочкам.

Ты не громко кричи,
Да ты не звонко кричи,
Да соловьем свисти да соловьем свисти.

Во (Girl's Name) окошки,
Да (Girl's Name) окошки,
Да часто взглядывай да часто взглядывай.

Как бы мне душу (Girl's Name),
Как бы мне душу (Girl's Name),
Сполюбить её да сполюбить её.

Чтобы та душа (Girl's Name),
Чтобы та душа (Girl's Name),
Догодалася да догодалася.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Не Было Ветра

Не было ветра,
Да не было ветра.
Вдруг павеяло.
Вдруг павеяло.

Не было гостей,
Да не было гостей.
Вдруг наехали они.
Вдруг наехали они.

Растворили они,
Да растворили они,
Широкие ворота,
Широкие ворота.

Растворили они,
Да растворили они,
Дубовые ворота,
Дубовые ворота.

Разломали они,
Да разломали они
Сени новые с крыльцом,
Сени новые с крыльцом.

Раскололи они,
Да раскололи они
Золоту чару с вином,
Золоту чару с вином.

Тут расплакалась,
Да тут расплакалась
Свет бы (Girl's Name) у нас,
Свет бы (Father's Name) у нас.

Тут её стал унимать,
Да тут её стал унимать,
Свет бы (Guy's Name) у нас,
Свет бы (Father's Name) у нас.

Ты не плачь-ка, не плачь.
Да ты не плачь-ка, не плачь.
Свет бы (Girl's Name) моя,
Свет бы (Father's Name) моя.

Мы сольём тебе,
Да сольём тебе
Золоту чару с вином,
Золоту чару с вином.

Мы состроим тебе,
Да мы состроим тебе
Сени новые с крыльцом,
Сени новые с крыльцом.

Мы закроем тебе,
Да мы закроем тебе
Широкие ворота,
Дубовые ворота.

Увезём мы тебя,
Да увезём мы тебя,
Свет бы (Girl's Name) с собой,
Свет бы (Father's Name) с собой.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Обманщица

У нас (Girl's Name) то обманщица была.
Обманула своих верных подруг.
Ой ли ой ли ой ли ой люли
Обманула своих верных подруг.

Говорила нынче замуж не пойду
Не пойду и не соподумаю идти.
Ой ли ой ли ой ли ой люли
Не пойду и не сподумаю идти.

Оглянулися за столиком сидит,
За столиком за дубовеньким.
Ой ли ой ли ой ли ой люли
За столиком за дубовеньким.

За столиком за дубовеньким
Всё с (Guy's Name) чёрнобровеньким.
Ой ли ой ли ой ли ой люли
С (Guy's Name) чёрнобровеньким.

Она сидела посерёдке выше всех,
Наклонила головушку ниже плеч.
Ой ли ой ли ой ли ой люли
Наклонила головушку ниже плеч.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Обманщица

У нас (Она) то обманщица была.
Обманула своих верных подруг.
Ой ли ой ли ой люли.
Обманула своих верных подруг.

Говорила нынче замуж не пойду.
Не пойду и не сподумаю идти.
Ой ли ой ли ой люли.
Не пойду и не сподумаю идти.

Оглянулись за столиком сидит.
За столиком за дубовеньким.
Ой ли ой ли ой люли
За столиком за дубовеньким.

За столиком за дубовеньким.
С (Он) чёрнобровеньким.
Ой ли ой ли ой люли.
С (Он) чернобровеньким.

Она села посерёдке выше всех.
Наклонила головушку ниже плеч.
Ой ли ой ли ой люли.
Наклонила головушку ниже плеч.

(Из песенника Ии Реутовой, Уругвай)

Невинная Река

Всё невинная река протекла,
Да всё невинная не подачная.
Как по этой по невинной реке,
Да там плывёт, идёт судёнышко.
Да во судёнышке немножко людей,
Да по моему счёту восемь человек.
Да раздевятый кашевар кашу варил,
Да раздесятый удалой молодец.
«Уж вы хлопцы работайте мужички,
Прибивайтесь ко крутому бережку,
Ко тому то ко зелёному лужку.»
Сам он вышел на зелёный на лужок.
Он раскинул бел натуровый платок.
Он разрезал бел крупчатый калач.
Мимоходом красна девица шла.
«Раздорово удалой молодец,
Я пришла к тебе не карточки смотреть,

Я пришла к тебе по шахматки играть»
Проиграли день одиннадцать часов.
Проигрался удалой молодец.
Проиграл свои золочены часы,
Со бруслетом со серебрянным,
Проигралась красна девица душа.
Проиграла свою русую косу,
Всё со ленточкой со аленькой.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

По Реченьке

Как по реченьке плыла лодочка.
Как по реченьке плыла лодочка.
Ой да люли, люли, плыла лодочка.

А в той лодочке сидел молодец.
А в той лодочке сидел молодец.
Ой да люли, люли, сидел молодец.

Сидел молодец свет Иванушка.
Сидел молодей свет Иванушка.
Ой да люли, люли, свет Андреевич.

А по берегу то шла девица.
А по берегу то шла девица.
Ой да люли, люли, шла девица.

Погоди мне путь желанья.
Погоди мне путь желанья.
Ой да люли, люли, путь желанья.

Я взяла парня да за рученьку.
Я взяла парня да за рученьку.
Ой да люли, люли, да за правую.

Стала кудряшки чесать гладить я.
Стала кудряшки чесать гладить я.
Ой да люли, люли, чесать гладить я.

На нас все люди дивавалися.
На нас все люди дивавалися.
Ой да люли, люли, дивавалися.

Хороша пара собирается.
Хороша пара собирается.
Ой да люли, люли, собирается.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

По Погребу

Всё по погребу бочёночек катается,
Лю-ли ой лю-ли, всё катается.

Это кто-же у нас пьяный напивается,
Лю-ли ой лю-ли всё напивается.

Напивался господин всё, (Guy's Name) дворянин.
Лю-ли ой лю-ли, всё (Guy's Name) дворянин.

Он катается, валяется у (Girl's Name) во ногах.
Лю-ли ой лю-ли, всё у (Girl's Name) во ногах.

Уж ты (Girl's Name) разобуй свет (Father's Name) разобуй,
Лю-ли ой лю-ли, свет (Father's Name) разобуй.

Я бы рада разобуть, спозабыла называть,
Лю-ли ой лю-ли, спозабыла называть.

Иди выйди за ворота. Спроси добрых людей.
Лю-ли ой лю-ли, спроси добрых людей.

Как первые говорят, всё (Guy's Name) называть.
Лю-ли ой лю-ли, всё (Guy's Name) называть.

Как вторые говорят, всё (Father's Name).
Лю-ли ой лю-ли, всё (Father's Name).

Перву ноженьку разула, всё (Guy's Name) назвала.
Лю-ли ой лю-ли, всё (Guy's Name) назвала.

Втору ноженьку разула, всё (Father's Name).
Лю-ли ой лю-ли, всё (Father's Name).

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Перепёлочка

Перепёлочка, да перепёлочка,
Ой перепёлочка, да молодая.

Сполетайкася, да сполетайкася,
Ой сполетайкася да с по сенцам, сенцам.

Разбудикася, да разбудикася,
Ой разбудикася, да родну мать, отца.

У них дочь в гостях, да у них дочь в гостях,
Ой у них дочь в гостях да не надолго.

Не на век пришла, да не на век пришла,
Ой не на век пришла да годовати.

Что со годика, да что со годика,
Ой что со годика да всё на месяц.

Что со месяца, да что со месяца,
Ой что со месяца да на неделю.

Со неделюшки, да со неделюшки,
Ой со неделюшки да на денёчек.

Со денёчка то, да со денёчка то,
Ой со денёчка то да на часочик.

Со часочка то, да со часочка то,
Ой со часочка то да на минуту.

Со минутушки, да со минутушки,
Ой со минутушки да на секунду.

Со секундушки, да со секундушки,
Ой со сикундушки да расставаться.

Расставаться вам, да расставаться вам,
Ой расставаться вам да целоваться.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Ой На Ком

Ой на ком, на ком кудри русые,
Ой люли, люли, кудри русые.

По плечам лежат, ровно жар горят,
Ой люли, люли, ровно жар горят.

Ровно жар горят, развиваться хотят.
Ой люли, люли, развиваться хотят.

Развиваться хотят, молодца бранят,
Ой люли, люли, молодца бранят.

Молодца бранят, женится велят.
Ой люли, люли, женится велят.

Ты женись, женись, добрый молодец.
Ой люли, люли, добрый молодец.

Свет (Guy's Name) то (Father's Name),
Ой люли, люли, то (Father's Name).

Ты бери, бери дочь купеческу.
Ой люли, люли, дочь купеческу.

Дочь купеческу, молодеческу.
Ой люли, люли, молодеческу.

Свет (Girl's Name) то (Father's Name),
Ой люли, люли, то (Father's Name).

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Ой на ком

Ой на ком, на ком кудри русые
Ой люли, люли, кудри русые,
Ой люли, люли, кудри русые,

По плечам лежат, ровно жар горят,
Ой люли, люли, ровно жар горят,
Ой люли, люли, ровно жар горят,

Ровно жар горят, разбиться хотят,
Ой люли, люли, развиваться хотят,
Ой люли, люли, развиваться хотят,

Развиться хотят, молодца бронят,
Ой люли, люли, молодца бранят,
Ой люли, люли, молодца бранят,

Молодца бранят, женится велят,
Ой люли, люли, женится велят,

Ты женись, женись добрый молодец,
Ой люли, люли, добрый молодец.
Ой люли, люли, добрый молодец.

Всет (он) то (отчество),
Ой люли, люли, (отчество),
Ой люли, люли, (отчество),

Ты бери, бери дочь купеческу,
Ой люли, люли, дочь купеческу,
Ой люли, люли, дочь купеческу,

Дочь купеческу, молодеческу,
Ой люли, люли, молодеческу,
Ой люли, люли, молодеческу,

Свет (ана) то (отчество),
Ой люли, люли, (отчество),
Ой люли, люли, (отчество).

(Из песенника Ии Реутовой, Уругвай)

На Плоту Тали

На плоту тали,
Ой кали, ой калиновым.

Да, на плоту белым,
Ой на ду, ой на дубовым.

Да, свет (Girl's Name)-та,
Ой дары, ой дары мыла.

Да, свет (Guy's Name)-та вёл,
Вёл коня, вёл коня поить.

Да, он поил коня,
Он угла, ой углаживал.

Да, своей (Girl's Name),
Ой нака, ой наказывал.

Да, уж ты (Girl's Name),
Ой не у, ой не упади.

Да, я хоть упаду,
Я не у, я не утону.

Да, за твою ручку,
Ой спойма, ой споймаюся.

Да, за твою ручку,
Ой за пра, ой за правую.

Да, за твой перстень,
Ой мезен, ой мезенчетый.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

На Воротах Два Соколика

На воротах два соколика сидят,
Промеж собой тайны речи говорят.
Да ой ли ой лю-ли лю-ли
Промеж собой тайны речи говорят.

Промеж собой тайны речи говорят,
Добра молодца выхваливают.
Да ой ли ой лю-ли лю-ли,
Добра молодца выхваливают.

Нет ли здесь такого добра молодца,
Свет (Guy's Name)-то (Father's Name)?
Да ой ли ой лю-ли лю-ли,
Свет (Guy's Name)-то (Father's Name)?

Он из тысячи на тысячу ступал,
Он миллионами вороты отворял
Да ой ли ой лю-ли лю-ли,
Он миллионами вороты отворял.

Он миллионами вороты отворял,
Четвертными на тарелочку бросал.
Да ой ли ой лю-ли лю-ли,
Четвертными на тарелочку бросал.

Уж вы Сашки вы Машки мои,
Разменяйте-ка бумажки мои.
Да ой ли ой лю-ли лю-ли,
Разменяйте-ка бумажки мои.

У нас бумажечки новенькие,
Двадцати-пяти рублёвенькие.
Да ой ли ой лю-ли лю-ли
Двадцати-пяти рублёвенькие.

У нас бумажечки синенькие,
Здесь девчоночки красивенькие.
Да ой ли ой лю-ли лю-ли
Здесь девчоночки красивенькие.

У нас бумажечки красенькие,
Красны девушки бассенькие.
Да ой ли ой лю-ли лю-ли
Красны девушки бассенькие.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Кто У Нас Богатый

Кто у нас богатый?
Да кто у нас красивый?
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

(Guy's Name)-то богатый,
А (Girl's Name)-то красивая.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

По горенки ходит,
Да к зеркалу подходит.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

К зеркалу подходит,
Да сам себе говорит.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

Сам себе дивился,
«Да какой я уродился?»
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

На крыльцо выходит,
Да конь к нему подходит,
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

На коня садился,
Да конь под нём бодрился,
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

Он плёточкой машет,
Да конь под нём пляшет.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

Он плёточкой свищет.
Да конь дорожку ищет.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

К лугу подъезжает,
Да луга зеленеют.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

Луга зеленеют.
Да конь-то веселеет.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

К морю подъезжает.
Да море сколыхнулось.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

Море сколыхнулось.
Да рыбка стрепенулась.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

К мосту подъезжает.
Да мостик шевелится.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

Мостик шевелится.
Да конь его боится.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

К саду подъезжает.
Да садик расцветает.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

Садик расцветает.
Да духи распускает.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

К дому подъезжает.
Да маменька встречает.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

Маменька встречает,
Да за столик сажает.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

За столик сажает.
Да за столик дубовый.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

За столик дубовый,
Да пиво наливает.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

Пиво наливает.
Да мёдом угощает.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

Маменька родная,
Да я не пью хмельного.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

Я не пью хмельного,
Да пиво зеленого.
Да розан, мой розан,
Да виноград зелёный.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Ох не будите меня

Ох не будите миня маладую,
Да утрам рана на заре.

Охли ох ли да ли ох,
Да утром рана на заре.

Ох тада вы миня разбудите,
Да кагда солнце взойдёт.

Ох ли да ох ли да ох,
Кагда солнышко взойдёт.

Ох когда солнышко взойдёт,
Да ветер росу абабьёт.

Ох ли ох ли да ли ох,
Да ветер росу абабьёт.

Ох ветер росу, росу абабьёт,
Да роса на землю падёт.

Ох ли ох ли да ли ох,
Роса на землю падёт.

Ох не будите миня маладую,
Да утром на заре.

(Из песенника Ии Реутовой,
Уругвай)

Чубик бравый

Чубик бравый, да кучерявый,
Люли, бравый, да кучерявый.

У нас (Он) то неженатый.
Люли бравый, да неженатый.

На нем шляпа да сто рублева,
Люли, бравый, да сто рублева.

Во кормашке да бел платочек,
Люли, бравый, да бел платочек.

Как во этим во платочке,
Люли, бравый, да три узелочка.

Как во первом узелочке.
Люли, бравый, белила,

Чтоб (Ана) да пуше любила,
Люли, бравый, да пуше любила.

Как во второмто узелочке,
Люли, бравый, да купарос.

Чтобы (Он) да выше рос,
Люли, бравый, да выше рос,

Как во третьем то узелочке,
Люли, бравый, да золотой перстень.

Золотой перстень да ко венцу,
Люли, бравый, да ко венцу.

Ко венцу да обручица,
Люли, бравый, да обручица.

(Из песенника Ии Реутовой,
Уругвай)

Лирические песни

Калина

На берегу стоит калина,
Рядом тихая вода,
Ты скажи, скажи калина,
Как попала ты сюда.

Как то ранею весною,
Парень бравый прескакал,
Любовался долго мною,
А потом с собой забрал.

Он хотел меня калину,
Посадить в своим саду,
Не довёз и в поле бросил,
Думал что я пропаду.

Я за землю ухватилась,
Стала на ноги свои,
И на век я поселилась,
Где вода и соловьи.

Ты не гни калину ветер,
Я теперь не пропаду,
Надо мною солнце светит,
Потому я так цвету.

На берегу стоит калина,
Рядом тихая вода,
Расказала вам подружки,
Как попала я сюда.

(Из песенника Анфисы Чупровой,
Боливия)

По Дону Гуляет

По Дону гуляет,
Казак молодой.

Сидит дева плачет,
Над быстрой рекой.

О чём дева плачешь:
О чём слёзы льешь?

Но как мне не плакать?
Слёз горьких не лить?

Была я малюткой,
Во люльке спала.

На возросте стала,
К циганки пошла

Циганка ворожка,
За руку бралась.

За праву, за леву,
Смотрела в глаза.

Погибнешь ты дева,
В день свадьбы своей.

Жених твой богатый,
Он выстроит мост.

Мост длинный широкий
На тысячу верст.

Поставит он стражу
На каждой версте.

Вот тронется поезд
И рухнется мост.

Не верь, дорогая,
Не верь никому.

Не верь ты цыганке.
Цыганки всё врут.

Поехали венчаться
И рухнулся мост.

Невеста упала
В быстру реку.

Упала кричала
Подайте мне лодку!

Подайте мне лодку
Я на берег спыву.

Подайте гитару.
Я песню спою.

Циганку прославлю
За правду её.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

В развесёлю Погоду

В развесёлю погоду,
Я каталась на коне.

Разхорошенький мальчишка,
Приходил тот час ко мне.

Шли мы садом, шёл он рядом,
Про любовь всё говорил.

А я слушала молчала,
И всё дальше, дальше шли.

В незнакомую аллею,
Я не помню как зашли.

Он упал передо мною,
И сказал, «люблю тебя.»

Посмотри милый на небо,
Светят звезды и луна.

Если люди нас увидят,
То и будет нам беда.

Что нам люди, что нам добры,
Если я люблю тебя.

Прихожу домой я поздно,
И ложусь спать одна.

А на утро мама будет,
«Вставай дочьенка родна.

Вставай дочка, вставай милая,
Я просватала тебя.

Я просватала тебя,
Да за богатого купца.

За богатого купца,
Да за седого старика.

А седого старика то,
Я до смерти не люблю.

А мальчишку молодого,
Я забыть всё не могу.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Прощайте Локаны Витые

Прощайте локаны витые,
Прощайте русы волоса.
Прощайте глазки голубые,
Да не увидать мне больше вас.

Твоих друзей я здесь увижу,
Но не увижу я тебя.
Твой голос больше не услышу,
Не донесёт мне волна.

Она к нему на грудь упала,
И всё шептала, «Не забудь»,
И слёзы горьки проливала,
На разволнованную грудь.

Даю кольцо тебе в руки,
Скажу прощай мой дорогой,
Ты сохрани его в разлуке
И привези его домой.

Скажи, скажи когда вернешься –
Скажи когда мне тебя ждать,
А сердце что-то предвещает,
Наверно больше не увидать.

Не мог он ей полюбоваться,
Не мог с груди её отнять,
Но пришло время расставаться,
Последний раз поцеловал.

Она сидит и слезно плачет,
И часто смотрит на часы.
Часы считать, минутам верить,
Я научусь в разлуке жить.

Когда ты будешь на чужбине,
Тогда ты вспомнишь про меня,
И в эту горькую минуту,
Молиться буду за тебя.

Услышит бог моё моленье,
Опять вернёшься ты назад.
Опять пойдём мы в воскресенье,
С тобой в зелёный сад гулять.

В зелёном садике прекрасном,
И на возвышенном холме,
И при заре счастливой, ясной,
Склонялся ты на грудь мне.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Маша

Ой, да ходит Маша
Маша по садочку.
Ой, да щиплет травку
Разные цветочки.

Ой, да Маша цвету
Цвету ненарвала,
Ой, да соловейку
Она распужала.

Ой, да соловейка
А ты сизокрылый
Ой, да не видал-ли
Где живёт мой милый?

Ой, милый хороший
На зелёной горке,
Где солнце сияет
Пташки распевают.

Ой, да как бы, как бы,
С милым повидаться.
Ой, да как бы, как бы,
С милым распрощаться.

Ой, да ходит Маша,
Маша по садочку.
Ой, да щиплет травку,
Разные цветочки.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Роза

Я встретил розу, ана цвела,
И ароматом была полна.
Я ету розу сорвать готов,
Но побоялся её шыпов.

А утром рана я в сад вошёл,
Но етой розы я не нашол.
Ой роза, роза, я закричал,
Зачем тебя я, да не сорвал.

Я побоялся шипов твоих,
Теперь ты роза в руках чюжых.
Сорвали розу помяли цвет,
А этот этой розе семнадцать лет.

Ой парни, парни, мой вам совет,
Не рвите розу в семнадцать лет.
Розы прекрасны, розы нежны,
И эти розы нам всем нужны.

Я встретил розу, ана цвела,
И араматом была полна.
Я ету розу сорвать готов,
Но побоялся её шыпов.

(Из песенника Ии Реутовой, Уругвай)

Я еще не жила

Этой ночью песни мне пел летний теплый вечер
На вопросы все мои он мне ответил
Как любила и с кем проводила дни и ночи
Позабуду о том, что хотела сделать очень

Ой-да я еще не жила и не любила
Ой-да я еще не ждала и тебя не просила
Я еще не все песни спела и слова не сложила
Я еще не жила

Если хочешь, стану звездою в темном небе
Если хочешь, стану рекой лишь бы ты поверил
Что я заново жизнь свою первую начинаю
Может быть и тебя в ней я вскоре повстречаю

Ой-да я еще не жила и не любила
Ой-да я еще не ждала и не просила
Я еще не все песни спела и слова не сложила
Я еще не жила
(Я еще не жила не любила)

Ой-да я еще не жила и не любила
Ой-да я еще не ждала и тебя не просила
Я еще не все песни спела и слова не сложила
Я еще не жила

Ой-да я еще не жила и не любила
Ой-да я еще не ждала и тебя не просила
Я еще не все песни спела и слова не сложила
Я еще не жила
Я еще не жила
Не жила
Я еще не жила

(Из песенника Татьяны Реутовой, Бразилия)

Палынь трава

Палынь трава палынь трава
Ты горесть горькая моя
Как па тебе палынь трава (2)
Ушол мой мйлый на всегда

Он нежна мне сматрел вглаза
Шептал заветные слова
Так почему палынь трава (2)
Забыл любовь забыл меня

Умолклй в рощй салавъй
Завялй травы й цветы
Но я всё жду палынь трава (2)
Што он варотйтся суда

(Из песенника Татьяны Реутовой, Бразилия)

Брови

А ты не вейся, пташка, ды не надо мною
не кружись,
А ты мне вернаю да только службу сослужи,
2х Слетай в тот край, где рощи да дубровы,
Ой, там живет девчонка- черны брови.
А брови, ох уж эти брови-угольки,
Ах, бедына-а-ё моё сердечко, брови,
рвется от тоски.

Ай, моё сердце бедное, ты пташка пожалей,
Ох, легкокрылая, слетай к милашке поскорей.
2х Ты передай ей мой привет да ласку,
Да про любовь поведай синим глазкам

А глазки, ох уж эти глазки- синева,
Ах, бедына-а-ё моё сердечко, глазки,
Вы свели с ума.

А ты вспорхни-ка пташка в светлу горенку
да к ней,
Пораспроси-ка, помнит ли сударка обо мне.
2х А как на землю ночью лягут росы,
Ты её вплети мой голос лентой в косы.

Ах косы, ох, уж эти косы до земли,
Ах, бедына-а-ё моё сердечко косы, косы оплети.
А брови, ох уж эти брови- угольки,
Ах, бедына-а-ё моё сердечко, брови,
рвется от тоски.

А глазки, ох уж эти глазки- синева,
Ах, бедына-а-ё моё сердечко, глазки,
Вы свели с ума.
Ах косы, ох, уж эти косы до земли,
Ах, бедына-а-ё моё сердечко косы, косы оплети.

(Из песенника Татьяны Реутовой, Бразилия)

Городские романсы

Когда Было Мне Лет Пятнадцать

Когда было мне лет пятнадцать,
Я не любила никого;
И вот исполнилось семнадцать,
Я сполюбила одного.
И тайно я его любила,
И тайно он ко мне ходил –
И счастье вместе с ним делили,
Но один враг нас разлучил.

Его мамаша не схотела,
Чтоб наше счастье совершить,
И сыну строго приказала,
Чтоб про, меня, бедну, забыть.

Но сын не вынес этой муки,
Он слег в постель и заболел,
И перед самою кончиной,
Позвал он мать и ей велел.

«Позволь, позволь ты нам мамаша,
Чтоб наше счастье совершить.
И если раз её увижу –
То я ещё смогу прожить.»

И тут его похоронили –
Горела тусклая свеча.
И между чёрными крестами –
Там пробиралась это я.

Я нашла его могилу
И тихо, тихо подошла,
И низко голову склонила.
И на могиле обмерла.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Какой Мальчишка Был Забавный

Какой мальчишка был забавный –
Какие забавные глаза,

Какие волосы волнистые –
Волнуют сердце у меня.

Зайду я в спаленку холодную –
И лягу спать я там одна.

Возьму флакон одеколону,
Сама я брызну на себя.

Часов в двенадцать тёмной ночки,
Заходит маменька родна;

Берёт холодненькие ручки,
Скричала, «Дочка умерла!»

Папаша с маменькой рыдают,
Подружки платье мне шьют.

Мил гармошку заиграет,
Меня поднимут, понесут.

Подносили гроб ко церкве (церква),
И растворились ворота.

Установили гроб на землю,
И затряслась вся земля.

Отчего земля тряслась?
Что от любви я умерла.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Как В Нашей Деревушке

Как в нашей деревушке,
В развесёлый жаркий день,

Лет семнадцати мальчишка,
Не женатый, холостой,

Вот задумал он жениться,
И не знал кого спросить.

Его люди научили,
«Спроси мать, спроси отца.

Подойди к отцу поближе,
Скинь фуражку, поклонись.»

«Позволь, тятя, позволь, мама,
По любви мне жену взять.»

Отец сыну не поверил,
Что на свете есть любовь.

«Как и в море рыбы много,
Можно каждую ловить.

Как на свете девок много,
Можно каждую любить.»

Отвернулся сын, заплакал,
Отцу слово не сказал.

Взял он саблю, взял он острую,
И пошел он в сад гулять.

И пошёл по той тропинке,
Где с Таничкой гулял.

Вынул золотое колечко,
Стал Таню вспоминать.

Вынул беленький платочек,
Стал он слёзы вытерать.

Вынул саблю, вынул острую,
И зарезал сам себя.

Полилась кровь горячая,
По белому рукаву.

Покатилась головка,
По зелёному лужку.

Как в нашей деревушке,
В развесёлый, жаркий день.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Вспомни, Милый

Вспомни, милый, как ты клялся
Когда знакомился со мной.
Каким ты ангелом казался,
А теперь изменник мой.

Увлёк, увлёк меня младую,
И как малютку вдаль манил.
Увлёк, увлёк ты для забавы,
А сам другую полюбил.

Пускай другая тебя любит,
Пускай владеет она тобой.
Другая любить так не сумеет,
Как я любила, милый мой.

Богачка золотом займётся,
Она забудет про тебя.
Но если в жизни, что коснётся,
Тогда ты вспомнишь про меня.

Когда ты вспомнишь про меня,
Живой уж нет, скончалась я.
Там жёстко спать, но нет измены,
Там нет коварных, злых мужчин.

Счастливой буду, замуж выйду,
Тебя на свадьбу приглашу.
Ох рада буду, сын родится,
Твоим я именем назову.

Дочь родится, любить не буду,
Своим я именем назову.
Дочка выростит, большая,
И выйдет в садик погулять.

И завлекут её ребята,
Как завлекали раньше мать.
Но если замуж я не выйду,
То закажите чёрный гроб.

На гробной крышке напишите,
На чём кончалась любовь.
Гроб дубовый, крест терновый,
Со мной на кладбище пойдёт.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Вот Вечер Вечереет

Вот вечер вечереет,
Все с фабрики идут.
Маруся отравилась,
В больницу повезут.

В больницу привозили,
И клали на кровать.
Два доктора с сестрицей,
Старались жизнь спасать.

Спасайте, не спасайте,
Мне жизнь не дорога.
Я милого любила,
Такого подлеца!

Пришли её подружки,
Хотели навестить.
А доктор отвечает,
«Без памяти лежит.»

Пришла её мамаша,
Хотела навестить.
А доктор отвечает,
Что при смерти лежит.

Пришёл ее друг любимый,
Хотел он навестить.
А доктор отвечает,
«В часовенке лежит.»

Ходил милый в часовню,
Там черный гроб стоит.
А в этом черном гробе,
Марусенька лежит.

«Маруся, ты Маруся,
Открой свои глаза.
А если не откроешь,
Умру с тобой и я.

Маруся, ты Маруся,
Открой свои глаза.»
А сторож отвечает,
«Давно уж померла.»

Вот вечер вечереет,
Колышется трава.
Маруся отравилась,
Маруся померла.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Невинная Жертва

Невинная жертва, так дорога ты,
За ласки свои заплотила.
За то, незнала людской суеты,
Безумно его сполюбила.

А он же изменщик, коварный такой,
Усыпал младенца словами.
Хотел он её сделать подложной женой.
Но шутка то вышла опасна.

Пытки умолкли, погасла любовь,
Девица ему надоела.
Как грязную тряпку, негодную вещь,
Бросает её он на веки.

Вернулась девица в родительский дом,
В родительский дом с покоянием.
Отец её выгнал а мать прокляла,
И стала та жертва страданьем.

Я видел видение в ту ночь на мосту.
Девица там шла торопливо,
В глазах у ней слёзы, урядна лицом,
Кругом озираясь пугливо.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Моряки Вы Моряки

Моряки вы моряки,
Аленькие губки,
Вы возьмите меня с собой,
Я поеду в одной юбке.

Если хочешь то садись,
Поедешь со мною.
Я на платье тебе дам
Назову женою.

Иди попроси
Уу матери совета
Что ты едешь с моряком
На край бел света.

Мать совета не даёт.
Брось-ка дочь матроса.
Матрос замуж не берёт,
Только надсмеётся.

Не послушала она
Матери совета
И уехала с моряком
На край бел света.

Живёт годик, живёт два,
Горечка не знает
Как по маменьки родной
День и ночь скучает.

На четвёртый-то годок
Дочь идёт уныло
На руках онанесёт
Матросёнка сына.

Прими маменька родна,
Семейка не большая.
Матросёнок будет звать
Бабушка родная.

Ты уйди распутна дочь,
С кем совет имела
Ты совета моего
Слушать не хотела.

Пойдём, пойдём милый сын.
Здесь нас не примают
Синее море глубокое
Там нас ожидает.

Раступисько, синее море,
На две половины
Ты возьми меня с собой
С матросёнком сыном.

Раступилось синее море
На две половины
И взяло её с собой
С матросёнком сыном.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Любовь Все Знают Хорошо

Любовь все знают хорошо.
Она изменчива бывает.
И в частых случаях она,
У многих счастье отнимает.

Я вам картину расскажу.
Своими видел я глазами.
Судили девицу одну,
Она млода была годами.

Когда начаться должен суд
Весь зал наполнен был народом.
И судьи сели все вокруг
Конвойны дали ей дорогу.

Она просила говорить.
И судьи ей не отказали.
Когда закончила она,
Весь зал наполнен был слезами.

Смотрите всем я хороша.
Мой зор и охлаждён годами.
И чувства в нём моя душа,
Она открыта перед нами.

В каком то не понятном сне.
Он облодал без умец мною.
И тиха вокрался в душу мне,
Любовь коварную змею.

И всё боролася я с ней.
Но чувства облодали мною.
И я невыплакав очей,
Но шла той узкою тропою.

Свой стыд и девичий позор.
Я на душе своей сносила.
Порой ходила воровать,
Ох судья я его любила.

Среди товарищей своих.
Он издевался надо мною.
Он гнал и призерал меня,
И горда хвастал он другою.

И всё страдала я одна.
Тогда я мстить ему решила.
Вонзила в грудь ему кинжал,
Ох я вас судья ненавижу.

Её просили говорить.
Но говорила она не вольно.
Судите судья поскорей,
А то так уж сердце больно.

И закончилась она.
Последний стон в груди раздался.
А приговор в руках судьи,
Так недочитанный остался.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Любила Меня Мать

Любила меня мать, уважала
Что я ненаглядная дочь.

А дочь с офицером убежала
В осеннюю тёмную ночь.

Бежали мы лесом дремучим.
Бежали мы рощей густой.

Беглянская жизнь мне надоела
И вспоминаю я родную мать.

И вспомню цветы голубые
Любила я их поливать.

И вспомню я сады, орогоды.
И вспомню я сад городской.

И вспомню я милого речи.
Зальюсь я горячей слезой.

Сегодня друзья приходите.
Я буду с вами петь и гулять.

Завтра друзья приходите.
Я буду в комнате лежать.

Пожалуйста меня не осудите.
Заройте меня в тишине.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Сиротские песни

Раскрасивая Аннюта

Сиротску жизнь произвела.
Красотой была прекрасна,

Раскрасивая Аннюта,
Красивше всех подруг была.

Колюша, мальчик разудалый,
Он стал ухаживать за ней.

Отец и мать Колю ругали,
«Зачем Аннюту полюбил?»

Отца и мать Коля не слушал,
Сказал, «В Аннюте жизнь моя.»

Однажды в садике гуляли,
Коля выспрашивал у ней.

«Ты расскажи, моя Аннюта,
В кого красивая взросла.»

«В покойну маменьку родиму,
Двенадцать лет как умерла.»

«Ты расскажи, моя Аннюта,
Где похоронина она.»

«По той тропинке, на кладбище,
Травой могила заросла.»

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

На Развальных Саночках

Как на развальных саночках,
Сидит мужичок.

Он лошадку подгоняет,
Кричит на неё.

«Ты беги, беги лошадка,
По дорожки вдаль.»

Как на этой дорожке,
Большой дом стоит.

Как во этом большом доме,
Лампада горит.

Как под этой лампадой,
Чёрный гроб стоит.

Как во этом чёрном гробе,
Женщина лежит.

Она с горя и с работы,
Она умерла.

А муж с горя и с печали,
Забыл про детей.

Дети плачут есть пить просят,
Вспоминают мать.

Не придёт ли наша мама?
Не накормит вас?

Не накормит, не напоит,
Не уложит спать.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Тюремные песни

Как по нашему селенью
Колокольчик прогремел.

Там ходил, гулял бродяга,
Бездомовый человек.

А навстречу переписчик,
Переписывал бродяг.

Ты скажи, скажи бродяга,
Из которой ты тюрьмы?

Из тюрьмы я Ленинграда,
Год двенадцатый сижу.

Год двенадцатый проходит.
Я в окошечко гляжу.

Час двенадцатый пробил.
К нам дежурный приходил.

Приносил он пайку хлеба,
Не большую чашку щей.

А во щях одна капуста,
И та чёрна как смола.

Как под этой, под капустой
Плывёт стая червяков.

Бросил ложку, сам заплакал,
Стал он хлеб свой доедать.

Арестант же не собака.
Он такой же человек.

Кто по множеству ворует,
Тот с начальством пополам.

А мы маленьки воришки
Проподаем по тюрьмам.

Как по нашему селенью
Колокольчик прогремел.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Солдатские и военные песни

Вот Мчится Поезд

Вот мчится поезд громыхая,
Сибирской дальней стороной.

В вагонах песни распевая,
Спешат солдатики домой.

Один солдат был невеселый,
Парень с курчавой головой.

И он запел про кари очи,
Про очи девицы одной.

Когда-то я любил девчонку,
Любил, ухаживал за ней.

Когда на фронт я собирался,
Она слезами улилась.

А теперь меня забыла,
За брата взамуж собралась.

Пройдут года и будут дети,
И будут дядей меня звать.

И не будут знать, что ихний дядя
Любил когда-то ихну мать.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Берёзки На Ветру

(по мотивам песни «В лесу прифронтовом» композитора М. Блантера на стихи М. Исаковского, 1943 г.)

Горит фонарь в землянук тих,
Холодный воздух чист.
Достал гармонь и заиграл,
Весёлый гарманист.

Он лучше всех играл в полку,
Не парень, а огонь.
Летали пальцы по ладям,
И пела нам гормонь.

Сперва один потом другой,
Закрыл лицо рукой.
И каждый спомнит дом родной,
И месяц над рекой.

Далёкий дом, старушку мать,
Невесту и сестру.
И каждый спомнит как шумят,
Берёзки на ветру.

Стоит фонарь в землянке тих,
Холодный воздух чист.
За песню славную тебе,
Спасибо гармонист.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Песьня пра зою

Ветер дарогу за вюжыл
Скрылась за тучю луна
Лесом дремучйм зимняю стужай (2)
Шла партизанка одна

Шла она лесом дремучим
Сердца обйды врагу
Тиха шумелй тёмные елй (2)
Прячя следы на снегу

Вот й деревня за щящяй
Скора апаснасть блиска
Тёмнаю тенью девушкй нашей (2)
Тянется вражья рука

Солнце снега осветила
Зою услышал народ
Голос сйзоин верность й сила (2)
Верю я сталин прйидеть

Вынесла все партизанка
Пыткй фашыстких зверей
Вместа расправы шла с пазараняй (2)
Плакалй людй а ней

Знамя победы радные
Мы над ачйн над несём
Вынем ка знамя песню а зой (20
Паметь о ней збережом

(Из песенника Татьяны Реутовой, Бразилия)

Меж крутых бережков

Меж крутых бережков
Волга речка течёт
А по ней па волнам (2)
Лехка лодка плывет

Вней сидел молодец
Шапка скйстью на нём
Он сверёвкай в руках (2)
Волны резал вислом

Он ка бережку плыл
Лодку в мйг прйвезал
Сам на берег зашол
Соловьём прасвистал

А на береге том
Высок терем стоял
Внём красотка жыла (2)
Он йё вызывал

Адинока она
Растварила акно
Молодца принела (2)
Па верёвкй в акно

Й всю ночь пировал
С ненаглядной душой
Утром рано зарёй (2)
Возвращялся дамой

Муж красавицы был
Воевода лйхой
Молодца повстречял (2)
Он всаду над рекой

Долго бились онй
На крутом берегу
Не хотел уступать (2)
Воевода врагу

Но последний удар
Йм судьбу перешыл
Й конец йх борьбе (2)
На всегда уложыл

Волга волны свой
Молодца принела
По реке по волнам (2)
Шапка скйстью плыла

(Из песенника Татьяны Реутовой, Бразилия)

Авторские песни

Звёзды На Небе
(вариант романса на слова Е. Дитерихс «Снился мне сад в подвенечном уборе», начало XX в.)

Снился мне сад в подвеечном уборе,
В этом саду мы с тобою вдвоем
Звёзды на небе, звёзды на море,
Звёзды и в небе моём.

Листьев ли шепот иль ветра порывы:
Чуткой душою я жадно ловлю.
Взоры глубоки, уста молчаливы:
Милый, о милый, люблю.

Тени ночные плывут на просторе,
Счастье и радость разлиты кругом.
Звёзды на небе, звёзды на море,
Звёзды и в небе моём.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Зачем Сидишь До Полночи
(вариант романса «Ожидание»
на слова С. Стромилова, 1839 г.)

За чем сидишь до полночи,
У растворёного окна.
Кого ты ждёшь, о ком страдаешь,
Скажи в кого ты влюблена.

А что вам знать о ком я страдаю,
А что вам знать кого люблю.

Кого люблю вам неизвестно,
А о ком страдаю не скажу.

За чем вечернею порою,
Выходишь поздно на крыльцо.

Твоей горячею слезою,
Смываешь белое лицо.

Твоя слеза на ручку карнит,
И распоётся кольцо.

Твоё кольцо лежит в коробке,
О нём и сердце не болит.

А расхорошенький мальчишечка,
В высоком тереме сидит.

(Из песенника Анфисы Чупровой,
Боливия)

За Окошком Свету Мало
(вариант песни «За окошком свету мало»
на слова К. Ваншенкина, 1964 г.)

За окошком свету мало,
Белый снег валит, валит,
А мне мама, а мне мама,
Целоваться не велит.

Говорит, «Не плачь, забудешь.»
Хочет мама пригрозить.
Говорит, «Кататься любишь?
Люби и саночки возить!»

И ничуть я не рыскую,
Как вокруг я пригляжу;
Уж давно я не катаюсь,
Только саночки вожу.

За окошком свету мало,
А в снегу лежат дворы;
А мне, мама, лет не мало,
Миновало с той поры.

За окошком свету мало,
Белый свет валит, валит;
И опять кому-то мама,
Целоваться не велит.

(Из песенника Анфисы Чупровой,
Боливия)

Во Зелёном, Во Садочке
(вариант песни «Ландыш»
на слова Д. Абуткова, 50-е гг. XX в.)

Во зелёном, во садочке,
Я гуляла вечерком.
Статный парень, чей не знаю,
Подошёл ко мне со смехом.
Подошёл, подошёл,
Подошёл ко мне со смехом.

Подошёл ко мне не смело,
Вдруг со мной заговорил.
И серебристый ландыш, белый,
Мне с улыбкой подарил.
Подарил, подарил,
Мне с улыбкой подарил.

Серебристый колокольчик,
Долго, долго берегла.
Золотые кудри парня,
Позабыть я не могла.
Не могла, не могла,
Позабыть я не могла.

Время шло, засох цветочек,
Тот, что долго берегла.
А любовь в моём сердечке,
Словно ландыш расцвела.
Расцвела, расцвела,
Словно ландыш расцвела.

Паренька я полюбила,
За его приятный взгляд.
Или сердце в том могила.
Или ландыш виноват.
Виноват, виноват,
Ох, видно ландыш виноват.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Романс

(романс «Отойди, не гляди» на слова А. Бешенцова, 1858 г.)

Отойди, не гляди,
Скройся с глаз ты моих;
Сердце ноет в груди,
Нету сил никаких.
Отойди, отойди!
Мне блаженства с тобой
Не дадут, не дадут;
А тебя с красотой
Продадут, продадут.
Отойди, отойди!
Для меня ли твоя
Красота – посуди.
Денег нет у меня,
Один крест на груди.
Отойди, отойди!
Иль играть хочешь ты
Моёй львиной душой
И всю мощь красоты
Испытать надо мной?
Отойди, отойди!
Нет! с ума я сойду,
Обожая тебя,
Не ручаюсь, убью
И тебя, и себя,
Отойди, отойди!

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Ой Васильки

(по мотивам стихотворения А.Н. Апухтина «Сумасшедший», 1890 г.)

Ой васильки, васильки,
Много пестреет вас в поле.
Часто у этой реки,
Их собирали для Оли.

Ох, Оля любила реку,
Часто ею любовалась.
Даже до самой ночи,
С милым на лодке каталась.

Оля сорвёт василёк,
Низко голову наклонет.
«Вова, смотри, василёк
Мой плывёт, не утонет.»

Однажды гуляли в саду,
Он пригласил прокатится.
Оля согласна была.
Он подсобил ей садится.

Вова её за ручку взял,
В глазки смотрел, голубые:
И без конца целовал,
Бледные щёки, худые.

Я ли тебя не любил?
Я ли тобой не гордился?
След твоих ног целовал,
Чуть на тебя не молился.

Оля сидела в носу,
Венчик плела, васильковый.
Вова смотрел ей в глаза,
Взгляд её был не весёлый.

Вова тут вынул кинжал,
Низко над Олей склонился.
Оля закрыла глаза,
Венчик из рук опустился.

По лесу ветер шумит,
Лодочку тихо колышет.
Стон её нежный звучал,
Оля со светом прощалась.

На утро пришли рыбаки,
Олю нашли у залива.
Надпись была на груди,
«Олю любовь погубила.»

Ой рыбаки, рыбаки,
Зачем вы всю тайну открыли?
Где вы нашли этот труп,
Там бы его и зарыли.

Оля лежит на столе,
Олины кудри не вьются.
Много красивых ребят,
Тихо у гроба толкутся.

Оля любила реку,
Больше она уж не любит.
Оленьки больше уж нет,
Оленьки больше не будет.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Шуточные песни

Самолёт Летит

Самолёт летит.
Да крылья тёрлися.
Да вас никто не звал
Да вы припёрлися.
Ох тай ри тай та ри та тай ри тай
Да вас никто не звал
Да вы припёрлися.

Самолёт летит
Да всё кругом, кругом.
Да мне понравился
Да с золотым зубом.
Ох тай ри тай та ри та тай ри тай
Да мне понравился
Да с золотым зубом.

С золотым зубом
Да мне не парочка.
Он крестьянский сын
Я пролетарочка.
Ох тай ри тай та ри та тай ри тай
Он крестьянский сын
Я пролетарочка.

Не стой на льду
Да лёд провалится.
Да не люби вора;
Да вор поймается.
Ох тай ри тай та ри та тай ри тай
Да люби вора,
Да вор поймается.

Вор поймается
Ты будешь каяться,
Да передачу носить
Да не понравится.
Ох тай ри тай та ри та тай ри тай
Передачу носить
Да не понравится.

Ох снег будет
Да и мороз будет.
Да где ж мой миленький
Да ночевать будет?
Ох тай ри тай та ри та тай ри тай
Да где ж мой миленький
Да ночевать будет?

Он под ёлочкой,
Да под сосёночкой
Да со молоденькой,
Да со девчёночкой.
Ох тай ри тай та ри та тай ри тай
Да со молоденькой,
Да со девчёночкой.

Со молоденькой,
Да со девчёночкой,
Да чей же сарафан
Да балаган будет.
Ох тай ри тай та ри та тай ри тай
Да чей же сарафан
Да балаган будет

Гора, гора
Гора уютная.
Да у ребят любовь
Пяти минутная.
Ох тай ри тай та ри та тай ри тай
Да у ребят любовь
Пяти минутная.

Гора, гора
Гора кирпичная.
Да у девчат любовь
Пяти годичная.
Ох тай ри тай та ри та тай ри тай
Да у девчат любовь
Пяти годичная.

Гора, гора
Да под горой ручей.
Да целовал меня
Сама не знаю чей.
Ох тай ри тай та ри та тай ри тай
Да целовал меня
Сама не знаю чей.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Тёща

Ох ребята я влюбился, рас в красавицу одну,
Долга думал и решился, и привёл домой жену,
*ох садь ты мой садь, зелёная роща,
Я привёл домой жену, а занею тёщя.

Я хачу жену обнять, а ана счесьняется,
И за двери её мать, падглидеть сторается.
*ох садь ты мой садь, зелёная роща,
Но когда же выйдет замуж, молодая тёщя.

Я прошу ради мне сына, а ана мне неспешит,
Я ражу тебе ходь в двойных, если мама разришит,
*ох садь ты мой садь, зелёная роща,
Хто же в етом виноват, жена или тёщя.

Я принёс домой палучку, отдаю её жене,
Но а тёщя я хозяйка, отдовайте деньги мне,
*ох садь ты мой садь, зелёная роща,
Непойму кто мне жена, жена или тёщя.

На меня кречят вдвоём, если пра венился,
Ох зачемже на вдвоих, сразу я женился,
*ох садь ты мой садь, зелёная роща,
Дачево мне надаели, и жена и тёщя.

(Из песенника Татьяны Реутовой, Бразилия)

ЧАСТУШКИ

Запивай моя подруга

Запивай моя подруга,
Я люблю как ты поёшь.
Про любовь только не надо,
Моё сердце не тревож.
Ой доля раз додоля раз додоля доля ля.

Мы с подрушкой баевые, баевые
Только две мы не где не подкачаем.
Не в работе, не в труде.
Ой доля раз додоля раз додоля доля ля.

У меня мелёнок лысый,
Не куда же его деть.
Если зеркало не будет,
Будем на лысену глядеть.
Ой доля раз додоля раз додоля доля ля.

Ох, топнула,
Юбка лопнула.
Дайте юбку подвязать,
Я еще пойду плясать.
Ой доля раз додоля раз додоля доля ля.

А я маленькая,
Да окуратная.
А что есть на мне,
Престаёт ко мне.
Ой доля раз додоля раз додоля доля ля.

Меня мелёнок проводил,
До калитки до ворот.
Я думала подцелует,
Он стоит разинул рот.
Ой доля раз додоля раз додоля доля ля.

Говорят что я мала,
Я мала да удала.
А я самого высокого,
До слёз довела,
Ой доля раз додоля раз додоля доля ля.

Ко мне милый подошёл,
Просит познакомится.
У него то разговоры,
У нас корова доится.
Ой доля раз додоля раз додоля доля ля.

(Из песенника Анфисы Чупровой, Боливия)

Миня сватали сваты,
На серой кобыли.
Всё приданое забрали,
А миня забыли.

Приизжали кнам сваты,
На белай кобыли,
Всё приданое забрали,
Но жениха забыли.

Вы ребята азеята,
Сами сибя губите.
Вы по меньше выброжайте,
Милее будите.

Меня милый не целует.
Гаварит потом, потом.
Я иду мима а он,
На печке транируется с котом.

Ох милая моя,
Милка ласковая.
Все конфеты из корманов,
Повытаскивала.

Меня маменька касматая,
Ты зачем меня рана просватала.
Все подружки запели,
Я заплакала.

Мы шли с сестрой,
И я махнула рукой.
Гаварю што бабушке махала,
Сама деда завликала.
А дед в это время,
Бабушку бранил.
На меня внимание не обратил.

Мой милёнак как тилёнак.
Толька разница адна
Мой милёнак пьёт какао.
А тилёнак никогда.

Я иду по берегу,
Берег осыпается.
Я безубого люблю,
Лучше не кусается.

Говорят что я гордая,
Это верно ето да,
Свою гордость потребляю,
Зная скем где и когда.

Все подружки
Шьют падушки а я одеяла
Все подружки вышли в замуж
А я прозевала

Все подружки шьют падушки,
А я кружева вижу.
Все подружки вышли в замуж
А я в девушках сижу.

Я любила, ты отбила,
Как тебе не стыдна.
Потеряла я любовь,
Думаеш не абидна.

Я не узнаю как у вас,
А унас в Италий.
Девки в двери не проходют,
Иза уской талий.

Унас в Россий,
Ребята знают.
Скем знакомица.
У кого куры несуца и коровы дояца.

Дорогой милый мой.
Увази миня с собой.
В те далёкия края,
Где буду счастливая я.

В агради барана зажарют,
Я баранину хачю.
Если к Осени не женят,
Я и печку сворочю.

Мне тридцать лет а мужа нет,
Всем я надоела.
Буду петь танцевать,
Каму какое дела

Мы девчата боевые
В девках не останемся
Ну и горе тому будет
Кому мы достанимся.

Милый брось милый брось.
Я давно желаю брось.
Ты бы бросил, я была бы рада,
Полюбила тогда кого нада.

Ох милая мая
Милка ласковая
Все конфеты из карманов
Повытаскивала.

Я снезнакомаю Клаваю
Вдоль по речке плаваю
А причалить не магу
Муж с палкой на берегу.

Дорогая мая тёща,
Молока стакан налей.
Не ужели я не стою,
Рыжей дочери твоей.

Ох подружка мая,
Чтоже ты наделала.
Я любила ты отбила,
Я бы так не сделала.

(Из песенника Ии Реутовой,
Уругвай)

У Алёши Кари Очи

У Алёши кари очи
С балалайкай ходит ночу
Балалайка заиграет, балалайка загримит
На меня Алёша з глянит
Моё сердца заболит
*2- туна тура туна тура туна та туна та

У меня тятя с мамай ловки
Меня дёржут на верёвки
Я верёвку раз вежу
Да я к милёнку убежу
*2- туна тура туна тура туна та туна та

Меня тятенька жалеет
А мамаша меня нежит
Как я с улицы приду
К варасину дёржит
*2- туна тура туна тура туна та туна та

Меня мама непускает
На ночь двери закрывает
Вот кака я аказия
Да я в окошко лазела
*2- туна тура туна тура туна та туна та

Я рибинушку ламала
На рибинушки мороз
Пусть сама я некрасива
Зато милай мой хорош
*2- туна тура туна тура туна та туна та
У Алёши кари очи
С балалайкай ходит ночу
Балалайка заиграет, балалайка загримит
На меня Алёша з глянет
Моё сердца заболит
*2- туна тура туна тура туна та туна та.

(Из песенника Татьяны Реутовой,
Бразилия)

Ёлочки Маталочки

Ёлочки маталочки просил я у Наталочки
Просил я у Наталочки колечка понасит
Вот тебе на тебе не скажу я матери
Не скажу я матери не скажу отцу

Топитца топитца в агороди баня
Женитца женитца мой мелёнок Ваня
Не топись не топись в агороди баня
Не женись не женись мой Мелёнок Ваня

Из под каминь каминь каминь ручею течёт
Из под, ручьи ручьи ручьи молодость едёт
Лай-ла-ла ех ха-ха-ха
Если любишь пацелуешь милая моя

В роши моей пель соловей
Спать не давал он тёшьи моей
Я из ружья убью соловья
Спи спокойна тёшья моя

Ёлочки маталочки просил я у Наталочки
Просил я у Наталочки колечкя понасить
Вот тебе на тебе не скажу я матери
Не скажу я матери не скажу отцу.

(Из песенника Татьяны Реутовой,
Бразилия)

Фрагмент песенника Абрама Калугина (Бразилия)

Не плетутся кружева (про стенкю)

Как па саду гарадскому
Мймо рубленых харом
Каждый вечер ходйт стенкя (2)
Прйнаряжаный купцом

Ходйт стенкя песнь заводйт
Не скупйтся на слава
У алёны сердце нойт (2)
Не плетутся кружева

А муж сйдйт в рйду гастйнам
За алтынам щет вйдет
А жена ево алёна (2)
Тонкй кружева плетёт

Плоха спйтца маладйце
Й на ум не йдёт ей сон
Заскрйпелй палавйце (2)
Не ужелй ета он

Не успела ах прамолвйть
Хтото заруку берёт
Гарйчё в уста целует (2)
Кретйвому сердцу жмёт

Што ты делаеш разбойнйк
Муж услышет закрйчйт
Закрйчйт дак жыв не будет (2)
Пушай лучьше помолчйт

Ах алёна дарагая
Штоб вадйть тебя в обман
Не купетска сакля вольнай (2)
Стенькя разйн атаман

Травушка памята

Травушка памятая клйвйрок пряймят
Я лй вйновата ты лй вйноват
Я лй вйновата ох я лй вйноватая
Ты ох ты лй ты лй вйноват

Гаварйл мне тонйчка нежна в поле вёл
А патом тйхонйчькя всторану ушол
А патом тйхонйчькя а патом тйхонйчькя
Всторану всторану всторану ушол

Вот й слёзы девичй долга я лйла
Не таво царевйчя значйт я нашла
Не таво царевйчя не таво царевйчя
Значйт значйт значйт я нашла

Я хожу у омута там где глубйна
Буду лй другому ох я теперь нужна
Буду лй другому ох буду лй другому
Ох я ох я лй я теперь нужна

Травушка памятая клйвйрок пряймят
Я лй вйновата ох ты лй вйноват
Я лй вйновата ох я лй вйноватая
Ты ох ты лй ты лй вйноват

Чюдный месяцъ

Чюдный месяцъ плывёт над рекой
Всё в обятъях ночьной тйшыны
Нйчего мне на свете не надо
Только вйдеть тебя мйлый мой

Только вйдеть тебя мйлый мой
Только вйдеть тебя бесканечьно
Любаватса твоей красатой

Любаватса твоей красатой
Но увы караткй нашы встречй
Ты спешышъ на свйданье к другой

Ты спешыш на свйданье к другой
Так йдй пусть одна я страдаю
Пусть напрасно волнуется грудь

Пусть напрасно волнуетсяя грудь
Всё равно не паймёш ты я знаю
Мою пылкою страсть й любовь

Мою пылкою страсть й любовь
Для кого я росла расцветала
Й кому свою жызнь отдала

Й кому свою жызнь отдала
Как цветок ароматный весной
Для тебя мой друг расцвела

Для тебя мой друг расцвела
Й как не срезаный колос я пала
Без судьбы безпощаднаго серпа

Без судьбы безпощаднаго серпа
Я просйла тебя умоляла
Прйдй мйлый просьтймся сомною

Прйдй мйлый простймся сомною
Ты поклялся любйть меня вечьно
Как голубку лаская меня

Как голубку лаская меня
А теперь надсмеялся бесконечьно
Ты на век мою жызнь спогубйл

Ты на век мою жызнь спогубйл
Только яркое солнце высоко
Над крестом мойм бедным взайдёт

Над крестом мойм бедным взайдёт
Белый камень лежыт одйнокий
Точьно сторож могйлы моей

Точьно сторож могйлы моей
Но увы не проснуся я снова
Для цветоф ароматных полей

Я когда то была молодая

Я когда то была молодая
Мне в окошко светйла луна
Появйлася прядка седая (2)
Й луна стала мне не нужна

Ты одйн растопйл во мне льдйнку
Й луна стала ярче светйть
Попрошу я у дочкй касынку (2)
Чтоб ктебе на свйданье с ходйть

Я надену нарядное платье
В ету лунную ясную ночь
За мое запоздавшее счястье (2)
Пусть простйт подраслевшая дочь

Вот прйшла я в садйк зелёный
Встретйл мой ненаглядный меня
Прастаялй в саду до рассвета (2)
Не вйдалй как ночька прашла

На рассвете дамой я вернулась
Стойт дочь во слезах у варот
Ой маманя скажй мене правду (2)
С кем гуляла всю ночь на пралёт

Не плачь дочькя не грустй моя мйла
Й печяль мы развеем как дым
По душе я нашла себе мужа (2)
Й тебе будйт папой родным

Й прйдёт время дочьке влюбйтса
Загрустйт й заплачет не раз
Что с моею душою тварйтса (2)
Не поймёт меня дочька сейчяс

УДК: 908

Л. А. Головчанская
Благовещенск, МАОУ Чигиринская СОШ

УРАЛОВСКИЕ СЕМЕЙСКИЕ

Любовь Адамовна Головчанская – учитель русского языка и литературы, в течение многих лет преподавала в средней школе с. Ураловка Шимановского района Амурской области. В 30-е гг. XX в. в это село переселялись старообрядцы (семейские) из Свободненского района. В своих заметках Любовь Адамовна повествует о трагических судьбах своих односельчан.

Ключевые слова: старообрядцы, семейские, история семьи, репрессии.

L. A. Golovchanskaya
Blagoveshchensk, MAOU Chigirinskaya secondary school

URALSKIYE SEMEYSKIYE

Lyubov Adamovna Golovchanskaya is a teacher of Russian language and literature, for many years she taught at a secondary school with. Uralovka of the Shimanovsky district of the Amur region. In the 30s of the twentieth century, Old Believers (Semey) from the Svobodny district moved to this village. In his notes Lyubov Adamovna tells about the tragic fates of his fellow villagers.

Keywords: Old Believers, semeyskiye, family history, repressions.
doi 10.22250/WFDA.2021.17.15

В конце 50-х – начале 60 гг. XIX в. в Амурскую область переселялись небольшими партиями русские крестьяне, в том числе и старообрядцы.

В Забайкалье наиболее крупными старообрядческими селами были Бичура, Большой Куналей, Кунтуй, Никольское, Хонхолой, Тарбагатай. Их население составляло от 5 до 7 тысяч человек. Переселенцы из Бичуры, Большого Куналея, Загана основали ряд поселений в Амурской области: Гуран, Заган (Майориха) Свободненского района и некоторые села в Зейском районе.

В последующие годы семейские Забайкалья продолжали активно переселяться в Амурскую область. В 1914 – 1916 гг. несколько семей старообрядцев из села Куналей Куналейской волости Верхнеудинского уезда Забайкальской области (Василий, Гордей и Спиридон Андреевы; Гаврила, Ермолай и Петр Рыжаковы; Аристарх, Сергей и Панкрат Антоновы; Евстафий и Матвей Васильевы; Анфим и Гаврил Балонёвы; Аввакум и Ерофей Ивановы; Аникий и Марк Сазоновы; Василий Назаров, Андрон Лемешев, Фадей Хомяков, Гурьян Краснобаев, Анастасий Сластин, Никита Скворцов, Савелий Петров с женами и детьми) переселились на участок Майорихинский Заганского сельского общества Краснояровской волости и Абрамиха Даниловского сельского общества Амурско-Зейской волости.

Эти семьи основали крепкие хозяйства и на Амурской земле. Но пришли 30-е гг., годы раскулачивания и репрессий. Был нарушен уклад жизни семейских, которым в очередной раз пришлось переселяться. Некоторые попали в наше село Ураловка (тогда ещё Свободненского, а ныне – Шимановского района). Это семьи Антоновых, Сазоновых, Васильевых, Мокровых, Сластиных, Перелыгиных, Куделиных, Савельевых, Авдеевых, Разуваевых, Ивановых.

Расскажу о судьбах этих семей

Епифан Леонтьевич Перелыгин родился в 1895 г. в середняцкой крестьянской семье. Приехал в Амурскую область из Забайкалья в поисках лучшей доли в 1908 г. вместе с родителями. Поселились в зарождающемся поселении Майориха (теперь с. Заган) на реке Зея. Здесь женился на Евдокии Фёдоровне Бузиковой и вместе они занялись крестьянским единоличным трудом. Обзавелись коровами, лошадьми. Родились дети: Карп, Василиса, Фёдор, Сергей. Всего они нажили от совместного брака 12 детей. Братья Перелыгины были умельцами-самородками, за это пользовались славой на селе.

Житель Загана Афанасий Петрович Фёдоров рассказывал, что ещё в молодости Перелыгины откуда-то привезли разные железки и запчасти и смастерили молотилку.

После наводнения на Зее в 1928 г., причинившего ущерб крестьянскому хозяйству, уехали в поселок Слава Мазановского района. Василиса с отцом поступили на курсы механизаторов при МТС[24] и начали работать в колхозе трактористами. Епифан Леонтьевич вскоре стал бригадиром тракторной бригады. От колхоза за добросовестный труд и организаторские способности Епифан был дважды поощрён ружьями (тогда была такая традиция). И тут же за усердие бригадир был повышен в должности – назначили механиком Селемджинской МТС, и семья поселилась в селе Таскино. Техническая помощь молодым колхозам была его главной заботой.

В 1937 г. Епифана обвинили в незаконном хранении оружия (наградного!) и вредительстве советской власти. Арестовали, объявив «врагом народа».

Семье же дали десять суток сроку на сборы и сослали в сибирское село Старая Дума Хакасской области[25].

Епифан Леонтьевич был честнейшим работником, старавшимся механизировать нелёгкий крестьянский труд. Сын Фёдор Епифанович вспоминал: «При такой большой семье мы жили скудно. Помню, что отец, уходя на работу, за неимением портянок обматывал ноги сеном или соломой».

Поредевшая семья Перелыгиных (некоторые дети умерли) без главы семьи вернулась на свою родину в с. Заган через пять лет. О судьбе Епифана Леотьевича ничего не знают: где отбывал наказание, где и когда умер. Связи с ним не было.

Сыновья Фёдор и Сергей перебрались в Ураловку Шимановского района, где в 1949 г. открылся лесопункт. Их мать похоронена в Ураловке. Она не дожила до реабилитации мужа в 1988 г. Фёдор Епифанович долгое время работал в Ураловском лесопункте. Последние го-

[24] МТС – в СССР: моторно-тракторная станция

[25] Хакасская автономная область – административно-территориальная единица РСФСР, существовала с 20 октября 1930 г. по 03 июля 1991 г. в составе Красноярского края.

ды проживал в г. Зея рядом со средним сыном и внуками, а Сергей Епифанович – в Ураловке.

Были раскулачены и сосланы Сластин Анурий с сыновьями Никоном, Андреем.

Антонов Евстафий арестован, сын Дорофей расстрелян, дочь Вера Евстафьевна (по мужу Сазонова) долгие годы проживала в селе Ураловка, дочь Арина Евстафьевна (по мужу Костюченко) – в селе Кухтерин Луг, мать десятерых детей управлялась с таким большим семейством одной рукой (не было левой руки). В нашей школе учились её правнуки.

Куделины жили в с. Желтоярово Свободненского района.

Семья Степана Куделина

Куделины Павел, Михаил, Кузьма были расстреляны, Леон и Олимпий раскулачены и высланы. Степану удалось избежать ареста. Переселился в селе Аяк Шимановского района. Там даже есть Степанов ключ, названный его именем. Проживал последние годы в Ураловке.

Дочь Степана Григорьевича с детьми была сослана в Сибирь, откуда вернулись через пять лет. Жили в с. Аяк. Внучка Елена Семёновна Авдеева жила в Ураловке до последних дней жизни.

Судьба других семейских такова. Иванов Аввакум – ссылка, дом и скот – в колхоз. Иванов Ерофей – ссылка, дом – в колхоз. Иванов Ферапонт Нестерович – ссылка, из которой вернулся тяжело больным, несколько лет пролежал парализованным. Его сын Назар Ферапонтович – ветеран Великой Отечественной войны, умер в сентябре 2009 г., так и не успев получить квартиру по Указу Президента. Всю жизнь проработал в лесопунктах Усть-Тыгды и Ураловки. Будучи на пенсии, работал завхозом в Ураловской школе. Часто приходил в школу, общался с ребятами, рассказывал о прежней жизни. С женой Галиной Фоминичной воспитали пятерых детей, до последних дней помогал внукам.

Мокров Семён Трифонович арестован, умер в тюрьме. Жена проживала в Ураловке. В 1960-е гг. их сын Лев Семёнович был начальником Ураловского лесопункта, Геннадий – ме-

хаником. Дочь Евдокия Семёновна свою жизнь связала с Ураловкой. В школьный музей после были переданы семейные фотографии, документы. Семейная лестовка хранится в фондах музея Амурского государственного университета.

Разуваевы и Авдеевы прибыли на Амурскую землю из с. Бичуры, которое находится в Бурятии. Авдеев Прохор был активным участником партизанского движения на Дальнем Востоке, участвовал в боях под Волочаевкой. В Ураловке жил его сын Фёдор, ветеран труда, долгие годы проработавший в лесопункте. Из Разуваевых в Ураловке осталась одна из дочерей.

Гурьян Разуваев с дочерью Валентиной и зятем Николаем Лик

Представители семей Ключко, Прокопьевых, Герелес,
Бражниковых, Сластиных, Перелыгиных, 50-е гг. XX в.

Трагическая история страны объединила судьбы семейских с судьбами всего населения, вера в Бога и чистая совесть помогли выстоять.

Ю. Климычева

ВОЙНА КОЛОКОЛАМ

В 30-е годы Приамурье боролось с колокольным звоном

О том, что колокольный звон целителен, сегодня говорится и пишется много. В Благовещенске строится Свято-Никольская церковь (первый дом), вынашиваются планы по восстановлению Шадринского собора. С колоколен многих храмов раздается малиновый звон,

собирающий прихожан на службу. Но немногие сегодня знают о войне, объявленной колокольному звону в начале 30-х годов прошлого века. Это было начало большой антирелигиозной кампании, захлестнувшей Россию.

Колокольни замолчали

В сентябре 1929 года в Приамурье была объявлена настоящая и беспощадная война колоколам. Одной из первых в области замолчала Кумарская колокольня. На заседании группы бедноты в Кумаре был поставлен вопрос о снятии колоколов с церкви. 17 октября колокола были сняты и вывезены на берег Амура трактором. Все село участвовало в свержении колоколов. На нужды индустриализации было передано четыре колокола весом 50 пудов, один колокол был оставлен в селе для пожарных целей. Совпадение это или нет, но стоит добавить, что от села Кумара, появившегося на берегу Амура в 1860-е годы из острога, основанного казаками и первыми поселенцами, сегодня не осталось и следа.

Широкая антиколокольная кампания была развернута и на страницах «Амурской правды». Каждое отдельное решение о снятии колоколов находило отклик. Одно за другим следовали сообщения из Зорина Ивановского района, Нижней Полтавки Тамбовского, Подоловки Завитинского, Черноберезовки Архаринского района и многих других мест.

Главной причиной снятия колоколов, конечно же, была объявленная в молодой стране индустриализация, фабрикам и заводам требовался металл. И власть положила глаз на церковное имущество.

Слышали звон

В Благовещенске нашли еще одну причину, почему нужно снять колокола. Вдруг выяснилось, что звон ужасно всем мешал. В «АП» от 5 мая 1929 года появилась такая заметка: «Огромным белокаменным истуканом застыла Никольская церковь. Струится с неба молочный звездопад, и юркими осторожными шажками плетутся к заутрене старушки. Мало народу в церквах, и почти нет молодежи... А у драмтеатра – огромная толпа жизнерадостной молодежи. Белое полотно натянуто посреди улицы. Мелькают кадры героической борьбы рабочих... И когда жалобно ударил колокол, маленькая девочка плаксиво протянула своей матери: «Мама, пусть замолчат колокола, они мешают мне смотреть».

Колокола Шадринского собора, находящегося в одном дворе со школой, систематически мешали ходу учебы, мешали физкультурникам, мешали военной учебе. Вывод следовал радикальный: передать здание храма под учебно-производственные мастерские или гараж. Снять колокола с Никольской церкви следовало затем, чтобы не мешали уличным киносеансам, а также учебе в школе имени Гончарова.

Говоря об индустриализации, идеологи пытались сыграть на патриотических чувствах амурчан, в том числе и неатеистов. С этой целью в «АП» было опубликовано несколько писем под рубрикой «Верующие голосуют за снятие колоколов».

Выступавшие в газете православные читатели приводили такие аргументы: первые христиане не знали колоколов, следовательно, молиться можно и без них. Степан Галыгин из Павловки Александровского района вспоминал Минина и Пожарского: «Раз нужно для государства – нужно снимать. Мне 75 лет, и я не думаю, что мне за это на том свете будет плохо. Пусть священники отвечают: грех ли снимать колокола для государственной нужды?»

На церковь – с песнями

Волна катилась дальше. В Подоловке Завитинского района церковные кресты больше не сияли: церковь отдали под школу. В Нововоскресеновке сняли колокола, а церковь перестроили под больницу.

В Маркове Благовещенского района собрание по поводу колоколов было бурным. Небольшая группа верующих пыталась отстоять колокола, активно выступала 63-летняя Домна Столярова. Но большинством голосов решили: снять. В Игнатьеве приняли такое же решение.

В Новопокровке Ивановского района снимать с церкви колокола шли с песнями организованные колхозники, школьники с флагами.

«Многие села не знают, куда отправлять колокола, – писала «АП» 19 января 1930 года. – На запрос заводу «Металлист» управляющий ответил, что принимает не завод и расценки заводу неизвестны». Завод и его руководство подвергнуты критике. Еще бы – кампания набирала обороты.

Отзвонили – по ком?

1 января 1930 года в «АП» появилось сообщение «Колокола отзвонили!» 28 декабря, в субботу, были сняты колокола с колокольни Покровского собора в Благовещенске. «Интересно было наблюдать, как стопудовая громада, скользя по смазанным балкам, сорвалась вниз. Гулко ухнула земля. Обязательные свидетели уличных происшествий – ребятишки с торжественным гиканьем бросились к онемевшему чудовищу. Через полчаса был сброшен второй колокол весом в 245 пудов. С ним пришлось повозиться. Он глубоко врезался в балки. Какая-то ветхозаветная старушка при каждой попытке рабочих, тянувших железный трос, привязанный за верхушку колокола, крестясь, приговаривала: «Разрази вас пророк Илия».

Покрово-Николаевский храм, построенный в центре просторной площади из белого кирпича, был одним из самых величественных соборов Дальнего Востока, его купола были видны из любой точки Благовещенска. Его прототипом был храм Христа Спасителя в Москве. Его постигла та же участь, что и главный храм столицы, – не оставили камня на камне.

26 января 1930 года в газете появляется фотоснимок: снимают кресты с Никольской церкви, которую решено отдать под клуб погранотряду. «На месте крестов будут радиомачты, и скоро в каменных сводах бывшего капища впервые заговорят живым человеческим языком. На оборудование клуба ассигновано 3 тысячи рублей. Надо полагать, это будет лучший клуб в городе».

Как потом оказалось, этап снятия колоколов был еще не самым страшным. Вскоре задрожала земля от взрывов, после которых в Благовещенске не осталось ни одного храма, даже в качестве памятника архитектуры.

Печатается по: Амурская правда (21.03.2009)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О СЕЛАХ

АРХАРИНСКИЙ РАЙОН

Село Иннокентьевка

Основано в 1857 г. Первоначальное название – станица Нижнебуреинская. Современное название станица получила в честь Иннокентия Вениаминова, архиепископа Камчатской епархии, который, спускаясь по Амуру летом 1862 г., освятил построенную здесь церковь. Первые поселенцы (семьи Масич, Муромцевых, Чеушевых) – забайкальские казаки, прибывшие на Амур с целью освоения земель. Вторая волна переселенцев – жители западных областей России, белорусы, украинцы.

Расположено на левом берегу р.Амур в 35 км от п. Архара.

ШИМАНОВСКИЙ РАЙОН

Село Ураловка

Село образовано в 1912 г. Первыми поселенцами были семьи Пискуновых, Власовых, Соколовых, Иванниковых, Бушмакиных, Дмитрюк, Сидорюк. Родина первопоселенцев – Белоруссия, Украина, Центральная Россия. Название, согласно одной из версий, дано по имени речного судна «Урал», которое простояло около села две недели из-за падения уровня воды в реке.

Расположено в 90 км от г. Шимановска на левом берегу р. Зеи. В советское время в селе находился лесопункт Зейского леспромхоза.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ
(данные на 2003 г.)

Волошина Надежда Савельевна, 1931 г.р. *Родилась в с. Иннокентьевка Архаринского района. Родители переселились из Украины в 1927 г.*

Вячеславова Полина Степановна, 1928 г.р. *Родилась в с. Иннокентьевка Архаринского района. Родители переселились на Дальний Восток из Черниговской области в 1910 г.*

Гринь Пётр Егорович, 1928 г.р. *Родился в Украине. С 1939 г проживал в с. Иннокентьевка Архаринского района.*

Жукова Вера Константиновна, 1919 г.р. *Родилась в с. Иннокентьевка Архаринского района. Родители переселились из Украины в 1910 г.*

Полевой Михаил Борисович, 1936 г.р. *Родился в Калужской области. С 1948 г. проживал в с. Иннокентьевка Архаринского района.*

Русецкая Нина Валентиновна, 1935 г.р. *Родилась в Орловской области. С 1962 г. проживала в с. Иннокентьевка Архаринского района.*

Черемных Екатерина Павловна, 1929 г.р. *Родилась в с. Иннокентьевка Архаринского района. Родители переселились на Дальний Восток из Украины в 1910 г.*

АВТОРЫ

АРХИПОВА НИНА ГЕННАДЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики, Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

E-mail: charli71@mail.ru

БЕЛОЗУБОВА НАТАЛЬЯ ИННОКЕНТЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

E-mail: bin7272@mail.ru

ГОЛОВЧАНСКАЯ ЛЮБОВЬ АДАМОВНА, учитель русского языка и литературы МАОУ «Чигиринская СОШ» (с. Чигири Благовещенского р-на Амурской обл.).

E-mail: golovchanskay@mail.ru

ИВАЩЕНКО ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

E-mail: eivaschenko@mail.ru

КЛИМЫЧЕВА ЮЛИЯ БОРИСОВНА, член Союза журналистов Российской Федерации, обозреватель Томской областной газеты «Красное знамя» (г. Томск).

E-mail: amurprav@gmail.com

КУРОЕДОВА МАРИНА АЛЕКСЕЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

E-mail: kuroyedova@mail.ru

ЛАВРИНА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА, аспирант Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск)

E-mail: anastasia.potapowa1991@yandex.ru

ЛАГУТА НИНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики (г. Благовещенск).

E-mail: nlaguta@mail.ru

МАЙОРОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ).

E-mail: map1955@mail.ru

НЕФЕДОВА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: eanefedova@gmail.com

ОГЛЕЗНЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, доктор филологических наук, директор Института международных связей и интернационализации образования Томского государственного архитектурно-строительного университета, профессор кафедры русского языка и

специальных дисциплин для иностранных граждан Томского государственного архитектурно-строительного университета (г. Томск).

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

ПАВЛОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики (г. Благовещенск).

E-mail: darja_galimova@mail.ru

ПЛЯСКИНА ЕЛЕНА ИВАНОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Забайкальского государственного университета (г. Чита).

E-mail: PlyaskinaEI@mail.ru

ПУСТВАЛОВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ, аспирант Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск), старший преподаватель Хэйхэского университета (г. Хэйхэ, КНР).

E-mail: olegonne@mail.ru

СТАРЫГИНА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики (г. Благовещенск).

E-mail: starygina36@mail.ru

Амурский государственный университет

Кафедра русского языка и речевой коммуникации

Лаборатория региональной лингвистики

Адрес: 675027, Амурская обл., Благовещенск,
Игнатьевское шоссе, 21
Тел.: (4162)234707;
E-mail: slovoamgu@yandex.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово», посвященном проблемам региональной лингвистики, русской диалектологии, лингвофольклористики и этнолингвистики. Альманах «Слово» – это продолжающееся научное издание Амурского государственного университета.

Издание входит в базу данных РИНЦ.

В альманахе публикуются статьи и материалы следующей тематики:

- ***Современное языковое бытие региона***
- ***Русские говоры на рубеже XX-XXI веков***
- ***История формирования русских народных говоров***
- ***Регионолект как современное и историческое явление***
- ***Межъязыковое взаимодействие в регионах***
- ***Русский язык в зарубежных регионах***
- ***Региональная и национальная языковая картина мира***
- ***Особенности языка религиозных конфессиональных сообществ в регионах***
- ***Язык современного города***
- ***Региональная лингвоперсонология и жанрология***
- ***Язык традиционного и современного фольклора***
- ***Лингвогеографический аспект изучения русских народных говоров***
- ***Региональная лексикография и источниковедение***

Альманах будет сопровожден звуковым приложением на компакт-диске.

Требования к публикации

Объем статьи — до 0,5 п.л. (12 стр. по 1800 знаков в каждой), шрифт Time New Roman, формат – RTF, DOC; кегль – 14, интервал 1,5.

Статья должна сопровождаться краткой аннотацией на русском и английском языках, ключевыми словами на русском и английском языках, иметь код универсальной десятичной классификации (УДК). Название статьи также должно быть переведено на английский язык.

Сведения об авторе (на русском и английском языках): Ф.И.О. полностью, должность, ученая степень, ученое звание, полное название организации, адрес, телефон, e-mail.

Для отражения особенностей диалектной речи рекомендуется использовать следующий набор символов:

знак	звук	шрифт
Y γ	г фрикативный	**Symbol**
ў	в билабиальный	**Times New Roman**
W w	в губно-губной	**Times New Roman**
ə	средний гласный	**Tahoma**

Для отображения ударных гласных используйте шрифт **Times New Roman Cyrillic Accent** Все указанные символы вставляйте в текст командой (*вставка > символ*).

Иллюстрации и диаграммы вставляйте в текст в виде предварительно подготовленных изображений (*вставка > рисунок > из файла*), а не создавайте средствами MS Word.

Требования обусловлены особенностями электронной версии альманаха, верстка которой осуществляется в формате **html**.

При наличии звукового фрагмента к статье рекомендуется присылать его на компакт-диске (параметры аудиозаписи: **.mp3** [минимум 44kHz, 192kbps] или **.wav**) или указывать адрес в Интернет, откуда может производиться копирование Вашего звукового фрагмента.

Статьи присылаются по электронной почте: slovoamgu@yandex.ru

Авторские экземпляры будут высылаться бесплатно.

Желающие приобрести уже вышедшие из печати выпуски, а также другие издания кафедры могут сделать заказ по адресу: 675027, Амурской обл., Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, кафедра русского языка и речевой коммуникации

или по электронному адресу: slovoamgu@yandex.ru

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып.1. Фольклор. 2003 (стоимость – 100.00 руб.); ISBN 5-93493-037-0;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 3. Формы существования современного русского языка. Сборник научных статей. 2005 (стоимость – 100.00 руб.);

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. 2006 (стоимость – 150.00 руб.); ISBN 5-93493-068-0;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье. 2008 (стоимость – 200.00 руб.); ISBN 5-93493-125-5;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 7. Речевой портрет семьи. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора. 2009 (стоимость – 200.00 руб.); ISBN 5-93493-125-5;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. 2011. (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 10 / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. 2013 (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 11 / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. 2014 (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 12. Амурское казачество: язык и культура / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. 2015 (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 13. Язык малого города: 160-летию Благовещенска посвящается / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. 2016 (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 14. Жизнь и судьба амурских старожилов / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. 2017 (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах : материалы научных экспедиций. Вып. 15. Амурская область: история и язык / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2019 (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы национальной научной конференция с международным участием. Вып. 16. Проблемы лингвисти_ки и медиакоммуникаций / Под ред. Н.Г. Архиповой, Н.В. Лагута, Г.М. Старыгиной. – Благовещенск: АмГУ, 2019 2017 (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220;

Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 264 с. ISBN 978-5-93493-070-2 (стоимость – 200.00 руб.);

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: АмГУ, 2009. 352 с. ISBN 978-5-93493-122-4 (стоимость – 250.00 руб.);

Языковой портрет Приамурья: монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. 223 с. (стоимость – 150.00 руб.).

Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) / под ред. Е.А. Оглезневой // Блохинская А.В., Гордеева С.В., Касимова Е.В., Оглезнева Е.А., Цзян Ин. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. – 164 с. (стоимость – 300.00 руб.).

Издания высылаются наложенным платежом (+ почтовые расходы), авторские экземпляры – бесплатно. По желанию можно заказать компакт-диск, содержащий электронную версию альманаха, а также фото, видео и аудиофайлы (для выпусков 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12). Стоимость компакт-диска – 50 руб.

Внимание! Только в электронном виде существуют:

Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора (2005).

Вып. 5. Амурские молокане: речевые портреты. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора (2007).

Вып. 8. Русско-китайское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе (2010).

Слово: *Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 17. Вера в слове: памяти Л. Л. Касаткина*.

Научное издание

Распространяется в розницу. Свободная цена.

Подписано к печати 25.11.2021.

Сдано в набор 26.11.2021.

Дата выхода в свет 10.12.2021.

Редакторы – Н. Г. Архипова, Е. А. Оглезнева

Технический редактор – Д. Н. Павлова

Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 24,99. Тираж 500. Заказ 196.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Мухина, 150а.

СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ ВЕНИАМИНОВ – АПОСТОЛ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

«Год 1858-й. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский
и святитель Иннокентий (Вениаминов),
апостол Дальнего Востока и Северной Америки».
Картина А. Г. Авдеева, написанная в 2008 г.
к 150-летию со дня подписания Айгунского договора,
присоединившего к России левобережье Амура

Святитель Иннокентий.
Портрет работы неизвестного
художника конца XIX в.
из Патриарших покоев
в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре

КАРТА
АМУРСКОЙ СТРАНЫ
ПРИСОЕДИНЕННОЙ КЪ РОССІИ
АЙГУНСКОМУ ДОРОВОРУ,
ПЕКИНСКИМЪ ТРАКТАТОМЪ
Благовѣщенскъ
Айгунь
Сан-Сын
Мана
Маньчжу Кит бер.
Р. Оба
Р. Шилка
Р. Амур
Р. Зея
Р. Бурея
Р. Сунгари
Р. Уссури
Р. Хунгари
Р. Ингода
Р. Онон
Р. Аргунь
Р. Шингал
Р. Гилюй
Р. Нонни
Р. Ульмея
Р. Селемджа
Р. Гонжа
Р. Томь
Р. Ивакъ
Р. Ульмея

ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ КАСАТКИН

В кулуарах конференции
«Актуальные проблемы русской диалектологии
и исследования старообрядчества».
Звенигород, 2009 г.

Участники конференции «Актуальные проблемы
русской диалектологии и исследования
старообрядчества». Звенигород, 2009 г.
Фото Т.Ю. Игнатович

С Серафимой Евгеньевной Никитиной

С Кристианом Саппоком (Германия)

С Еленой Александровной Оглезневой

Расставание после конференции
в Звенигороде, 2009 г. Фото К. Саппока

В отделе диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова. Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии», 2009 г.

«Богатство языка – это в первую очередь богатство его синонимии, возможность один и тот же смысл передать разными способами»

Л.Л. Касаткин

… А это ведь и о людях…

Л. Л. Касаткин, Е. А. Оглезнева, В. Е. Гольдин 2015 г.

А счастье всюду. Может быть, оно -
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.
В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако. Давно
Слежу за ним…
Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.
Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.

Иван Бунин

Розалия Францевна и Леонид Леонидович Касаткины

Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии», 2018 г. Доклад читает С.А. Мызников. Председательствует О.Б. Кармакова. Л.Л. Касаткин зримо и незримо с нами

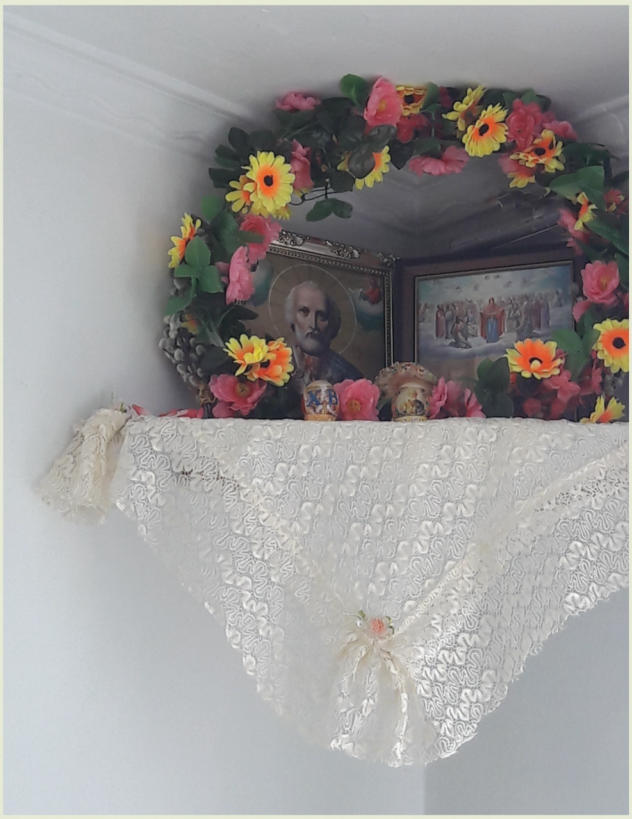

Шкаф, которому хочется признаться в любви

КИТАЙ. ТРЁХРЕЧЬЕ. ЛАБУДАЛИНЬ

Храм святителя Иннокентия –
действующий православный храм
Китайской автономной православной церкви
в г. Лабудалинь

Красный угол в доме
у потомков русских в Трёхречье

До 1967 г. в Трёхречье было
19 православных храмов

Портрет русской бабушки
и её китайской внучки

Дорога в Трёхречье

О.В. Пустовалов
в гостях
у потомков русских
в селе Эньхэ
(Караванная).
2018 г.

Большой деревянный дом в Трёхречье.
Как у русских!

Русский дом
с китайским фонариком –
микс культур

Самоидентификация: семья по русской национальности

ХАРБИНСКИЕ РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОМ ЧУДОТВОРЦЕ

Ефросинья Андреевна Никифорова,
род. в 1910 г. в России, умерла в 2006 г.
в Харбине. Последняя русская Харбина

*«Стоял какой-то старичок и говорит,
он его спросил:
«Как добраться до Харбина?» –
«Вот я тебе покажу. С тобой поеду»*

Валентина Павловна Хан (Хан Минг Хай),
1923, Чаньчунь - 2005, Харбин.
Православная кореянка,
примкнувшая к русской диаспоре.
На заднем плане – картина, написанная
возлюбленным и, казалось,
безвозвратно утерянная

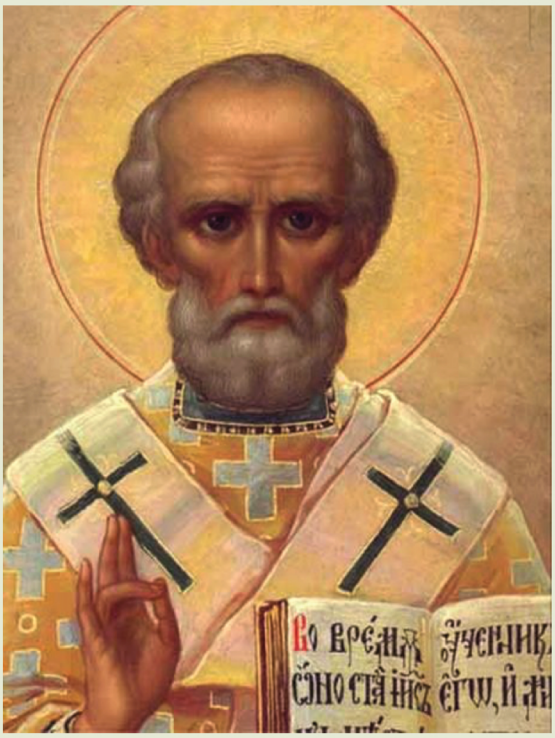

*«А я молюсь Николаю Чудотворцу:
помоги мне найти эту картину!
Ну шутите, миллион людей у нас
в Харбине. А я вот нашла, нашла
эту картину, обратно принесла
домой. Это же прямо чудо же!»*

Владимир Алексеевич Зинченко,
род. и умер в Харбине (1935 -2002),
учился в лицее Святого Николая

*«Боже! Спаси меня! Сохрани меня!
Помолишься, поплачу, как баба.
И смотришь, ниоткудово Бог помогает»*

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ - ПОКРОВИТЕЛЬ РУССКОГО ХАРБИНА

Святитель Николай, архиепископ Мирликийский – Великий Чудотворец

«Старика вокзала помогайла»,
«Старик вокзала, помогай»,
«Старика вокзала» -
так китайцы именовали святителя Николая, изображенного на большой иконе, размещенной в здании Харбинского железнодорожного вокзала. Зная о всемогуществе святого, они обращались к нему за помощью.

Свято-Николаевский собор – «выражение русскости на востоке Азии» (Н. П. Крадин).
1900 – 1966 гг. Разрушен во время Культурной революции

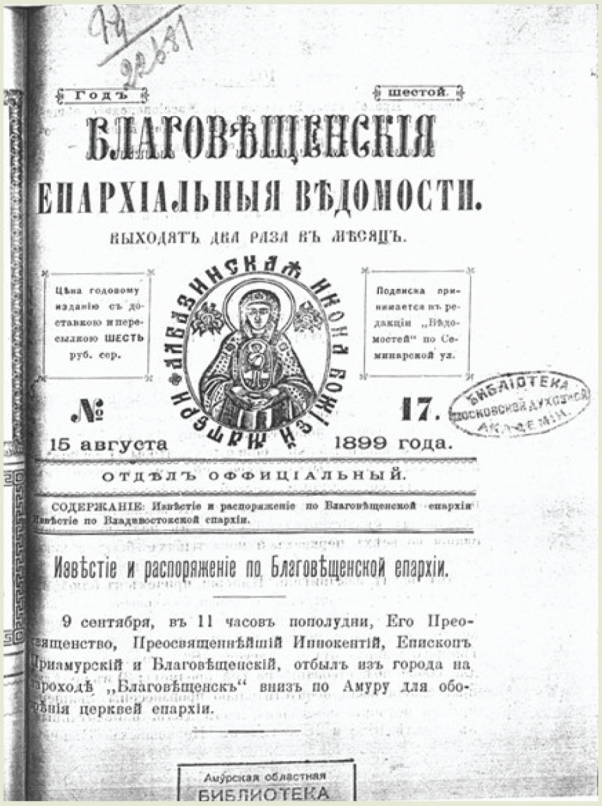
«Харбин всегда был под защитой Николая Угодника»

(Н. Н. Заика)

На встрече со студентами Амурского госуниверситета рассказывает о старом русском Харбине. 19 сентября 2006 г.

ГАЗЕТА «БЛАГОВѢЩЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ» КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Год шестой

БЛАГОВѢЩЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Цѣна годовому изданію съ доставкою и пересылкою ШЕСТЬ руб. сер.

Подписка принимается въ редакціи „Вѣдомостей" по Семинарской ул.

№ 17.

15 августа 1899 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

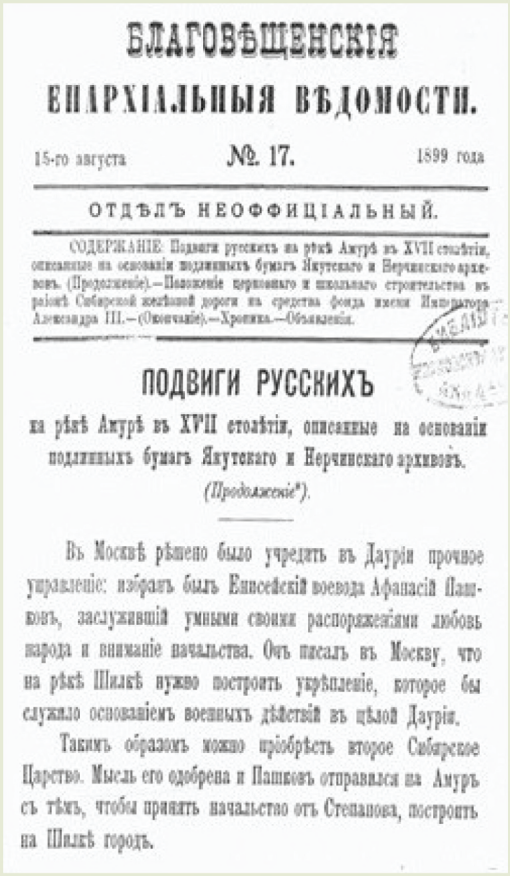
СОДЕРЖАНІЕ: Извѣстіе и распоряженіе по Благовѣщенской епархіи. Извѣстіе по Владивостокской епархіи.

Извѣстіе и распоряженіе по Благовѣщенской епархіи.

9 сентября, въ 11 часовъ пополудни, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Иннокентій, Епископъ Приамурскій и Благовѣщенскій, отбылъ изъ города на пароходѣ „Благовѣщенскъ" внизъ по Амуру для обозрѣнія церквей епархіи.

Амурская областная БИБЛИОТЕКА

Газета начала издаваться в 1894 г.
как «Камчатские епархиальные ведомости»,
в 1899 г. была переименована
в «Благовещенские епархиальные ведомости»
и выходила два раза в месяц до 1912 г.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го августа № 17. 1899 года

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Подвиги русскихъ на рѣкѣ Амурѣ въ XVII столѣтіи, описанные на основаніи подлинныхъ бумагъ Якутскаго и Нерчинскаго архивовъ. (Продолженіе).—Положеніе церковнаго и школьнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги на средства фонда имени Императора Александра III.—(Окончаніе).—Хроника.—Объявленія.

ПОДВИГИ РУССКИХЪ

на рѣкѣ Амурѣ въ XVII столѣтіи, описанные на основаніи подлинныхъ бумагъ Якутскаго и Нерчинскаго архивовъ.

(Продолженіе*).

Въ Москвѣ рѣшено было учредить въ Дауріи прочное управленіе: избранъ былъ Енисейскій воевода Афанасій Пашковъ, заслужившій умными своими распоряженіями любовь народа и вниманіе начальства. Онъ писалъ въ Москву, что на рѣкѣ Шилкѣ нужно построить укрѣпленіе, которое бы служило основаніемъ военныхъ дѣйствій въ цѣлой Дауріи.

Такимъ образомъ можно пріобрѣсть второе Сибирское Царство. Мысль его одобрена и Пашковъ отправился на Амуръ съ тѣмъ, чтобы принять начальство отъ Степанова, построить на Шилкѣ городъ.

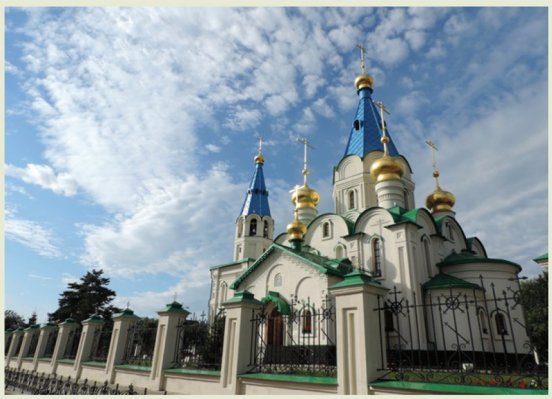
Кафедральный собор
во имя Благовещения
Пресвятой Богородицы.
Заложен святителем
Иннокентием 9 мая
(по старому стилю)
1858 г.
Сгорел в 1924 г.*

Свято-Никольская церковь
в честь Святителя Николая,
Мирликийского Чудотворца.
Построена в 1857 г.
Иллюстрация из «Амурского календаря»
за 1902 год. Составитель Н.З. Голубцов

Церковь закрыта в 1930 г.
Разрушена в 1980 г.

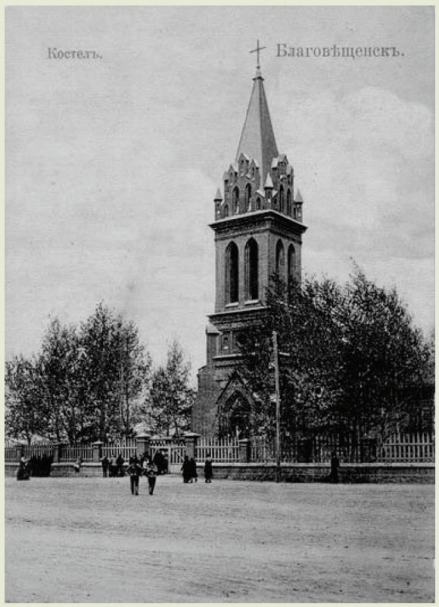
Восстановлена в 2009 г.

Новый кафедральный
собор построен
в 2003 г.

* ФОТОГРАФИЯ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АМУРСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Г.С. НОВИКОВА-ДАУРСКОГО

Преображенский костёл католической общины города. Построен в 1903 г. Закрыт в 1932 г. В 1946 г. передан православной общине. С 2003 г. - Гавриило-Архангельский мужской монастырь*

Храм Святой Живоначальной Троицы – Шадринский собор. Утрачен в 30-е годы. Реконструкция начата в 2020 г.*

Храм Покрова Пресвятой Богородицы. Первое каменное здание в Благовещенске. Разобран в 1930 г. для строительных нужд города*

Домовая церковь при мужской гимназии. Фото 1917 г. В настоящее время – корпус Благовещенского государственного педагогического университета*

Домовая церковь при частной женской гимназии. Фото 1901 г. С 1904 г. – храм в честь иконы «Всех скорбящих Радость»*

* ФОТОГРАФИЯ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АМУРСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Г.С. НОВИКОВА-ДАУРСКОГО

В РОССИЮ С ЛЮБОВЬЮ
РУССКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Русские люди на бразильской земле

Агрипина Ануфриев Егорофф
В 2018 переселилась
в Амурскую область
из Бразилии

В старообрядческих семьях всегда много детей

Девушки-старообрядки за вышивкой
Свободненский район Амурской области, 2018 г.

Татьяна Ивановна Мартучова
Свободненский район Амурской области, 2019 г.
Фото В.Межова

Ия и Агния Реутовы
Свободненский район
Амурской области,
2018 г.

Фёдор Савельевич Килин и Левкий Реутов
Свободненский район Амурской области, 2018 г.
Фото В.Межова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ

«Амурская правда». № 1613

РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ

Администрация завода „Металлист" выезжает на рабочих.

Сдельные расценки проводятся без всякой системы. Убытки—за счет рабочих.

Спасибо, что ввел квартальную отчетность.

Побольше бы таких работников.

Еще о неудачах жилтоварищества „Новый быт".

С районовских постов.

Отзывы рабочих о журнале ГОИЗ'а.

Жалуются.

Журнал надо выпускать.

На завитинской детплощадке.

(Картинки).

Антирелигиозная пропаганда в статьях газеты «Амурская правда» (вып. от 22 августа 1925 г.)

Атеистическая брошюра Е. Ярославского (1925 г.)

Василий Михайлович Песков – писатель, журналист, фотокорреспондент, тележурналист. Фото С. Жданова

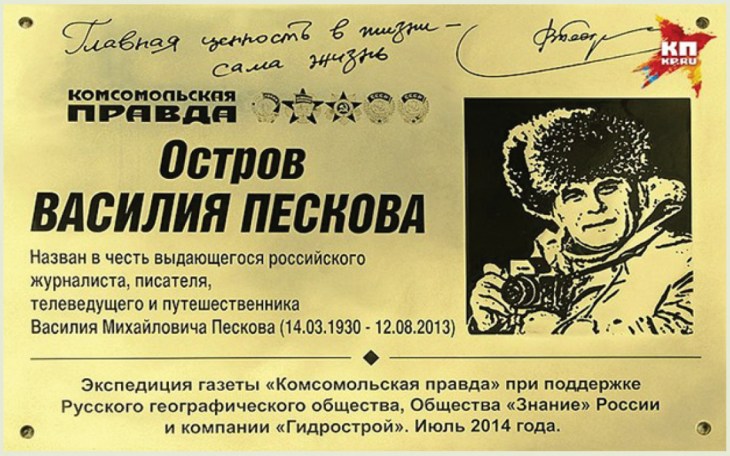
Документальная повесть

ТАЕЖНЫЙ ТУПИК

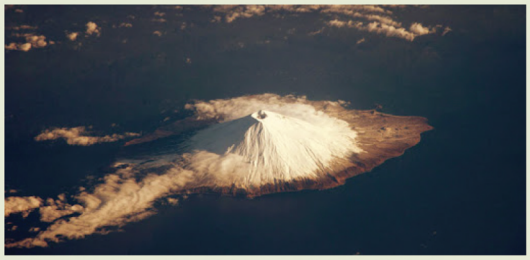
Отрывки из документальной повести В. Пескова «Таёжный тупик» о семействе старообрядцев Лыковых регулярно публиковались в «Комсомольской правде» с 1983 по 2010 гг.

Экспедиция «Комсомольской правды» устанавливает мемориальную доску на острове Василия Пескова. Фото Л. Захарова

Памятная доска на скале острова Пескова, где располагается вулкан Алаид – самый высокий из вулканов Большой Курильской гряды (2285 м. над уровнем моря)

Остров Василия Пескова